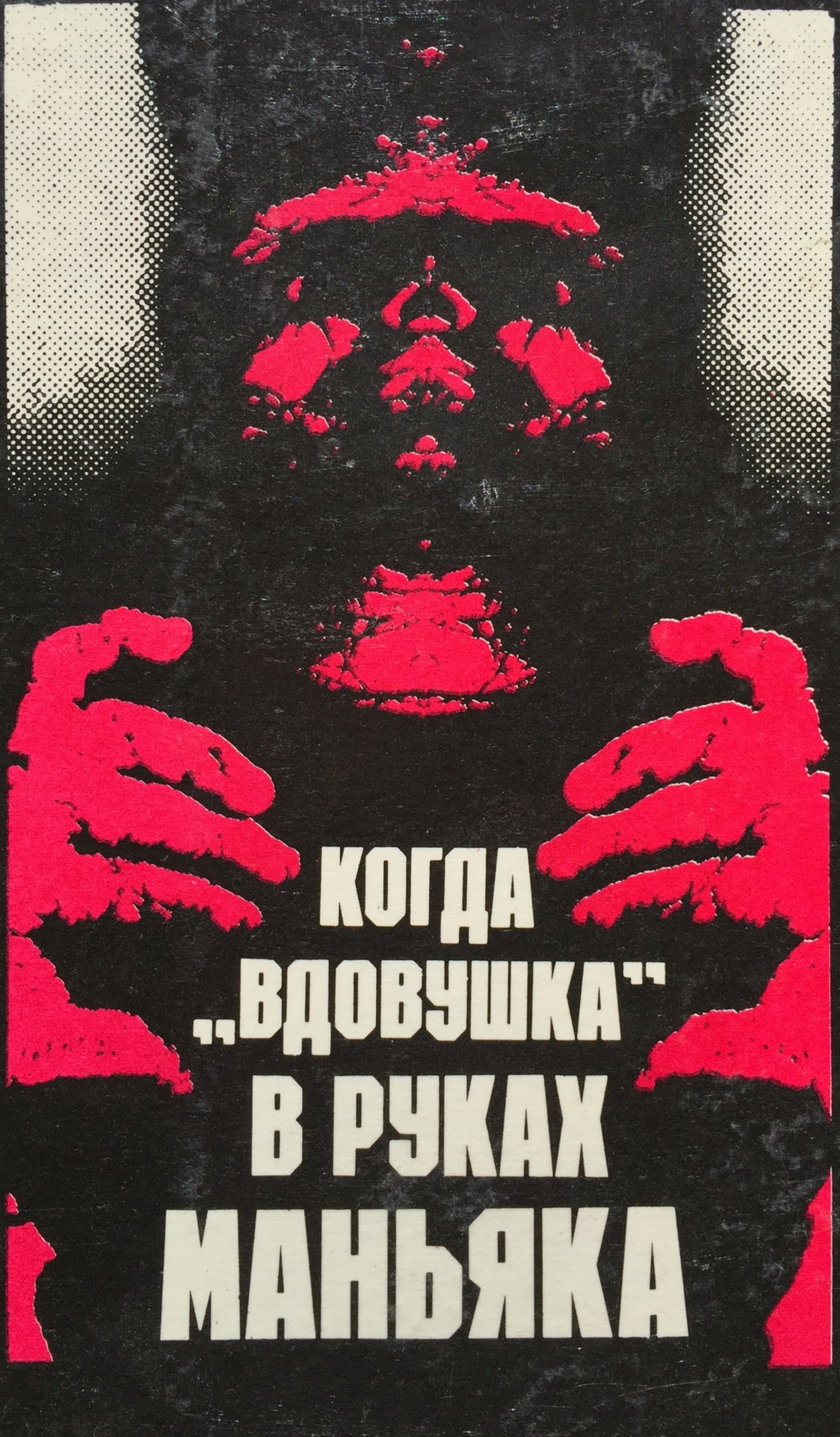


КОГДА „ВДОВУШКА“ В РУКАХ МАНЬЯКА

СЕРИЯ
«ВЕРСИЯ»
ДЕТЕКТИВОВ

КОГДА „ВДОВУШКА" В РУКАХ МАНЬЯКА

Зарубежные детективы

МИНСК «БЕЛАРУСЬ» 1993

ББК 84.4 Вл
К 57

Издание подготовлено при участии
белорусско-польского совместного
предприятия “Интерграф”

Серия основана в 1991 году

Перевод с английского С. П. Шпака

Редактор *А. А. Подзярей*

Когда “вдовушка” в руках маньяка: Зарубеж.
К 57 детективы / Пер. с англ. С. П. Шпака.— Мн.: Беларусь, 1993.— 447 с.— (Сер. детективов “Версия”).
ISBN 5-338-01092-5.

Остросюжетные романы и рассказы, которые составляют данный сборник, на русском языке публикуются впервые. Они принадлежат перу известных авторов — мастеров детективного жанра, среди которых создатель легендарного Кинг-Конга Эдгар Уоллес и получивший широкую известность в последнее время Эллери Куин.

К $\frac{4703010100-088}{\text{М}\ 301(03)-93}$ Без объявл. ББК 84.4 Вл + 84.7 США

© Перевод. С. П. Шпак, 1993
© Составление. Интерграф, 1993
© Оформление. В. А. Губарев, 1993

ISBN 5-338-01092-5

СОДЕРЖАНИЕ

ЭДГАР УОЛЛЕС

Когда “вдовушка” в руках маньяка
4

ЭДГАР БОКС

Смерть идет по пятам
158

ЭЛЛЕРИ КУИН

Кто умер последним
342

Кукла дофина
348

ДЖЕК РИТЧИ

Зыбкое доказательство
382

Памятка грубиянам
388

ЭДВАРД ХОХ

Встреча
405

Похищение пятнистого тигра
431

Эдгар УОЛЛЕС

КОГДА „ВДОВУШКА" В РУКАХ МАНЬЯКА

РОМАН

ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ

У капитана Майкла Бриксана порою возникали странные ощущения, предчувствия чего-то необычного. К примеру, если бы ему по дороге попалась зеленая корова, он был бы абсолютно уверен, что увидит подобное же создание еще до окончания дня. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, купив в киоске на станции Э-ла-Шапель журнал, центральная статья которого называлась "Я была экстра-девочкой"[1], Майкл подумал, что обязательно вновь столкнется с этим странным словом "экстра" и наверняка при весьма загадочных обстоятельствах.

Сама журнальная статья его совсем не заинтересовала. Он лишь бегло просмотрел ее, отметив про себя те подробности, с которыми некий автор описывал сенсационный взрыв популярности никому не известной прежде статистки.

Но Майкл впервые столкнулся с новым значением слова "экстра" и с нетерпением ждал неизбежной встречи с ним вновь.

Утверждение, будто бы его не интересовали преступления, сообщения о взломщиках и убийцах, могло бы вызвать недоумение у тех, кто знал его как самого способного агента в отделе разведки Министерства иностранных дел.

Его официальная жизнь прошла на континенте[2] в роли "пловца", когда он, встречаясь в тускло освещенных ресторанах со странными европейцами, пытался уловить подводные течения, раскачивавшие лодку дипломатии. Такие задания были в его вкусе.

Поэтому он был, естественно, удивлен, что его вызвали из Берлина в тот самый момент, когда, казалось бы, вот-вот раскроется тайна Словацкого договора, черновой проект которого, за определенную сумму конечно, ему удалось раздобыть.

---

[1] Здесь: "дополнительная героиня", "статистка" (здесь и далее примечания переводчика).

[2] Так англичане называют материковую Европу.

— Если бы у меня было еще двадцать четыре часа,— заявил он укоризненно на следующее утро своему шефу, майору Джорджу Стейнзу, когда отчитывался в Уайт-холле о проделанной работе,— то мне удалось бы раздобыть фотокопию подлинного документа.

— Очень сожалею,— сказал непреклонный начальник,— но у нас с министром Словакии состоялся душевный разговор, и он обещал предоставить нам текст договора. В конце концов, это чисто коммерческая сделка. Майкл, вы знакомы с Элмером?

— Вы что же, вызвали меня из Берлина только ради этого? — с горечью бросил Бриксан, усевшись на край стола.— Чтобы поговорить об Элмере? Он, кажется, какой-то служащий?

Майор Стейнз кивнул:

— Да, он действительно работал в Министерстве финансов. Три недели назад он исчез. Проверка показала, что Элмер систематически запускал руку в фонды, бывшие в его распоряжении.

— Не слишком-то приятно это слышать,— сказал Майкл Бриксан.— А ведь он казался таким порядочным, совсем безобидным. Но, надеюсь, вы не собираетесь отправлять меня на его поиски. Это сфера деятельности Скотланд-Ярда.

— Вам не придется его искать,— медленно произнес Стейнз,— потому что... В общем, его уже нашли.

Эти слова были произнесены очень серьезным, даже зловещим тоном, и прежде чем он продолжил, взяв со стола лист бумаги, Майкл Бриксан уже понял, что за этим последует.

— Неужели “Охотник за головами”? — выдохнул он. Даже Майкл знал об этом убийце.

Стейнз кивнул.

Он протянул своему подчиненному машинописный текст, и Майкл прочитал: “В Эмере, у ограды железнодорожного моста, вы найдете ящик. Охотник за головами”.

— Охотник за головами! — механически повторил Майкл и присвистнул.

— Мы отыскали этот ящик,— сказал Стейнз.— В нем оказалась голова несчастного Элмера, аккуратно отделенная от туловища. Это двенадцатая голова за последние семь лет,— продолжил он.— И каждый раз жертва была не в ладах с законом. Майкл, я все равно вызвал бы вас, даже если б ситуация с договором не разъяснилась.

— Но это же работа для полицейских.

— С профессиональной точки зрения,— прервал Майкла шеф,— вы — полицейский. Более того, министр иностранных дел желает, чтобы вы взяли это дело в свои руки. Его решение получило полное одобрение министра внутренних дел, контролирующего, как вам известно, деятельность Скотланд-Ярда. Вот почему о смерти Фрэнсиса Элмера и обнаружении его останков ничего не сообщалось прессе. В последнее время было столько газетного шума, что полиция не решилась предавать гласности эти сведения. Единственное, что я точно знаю,— неделю тому назад Элмера видела в Чичестере его племянница. Ее зовут Адель Лэмингтон, и она работает в кинокорпорации Небворта, студия которой расположена в Чичестере. Старый Небворт — американец и довольно неплохой человек. Девушка же — одна из его статисток, своего рода экстрамодель, я бы так сказал...

— Экстра! — изумленно воскликнул Майкл.— Я так и знал, что это дурацкое слово рано или поздно всплывет! Продолжайте, сэр. Что же я должен делать?

— Встретиться с ней,— сказал шеф.— Вот адрес.

— А покойник был женат? — спросил Майкл, положив листок с адресом в карман.

Майор Стейнз кивнул:

— Да, но его жена не может пролить свет на убийство. Между прочим, она — единственный человек, знающий, что он мертв. Она не видела мужа почти месяц, а фактически они разошлись еще несколько лет назад. Она, кстати, очень выигрывает от его смерти, потому что он был застрахован на крупную сумму в ее пользу.

Майкл вновь прочитал ужасную записку Охотника за головами.

— И какова же ваша версия? — с интересом спросил он.

— В целом, я думаю, мы имеем дело с сумасшедшим, считающим своим долгом быть своего рода карающей десницей.

Майор Стейнз в задумчивости откинулся на спинку стула.

— Все письма,— сказал он,— были отпечатаны на одной и той же машинке. В каждом случае сходное построение фраз, полустертые “у” и слабые “т”. Все эксперты в один голос заявляют, что письма отпечатаны на очень старом “Ремингтоне”. Найдите человека, который пользуется такой старой машинкой, и вы наверняка найдете убийцу. Но вряд ли вам удастся сделать это, так как полиция опубликовала фотографии, показывающие особенности этих писем. Думаю, что мистер Охотник пользуется этой машинкой только в исключительных случаях — чтобы сообщить о смерти своих жертв.

Майкл Бриксан вернулся домой, несколько смущенный и обеспокоенный необычным преступлением.

“Наверняка на этом деле я сломаю себе шею,— тоскливо подумал он.— Но что бы ни случилось, я обязательно встречусь с этой "экстра"!"

ВИЗИТ МИСТЕРА СЭМПСОНА ЛОНГВЕЙЛА

Дождавшись пока студия опустеет, Адель Лэмингтон подошла к сгорбившемуся в шезлонге седовласому человеку с мрачным выражением лица.

Это был неподходящий момент для разговора, и она это прекрасно понимала.

— Мистер Небворт, нельзя ли мне поговорить с вами?

Мужчина неохотно посмотрел на нее. При других обстоятельствах он наверняка бы поднялся, ибо этот американец преклонных лет был воплощением воспитанности, но в данный момент его уважение к женщинам было на самом низком уровне. Он посмотрел на нее отсутствующим взглядом, хотя ему как специалисту, кинорежиссеру, не могла не понравиться эта девушка с приятными, правильными чертами лица, копной темно-каштановых волос, в которых еще отражались блики детства, с твердым, изящных очертаний ртом, и со стройной, практически совершенной фигурой.

За свою жизнь Джек видел немало красивых статисток, прошел через различные стадии — от бешеного восторга до глубокого разочарования, когда знакомился с воплощенным ими на экране. Марионетки без души и чувств, со скованными неловкими движениями. Полная безнадежность. Вполне годны для массовок, но не более того.

— Ну? — не слишком-то вежливо произнес он.

— Не найдется ли какой-нибудь роли для меня, мистер Небворт? — робко спросила девушка.

— А разве у вас нет роли, мисс... не помню, как ваше имя... Лэмингтон? Так, кажется?

— Я, конечно, участвую в съемках — так, одна из фигур на заднем плане.— Адель улыбнулась.— Я не претендую на крупную роль, но я абсолютно убеждена, что способна на большее, чем делаю.

— Единственное, что я могу сказать с уверенностью,— проворчал Джек,— что вы не хуже других. Нет, дорогая, у меня нет роли для вас.

Адель побрела назад, но он вдруг окликнул ее.

— Наверное, оставили приличный дом? — спросил Джек.— Полагая, что в кино будете получать миллион долларов в год и покупать новую машину каждую неделю?

— Я пришла в кино,— со смущенной улыбкой произнесла девушка,— не потому, что сходила с ума по сцене, если вы это имеете в виду, мистер Небворт. Я пошла на это, прекрасно сознавая, какая здесь тяжелая жизнь. Тем более, что у меня нет родителей.

Небворт с интересом посмотрел на нее.

— Так как же вы живете? — спросил он.— Ведь на массовках денег не сделаешь.

— У меня небольшой доход, оставшийся после смерти матери, и я, кроме того, пишу...

Девушка не закончила предложения, так как заметила, что мистер Небворт смотрит куда-то в сторону. Повернув голову, она увидела стоящую в дверях странную фигуру, которую сперва приняла за актера, пришедшего на кинопробу.

Вошедший оказался стариком, но на расстоянии его высокий рост и гордая осанка производили совершенно иное впечатление. Великолепно скроенный фрак, длинные брюки, жесткий воротничок, черный атласный галстук — все это были элементы прошлого века, хотя и недавно изготовленные. На нем была белая рубашка с плоёными манжетами; двубортный жилет из серого бархата был застегнут на золотые пуговицы. Человек, казалось, сошел с портрета середины девятнадцатого века. В одной руке у него был котелок с загнутыми краями, в другой — трость с золотым набалдашником. Очень морщинистое лицо излучало благожелательность и доброту. Мужчина, казалось, не знает о своей огромной плеши.

Джек Небворт мгновенно вскочил и двинулся навстречу гостю.

— Мистер Лонгвейл, рад вас видеть. Вы получили мое письмо? Вы даже представить себе не можете, как я вам благодарен за то, что вы предоставили нам свой дом.

Сэмпсон Лонгвейл из Доуэр-хаус! Теперь она его вспомнила. Он был известен в Чичестере как "старомодный джентльмен" не только из-за своей одежды, но и из-за того, что отказался провести электричество в своем доме, который Адель видела во время съемок на натуре. Кто-то показал ей на большую несуразную постройку с заросшим садом и облупившимися стенами.

— Я подумал, что мне стоит навестить вас,— произнес высокий мужчина сочным, хорошо поставленным голосом.

Девушка никогда еще не слышала такого приятного голоса и с каким-то новым интересом взглянула на эту странную особу.

— Я могу только надеяться, что дом и площадки подходят для ваших съемок, хотя, к сожалению, они в плохом состоянии.

— Именно то, что нужно, мистер Лонгвейл. Я опасался, что вы обидитесь, когда попросил вас...

Старый джентльмен прервал его мягким смехом:

— Нет, нет, я не обиделся. Я, наоборот, получил удовольствие. Вам необходим был дом с привидениями. Я мог оказать вам нужную помощь, хотя и не обещал, что наш семейный призрак обязательно появится. В Доуэр-хаус привидения обитают уже сотни лет. Один из бывших владельцев в приступе ярости убил там свою дочь. Поговаривают, что несчастная леди бродит по ночам. Сам я ее никогда не видел, хотя много лет назад с ней встретился один из моих слуг. К счастью, теперь я избавлен от такого источника раздражения, поскольку больше не держу в доме слуг. Хотя,— с улыбкой добавил он,— если вы пожелаете остановиться на ночь, я почту за честь пригласить пятерых или шестерых из вашей труппы.

Неборт с облегчением вздохнул. Когда он наводил справки, выяснилось, что в округе практически невозможно найти пристанище. Ему необычайно хотелось провести ночные съемки, а кроме того, для одной из сцен требовалось освещение сразу после рассвета.

— Боюсь, мы доставим вам немало хлопот, мистер Лонгвейл,— сказал он.— А потому, я думаю, мы должны обсудить деликатный вопрос...

Старик остановил его движением руки.

— Если вы собираетесь говорить о деньгах, пожалуйста, не надо,— твердо заявил он.— Я интересуюсь кинематографией.— Он насмешливо посмотрел на режиссера.— Когда-нибудь вы меня снимете в роли, в которой, я думаю, мне нет равных — в роли моего славного предка.

Джек застыл в изумлении. Немало людей желает увидеть себя на экране, но он никогда не ожидал подобного тщеславия со стороны мистера Сэмпсона Лонгвейла.

— Я буду рад,— бесстрастно ответил Джек.— Ваши предки, видимо, были хорошо известны?

Мистер Лонгвейл вздохнул:

— Жаль, что я не являюсь прямым потомком Чарльза Генри, самой исторической личности в нашем роду. Он был моим прапрапрадядюшкой. Я происхожу от бордоской ветви Лонгвейлов, которые творили историю, сэр.

Он печально покачал головой.

— Вы француз, мистер Лонгвейл? — спросил Джек.

— Да, мы все родом из Франции. Мой прапрадед женился на англичанке, с которой познакомился при весьма загадочных обстоятельствах.

И тут мистер Лонгвейл, казалось, впервые обнаружил присутствие Адель и поклонился ей.

— Я должен идти,— сказал он.

Девушка посмотрела мужчинам вслед, когда они выходили из холла, и вскоре увидела, как “старомодный джентльмен” проехал под окном в самом старом автомобиле, который ей когда-либо приходилось видеть.

Через несколько минут в зал вернулся Джек Неборт.

— Жажда увидеть себя на экране сводит всех с ума — старых и молодых! — воскликнул он.— Доброй ночи, мисс... забыл ваше имя... Лэмингтон, так, кажется? Доброй ночи.

Она почти дошла до дому, когда вдруг поняла, что разговор, который она осмелилась затеять, закончился для нее неудачно, и она как всегда далека от получения даже небольшой роли.

ПЛЕМЯННИЦА

Адель Лэмингтон снимала комнату в небольшом доме. Временами ей хотелось, чтобы эта комната была еще меньше. Это оправдало бы ее попытку потребовать у хозяйки, непреклонной миссис Уотсон, снижения квартплаты. Статисткам у Джека Небворта платили неплохо, но они были мало заняты в съемках.

Адель одевалась, когда миссис Уотсон принесла ей чай.

— С самого утра, как я поднялась, вокруг нашего дома ходит какой-то молодой человек,— сказала миссис Уотсон.— Я его заметила, еще когда ходила за почтой. Он обратился ко мне очень вежливо, но я ему заявила, что вы еще спите.

— Он хотел видеть меня? — с удивлением спросила девушка.

— Так он сказал,— усмехаясь, ответила миссис Уотсон.— Если вы хотите поговорить с ним, можете принять его в моей гостиной, хотя мне не нравится, когда к девушкам приходят молодые мужчины. Мой дом всегда пользовался уважением, и я не хочу ронять его марку.

— Я думаю, что вряд ли можно представить себе что-либо более приличное, чем утренний визит, миссис Уотсон,— ответила девушка.

Она спустилась вниз и открыла дверь. Молодой человек стоял на тротуаре спиной к ней, но при звуке открываемой двери он повернулся. Это был симпатичный, хорошо одетый юноша с располагающей улыбкой.

— Надеюсь, ваша хозяйка не стала будить вас из-за меня? Я мог и подождать. Вы ведь мисс Адель Лэмингтон?

Девушка кивнула.

— Входите, пожалуйста,— произнесла она, впуская его в небольшую, забитую различным хламом прихожую. Она закрыла за собой дверь и остановилась.

— Я журналист,— солгал молодой человек.

Лицо ее вытянулось.

— Вы по поводу дяди Фрэнсиса? Что-нибудь действительно случилось? Ко мне приходил следователь еще неделю назад. Дядя нашелся?

— Пока еще нет,— осторожно ответил Майкл Бриксан.— Вы его, конечно, хорошо знали, мисс Лэмингтон?

— Нет. За всю свою жизнь я видела его всего два раза.

Она услышала, как молодой человек вздохнул, и почувствовала его облегчение, хотя никак не могла понять причину этого, ведь дядя был ей практически чужой.

— Вы его хоть видели в Чичестере? — спросил юноша.

— Да, видела. Я ехала на автобусе в Гудвуд-парк и заметила его на тротуаре. Дядя выглядел очень больным и встревоженным. Я увидела его, когда он выходил из канцелярского магазина. Под мышкой у него была газета, а в руке — конверт.

— Где расположен этот магазин? — быстро спросил Майкл.

Адель назвала адрес, и Бриксан сразу записал его.

— И бо́льше вы дядю не видели?

Девушка отрицательно покачала головой.

— Неужели произошло что-нибудь серьезное? — спросила она с тревогой.— Я часто слышала, как мама говорила, что дядя Фрэнсис очень расточителен и неразборчив в средствах. У него что, неприятности?

— Да,— подтвердил Майкл,— у него были неприятности, но не стоит беспокоиться. Вы, кажется, кинозвезда, да?

Несмотря на волнение, девушка рассмеялась:

— Я могу стать кинозвездой только благодаря вам, если вы напишете так обо мне в своей газете.

— Моей что? — спросил Майкл, моментально сбившись.— О да, в моей газете, конечно!

— Хотя я не звезда и, боюсь, таковой никогда не стану, я утешаю себя тем, что это от меня не зависит. Мне так и не подвернулся счастливый случай.

Думаю, мистер Небворт считает меня плохой актрисой.

У Майкла Бриксана появился новый интерес к этому делу, интерес, который — честно сознавал он — неразрывно связан с племянницей Фрэнсиса Элмера. Никогда еще ему не приходилось встречаться с такой приятной, милой и естественной в общении девушкой.

Наведение справок заняло немного времени. Майклу удалось найти канцелярский магазин, владелец которого, к счастью, помнил посещение мистера Фрэнсиса Элмера.

— Он пришел за письмом, хотя оно было не на имя Элмера,— сказал владелец магазина.— Многие адресуют письма на наш магазин. За это мы взимаем небольшую плату.

— Он купил газету?

— Нет, сэр. Газеты он не покупал, но под мышкой у него была "Морнинг телеграмм". Я запомнил это, потому что видел, как он обводил синим карандашом какое-то объявление на первой странице газеты. Меня заинтересовало, что же это за объявление. Я раздобыл номер "Морнинг телеграмм" за тот же день. Я его еще до сих пор не выбросил.

Он вышел в небольшую подсобку в глубине магазина и вскоре вернулся, положив на прилавок потрепанный номер газеты.

— Здесь шесть сообщений, но которое из них — я не знаю.

Майкл просмотрел объявления. Одно из них — безумное послание от матери к сыну. Она умоляла его вернуться, обещая "все забыть". Второе — какое-то зашифрованное сообщение, но у Майкла не было времени для его дешифровки. Третье — явное назначение условной встречи. Четвертое — сильно завуалированное объявление о новом препарате для волос. На пятом сообщении Майкл остановился. В нем говорилось: "Встревожен. Последние распоряжения по данному Вам адресу. Мужайтесь. Благодетель."

— Странно, какой-то "благодетель",— сказал Майкл Бриксан и тут же спросил: — А этот мужчина, заходивший в магазин, как он выглядел? Он был встревожен?

— Да, сэр. Он выглядел очень расстроенным, был похож на человека, совершенно потерявшего голову.

— Видимо, так и было,— озабоченно произнес Майкл.

ВЕДУЩАЯ АКТРИСА

Вот уже битый час в небольшой студии труппа Небворта в нетерпении ожидала выезда на натурные съемки.

Джек Небворт, как обычно, скорчился в шезлонге, поддерживая рукой подбородок и время от времени бросая взгляд на настенные часы.

Только в одиннадцать часов в студию в сопровождении маленькой, несчастного вида собачонки энергично вошла Стелла Мендоса, внося с собой экзотические ароматы.

— Вы работаете по летнему расписанию? — медленно спросил Небворт.— Или, может быть, вы думали, что сбор назначен на полдень. Вы заставили ждать пятьдесят человек, Стелла.

— У меня нет времени думать о них,— бросила она, пожав плечами.— Вы сказали, что съемки будут на натуре. Естественно, я ожидала, что спешки не будет. Я должна была собраться.

— Я просил вас быть в десять. Эти молодые люди находятся здесь уже почти целый час.

— Что вы хотите снимать? — нетерпеливо спросила Стелла.

— Главным образом вас,— медленно произнес Джек.— Оденьтесь для девятой сцены. Не забудьте снять свои жемчужные серьги. По сценарию вы полуголодная актриса. Съемки будут в Грифф-тауэрс. Я обещал его владельцу, что мы закончим к трем часам.

Старый Джек Небворт встал с шезлонга и со зловещим выражением лица медленно начал надевать куртку. Покрасневшая от злости Стелла наблюдала за ним. В ее темных глазах отражались задетая гордость и ущемленное тщеславие.

Когда-то Стелла была Мэгги Стаббс, дочерью мидлендского зеленщика, и старый Джек разговаривал с ней, как будто она — Мэгги Стаббс, а не известная блестящая кинозвезда, идол кинофанов всего мира, как лживо заявляла пресса.

— Хорошо, если вы хотите скандала, Небворт, ну что ж. Я ухожу. Прямо сейчас! Я знаю, чего я стою. Эту роль следует переписать. Так, чтобы я имела возможность показать себя. Вы нечестно ко мне относитесь, Небворт. У меня темперамент. Разве можно требовать от меня, чтобы я играла, как чурбан.

— Чурбан — это ваша голова, Стелла,— проворчал режиссер и продолжал, не замечая ее ярости.— Темперамент! Об этом можно говорить, когда фильм наполовину сделан. Слава богу, мы пока не сняли и восьмой его части. Уходите! Вы мерзкое испорченное существо. Убирайтесь, куда хотите.

Едва сдерживаясь от ярости, с дрожащими губами Стелла повернулась и выскочила из студии.

Седовласый Джек Небворт оглядел присутствующих.

— Вот так происходят чудеса,— саркастически заметил он.— Вот случай, когда любая статистка, покинувшая дом и оставившая там больную мать, может в течение суток стать знаменитостью!

Все заулыбались: кто весело, кто с натяжкой, но никто не промолвил ни слова. Адель стояла застыв, не в состоянии что-либо сказать.

— Скромность не свойственна нашей профессии,— добродушно фыркнул старый Джек.— Вы считаете, что только Стелла в состоянии исполнить роль Розеллы в этой пьесе? Даже статистка, поверьте мне, способна на это! Я собираюсь показать этой псевдозвезде, что в нашей труппе нет ни одной статистки, которая не смогла бы осилить эту роль. Кто-то меня вчера просил дать роль. Вы!

Его палец указал на Адель, и она в сильном волнении с бьющимся сердцем подошла к нему.

— Да, мистер Небворт.

Он бесстрастно посмотрел на нее.

— Вы будете играть,— произнес он неохотно.— Осмотрите гардероб и получите костюмы мисс Мендосы. Гарри, дайте мисс... как ее... сценарий. А теперь идите куда-нибудь в спокойное место и просмотрите текст. Хорошо? Гарри, подготовьте гардероб. А вам я даю полчаса на чтение сценария!

Как в тумане Адель вышла в тенистый сад позади студии и села на скамейку, пытаясь сосредоточиться на машинописном тексте. “Не может быть!

Этого не может быть!" Затем она услышала шаги и обеспокоенно подняла глаза. Это был молодой человек, побывавший у нее сегодня утром,— Майкл Бриксан.

— О, пожалуйста, не мешайте мне,— умоляюще попросила она.— Я получила роль, большую роль. Мне надо читать.

— Я ужасно виноват...— начал было Майкл, намереваясь удалиться.

В этот момент Адель уронила несколько страниц текста и, когда они наклонились, чтобы поднять их, головы молодых людей столкнулись.

— Извините. Ситуация, как в старой комедии, не правда ли? — сказал Майкл.

Он вдруг замолчал, обратив внимание на страницу текста, которую держал в руке. На ней давалось тщательное описание сцены.

"Большая тюремная камера. Освещена качающейся лампой. В центре — стальная решетка, за которой ходит конвоир. Взад-вперед, взад-вперед..."

— О боже! — воскликнул Майкл.

Буква "у" в тексте была размыта, а "т" — неотчетлива. Страницу отпечатали на машинке, на которой Охотник за головами составлял свои ужасные сообщения об очередной жертве.

МИСТЕР ЛОУЛИ ФОСС

— Что случилось? — спросила Адель.

— Откуда это?

И молодой человек показал на машинописную страницу текста сценария.

— Не знаю. Она была среди других страниц, хотя, конечно, это не из "Розеллы".

— Так называется фильм? — быстро спросил Майкл, а затем добавил: — А кто знает?

— Мистер Небворт.

— Где мне его найти?

— Войдите вон через ту дверь,— сказала девушка,— и в студии вы его найдете.

Ничего не говоря, Майкл быстро пошел к зданию. В студии он интуитивно узнал нужного ему человека. При виде незнакомца Джек Небворт нахмурился, ибо всегда настаивал, чтобы во время работы ему не мешали. Но прежде чем он успел потребовать объяснений, Майкл взял его в оборот.

— Вы мистер Небворт?

Джек кивнул.

— Безусловно, это я,— ответил он.

— Могу ли я поговорить с вами пару минут?

— У меня нет и минуты для разговора,— проворчал Джек.— Как бы то ни было, кто вы такой и как сюда попали?

— Я следователь из Министерства иностранных дел,— тихо произнес Майкл.

Поведение Джека моментально изменилось.

— Что-нибудь не так? — спросил он, после того как закрылся с Майклом в своем кабинете.

Молодой человек положил на стол страницу машинописного текста.

— Кто это печатал?

Джек Небворт взглянул на текст и покачал головой.

— Никогда раньше не видел. А какое это имеет значение?

— Вы никогда не видели этого текста?

— Нет, клянусь. Но мой литконсультант должен знать. Я пошлю за ним.

Он взял телефонную трубку.

— Попросите мистера Лоули Фосса быстро зайти ко мне,— произнес он.— Чтение книг, сценариев и различного материала для фильмов полностью возложено на моего литконсультанта,— пояснил Небворт.— Я не вижу сценария до тех пор, пока он не придет к заключению, что текст заслуживает внимания. Но и тогда, конечно, фильм не всегда снимается. Если сюжет плох, я за него, безусловно, не берусь. Я абсолютно уверен, что некоторые хорошие сценарии я упустил, потому что Фосс...— Джек на секунду задумался.— Ну, как бы это сказать... у нас с ним разный подход. А теперь, мистер Бриксан, в чем дело?

В нескольких словах Майкл объяснил значение машинописной страницы.

— Охотник за головами! — Джек присвистнул.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошел Ло́ули Фосс. Это был очень худой человек с темным мрачным лицом и бегающими глазками. Его лицо было испещрено глубокими морщинами, как будто он страдал какой-то тяжелой хронической болезнью. Но настоящей болезнью, жертвой которой стал Лоули Фосс, было ожесточение, к которому приходит человек, вступивший в войну со всем миром.

Войдя, он подозрительно посмотрел на Майкла.

— Я хотел видеть вас, Фосс, чтобы узнать, как в сценарий "Розеллы" попала эта страница,— сказал Джек Небворт.

И, повернувшись к Майклу, спросил:

— Могу я изложить мистеру Фоссу все, что вы мне рассказали?

Майкл колебался какую-то секунду. Внутренний голос подсказывал ему, что не стоит упоминать об Охотнике за головами. Вопреки, однако, здравому смыслу он кивнул головой.

Лоули Фосс с бесстрастным выражением лица слушал объяснения старого режиссера относительно значимости обнаруженной страницы. Затем он взял ее и внимательно просмотрел. Ни лицо, ни глаза не выдали его мыслей.

— У меня много материала,— наконец произнес он,— и я не могу сразу же назвать пьесу. Если вы позволите мне взять эту страницу, я просмотрю свои материалы.

— Что вы думаете об этом человеке? — спросил Джек Небворт, когда за Фоссом закрылась дверь.

— Он мне не понравился,— прямо признался Майкл.— По крайней мере, мое первое впечатление явно неблагоприятное. Хотя я, возможно, несправедлив к нему.

Джек Небворт вздохнул. Фосс причинял ему массу неприятностей, еще больше, чем темпераментная Мендоса.

— Он действительно странный человек,— произнес Джек,— хотя чертовски умен. Я еще не знал человека, который мог бы так закрутить сюжет, как это делает Фосс. Но он... тяжелый человек.

— Могу представить,— сухо бросил Майкл.

Они вновь вернулись в студию, и Майкл отправился на поиски Адель Лэмингтон, чтобы объяснить ей причины своего неучтивого поведения. Подходя к ней, он увидел в ее глазах слезы досады, так как его исчезновение со страницей текста полностью вышибло у нее всякие мысли о пьесе.

— Я прошу прощения,— кающимся голосом произнес Майкл.— Мне, наверное, не стоило приходить.

— Пожалуй, да,— согласилась девушка с улыбкой, несмотря на свою обиду.— А что было не так с этой страницей? Вы сыщик, да?

— Должен признаться,— беззаботно бросил Майкл.

— Вы говорили правду, когда сказали, что мой дядя...

Она остановилась, не в состоянии подыскать подходящие слова.

— Нет, неправду,— быстро ответил Майкл.— Ваш дядя мертв, мисс Лэмингтон.

— Мертв! — с ужасом повторила она.

Майкл кивнул.

— Он был убит при странных обстоятельствах.

Девушка побледнела.

— Это его голову нашли в Эмере?

— Откуда вы знаете? — резко спросил Майкл.

— Я читала сообщение в утренней газете,— сказала она.

Майкл мысленно выругал газетчика, напавшего на след этой последней трагедии.

“Она рано или поздно все равно бы узнала”,— сказал он себе и успокоился.

Появление Фосса освободило его от дальнейших объяснений. Литконсультант несколько минут пошептался с Джеком Небвортом. Затем кинорежиссер поманил Майкла рукой.

— Фосс не смог найти рукопись,— сказал он, возвращая страницу.— Возможно, к нам поступил только один небольшой образец текста. Может быть также, он достался нам по наследству от предшественников. Я ведь получил от обанкротившейся компании не только студию, но и массу рукописей.

Джек нетерпеливо взглянул на часы.

— А теперь, мистер Бриксан, если возможно, простите меня. В десяти милях отсюда мне нужно снять несколько сцен. В качестве ведущей героини в них выступает малышка, у которой из-за страха, наверное, не осталось никаких мыслей.

Майкл действовал под влиянием момента.

— Вы не будете возражать, если я поеду с вами? Обещаю, что не буду путаться под ногами.

Старый Джек кивнул. Десять минут спустя Майкл Бриксан сидел рядом с Адель в автомобиле, который уносил их на съемочную площадку. Этому обстоятельству он был обязан своему нахальству, а не своей скромности.

ХОЗЯИН ГРИФФ-ТАУЭРС

Адель не разговаривала с Майклом довольно долго. Возмущение тем, что он навязался ей в компанию, нервозность перед предстоящим испытанием — нервозность, которая по мере приближения к цели назначения перерастала просто в панику,— сделали разговор невозможным.

— Я смотрю, ваш мистер Лоули Фосс тоже с нами,— сказал Майкл, чтобы хоть с чего-нибудь начать разговор.

— Он всегда ездит с нами на натуру,— отрезала она.— Во время съемок иногда приходится исправлять сценарий.

— А куда мы направляемся? — спросил Майкл.

— Сперва к Грифф-тауэрс,— ответила девушка, которая считала просто невежливым не отвечать на вопросы.— Это огромный дом, принадлежащий сэру Грегори Пенну.

— А мне казалось, что мы едем к Доуэр-хаус.

Она посмотрела на него нахмурившись.

— Зачем же вы спрашиваете, если все знаете? — недовольно спросила она.

— Просто мне приятно слушать вас,— спокойно ответил молодой человек.— Сэр Грегори Пенн? Кажется, мне знакомо это имя.

Девушка молчала.

— Он много лет прожил на Борнео. Так ведь?

— Он просто мерзок,— выпалила Адель.— Я его ненавижу!

Она не объяснила причину своей ненависти, а Майкл посчитал неразумным задавать вопросы, но вскоре Адель сама, без всяких усилий с его стороны, дала исчерпывающее объяснение.

— Я была у него в доме дважды. Рядом с домом прекрасный сад, где мистер Небворт не раз проводил съемки. Конечно, я была только одной из труппы. Так, на заднем плане. Хотелось бы мне сниматься больше, но это неважно. Так вот, у Грегори Пенна странные представления о женщинах, в особенности об актрисах. Я, конечно, не актриса,— добавила Адель быстро,— я имею в виду людей, для которых киносъемки — единственное средство к существованию. Слава богу, в Грифф-тауэрс будет сниматься только один эпизод. Возможно, мистера Грегори Пенна не будет дома, хотя это маловероятно. Он всегда дома, когда я снимаюсь.

— Странно, почему во всех историях баронеты всегда оказываются негодяями,— заметил Майкл.— Но еще более странно то, что большинство из них, как правило, оказываются необычайными моралистами. Я, наверное, мешаю вам, да? — спросил он более серьезно.

Адель повернулась к нему.

— Немножко есть,— откровенно призналась она.— Видите ли, мистер Бриксан, для меня это уникальный шанс. В жизни подобное редко случается, поэтому я до смерти боюсь. Из-за вас я нервничаю. А то обстоятельство, что первый эпизод будет сниматься в Грифф-тауэрс, приводит меня чуть ли не в панику. Я ненавижу его! Ненавижу! — с яростью воскликнула она.— Этот огромный мрачный дом с отвратительными чучелами тигров и ужасным оружием...

— Оружием? — быстро спросил Майкл.— Что вы имеете в виду?

— Восточное оружие, которым у сэра Грегори увешаны все стены. В последний раз он заявил мистеру Небворту, что оружие у него в отличном состоянии, как новенькое, как будто только что вышло из рук мастера, а ведь некоторым вещам почти триста лет. А вот и сам дом,— и она показала на него рукой.

Грифф-тауэрс был одним из тех мрачных зданий, которые любили строить архитекторы ранневикторианской эпохи. Единственная серая башня, воздвигнутая в левом крыле, резко нарушала пропорциональность здания, но даже это не уменьшало его своеобразной привлекательности. Место вокруг казалось просто обнаженным: гладкие, лишенные зелени стены дома возвышались в центре обширного пространства, засыпанного желтым гравием.

— Самые настоящие казармы,— заметил Майкл, — с плацем перед ними.

Они проехали мимо домика привратника, и машина остановилась где-то на середине подъездной дорожки, ведущей к дому. Сад, очевидно, находился позади здания, а перед фасадом не было ничего, что могло бы привлечь внимание.

Майкл вышел из машины и увидел, что Джек Небворт уже руководит разгрузкой оборудования. Следом за ними прибыл огромный грузовик с тремя юпитерами для киносъемок.

— А, так вы здесь, вот как,— проворчал недовольно Джек.— Я буду вам премного благодарен, если вы не будете мешать.

В труппе выделялся высокий молодой человек с зачесанными назад волосами. Они были так прилизаны, что казались приклеенными и покрытыми лаком. Довольно симпатичный мужчина, который в пути сидел слева от Адель и за все время не промолвил ни слова. Он подошел к встревоженному Небворту и обиженно произнес:

— Эта девочка Лэмингтон испортит всю картину. Клянусь богом!

— Вот как? — рявкнул Небворт.— Между прочим, мистер Коннолли, вы так плохо играете в последнее время, что на вашем месте я не стал бы утверждать заранее, что какая-то статистка обязательно испортит эту картину.

— Черт побери, я никогда в своей жизни не играл в паре со статисткой!

— Вы многое потеряли,— проворчал Джек, продолжая распаковывать вещи.

— А Мендоса — актриса...— начал было ведущий киногерой.

Джек Небворт выпрямился.

— Ничего, переживете, если хотите сниматься! — рявкнул он.— Понадобится мне совет молодого красавчика, я обращусь к вам, а пока... Понятно?

Недовольно пожав тощими плечами, раздраженный Корби Коннолли медленно удалился.

Стоя в дверях Грифф-тауэрс, сэр Грегори Пенн молча наблюдал за тем, как разворачивалась подготовка к съемкам. Это был коренастый человек. Солнце Борнео и неуемный аппетит придали его коже странный цвет — фиолетово-шоколадный. Лицо его было покрыто многочисленными морщинами. На мир он смотрел сквозь две узкие щелочки. Округленный женственный подбородок естественного цвета, казалось, был единственной частью лица, не подвергшейся воздействию солнечных лучей и более сильных стимуляторов.

Майкл наблюдал за тем, как этот мужчина медленно направился к ним, и попытался определить его намерения.

— Доброе утро, Небворт,— произнес сэр Грегори.

Голос его звучал резко и неприятно, как у человека, никогда не знавшего смеха и не испытывавшего любви к человечеству.

— Доброе утро, сэр Грегори.

Старому Небворту пришлось извиняться за всю труппу.

— Извините. Мы сегодня задержались.

— Не стоит извиняться,— прервал его собеседник.— Мне просто казалось, что вы собирались начать съемку сегодня раньше. А, так вы привезли мою девочку, да?

— Вашу девочку? — в явном замешательстве Джек посмотрел на него.— Вы имеете в виду Мендосу? Нет, ее сегодня нет с нами.

— Я говорю не о Мендосе, а о темноволосой девушке. Впрочем, это не имеет значения. Я просто пошутил.

“Какую, к черту, девушку он имеет в виду?” — подумал Джек, который ничего не знал о двух неприятных столкновениях, происшедших у его неприметной статистки в предшествующие визиты в Грифф-тауэрс. Загадка, однако, вскоре объяснилась, поскольку баронет медленно направился к тому месту, где Адель Лэмингтон делала вид, что внимательно изучает сценарий.

— Доброе утро, маленькая леди,— он поздоровался, слегка приподняв кепи.

— Доброе утро, сэр Грегори,— холодно отозвалась Адель.

— Вы не сдержали своего обещания.

Он шутливо покачал головой.

— Я не помню, чтобы что-то обещала,— спокойно возразила девушка.— Вы приглашали меня к себе отобедать, но я сразу же вам заявила, что это невозможно.

— Я обещал послать за вами автомобиль. Только не говорите, что вы слишком далеко живете. Впрочем, сейчас это не имеет значения.

И, к негодованию Майкла, он схватил девушку за руку жестом, который мог бы показаться отеческим, но который вызвал у Адель нескрываемое отвращение.

Она высвободила руку и, повернувшись спиной к мучителю, чуть ли не бегом бросилась к Джеку Небворту с бессвязной просьбой объяснить смысл какого-то довольно простого предложения в тексте.

Старый Джек был не дурак. Прищуренным взглядом он наблюдал за происходящим, узнавая знакомые симптомы.

"В Грифф-тауэрс мы снимаем в последний раз",— подумал он, ибо был сторонником определенной манеры поведения и относился к женщинам совершенно иначе, чем сэр Грегори Пенн.

ОРУЖИЕ И БЭГ

Все ушли, оставив Майкла наедине с баронетом. Какое-то время Грегори Пенн жадным взором следил за девушкой. Затем, почувствовав присутствие молодого человека, он обратил на него холодный наглый взгляд.

— Кто вы такой? — спросил он, оглядев детектива с ног до головы.

— Друг мистера Небворта,— ответил Майкл.

— Вы знакомы с той малышкой? Ее, кажется, зовут Лэмингтон? — неожиданно спросил баронет.

— Да, очень хорошо знаком,— соврал Майкл.

— Ах, вот как? — на удивление любезно произнес владелец Грифф-тауэрс.— Она прелестна. Вы могли бы с нею как-нибудь прийти ко мне вечером отобедать. Кстати, хотите взглянуть на мою коллекцию оружия?

Майкл догадался, что по какой-то причине, возможно, из-за его утверждения о знакомстве с Адель, Грегори Пенн решил установить с ним хорошие отношения.

Вряд ли другое приглашение доставило бы Майклу большее удовольствие, поскольку он уже про себя решил, что не уедет из Грифф-тауэрс до тех пор, пока не ознакомится с этой странной коллекцией.

Взглянув на каменные стены большого дома, куда он был приглашен, Майкл впервые увидел знаменитое оружие.

Здесь были сотни образцов — кинжалы, кривые сабли, древние японские мечи, клинки с чашеобразными эфесами, двуручные мечи крестоносцев.

— Что вы скажете о них? — спросил сэр Грегори Пенн с важностью коллекционера-энтузиаста.— Все представленные образцы — единственные в своем роде, дубликатов у них нет.

Он повел посетителя по широкому коридору с большими квадратными окнами, стены которого также были увешаны прекрасным оружием. Распахнув дверь, сэр Грегори Пенн ввел гостя в большую комнату, явно бывшую когда-то библиотекой, хотя книг в ней почти не было.

Над камином висели два меча, каких раньше Майклу видеть не приходилось.

— А что вы скажете об этом?

Пенн снял с серебряного крючка один меч и вынул его из ножен.

— Только не касайтесь лезвия, если не хотите порезаться. Этим мечом можно разрубить человека, причем он не успеет ничего подумать, как распадется на две половины.

Вдруг его поведение изменилось, он чуть ли не с силой вырвал меч из рук Майкла, вложил его в ножны и повесил на место.

— Это, кажется, суматранский меч?

— С острова Борнео,— кратко бросил баронет.— Родины охотников за головами.

Сэр Грегори оглянулся, насупив брови.

— Я имел в виду другое Борнео, голландское. Садитесь, как вас там...— сказал он, показывая на низенький диванчик.— Давайте выпьем.

Он позвонил и, к удивлению Майкла, появился низкорослый полуобнаженный меднокожий мужчина, который, выслушав приказ на языке, не известном Майклу — судя по звукам, малайский, подумал тот,— бросил быстрое "салаам", тут же исчез и чуть ли не мгновенно появился вновь с подносом, на котором возвышался большой графин и два тонкостенных бокала.

— У меня нет белых слуг. Терпеть их не могу,— произнес Пенн и залпом выпил содержимое бокала.—

Я люблю слуг, которые не крадут и не болтают. Этот парень появился у меня в прошлом году. Он — с Суматры. Кстати, лучший из всех моих дворецких.

— Вы каждый год бываете на Борнео? — спросил Майкл.

— Почти каждый,— последовал ответ.— У меня есть яхта. Она сейчас находится в Саутгемптоне. Если мне не удается выбраться из этой проклятой страны хотя бы раз в год, я начинаю сходить с ума. Здесь ничего нет, ничего! Вы когда-нибудь встречались с этим старым дураком Лонгвейлом? Небворт сказал мне, что вы им интересуетесь. Это же напыщенный старый осел, живущий в прошлом и одевающийся как паяц, рекламирующий виски. Хотите еще?

— Я еще с этим не покончил,— с улыбкой ответил Майкл, переводя глаза на меч, висящий над камином.— Сколько ему лет? Выглядит как новый!

— Новый! — огрызнулся сэр Грегори.— Да ему не менее трехсот лет! Этот меч появился у меня только год назад.— Он вновь резко сменил тему.— Вы мне нравитесь, как вас там... У меня отношение к людям складывается с первого взгляда. Вы из тех, кто мог бы хорошо устроиться на Востоке. Лично я там сделал два миллиона. Восток полон чудес, невероятных вещей.— Он повернул голову и с довольным видом посмотрел на Майкла.— И полон идеальных слуг,— медленно добавил он.— Хотите взглянуть на такого слугу?

Что-то странное прозвучало в его голосе, и Майкл кивнул.

— Хотите вы увидеть раба, который никогда не задает вопросов и всегда предан, никого не любит, кроме меня,— он постучал себя по груди,— и ненавидит всех моих врагов, самого преданного из моих слуг — Бэга?

Он встал и, подойдя к столу, нажал на небольшую кнопку, которую Майкл заметил еще раньше. Едва он сделал это, как часть дальней стены отошла в сторону, приоткрыв проход в другое помещение. Какое-то мгновение Майкл не видел ничего, но затем на солнечный свет вышла ужасная, просто зловещая фигура. И Майклу Бриксану потребовалось все самообладание, чтобы сдержаться и не закричать.

БЭГ

Огромный орангутанг злобными бусинами глаз уставился на незнакомого визитера. Обезьяна была более шести футов ростом, с мощной волосатой грудью и руками, толщиной с человеческое бедро и почти касавшимися пола. Ее широкие плечи укрывал просторный темно-синий халат, скрепленный двумя завязками.

— Бэг,— позвал сэр Грегори удивительно мягким и нежным голосом, какого Майкл никак не мог ожидать от этого человека.— Поди сюда.

Гигантская фигура вперевалку пересекла комнату и подошла к камину, у которого они стояли.

— Это мой друг, Бэг.

Огромная человекообразная обезьяна пару секунд подержала в своей мягкой ладони руку Майкла, а затем, отпустив ее, поднесла кулак к носу и несколько раз громко вдохнула воздух — единственный произведенный ею звук.

— Принеси нам сигары,— сказал Пенн.

Обезьяна сразу же отправилась в кабинет, открыла бюро и принесла коробку сигар.

— Налей мне виски с содовой.

Обезьяна покорно исполнила приказание. Она не пролила ни капли, а когда хозяин сказал “достаточно”, поставила графин и закрыла его пробкой.

— Спасибо, Бэг, ты свободен.

Не произнеся ни звука, обезьяна проковыляла к открытой стене и исчезла. Проход закрылся за ней.

— Совсем как человек! — охваченный благоговейным страхом, прошептал Майкл.

Сэр Грегори Пенн захихикал.

— Более чем человек, — сказал он.— Бэг — моя защита против всех врагов.

— А где он живет?

— У него есть своя небольшая комната, которую он содержит в чистоте. Питается он с прислугой.

— О боже! — в ужасе произнес Майкл.

Его собеседник снова захихикал, довольный произведенным впечатлением.

— Да, он питается со слугами. Они его боятся, но и боготворят, считая его своего рода божеством. Знаете, что произойдет, если я скажу: “Этот человек —

мой враг"? — Пенн показал своим коротким пальцем на грудь Майкла.— Он просто разорвет вас на части и у вас, мистер как вас там... не будет ни малейшей возможности спастись. И в то же время Бэг может быть нежным, очень нежным.— Он кивнул головой.— И очень хитрым! Он почти каждую ночь гуляет в округе, и я до сих пор еще не слышал никаких жалоб со стороны местных жителей. Не пропало ни одной овцы, никто не был напуган. Бэг просто бродит по лесам и никого не трогает, за исключением куропаток.

— И давно он у вас?

— Восемь или девять лет,— беззаботно ответил баронет, проглотив виски, налитое ему орангутангом.— Ну а теперь пойдемте посмотрим на наших киноактеров и актрис. Прекрасная девушка, правда? Вы не забыли, что приглашены с нею отобедать у меня. Кстати, как ваше имя?

— Бриксан,— ответил Майкл.— Майкл Бриксан.

Сэр Грегори что-то пробормотал.

— Я запомню — Бриксан. Мне нужно назвать ваше имя Бэгу. Ему следует его знать.

Когда они подошли к прелестному саду позади дома, первый эпизод уже был снят, и по лицу Джека Небворта можно было безошибочно определить, что опасения Адель Лэмингтон были напрасны и все прошло хорошо.

— Девушка просто великолепна,— отбросив неприступность, произнес довольный Джек.— Прирожденная актриса. Эта сцена как будто для нее. Все так хорошо, что кажется невероятным.

Майкл оглянулся. Сэр Грегори Пенн пошел по направлению к девушке, а Адель была в таком сильном возбуждении, что у нее не осталось даже обиды на человека, которого она ненавидела всем сердцем.

— Моя крошка, я хотел бы поговорить с вами, прежде чем вы уедете,— сказал он, сильно понизив голос, едва она с улыбкой взглянула на него.— Вы приглашены на обед, не забыли?

Кивнув головой в сторону настороженного Майкла, он добавил:

— Ваш друг обещал, что приедет с вами.

— Какой друг? — с удивлением спросила она.— Вы имеете в виду мистера Бриксана?

— Да, его. Почему вы заводите знакомство с такими людьми? Я совсем не хочу сказать, что он плохой парень. Лично мне он нравится. Так вы приедете на обед?

— Боюсь, не смогу,— ответила она, вновь чувствуя прежнее отвращение.

Адель разозлилась на Майкла Бриксана. Какое право он имел принимать приглашение от ее имени? Как он мог назваться ее другом? Злость на Майкла на какое-то мгновение заглушила ее ненависть к своему преследователю.

— Приезжайте сегодня вечером. Вместе с ним,— глухо произнес Пенн.— Я хочу вас видеть вечером. Вы слышите? Вы остановились у старого Лонгвейла и можете незаметно оттуда удрать.

— Ничего подобного я делать не собираюсь. Мне кажется, что вы даже не понимаете, о чем просите, сэр Грегори,— спокойно сказала она.— О чем бы вы ни думали, мне это неприятно.

Резко повернувшись, Адель покинула его. Майкл хотел было заговорить с нею, но она, высоко подняв голову, прошла мимо, даже не взглянув на него. Несколько обескураженный, он, однако, через несколько секунд понял причину этого.

Когда вся аппаратура была упакована и члены труппы заняли места в машинах, Майкл, заметив, что Адель села между Джеком Небвортом и ведущим киногероем, решил примоститься где-нибудь подальше от нее.

Автомобиль уже был готов тронуться с места, когда подошел сэр Грегори и обратился через открытое окно к Майклу.

— Вы ведь обещали, что привезете ее...— начал было он.

— Если я это говорил,— прервал его Майкл,— значит, я был пьян, а для этого мне достаточно осушить один стакан виски. Мисс Лэмингтон — свободный человек, и было бы неблагоразумным давать ей советы относительно того, с кем ей стоит обедать — с вами или с кем-то другим.

Он ожидал злобного взрыва, но, к его удивлению, приземистый мужчина только рассмеялся и, помахав на прощанье рукой, пожелал приятного пути. Когда автомобиль огибал домик привратника, Майкл, оглянувшись, увидел, как он стоит на дороге и разговаривает с Фоссом, который по какой-то причине остался.

А затем, переведя взгляд с двух мужчин на окно библиотеки, где в своей темнице чудовищный Бэг находился в ожидании ужасных, безжалостных приказаний, Майкл Бриксан, привыкший к опасностям с любой стороны, почувствовал, что его сердце содрогается от мрачных предчувствий.

ПРЕДОК

Доуэр-хаус находился в стороне от главного шоссе, среди разбросанной группы невысоких построек, позади обвалившихся оград и осыпавшихся стен. То, что раньше было прекрасной лужайкой, превратилось в заросли сорняков. Там, где раньше господа играли в шары, появился чертополох и куриная слепота.

С одного взгляда Майкл понял, что используется лишь часть дома. Только в одном крыле здания окна были целыми, остальные же были разбиты или настолько покрыты грязью, что казались закрашенными.

Майкл с любопытством разглядывал мистера Сэмпсона Лонгвейла, вышедшего их встретить; его лысый череп, блестевший под ярким солнцем, его полосатые желтоватого цвета брюки, бархатный жакет и старомодный галстук — все это соответствовало описанию, данному Грегори Пенном.

— Рад вас видеть, мистер Небворт. У меня очень бедный дом, но я окажу вам очень богатый прием! В моей маленькой столовой подан чай. Не будете ли вы так любезны представить меня членам вашей труппы?

Учтивость и чувство собственного достоинства были просто очаровательны, и Майкл почувствовал теплую симпатию к этому удивительному старику, который привносил в современную обстановку аромат прошедшего века.

— Мне бы хотелось снять одну сцену, прежде чем опустится тьма, мистер Лонгвейл,— сказал Небворт,— так что, если вы не возражаете, мы быстро перекусим, минут за пятнадцать.— Он посмотрел вокруг.— А где Фосс? — спросил он.— Я хочу внести изменения в одну сцену.

— Мистер Фосс сказал,— ответил кто-то из труппы,— что он доберется сюда пешком. Ему нужно было остаться, чтобы поговорить с сэром Грегори.

Джек Небворт крепко выругался по адресу бестолкового литконсультанта.

— Надеюсь, он остался не для того, чтобы занять денег,— недовольно бросил Джек.— Этот парень, еще чего доброго, лишит нас кредита. У него всегда нет денег, и он вечно идет на разные махинации, после которых становится еще более нищим, чем прежде. Когда человека заклинило на чем-нибудь подобном, его отделяет от тюрьмы всего лишь один шаг. Вы хотите здесь переночевать? Не думаю, что вы сможете выспаться,— заметил он Майклу, переменив тему.— Но мне казалось, вы собирались вернуться в Лондон?

— Не сегодня вечером,— быстро ответил Майкл.— Не беспокойтесь за меня. Мне бы очень не хотелось причинять вам какие-либо неудобства.

— Пойдемте,— чуть слышно произнес Небворт,— я познакомлю вас со стариком. Он странный тип, но с душой ребенка.

— По тому, что я видел, он мне понравился,— ответил Майкл.

Мистер Лонгвейл еще раз произнес приветственные слова.

— Боюсь, однако,— заметил он,— что в столовой не хватит места для всей труппы. Я приказал накрыть стол в моем кабинете. Надеюсь, вы и члены вашей труппы не откажетесь попить там чаю?

Он проводил гостей в узкую длинную комнату, потолок которой поддерживали почерневшие балки. Стены ее были обшиты панелями, которые от прикосновения множества рук стали гладкими и блестящими. Им было несколько сотен лет. “К счастью, над камином нет никакого оружия”,— удовлетворенно подумал Майкл. Его заменял портрет красивого старого джентльмена, который был изображен таким величественным, что невольно обращал на себя внимание.

Майкл ни слова не сказал по поводу этой картины. Старик тоже молчал и заговорил о портрете значительно позднее. Все быстро перекусили. Сидя у стены, Майкл молча наблюдал за тем, как снималась последняя сцена, и был потрясен удивительно пластичной игрой Адель. Он был хорошо знаком с кинематографом, с тем, как делаются фильмы, и прекрасно понимал, что значит для режиссера иметь в своем распоряжении актера, способного воспроизвести движения и эмоции минувшей эпохи.

Это была уже не Адель Лэмингтон. Это была Розелла, наследница имения, которого пытался лишить ее безнравственный кузен. Сам сюжет показался Майклу знакомым — довольно грубый плагиат хорошо известного произведения. Бриксан не замедлил упомянуть об этом, как только съемка была закончена.

— Я так и думал, что это уже было,— философски заметил Джек,— но в подробности не вдавался. Это дело Фосса, и мне неприятно сознавать, что в сюжете нет ничего оригинального.

Наконец, с большим опозданием, появился мистер Фосс, и Майклу очень хотелось бы узнать, о чем же был конфиденциальный разговор между литконсультантом и сэром Грегори.

Вернувшись в длинный кабинет, он остановился у окна, наблюдая, как гасли последние лучи солнца, и пытаясь понять, почему его так сильно влекло к Адель.

Майкл Бриксан встречал многих прекрасных женщин — женщин из разных слоев общества. Он был близко знаком со многими, однажды чуть было не влюбился. Но только сейчас, с холодным рассудком анализируя свои чувства, он понял, что находится в опасности — по-настоящему влюбиться в девушку, с которой никогда не встречался до минувшего дня.

— Но это чушь,— неожиданно произнес он вслух.

— Что чушь? — спросил Небворт, незаметно вошедший в комнату.

— Мне тоже интересно, о чем вы думали,— с улыбкой произнес старый Лонгвейл, который до этого молча наблюдал за молодым человеком.

— ...Я...э... я размышлял о портрете,— сказал Майкл, повернулся и показал на картину над камином. В каком-то смысле он говорил правду, ибо нить его размышлений затрагивала не только Адель.— Лицо это показалось мне знакомым,— добавил он,— но это чушь, так как портрет явно старой работы.

Мистер Лонгвейл зажег две свечи и поднес одну из них к портрету. Взглянув на него, Майкл опять поразился величественности изображенного лица.

— Это мой прапрапрадядя, Чарльз Генри,— с гордостью произнес старый мистер Лонгвейл,— или, как мы любовно называем его в кругу нашей семьи, “великий месье”.

Когда старик заговорил, Майкл полуобернулся к окну... День угасал, а комната была освещена всего двумя свечами. Вдруг все поплыло перед его глазами. Джек Небворт, увидев, как побледнело лицо Майкла, схватил его за руку.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего,— неуверенно произнес молодой человек.

Небворт повернулся к окну.

— Что это было? Вы видели? — воскликнул Джек и бросился к окну, пытаясь разглядеть, что происходит на улице.

— Что? — спросил присоединившийся к ним старый Лонгвейл.

— Готов поклясться, что видел в окне какую-то голову. А вы ее заметили, Бриксан?

— Да, что-то было,— неуверенно произнес Майкл.— Вы не будете возражать, если я выйду в сад?

— Надеюсь, вы видели ее,— добавил Джек.— Она была похожа на морду обезьяны.

Майкл кивнул. По вымощенному плитами коридору он вышел в сад. Едва сделав это, он выхватил из-за пояса браунинг, снял его с предохранителя и сунул в карман куртки.

Вскоре молодой человек исчез во тьме. Пять минут спустя Небворт, увидев, как он ходит по аллее сада, присоединился к нему.

— Что-нибудь видели?

— В саду ничего. Вы, должно быть, ошиблись.

— Но разве вы не видели его?

— Может быть, мне только показалось,— с притворным безразличием сказал Майкл.— Когда вы собираетесь снимать ночные сцены?

— Вы что-то видели, Бриксан. Это было лицо?

Майкл Бриксан кивнул.

1

ОТКРЫТОЕ ОКНО

Майкл ходил по аллее сада, когда зажужжал генератор, установленный на грузовике, с шипением вспыхнули юпитеры и фасад дома неожиданно осветился ярким светом. На обочине дороги остановился мотоциклист, чтобы полюбоваться необычным зрелищем.

— Что происходит? — спросил он с любопытством.

— Снимают фильм,— ответил Майкл.

— Ах, вот в чем дело. Наверное, это компания Небворта.

— Куда вы направляетесь? — неожиданно поинтересовался Майкл.— Простите меня за вопрос, но если вы в Чичестер, то окажете мне большую услугу, подбросив туда.

— Садитесь,— сказал мотоциклист.— Я еду в Петворт, но это недалеко от Чичестера, так что могу вас подвезти.

Майкл слез недалеко от рыночной площади и направился к дому своего бывшего школьного учителя, у которого среди всего прочего была великолепная библиотека. Отклонив настойчивое предложение хозяина пообедать, Майкл сразу же изложил цель своего прихода.

— Что-то не помню,— смеясь, заметил старый учитель,— чтобы вы в школе были прилежным учеником, Майкл. Но вы можете осмотреть библиотеку.

Майкл пробыл в библиотеке двадцать минут. Когда он вышел из кабинета, его глаза сияли торжеством.

— Можно воспользоваться вашим телефоном? — спросил он и сразу же дозвонился до Лондона.

В течение десяти минут он разговаривал со Скотланд-Ярдом. Закончив, он прошел в столовую, где учитель, старый холостяк, в одиночестве поглощал свой обед.

— Вы можете оказать мне еще одну услугу, наставник моей молодости,— сказал Майкл.— Есть ли у вас, в этой цитадели мира, пистолет с более тяжелыми патронами, чем этот? — И он положил свой браунинг на стол.

Майклу было известно, что в свое время мистер Скотт был офицером территориальной армии и даже инструктором офицерского учебного корпуса, так что в его просьбе не было ничего необычного.

— Да, у меня кое-что есть. Помощнее, чем у вас. А вы что, собираетесь поохотиться на слонов?

— На более опасное создание,— ответил Майкл.

— Я всегда страдал любопытством,— сказал учитель и спустя несколько секунд вернулся с браунингом большего калибра и коробкой патронов.

Пять минут они прочищали пистолет, давно не бывший в употреблении. Опустив новое оружие в карман куртки, Майкл попрощался и с легким сердцем вышел на улицу. После посещения учителя он яснее представлял вставшую перед ним задачу.

В местном гараже Майкл нанял машину и, немного не доезжая до Доуэр-хаус, отпустил ее. Джек Небворт даже не заметил его отсутствия. Но старый мистер Лонгвейл сразу же подошел к Майклу, как только тот появился в саду.

— Могу я поговорить с вами, мистер Бриксан? — спросил он тихим голосом, и они вдвоем вошли в дом.— Помните, мистер Небворт был очень взволнован, потому что ему показалось, что кто-то — с мордой обезьяны — уставился в окно?

Майкл кивнул.

— Ну так вот. Конечно, это чертовски странно,— внушительно произнес старик,— но четверть часа тому назад я оказался в дальнем конце сада и, когда посмотрел через ограду в поле, увидел, как там, чуть ли не прямо из-под земли, выросла гигантская фигура, которая затем двинулась в сторону тех кустов,— и он показал в окно на группу небольших деревьев на противоположной стороне дороги.— Она, казалось, специально пригибается к земле, чтобы никто не заметил ее движений.

— Вы мне покажете это место? — быстро спросил Майкл.

Следуя за стариком, он пересек дорогу и подошел к кустам, но там уже никого не было. Пригнувшись, чтобы иметь больший диапазон обозрения, Майкл оглядел ограниченный горизонт, но не заметил никаких признаков Бэга. В том, что это Бэг, он не сомневался. Может быть, в этом нет ничего опасного, ведь Пенн рассказывал ему, что орангутанг имеет привычку совершать ночные прогулки и что он совершенно безобиден. Но если предположить...

Мысль была абсурдной, фантастически абсурдной. Но все же, если учитывать экстраординарную человекоподобность животного, ничто не покажется таким уж абсурдным.

Вернувшись в сад, Майкл отправился на поиски девушки. Она уже отснялась в своем эпизоде и молча наблюдала за съемкой действий двух актеров, исполнявших роли взломщиков, которые карабкались по стене в свете юпитеров.

— Извините меня, мисс Лэмингтон, но я должен задать вам неприятный вопрос. Вся ваша одежда при вас?

— Что за странный вопрос! Все при мне. Я даже привезла одежду на случай, если переменится погода.

— Тогда еще один вопрос. Вы ничего не забыли в Грифф-тауэрс?

— Я потеряла шарфик,— быстро ответила девушка.— Вы его нашли?

— Нет. А когда вы его потеряли?

— Чуть ли не сразу же по приезде туда. На какую-то секунду мне показалось...— Она замолчала.— Правда, это глупо, но...

— Что вам показалось? — спросил Майкл.

— Я бы не хотела говорить вам. Это мое личное дело.

— Вы подумали, что сэр Грегори взял его на память, как сувенир?

Даже в полутьме он заметил, как она покраснела.

— Да,— несколько натянуто согласилась с ним девушка.

— Тогда смена вашего гардероба не имеет особого значения,— сказал Майкл.

— О чем вы говорите?

Адель подозрительно посмотрела на Майкла, который догадывался, что она думает, будто он выпил, но больше всего на свете ему хотелось бы объяснить ей смысл своих казалось бы несвязных вопросов.

— А теперь все — спать! — раздался голос старого Джека Небворта.— Все! Спать! Мистер Фосс покажет вам ваши комнаты. Мне нужно, чтобы в четыре утра вы все были уже на ногах, так что постарайтесь быстрее заснуть. Фосс, вы распределили комнаты?

— Да,— ответил тот.— На каждой двери табличка с именами.

Адель пожелала детективу приятного сна и отправилась в свою комнату — небольшую, просто обставленную, с каким-то затхлым запахом.

Она закрылась на ключ, погасила свечи, в темноте разделась, подошла к окну и открыла его. И тут в центре одной из небольших планок оконного переплета она заметила кружочек бумаги. Он был приклеен с улицы. Сперва она хотела содрать его, но затем подумала, что это, может быть, специальный указатель, которым Небворт решил отметить точное место для утренних съемок.

Адель не могла сразу же заснуть. По какой-то странной причине она никак не могла избавиться от чувства раздражения по отношению к Майклу Бриксану. "Он — приятный юноша",— говорила она себе. Какое-то шестое женское чувство постоянно наводило ее на эту мысль. "Но он, конечно, нахал". В конце концов, ее настроение изменилось, и она заснула с улыбкой на губах.

Она проспала два часа, хотя они и показались ей всего двумя секундами. Ее разбудило ощущение надвигающейся опасности. Она села в кровати, сердце ее бешено билось. Адель оглядела комнату. При бледном лунном свете был виден почти каждый ее угол. Комната была пуста. Может быть, кто-нибудь, находящийся за дверью, разбудил ее? Она подергала дверную ручку. Дверь была заперта. "Окно? Оно ведь у самой земли",— вдруг вспомнила Адель. Подойдя к окну, она закрыла одну раму. Когда же стала закрывать вторую, из темноты внизу вдруг показалась огромная волосатая лапа и схватила ее за руку, сжав ее, как в тисках.

Адель не испустила ни звука, она стояла не дыша, буквально умирая от страха. Сердце замерло, и она почувствовала, как ее охватывает смертельный холод. "Что это? Что это может быть?" Собрав все свое мужество, она посмотрела вниз прямо в ужасное, чудовищное лицо и два круглых зеленых глаза, уставившихся на нее.

Это создание что-то нежно щебетало ей. В темноте она увидела блеск его белых зубов. Ухватившись одной лапой за стебли плюща, другой оно крепко держало запястье Адель, которая безуспешно пыталась вырваться. Над подоконником вдруг появилась огромная волосатая нога чудовища, за ней вторая лапа, закрывшая ей лицо.

Несмотря на то, что ее крик был приглушен волосатой лапой, его кто-то услышал, ибо откуда-то снизу сверкнул огонь и прозвучал выстрел. Раздался свист пули, которая ударила в кирпичную стену и рикошетом отскочила от нее. Огромная обезьяна сразу же отпустила свою жертву и исчезла из виду. Едва не потеряв сознание, Адель упала на подоконник, не в состоянии двигаться. Потом она увидела, как из кустов появилась какая-то фигура, и сразу же узнала полуночного бродягу — им оказался Майкл Бриксан.

— Вы не пострадали? — спросил он тихим голосом.

Адель не могла произнести ни слова, поэтому только покачала головой.

— Я попал в него?

— Боюсь, что нет,— произнесла она с трудом хриплым голосом.— Он исчез.

Майкл вынул фонарик и осмотрел землю.

— Никаких следов крови. В него было трудно стрелять, я боялся случайно попасть в вас.

Сверху раскрылось окно, и в ночи раздался голос Джека Небворта:

— Что там еще за стрельба? Бриксан, это вы?

— Да, я. Спускайтесь вниз. Я вам кое-что покажу.

Шума выстрела, видимо, никто больше не услышал, поэтому, когда Небворт вышел в сад, он увидел там одного Майкла Бриксана.

В нескольких словах Майкл рассказал ему о происшедшем.

— Эта обезьяна принадлежит вашему другу Пенну,— заметил Майкл.— Я ее видел сегодня утром.

— Может, когда она бродила по окрестностям, то случайно увидела открытое окно? Как вы думаете?

— Нет,— спокойно сказал Майкл, покачав головой,— она пришла сюда с одним намерением, с одной целью, а именно: выкрасть вашу ведущую актрису. Это, пожалуй, звучит весьма драматично и невероятно, но таково мое мнение. Эта обезьяна, должен сказать вам, почти как человек.

— Но она не может знать девушку. Она ведь никогда ее не видела.

— Она могла ее найти по запаху,— сразу же сказал Майкл.— Сегодня днем в Грифф-тауэрс Адель потеряла свой шарф. Наверняка его выкрал благородный Грегори Пенн, чтобы затем дать его понюхать Бэгу.

— Не могу поверить в это! Невероятно! Хотя должен признать,— задумчиво произнес Джек Небворт,— эти огромные обезьяны — удивительные существа. Кстати, а что вы делаете здесь?

— Просто веду наблюдение,— беззаботно отозвался его собеседник.— Я и не собирался уходить из сада, потому что ожидал появления братца Бэга. А это кто?

Открылась дверь, и на улицу из дому вышла стройная фигура, облаченная в халат.

— Дорогая, вы можете сильно простудиться,— предупредил Небворт.— Что с вами произошло?

— Не знаю.

Девушка все еще чувствовала, как болит ее рука.

— Мне что-то послышалось, я подошла к окну, и тут вдруг это ужасное чудовище схватило меня. Что это было, мистер Бриксан?

— Ничего особенного, просто обезьяна,— с показным равнодушием произнес Майкл.— Виноват, что так напугал вас. Мне кажется, стрельба встревожила вас больше?

— Вы прекрасно знаете, что нет. О, это было ужасно, ужасно!

Адель закрыла лицо дрожащими руками.

— Я думаю, она права,— проворчал старый Джек.— Тем не менее, сударыня, вы обязаны нашему другу. Он явно ожидал этого визита и поэтому был в саду.

— Ожидал?! — удивленно произнесла Адель.

— Мистер Небворт сам сыграл значительную роль в том, что приписывает мне,— сказал Майкл.— Если вы думаете, что во мне говорит естественная скромность героя, то ошибаетесь. Я действительно ожидал этого джентльмена, но только потому, что его видел в поле мистер Лонгвейл. Кстати, вы его и сами видели, Небворт, разве не так?

Джек кивнул.

— Фактически мы все видели его,— продолжал Майкл.— И поскольку мне не нравится, чтобы будущую звезду — простите мою благую надежду — беспокоили визиты различных обезьян, я решил посторожить в саду.

Под влиянием неожиданного порыва Адель тепло пожала ему руку.

— Благодарю вас, мистер Бриксан,— сказала она.— Я ошибалась в отношении вас.

— С кем не бывает! — произнес Майкл, выразительно пожав плечами.

Адель вернулась в свою комнату и на сей раз закрыла окно. Еще раз, прежде чем лечь спать, она встала, посмотрела в окно из-за занавески и увидела внизу свет зажженной сигареты своего сторожа. Успокоенная, она легла и проснулась всего за несколько минут до того, как Фосс начал делать обход, будя артистов.

Литконсультант первым спустился вниз. В восходящих лучах солнца начали тускло вырисовываться очертания сада. Мистер Фосс хриплым голосом пожелал Майклу Бриксану доброго утра.

— И вам доброго утра,— ответил Майкл.— Кстати, мистер Фосс, вы вчера задержались в Грифф-тауэрс, чтобы переговорить со своим другом Пенном?

— Это не ваше дело,— грубо отрезал Фосс, намереваясь удалиться, но Майкл встал у него на пути.

— Но есть один вопрос, который имеет ко мне прямое отношение, а именно: почему этот маленький кружок бумаги появился на окне мисс Лэмингтон?

И он указал на кружок, который днем раньше обнаружила Адель.

— Я ничего не знаю об этом,— с возмущением произнес Фосс, хотя в его голосе прозвучали нотки страха.

— Если вы не знаете, то кто знает? Я сам видел, как вы вчера вечером наклеивали этот кружок, незадолго до того, как опустилась тьма.

— Ну что ж, если вам нужно это знать, то это метка для кинооператора.

Это было вполне благовидное объяснение. Майкл сам видел, как Джек Небворт делал в саду различные отметки, чтобы актеры не выпадали из кадра. При первой же возможности он спросил об этом Небворта.

— Нет, я не давал распоряжения делать метки. Где она?

Майкл показал.

— Даже если б у меня было такое намерение, я бы никогда не поставил здесь метку. Прямо в центре окна! Что вы думаете об этом?

— Я думаю, что эта метка была установлена Фоссом по просьбе Грегори с одной-единственной целью.

— Какой? — широко раскрыв глаза, спросил Небворт.

— Чтобы показать Бэгу, где комната Адель Лэмингтон. Вот с какой, — ответил Майкл, совершенно уверенный, что именно так и было.

КРИК ИЗ БАШНИ

Майкл не стал дожидаться, когда начнутся утренние съемки. Он решил перейти к действиям и, как только представилась возможность, незаметно покинул Доуэр-хаус, пересек поле и добрался до дороги, ведущей в Грифф-тауэрс.

Вскоре он дошел до высокой каменной стены, служившей южной границей владений баронета, и пошел вдоль нее, пока не оказался у двери, которой по всей видимости недавно пользовались, ибо он с удовлетворением отметил, что она была слегка приоткрыта. Он осторожно продолжал свои исследования, пока не дошел до высокой живой изгороди из самшита, отделявшей огород от прекрасного сада, служившего предшествующим утром фоном для киносъемок Джека Небворта.

Майкл все время окидывал окружающую местность ищущим взглядом, опасаясь появления ужасной фигуры Бэга. Наконец он добрался до конца изгороди и оказался всего в нескольких шагах от посыпанной гравием площадки у входа и менее чем в полудюжине ярдов от высокой квадратной серой башни, давшей название поместью[1].

---

[1] Тауэр (англ. tower) — башня.

Он еще раздумывал, заходить в дом или нет, как вдруг услышал звон стекла и, подняв голову, увидел, как из самой верхней комнаты башни полетели вниз осколки разбитого окна. Солнце еще не встало, земля была покрыта предрассветной тьмой, и изгородь служила великолепным укрытием.

"Кто бы мог разбить окно в такое раннее время? Неужели осторожный Бэг?" Майкл все еще раздумывал, как вдруг утренний воздух прорезал пронзительный крик, полный такого ужаса, что от него стыла кровь в жилах. Он внезапно раздался в верхней комнате и так же внезапно затих.

Не колеблясь больше ни минуты, Майкл вышел из своего укрытия, быстро перебежал покрытую гравием дорожку и позвонил в колокольчик у входа в башню.

Прошла минута, другая. Он уже было протянул руку, чтобы позвонить во второй раз, как вдруг услышал тяжелую поступь человека, идущего в шлепанцах по коридору.

— Кто там? — раздался глухой голос.

— Майкл Бриксан.

Послышалось ворчание, звяканье цепочек, щелканье замков, и наконец большая дверь немного приоткрылась.

Показался Грегори Пенн в серых фланелевых брюках и рубашке с расстегнутыми манжетами. При виде детектива недовольство на его лице сменилось удивлением.

— Чего вы хотите? — требовательно спросил он и еще больше приоткрыл дверь.

— Хочу видеть вас,— ответил Майкл.

— Вы что, всегда наносите визиты на рассвете? — недовольно спросил Грегори, закрывая дверь после того, как впустил нежданного гостя.

Майкл ничего не ответил и молча последовал за Грегори Пенном. В библиотеке ночью явно кто-то был. Окна были закрыты, свет включен, а перед камином на столе стояли две бутылки виски, одна из которых была уже опорожнена.

— Ваш орангутанг дома? — спросил Майкл.

— Что? Бэг? Думаю, что да. Он сам выбирает, когда гулять. Вы хотите его видеть?

— Не особенно,— ответил Майкл.— Я его сегодня уже видел. Ночью.

Пенн взял уголек из камина, прикурил сигарету и быстро повернулся.

— Вы его уже видели? Что вы этим хотите сказать?

— Я видел его в Доуэр-хаус, когда он пытался пробраться в комнату мисс Лэмингтон. Этот орангутанг был очень близок к своей смерти.

Грегори бросил уголек, от которого прикуривал, в камин и встал.

— Вы его убили? — спросил он.

— Я стрелял в него.

— Вы стреляли в него,— мягко повторил Грегори.— Этим все объясняется. Но почему вы стреляли в него? Ведь он же совершенно безобиден.

— Он мне таковым не показался,— холодно возразил Майкл.— Он пытался вытащить мисс Лэмингтон из комнаты. Это вы послали его за девушкой. Вы также уговорили Фосса сделать метку на окне, чтобы Бэг знал, где ее спальня.

Майкл замолчал, но ответа не последовало.

— Это пещерные методы, даже когда человека крадет человек, но когда для осуществления подобной кражи человек посылает обезьяну, это уже переходит всякие границы.

Глаз Пенна не было видно, но его лицо посерело.

— Вот вы как,— сказал он.— А я думал, мы с вами подружимся.

— Я не несу ответственности за ваши иллюзии,— заметил Майкл.— Но хочу сказать вам,— и он постучал пальцем по груди собеседника,— что, если что-нибудь произойдет с Адель Лэмингтон и следы приведут к вам или вашему дьявольскому помощнику, я не удовлетворюсь только мистером Бэгом, я приду сюда и убью вас. Вы это понимаете? А теперь я хотел бы знать, что это за крик раздался из вашей башни.

— Какого черта! Вы, верно, вообразили, что я на перекрестном допросе? — горя от ненависти и брызжа слюной, выпалил Пенн.

Майкл вынул из кармана визитную карточку и вложил ее в руку Грегори.

— Здесь вы найдете ответ на свой вопрос,— сказал он.

Грегори Пенн взял карточку, подошел к настольной лампе и стал читать. Эффект был потрясающий.

Его мощная челюсть отвисла, а рука так сильно задрожала, что карточка упала на пол.

— Детектив? — в ужасе пролепетал он.— Д... Детектив! Что вам здесь нужно?

— Я слышал чей-то крик,— сказал Майкл.

— Это, должно быть, кто-нибудь из слуг. У меня служит папуаска, она немного не в себе, мы сегодня отправляем ее в больницу. Если хотите, я схожу и посмотрю.

Он поглядел на Майкла, как бы испрашивая разрешения.

Майкл кивнул.

Полный мужчина поспешил удалиться. Щелкнул замок. Майкл мгновенно оказался у двери, пытаясь ее открыть. Она была заперта!

Он оглянулся по сторонам, подбежал к одному из окон, отдернул портьеру. Окно оказалось закрытым решеткой, запертой на замок.

Не успел Майкл понять это, как все огни в комнате разом погасли, и только от камина исходил слабый багровый свет.

НЕУДАВШАЯСЯ ЛОВУШКА

Затем раздался слабый скрип, сопровождающийся едва слышным шумом шагов и тяжелым дыханием.

Майкл не стал ждать. Он выхватил браунинг и дважды выстрелил в замок решетки. Звук выстрела наполнил грохотом замкнутое помещение. Это, должно быть, оказало немедленное воздействие на незваного гостя, ибо, когда решетка со стуком распахнулась и под действием ветра занавеска взмыла вверх, впустив первые солнечные лучи, комната оказалась пустой. Почти сразу же открылась дверь. Если до этого баронет был в панике, то сейчас его вид был просто жалким.

— Что это, что это? — бормотал он, запинаясь.— Что это за выстрелы?

— Это я стрелял,— спокойно ответил Майкл.— Джентльмену, которого вы послали ко мне, чтобы утрясти наши с вами дела, очень повезло, так как я решил заняться стрельбой только по решетке.

Майкл увидел на полу что-то белое, быстро пересек комнату и поднял шарфик из плотного шелка.

— Кто-то в спешке обронил его здесь. Уверен, что им собирались воспользоваться.

— Мой дорогой друг, уверяю вас, я ничего не знал.

— Ну а как наша больная, лунатичка, которая кричала?

Грегори Пенн пытался сдержать дрожь.

— С ней все в порядке. Это был... как я и думал,— сказал он,— просто приступ.

Майкл печально посмотрел на него.

— Я бы хотел взглянуть на нее, если не возражаете,— сказал он.

— Я запрещаю! — вызывающе громким голосом заявил Пенн.— Я запрещаю вам кого-либо видеть. Какого черта! Вы врываетесь в мой дом ни свет ни заря и портите мое имущество.

Майкл не стал возражать. Он медленно пошел к выходу. На улице светало.

— Я не настаиваю на обыске вашего дома,— заявил Майкл, стоя в дверях и повернувшись к Грегори Пенну,— потому что, как вы знаете, у меня нет ордера, а к тому времени, когда я его раздобуду, искать будет нечего. Но берегитесь, мой друг!

С этими словами он вышел из дома, прошел несколько шагов и, подняв голову, встретился взглядом с девушкой, выглядывающей из верхнего окна башни. Лицо ее выражало отчаяние.

Майкл вернулся в Доуэр-хаус к завтраку. Его отсутствия никто не заметил, за исключением, пожалуй, одной Адель, которая заикнулась об этом при встрече.

Джек Небворт был в очень хорошем настроении. По его мнению, снятые сцены были просто великолепны.

— Я, конечно, не могу дать окончательного заключения, по крайней мере до тех пор, пока фильм не будет монтироваться, но что касается молодой Лэмингтон — она чертовски хороша. Я не люблю загадывать, но мне кажется, она станет выдающейся актрисой. Кинозвездами не рождаются, ими становятся в результате горького опыта, терпения и страдания. Они проходят несколько стадий, не раз бывают на грани провала, пока не добиваются успеха. Ваша девушка прошла все этапы и сразу же хорошо проявила себя, как только получила возможность.

— Когда вы говорите о “моей девушке”,— осторожно произнес Майкл,— будьте любезны не забывать, что у меня к ней просто случайный интерес.

— Если вы не лжете,— сказал Джек Небворт,— тогда вы просто болван.

Когда они вернулись в Чичестер, Небворт увидел, что его ждет посетительница. Он холодно с ней поздоровался.

— Я хочу поговорить с вами, мистер Небворт,— произнесла Стелла Мендоса, одновременно улыбнувшись ведущему актеру, сопровождавшему кинорежиссера. С видом раскаяния и смятения она достала кружевной платочек. Однако это не произвело на Джека никакого впечатления.

— Я вела себя очень глупо и пришла просить у вас прощения. Мне прийти утром или я могу приступить к съемкам сегодня?

— Вы не нужны ни сегодня, ни завтра, Стелла,— сказал Небворт с иронической улыбкой.— Заменившая вас девушка играет удивительно хорошо, и я не намерен что-либо менять.

Стелла бросила на него злобный взгляд, резко контрастирующий с ее недавним показным смирением.

— У меня контракт. Надеюсь, вы знаете это, мистер Небворт? — вызывающе бросила она.

— А мне бы так хотелось играть в паре с мисс Мендосой,— проворковал сладкий голос, принадлежавший молодящемуся Корби Коннолли, мужчине с прилизанными волосами.— Так трудно играть в паре с мисс... Я даже не знаю ее имени. Она так... Ей не хватает мастерства, мистер Небворт. Более того, я чувствую, несправедливо лишать мисс Мендосу участия в съемках,— сказал Корби.— Нет, несправедливо. Я чувствую себя просто ужасно, сильно нервничаю, а человеку очень трудно самовыражаться, если он нервничает. Вообще-то,— добавил он беззаботно,— я не собираюсь сниматься, пока не вернется мисс Мендоса.

Стелла бросила ему благодарный взгляд, а затем с улыбкой обернулась к молчащему Джеку.

— Так мне сегодня приступать?

— Ни сегодня, ни завтра,— рявкнул старый режиссер. Глаза его горели бешенством.— А что касается вас, наш нежный герой, если вы попытаетесь давить на меня, я добьюсь того, что вы окажетесь в черном списке всех студий нашей страны, и всякий раз при встрече я буду пинать вас под зад.

Едва сдерживаясь от ярости, Джек прошел в кабинет, где его уже ожидал Майкл.

— Что вы думаете об этом? — сказал Джек, когда успокоился.— И с такими приходится работать! Он, видите ли, собирается уйти с середины картины! Вы слышали его? Этого сюсюкающего мышонка! Скажите, Бриксан, а вы бы не хотели сыграть в паре с моей девушкой? Вряд ли вы будете хуже Коннолли, а время, свободное от поисков Охотника за головами, заполните делом.

— Нет, благодарю вас,— ответил Майкл.— Это не мое амплуа. Что же касается Охотника за головами,— он медленно закурил сигарету,— я знаю, кто он, и могу взять его в любое время.

Джек уставился на него в изумлении.

— Вы шутите! — воскликнул он.

— Напротив, я говорю серьезно,— спокойно ответил Майкл.— Но знать Охотника за головами и довести его дело до суда — разные вещи.

Джек Небворт сел за письменный стол, засунул руки в карманы брюк и с лицом, полным недоверия, обернулся к детективу.

— Неужели кто-нибудь из моей команды? — с тревогой спросил он.

Майкл рассмеялся.

— Я не имел удовольствия познакомиться со всеми членами вашей труппы,— дипломатично сказал он, — но в любом случае вам не стоит беспокоиться об Охотнике за головами. Что вы собираетесь делать с мистером Корби Коннолли?

Режиссер пожал плечами.

— Конечно, он иное имел в виду, а мне не стоило взрываться,— сказал он.— Такие дураки обычно сами не знают, что говорят. Что же касается Мендосы...— Джек выразительно махнул рукой, и этим было все сказано.

Мисс Стелла Мендоса, однако, не собиралась мириться со своей отставкой. Она начинала с нуля и не думала без боя сдавать свои позиции. А надо сказать, позиции ее были сильны. Она была достаточно обеспечена, причем настолько, что могла бы себе позволить вообще не работать. В дополнение к большим заработкам она имела доход из источника, которым никто никогда вплотную не интересовался. Однако существовала опасность, что Небворт может расширить границы боевых действий.

Выйдя из студии, она столкнулась с Лоули Фоссом и рассказала ему о результатах своего разговора.

— Если дело обстоит таким образом, вы ничего не добьетесь,— сказал он.— Я бы замолвил за вас словечко, Стелла, но мне самому придется защищаться,— с горечью добавил он.— Слишком унизительно человеку с моим талантом кланяться этому старому янки.

— Вам следовало бы иметь свою собственную студию, Лоули,— произнесла Мендоса. Впрочем, она это говорила ему и раньше.— Вы бы писали сценарии, а я бы воплощала их на экране. Вы бы всех обскакали, Лоули. Я уверена!

— Он сейчас у себя?

Мендоса кивнула, и Лоули Фосс, не говоря больше ни слова, в каком-то странном тревожном состоянии постучал в дверь кабинета шефа.

— Дело в том, мистер Небворт, что я хотел бы просить вас об одолжении.

— Опять деньги? — резким тоном спросил Джек, нахмурив мохнатые брови.

— Да, вообще-то деньги. Я просрочил парочку мелких счетов, судебные исполнители стали наседать на меня. К двум часам дня я должен раздобыть 250 фунтов.

Джек выдвинул ящик стола, достал чековую книжку и выписал чек на две сотни фунтов.

— Это вам за месяц вперед,— сказал он.— Вы свою зарплату уже получали. По условиям контракта вас должны предупреждать за месяц до увольнения или же заплатить за этот месяц. Вот, получите.

Фосс побагровел самым отталкивающим образом.

— Вы хотите сказать, что я уволен? — громко спросил он.

Джек кивнул:

— Да, уволены. Но не потому, что просите денег, не потому, что вы один из самых тяжелых людей, с которыми мне приходилось иметь дело, а за то, что вы сделали вчера вечером.

— Что вы имеете в виду?

— Я хочу сказать, и здесь я придерживаюсь точки зрения мистера Бриксана, что вы специально сделали метку на окне комнаты, которую занимала мисс Лэмингтон, для того чтобы оказать помощь посланцу сэра Грегори Пенна. Этот посланец прибыл и чуть было не похитил мою ведущую актрису.

— У вас в крови мелодрама, Небворт,— сказал Фосс с коротким смешком.— Похитить вашу ведущую актрису! Такое может произойти в Соединенных Штатах, но не в Англии.

— Уходя, не забудьте закрыть дверь,— произнес Джек.

ДВОЕ ИЗ СКОТЛАНД-ЯРДА

Чичестер не знаменит своими ресторанами, но зал в небольшом отеле, где в тот день собрались трое, обладал всеми преимуществами для приятного общения.

Когда Майкл Бриксан приехал в свою гостиницу, он узнал, что его ждут два джентльмена. После быстрого знакомства он пригласил их к себе.

— Я рад, что вы пришли,— сказал он, когда один из гостей, полицейский инспектор, прикрыл за собой дверь.— Дело в том, что все эти уголовные дела для меня внове. Боюсь, многого я вам не скажу,— с улыбкой добавил он.— В настоящий момент я еще не готов высказать все свои подозрения.

Инспектор Лайл, старший из пришедших, рассмеялся:

— Нас отдали полностью в ваше распоряжение, капитан Бриксан, и мы не очень-то любопытны. Что же касается информации, которой вы интересовались, то с нею вас ознакомит сержант Уолтерс,— и он показал на высокого коллегу.

— Какую информацию? О Пенне? Он известен полиции? — заинтересованно спросил Майкл.

Сержант Уолтерс кивнул:

— Несколько лет назад он был признан виновным и оштрафован за истязание служанки. Он избил девушку хлыстом и едва избежал тюремного заключения. Так впервые он попал в поле нашего зрения. Мы навели справки в Лондоне и в Малайе и вот что разузнали. Он очень богатый человек и, будучи дальним родственником последнего баронета, можно сказать, присвоил себе его титул. Он в течение 15 или 20 лет жил на Борнео, в самой глубине джунглей, и то, что мы узнали о нем, выставляет его в неприглядном свете. С некоторыми фактами его биографии вы можете ознакомиться на досуге, мистер Бриксан. Они изложены в его деле.

Майкл кивнул.

— Вы слышали когда-нибудь, что у него есть дрессированный орангутанг? — спросил он.

К его удивлению, сержант ответил:

— Бэг? О да, нам о нем все известно. Пенн поймал его совсем маленьким и вырастил в неволе.

Майкл сделал несколько коротких распоряжений.

В тот же вечер, когда Адель шла домой, она заметила, что за ней следует какой-то мужчина. После испытаний предшествующей ночи это обстоятельство могло бы отрицательно сказаться на ее нервах. Но дома она обнаружила записку от Майкла:

“Надеюсь, Вы не будете возражать, если я приставлю к Вам сотрудника Скотланд-Ярда, чтобы Вы не попали в беду. Я не думаю, что Вам угрожает опасность, но буду чувствовать себя спокойнее, если Вы согласитесь потерпеть это неудобство”.

Адель прочитала записку и нахмурилась. Итак, к ней приставлен телохранитель. Конечно, это крайне неудобно, но она не могла не испытывать чувства теплой благодарности к вездесущему энергичному молодому человеку, который, видимо, настроен не выпускать ее из своего поля зрения.

ШОКОЛАДНЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ НИОТКУДА

Столкнувшись с совершенно новым поводом для недовольства жизнью, Лоули Фосс решил собрать все силы, чтобы отомстить за то, что с ним так дерзко обошлись. Первой и самой влиятельной из этих сил была Стелла Мендоса. В гостиной небольшого очаровательного домика, который она сняла, когда вступила в труппу Небворта, состоялся военный совет. Третьим его участником был Корби Коннолли. Только то, что они нуждались друг в друге, вызывало их взаимное расположение.

— Небворт несправедливо поступил с нами, мистер Фосс, в особенности с вами,— сказала Стелла.— Я думаю, по сравнению с вашим делом, мое ничто.

— То, как он с вами обошелся, вызывает у меня негодование,— возмущенно сказал Фосс.— С актрисой такого уровня!

— А сколько вы сделали для него! — продолжила Стелла.— А с Корби он вообще обошелся, как с собачонкой.

— Меня лично это мало беспокоит,— произнес Корби.— Я всегда могу получить контракт, а вот вы...

— Что касается этого, мы все можем устроиться,— кисло сказала Стелла.— Если я захочу, я могу организовать свою собственную компанию. Два кинорежиссера просто сходят по мне с ума, а еще двое, и это я точно знаю, готовы будут отдать на мою компанию все, вплоть до последнего пенни. По крайней мере, внесут достаточную сумму.

— Дело в том, сможем ли мы раздобыть такие деньги сейчас,— заметил Фосс, переходя к практической стороне дела.

На сей раз Стелла не смогла предложить ничего конкретного.

— Если у вас нет такой возможности, я знаю, где их можно раздобыть,— к удивлению всех, продолжил Фосс.— Я не буду говорить, как я это сделаю и у кого их возьму, но я абсолютно уверен, что могу достать огромную сумму, однако мне это было бы значительно легче сделать, если бы деньги предназначались для какой-то определенной цели или лица, но не для меня лично.

— Это менее рискованно? — ляпнул Корби Коннолли, горя желанием хоть как-то участвовать в разговоре.

Это было нетактичное замечание, оно вызвало недовольство Фосса, по обыкновению безобразно побагровевшего.

— Менее рискованно? — прорычал он.— Что, к черту, вы этим хотите сказать?

Бедняга Корби ничего определенного не имел в виду и бросил эту фразу не подумав. Он просто хотел быть полезным и был огорошен тем, что вызвал такую бурю; он замкнулся и в дальнейшем разговоре практически не принимал никакого участия, все больше отступая на задний план.

Ничто так не лишает заговорщика уверенности в себе, как ощущение, что планирование заговора ускользает из его рук, и Корби Коннолли почувствовал, что наступил момент, когда необходимо заявить о себе во весь голос и утвердить себя — это его любимое выражение — как личности.

— Все это очень хорошо, Стелла, но мне кажется, со мной здесь никто не считается.

Его собеседники не были склонны разубеждать его, целиком поглощенные будущим, а не настоящим. Недовольный Корби удалился, прежде чем Стелла поняла, что, удержи она его, Небворт был бы поставлен в такую ситуацию, когда ему ничего бы не оставалось, как уступить, ибо в противном случае он вынужден был бы изъять из картины те части, где снимался Корби.

— Черт с ним, с Коннолли. С этой статисточкой картина точно провалится. Играет она плохо. Кстати, у меня есть друг в Лондоне,— пояснил Фосс после того, как разговор перешел к вопросу о путях и средствах,— который может предоставить деньги. Я знаю, как на него повлиять; в любом случае источник у нас есть. Сегодня вечером я с ним увижусь.

— А кто такой Бриксан? — поинтересовалась Стелла, когда Фосс собрался уходить.

— Детектив.

Она широко раскрыла глаза:

— Детектив? И что же он здесь делает?

Лоули Фосс презрительно улыбнулся.

— Он собирается сделать то, что не под силу человеку с его умственными способностями,— пренебрежительно ответил он,— найти Охотника за головами. Я единственный в мире, кто мог бы ему помочь, а вместо этого я помогаю сам себе.

Он удалился. В кармане у него лежала страница сценария, отпечатанная на машинке Охотника за головами.

Стелла Мендоса была честолюбива, а когда честолюбие ставит своей целью достижение богатства и славы, оно не сдерживается никакими угрызениями совести. Ее личная жизнь и шкала ее ценностей были не лучше и не хуже, чем у тысяч других женщин, и не были порождены ее профессией, так же как и ее любовь к хорошей пище и шикарной обстановке.

После того, как Фосс ушел, она пошла переодеться. Было еще слишком рано звонить, ибо сэр Грегори Пенн не любил, когда она появлялась днем. Он терпеть не мог, когда вторгались в его владения.

Поскольку ей нужно было послать несколько писем, вечером она отправилась в Чичестер, где у пересечения дорог близ торговой площади увидела Майкла Бриксана в довольно странной ситуации. Он стоял в центре небольшой толпы, рядом она заметила шлем полицейского. Мисс Мендоса уже собиралась удовлетворить свое любопытство, но воздержалась. К тому времени, когда она вернулась, толпа рассеялась и Майкла не было. По дороге домой она гадала, что же там делал детектив.

Сам же Майкл был привлечен толпой, которая с интересом наблюдала за безуспешными попытками полицейского что-то объяснить потрясенному шоколадного цвета туземцу, который нелепо выглядел в мешковатом костюме и слишком большом котелке. В одной руке у него был узелок из ярко-зеленого платка, а в другой — какой-то длинный предмет, завернутый в полотно и перевязанный многочисленными веревочками. Сперва Майкл подумал, что это один из малайских слуг Пенна, но затем решил, что вряд ли бы сэр Грегори разрешил кому-нибудь из своих рабов свободно ходить по округе.

Пробравшись сквозь толпу, он подошел к полицейскому. Дотронувшись пальцами до шлема и скорчив гримасу, тот обратился к Майклу:

— Ни слова не разберу из того, что говорит этот парень, сэр. Он что-то хочет узнать, но я ничего не понимаю. Он, видимо, только что пришел в город.

Туземец поднял на Майкла свои большие черные глаза и что-то сказал, но детектив, к сожалению, ничего не смог понять. Как ни странно, в этом человеке ощущалось какое-то достоинство, которое не могло скрыть даже его нелепое одеяние. Статность фигуры, посадка головы, весь облик, в котором сквозило нечто величественное, сразу привлекли внимание Майкла Бриксана, и он по какому-то наитию обратился к нему по-голландски, полагая, что если он из

Малайи, то должен знать этот язык. Лицо туземца сразу же оживилось.

— Да, мой господин, я говорю по-голландски. Я с Борнео и ищу англичанина, которого зовут Труджи. У меня на родине он считается великим человеком. Я хочу увидеть его дом, а после этого я вернусь на Борнео.

Майкл наблюдал за туземцем, у которого было бы довольно красивое лицо, если бы не длинный безобразный шрам, который тянулся ото лба до подбородка.

"Новый слуга для Грегори Пенна",— подумал Майкл и показал туземцу, куда идти. Стоя рядом с полицейским, он следил за странной фигурой, пока та не исчезла из виду.

— Странный язык, сэр,— заметил полицейский.— Для меня это прозвучало китайской грамотой.

— И для меня тоже,— ухмыльнулся Майкл и продолжил свой путь в гостиницу.

ЛИЦО В КАДРЕ

Мистер Сэмпсон Лонгвейл, с важным видом выпуская дым из трубки, прогуливался по тропинке у своего неприглядного дома. На нем, как обычно — а он был человеком привычки,— был длинный серый шелковый ночной колпак. Он только что учтиво распрощался со служанкой, ежедневно приходившей к нему, чтобы прибрать дом и приготовить неприхотливую пищу, когда услышал звук шагов. Сперва он подумал, что это его служанка — у нее была привычка что-нибудь забывать,— но когда обернулся, увидел фигуру неприятного для него соседа, сэра Грегори Пенна, который уже дважды обошелся с ним возмутительно грубо.

С бесстрастным выражением лица старик наблюдал за приближением незваного гостя.

— Добрый вечер,— прорычал Пенн,— могу ли я поговорить с вами наедине?

Мистер Лонгвейл учтиво наклонил голову:

— Конечно, сэр Грегори. Вы войдете?

Он провел владельца Грифф-тауэрс в длинную гостиную и зажег свечи. Сэр Грегори окинул взглядом помещение, его губы презрительно скривились при виде ветхости и бедности обстановки, и он помедлил, прежде чем сесть в кресло, предложенное хозяином.

— Ну, а теперь, сэр? — учтиво спросил мистер Лонгвейл.— Каким обстоятельствам я обязан удовольствию видеть вас?

— Вы ведь врач, не так ли? — вопросом на вопрос ответил сэр Грегори Пенн.

Мистер Лонгвейл был явно удивлен.

— Я практиковал тогда, когда был моложе,— ответил он.

— Вы бедны, да? — Грегори взглядом показал на обстановку.— Клянусь, у вас за душой ни шиллинга.

— А вот здесь вы не правы,— спокойно возразил старый мистер Лонгвейл.— Я удивительно богат, а то, что мой дом в таком состоянии, объясняется тем, что я, как ни странно, люблю старинные вещи. Это, возможно, нездоровая, патологическая склонность. А как вы узнали, что я врач?

— Слышал от одного из своих слуг.

— Я уже давно не практикую,— сказал мистер Лонгвейл.— Я бы хотел, очень хотел бы,— добавил он тоскливо.— Это благородное дело...

— Как бы то ни было,— прервал его Пенн,— даже если вас нельзя купить, вы — скрытый старый черт, а это меня устраивает. В моем доме есть девушка, которая очень больна. Я бы очень не хотел, чтобы местные врачи совали нос в мои личные дела. Вы не могли бы пойти со мной и осмотреть ее?

Старик задумчиво пожевал губами:

— Я был бы очень счастлив, но боюсь, что мои медицинские познания несколько устарели. Она служанка?

— В некотором роде,— коротко ответил Пенн.— Так вы сможете прийти?

— Я могу отправиться прямо сейчас,— важно заявил мистер Лонгвейл и вышел, чтобы переодеться.

В то время, когда мистер Сэмпсон Лонгвейл направлялся в Грифф-тауэрс, Майкл Бриксан, вызванный посыльным, находился в кабинете у Джека Небворта.

— Надеюсь, вы не сердитесь, что я послал за вами, хотя, возможно, этого и не следовало делать,—

сказал режиссер.— Вы помните, что мы снимали некоторые эпизоды нашего фильма в Грифф-тауэрс?

Майкл кивнул.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели сцену на фоне башни. Там что-то есть. Мне было бы интересно знать, что вы скажете об этом.

Они прошли в проекционную.

— Оператор указал мне на это еще в негативе,— пояснил Джек, когда они сели и свет в комнате погас.— Конечно, это видно и в позитиве.

— Что именно? — с любопытством спросил Майкл.

— А вот этого я не знаю,— ответил Джек, почесав затылок.— Сами увидите.

Экран замерцал, и на нем появилось изображение двоих — Адель и Корби Коннолли. Майкл тупо, со все растущим раздражением смотрел, как они разыгрывают любовную сцену.

На заднем плане появилась стена башни, и на ее темном фоне Майкл впервые увидел небольшое окошко, которого раньше не замечал. Несмотря на дневное время, в нем горело электричество.

— Этого окна я раньше не видел,— сказал он.

— Я как раз и хочу, чтобы вы обратили внимание на это окно, — сказал Джек Небворт, и, пока он говорил, в кадре появилось лицо.

Первоначально оно было неясным, размытым, но чуть позднее попало в фокус. Это было овальное лицо темноглазой девушки с растрепанными волосами. На нем читался непередаваемый ужас. Она подняла руку, как бы желая привлечь чье-то внимание, возможно самого Джека, который руководил съемкой. Такова была, по крайней мере, точка зрения Небворта. Они едва привыкли к присутствию в кадре этой темноволосой девушки, как она исчезла, причем так неожиданно, что казалось, ее резко оттащили назад.

— Ну и что вы скажете об этом? — спросил Небворт.

— Похоже, у нашего друга Пенна в его темной башне находится узница. Конечно, это та женщина, крик которой я слышал и о которой он сказал, что она его служанка. Что меня смущает, так это окно. Изнутри нет никаких его признаков. В башне есть лестница, которая ведет в холл, расположенный таким образом, что невозможно представить девушку стоящей на лестнице или на площадке. Следовательно, там внутри должна быть еще одна стена и отдельная лестница. А вам из-за этого придется переснимать?

— Нет, мы можем ее просто заретушировать. Она только в 50 футах пленки. Но я думаю оставить все как есть.

В комнате снова зажегся свет, и они вернулись в кабинет режиссера.

— Я не люблю Пенна по многим причинам,— сказал Джек Небворт,— но еще сильнее с тех пор, как узнал, что он более близкий друг Мендосы, чем я думал.

— А кто такая Мендоса? Отстраненная звезда?

Джек кивнул.

— Стелла Мендоса неплохая девушка, но и не хорошая,— добавил он.— Меня всегда удивляло, почему Пенн дает разрешение на съемки в своем имении, а теперь я это знаю. Уверяю вас, в этом доме немало секретов.

— По крайней мере, один из них будет раскрыт сегодня ночью,— слегка улыбнувшись, заметил Майкл.— Я намерен обследовать Грифф-тауэрс и не собираюсь испрашивать разрешения у сэра Грегори Пенна. И если я обнаружу то, что, полагаю, там есть, Грегори Пенн этой же ночью окажется за решеткой.

ПОЛУНОЧНЫЙ ВИЗИТ

Получив из Лондона тяжелый чемодан с нужным снаряжением, Майкл Бриксан быстро просмотрел его содержимое. Вскоре появился швейцар гостиницы и сообщил ему о прибытии заказанного мотоцикла.

С рюкзаком за плечами он сел на мотоцикл и выехал из города. Покружив по дорогам Сассекса, Майкл в конце концов добрался до Доуэр-хаус. Мотоцикл он спрятал поблизости.

В 11 часов вечера он пересек поле и направился к дальней калитке, все время ожидая внезапного появления Бэга. Калитка оказалась запертой — обстоятельство, которое Майкл предвидел. Развязав рюкзак, он вытащил оттуда несколько металлических стержней и соединил три из них. К одному концу он присоединил большой тупой крюк и, положив на место остальные стержни, стал поднимать собранную конструкцию, пока крюк основательно не закрепился наверху стены. За несколько секунд Майкл взобрался по своей “лестнице” и оказался на другой стороне.

Он проследовал по тропинке, по которой ходил раньше, держась ближе к кустам и все время озираясь по сторонам, опасаясь появления ужасного слуги Пенна. Не успел он дойти до конца изгороди, как дверь башни отворилась и оттуда вышли двое, одним из которых был Пенн, а другого, стоящего боком, Майкл сперва не узнал, пока тот не заговорил. Это был мистер Сэмпсон Лонгвейл!

— Думаю, с нею все будет в порядке. Правда, раны очень странные, как будто кто-то исполосовал ее когтями,— сказал Лонгвейл.— Надеюсь, я был полезен, сэр Грегори, хотя, я уже говорил вам, не практиковал как врач почти пятьдесят лет.

Так значит старый Лонгвейл был врачом! Как ни странно, эта новость не удивила Майкла. Было что-то в благородстве лица и поведении старого Лонгвейла, что предполагало его связь с этой профессией. Об этом мог бы догадаться даже человек с менее аналитическим умом, чем Майкл Бриксан.

— Моя машина доставит вас домой,— услышал Майкл слова сэра Грегори.

— Нет, нет, благодарю вас. Я, пожалуй, пройдусь. Здесь недалеко. Спокойной ночи, сэр Грегори.

Баронет ворчливо тоже пожелал спокойной ночи и вернулся в тускло освещенный зал. Когда дверь закрылась, Майкл услышал звяканье цепочек.

Нельзя было терять времени. Мистер Сэмпсон Лонгвейл еще не успел исчезнуть во тьме, как Майкл вновь открыл рюкзак и вытащил оттуда три новых стержня для своей лестницы. У каждого стержня был короткий стальной упор — это была лестница того типа, какой пользуются пожарники, ее Майкл неоднократно на всем протяжении своей изменчивой карьеры применял для вторжения в запретные места.

Он тщательно высчитал расстояние, и, когда поднял стержень и зацепился крюком за подоконник маленького окна, лестница повисла всего в нескольких дюймах от земли. Подергав лестницу, чтобы убедиться в прочности крепления, Майкл стал осторожно подниматься и уже через несколько секунд обследовал оконный переплет. Открыть окно было нетрудно, поскольку задвижка оказалась очень простой. Вскоре он был на ступеньке темной узкой внутренней лестницы.

Он вытащил фонарик и осветил им нижние и верхние ступеньки. Внизу он разглядел маленькую дверь, которая, очевидно, вела в холл, и вспомнил, что в углу холла видел портьеру, однако тогда не придал этому значения. Майкл сбежал вниз, попытался открыть дверь, но она оказалась запертой. Отложив в сторону фонарик, он вытащил кожаный футляр с инструментами и стал манипулировать с замком. Замок открылся удивительно быстро. Убедившись, что дверь не заперта, Майкл остался доволен. Но область его интересов была наверху, и он стал вновь подниматься по ступенькам, пока не оказался на небольшой площадке, но двери там не было.

Преодолев четыре пролета, он дошел до самого верха башни, так, по крайней мере, ему показалось, и здесь увидел небольшую узкую дверцу. Затаившись, он услышал шарканье шлепанцев. Затем где-то с глухим стуком захлопнулась дверь, и Майкл попытался открыть дверцу перед собой. Она оказалась незапертой. Очень осторожно, чтобы не шуметь, он слегка приоткрыл ее, получив возможность для достаточно хорошего обзора.

Перед ним было небольшое, с очень высоким потолком помещение, практически без мебели, если не считать низкой кровати в углу. На ней лежала женщина, к счастью, спиной к Майклу. По ее черным волосам и желтизне обнаженной руки он понял, что она не из белых. Наконец она повернулась, и он сразу же узнал женщину, чье лицо видел на экране. Она была молода и по-своему красива. Ее глаза были закрыты, и она молча плакала, не открывая глаз.

Майкл был уже в комнате, когда увидел, как поворачивается ручка другой двери. С быстротой молнии он вернулся в темноту лестничной площадки. В старом халате вошел Бэг с подносом в огромных руках. Ногой он пододвинул столик к кровати, на которой лежала девушка, и поставил на него поднос с едой. Открыв глаза, девушка отшатнулась, вскрикнув от ужаса. Бэг, очевидно, привыкший к такому проявлению отвращения с ее стороны, поспешил удалиться.

Майкл снова открыл свою дверцу и пересек комнату, не замеченный девушкой. Он выглянул в коридор и увидел футах в шести сидящего на корточках Бэга. Казалось, он притаился и смотрит прямо ему в глаза.

Майкл закрыл дверь и бегом возвратился на потайную лестницу, прикрыв за собой выходящую на нее дверцу. Он пытался найти ключ, но поскольку такового не было, он быстро, не теряя ни секунды, помчался по ступенькам вниз. Майкл даже не сделал попытки выбраться через окно, а продолжал бежать вниз, пока не добрался до основания лестницы и не проскочил в дверь. На сей раз он смог ее запереть, так как вверху и внизу были шпингалеты. Отодвинув в сторону портьеру, он осторожно прошел в холл.

Первым его действием было обезопасить отступление. Бесшумно он снял цепочки с входной двери, отодвинул засовы и повернул ключ, затем так же бесшумно пошел по коридору к комнате сэра Грегори Пенна.

Конечно, существовала опасность, что его увидит кто-нибудь из слуг, но Майкл решил рискнуть. Во время прежних посещений он заметил, что рядом с библиотекой есть дверь, которая ведет в маленькую гостиную. Дверь оказалась незапертой. Открыв ее, он очутился в полнейшей темноте. Осторожно он нащупал выключатели на стене и включил один из них. Сразу же зажглись два бра, и Майкл смог осмотреть помещение — небольшую комнату, которой явно давно не пользовались. Мебель стояла в полотняных чехлах, а в камине не было угля. По-видимому, через дверь около окна можно было пройти в библиотеку. Майкл выключил свет, запер дверь изнутри и осмотрел решетки. В отличие от решеток библиотеки, они не были закрыты на замок. Он раздвинул гардины, открыл решетки и поднял окно. Так был подготовлен второй возможный путь отступления.

“А теперь можно перейти к делу”,— решил Майкл.

Он повернулся к двери в библиотеку, присел и посмотрел в замочную скважину. Библиотека была ярко освещена, кто-то в ней разговаривал. Женщина! Повернув ручку, Майкл немного приоткрыл дверь и посмотрел в образовавшуюся щелку.

Грегори Пенн в своей любимой позе стоял спиной к огню, рядом был накрытый стол, на небольшом диванчике у камина сидела Стелла Мендоса. Она набросила на плечи мех, потому что ночь была прохладной, а на шее у нее сверкали такие драгоценности, каких Майкл не видел никогда в жизни. Разговор явно носил неприятный характер. Грегори, видимо, сердился, да и Стелла не казалась спокойной.

— Я оставил вас, потому что должен был уйти,— недовольно проворчал Грегори, видимо отвечая на ее нарекания.— Одна из моих служанок больна, и я ездил за доктором. Даже если бы я остался, результат был бы тот же самый. Бесполезно, моя девочка. Нельзя убивать курицу, несущую золотые яйца; как бы то ни было, но такой курицы больше нет. Вы сглупили, порвав с Небвортом.

Мендоса что-то ответила, но Майкл не разобрал.

— Сомневаюсь, что из вашей компании что-либо получится,— саркастически заметил Пенн.— Я буду оплачивать счета, а вы тратить деньги? Нет, Стелла, так не пойдет. Я и так был слишком щедр к вам, и вы не вправе требовать моего банкротства ради удовлетворения своих прихотей.

— Это не прихоть,— страстно воскликнула мисс Мендоса,— это необходимость! Вы же не захотите, чтобы я ходила по студиям и просила дать мне какую-нибудь работу.

— А я вообще не хочу, чтобы вы работали, и совсем не понимаю, зачем вам это нужно. У вас вполне достаточно средств на жизнь, и, как бы то ни было, у вас ничего нет против Небворта. Если б не он, вы бы не встретились со мной, а если б не я, вы бы были беднее тысяч других. Вам следует измениться.

Повисла тишина. Стелла сидела, наклонив голову, и Майкл не мог разглядеть ее лица, но, когда она заговорила, в голосе чувствовалась нескрываемая злость.

— Возможно, вам тоже следует измениться. То, что я знаю, привлечет внимание прессы, и вы будете вынуждены измениться. Помните об этом, Грегори Пенн! Я совсем не дура, кое-что видела и слышала, и знаю, сколько будет дважды два. Вы считаете, мне следует измениться, так? Я это сделаю. Мне не нужны друзья-убийцы...

Подскочив к ней, Грегори зажал ей рот.

— О черт! — прошипел он.

В этот момент, видимо, кто-то постучал, ибо Грегори повернулся к двери и ответил что-то на диалекте туземцев.

Ответа Майкл не расслышал.

— Послушайте,— Грегори обратился к Стелле более спокойным тоном.— Меня ожидает Фосс, и мы вернемся к нашей дискуссии чуть позднее.

Он отпустил ее и, подойдя к письменному столу, нажал на кнопку механизма потайной двери, ведущей в логово Бэга.

— Пройдите туда и ждите,— сказал он,— я буду минут через пять.

Она с подозрением посмотрела на дверь, неожиданно появившуюся в стене.

— Нет, — заявила Стелла,— я пойду домой. Завтра продолжим. Я очень виновата, что вышла из себя, Грегори, но вы иногда меня просто бесите.

— Идите туда! — потребовал Грегори.

— Нет! — Стелла побледнела. — Вы чудовище! Вы думаете, я не знаю? Это убежище Бэга. О, вы просто чудовище!

На лицо Грегори Пенна невозможно было смотреть — вся порочность его души отразилась в демонической гримасе. Почти не дыша, в ужасе Стелла уставилась на него, пятясь назад. Наконец Грегори взял себя в руки.

— Тогда пройдите в маленькую гостиную,— произнес он глухо.

Едва Майкл успел погасить свет и прижаться к стене, как дверь в комнату распахнулась и вошла Стелла.

— Здесь темно,— протянула она.

— Там есть выключатели.

Дверь захлопнулась.

Майкл Бриксан оказался в сложном положении. Он чувствовал, как Стелла ощупью пробирается вдоль стены и, пытаясь избежать столкновения, стал осторожно отступать назад, пока не задел стул.

— Кто здесь? — завопила Стелла.— Грегори! Спаси меня от него, Грегори!

И опять последовал пронзительный вопль.

Майкл промчался мимо нее, выскочил в открытое окно и понесся вдоль изгороди. Пронзительные вопли

Стеллы продолжали звучать у него в ушах. Как бы быстро он ни бежал, кто-то, преследовавший его, бежал еще быстрее. Это была огромная фигура, что-то верещавшая и на бегу порой опускавшаяся на четвереньки. Майкл не мог понять, из какого укрытия появился Бэг. Сунув руку в карман, он обнаружил, что пистолет исчез — видимо, он выронил его во время прыжка из окна.

Майкл услышал приближающийся топот и побежал через огород, прямо по капустным грядкам, увязая в рыхлой земле. Чувствовалось, что с каждой секундой огромный зверь все ближе и ближе. Калитка была впереди, но она была заперта, однако, даже если бы она не была заперта, стена не могла служить преградой для обезьяны, это был барьер только на пути Майкла. В изнеможении он повернулся к своему преследователю и увидел зеленые глаза, горевшие в темноте, как две ужасные звезды.

НЕОЖИДАННОЕ СПАСЕНИЕ

Майкл Бриксан уже был готов к тяжелой, бесплодной борьбе, но тут, к его удивлению, орангутанг остановился и клекот его приобрел новые басовитые нотки. Выпрямившись во весь рост, Бэг стал бить себя в грудь, и громовой барабанный бой был просто ужасен. Но даже сквозь этот шум Майкл услышал странный свист, похожий на звук выпускаемого пара. Он взглянул вверх и на стене увидел сидящего на корточках человека. Майкл сразу же узнал его — это был шоколадный незнакомец из Чичестера. Шум ударов Бэга и свист становился все громче и громче, затем Майкл увидел в руке у человека яркий изогнутый предмет — точную копию меча, висевшего над камином сэра Грегори.

Он все еще не мог понять, что же происходит, как шоколадный человечек легко спрыгнул на землю, а Бэг, повернувшись, с почти человеческим воплем кинулся прочь.

— Мой друг,— сказал Майкл по-голландски,— вы появились в нужный момент.

Он повернулся, но шоколадный человечек исчез, как будто земля поглотила его. Защитив ладонью глаза от лунного света, Майкл наконец различил темную фигуру, быстро передвигавшуюся в тени стены. Какое-то мгновение он собирался догнать этого туземца и задать ему несколько вопросов, но в конце концов решил поступить иным образом. С трудом он перелез через стену, затем, хорошо отряхнувшись, пошел длинным обходным путем к Грифф-тауэрс и смело подошел к дому, насвистывая как ни в чем не бывало.

Когда Майкл подошел к парадному входу, в поле зрения уже никого не было, и он решил попытаться отыскать свой пистолет.

"Прежде чем уйти, — решил он, — необходимо убедиться, что мисс Мендоса в безопасности". У дороги стояла ее машина. Майкл уже собирался позвонить, как услышал шаги и голоса, раздававшиеся в холле. Внимательно прислушавшись, он понял, что один голос принадлежит Стелле Мендосе. Майкл быстро скользнул в тень.

Стелла вышла в сопровождении сэра Грегори. По интонациям их голосов любой человек, не знакомый с обстоятельствами их встречи, наверняка подумал бы, что это был обычный визит, даже несмотря на столь позднее время.

"А где же Фосс,— подумал Майкл.— Он, видимо, ушел раньше, если вообще здесь был".

Майкл дождался, когда все успокоится, и затем, неслышно перейдя гравийную площадку, последовал за Стеллой. Он поискал глазами шоколадного туземца, но так его и не заметил. Вспомнив, что оставил лестницу висящей из окна башни, Майкл вернулся, чтобы снять ее. Обнаружив лестницу на прежнем месте, он разобрал ее и сложил в рюкзак. Пять минут спустя он выкатил из укрытия мотоцикл и отправился к себе.

Ложась спать после ночной работы, Майкл чувствовал себя несколько разочарованным. В башне не было никакого ужасного секрета, как он надеялся. Девушка же — явно пленница. Она была похищена для развлечения сэра Грегори и доставлена в Англию на его яхте. Такое время от времени происходит, подобное дело слушалось в суде всего несколько месяцев назад.

Майкл Бриксан принял горячую ванну, приготовил себе немного шоколаду и, прежде чем лечь, решил подвести итоги своей дневной деятельности. В свете происшедшего он чувствовал себя менее уверенным в том, что его первоначальная версия тайны Охотника за головами соответствует истине. Чем больше он думал, тем менее был удовлетворен, пока наконец, так ничего и не придумав, не выключил свет и не лег спать.

Спал он хорошо, и когда следующим утром появился посетитель, проснулся и потер глаза.

— Я либо сплю, либо это Стейнз,— сказал он.

— Вы проснулись, и с вами все в порядке,— весело заметил майор Стейнз.

— Что-нибудь случилось? — спросил Майкл, вскакивая с постели.

— Ничего особенного, если не считать танцы вчера вечером и поездку на поезде сегодня ранним утром. Я решил загладить свое легкомыслие визитом к вам и поинтересоваться, как же продвигается дело Элмера.

— Дело Элмера? — Майкл нахмурился.— О боже! Я почти забыл о бедном Элмере!

— А вот это вам, чтоб не забывали,— и Стейнз вынул из кармана газетную заметку и передал ее Майклу.

“Вас беспокоит душа и тело? — прочитал тот.— Вы боитесь прыгнуть в бездну? Вас покинуло мужество? Обратитесь к благодетелю. Адрес...”

— Что это? — спросил Майкл с мрачным выражением лица.

— Эта вырезка из газеты была обнаружена в кармане жилета, который носил Элмер за несколько дней до того, как исчез. Заметку нашла его жена, которая просматривала вещи мужа, чтобы выбрать что-нибудь для продажи. Это объявление было опубликовано в “Морнинг телеграмм” четырнадцатого числа, то есть за три-четыре дня до исчезновения Элмера. Есть сведения, что до “благодетеля” дошли четыре письма, которые затем, как нам удалось выяснить, были переправлены в небольшой магазинчик на Стиббингтон-стрит в Лондоне. Там их получила неизвестная, бедно одетая женщина. Кроме этого, больше ничего установить не удалось. Подобные же объявления были обнаружены и в других газетах, но в этих случаях письма посылались на адрес в южном Лондоне, где их забирала та же женщина. Каждый раз, подавая новое объявление, его автор меняет адрес. Причем эту женщину никто не знает. Лавочники заявили в Скотланд-Ярде, что она немного не в себе, имеет привычку разговаривать сама с собой, что-то бормоча себе под нос. Ее имя — Стивенс. По крайней мере, так она себя всегда называет. Записки, которые она приносит, подписанные, как правило, “Марком”, заканчиваются просьбой к лавочникам передать все письма ей. Она проживает в Лондоне. В этом нет сомнений, но полиции не удалось установить ее точный адрес.

— Предположим, полиция сможет это сделать? — спросил Майкл.— Вы связываете объявления с убийствами?

— И да и нет,— последовал ответ.— Я просто подчеркиваю, что это объявление довольно странное и во всех отношениях достаточно подозрительное. Ну а теперь, какую версию вы хотели сообщить мне?

Майкл говорил в течение часа, лишь иногда прерываемый вопросами Стейнза.

— Это странная, почти невероятная мысль,— мрачно сказал Стейнз,— но, если вы чувствуете, что у вас в руках хоть какая-нибудь ниточка, действуйте. Говоря по правде,— в порыве откровения признался Стейнз,— у меня было ужасное чувство, что вы терпите поражение, а поскольку я не хочу, чтобы наш департамент служил объектом насмешек Скотланд-Ярда, я решил приехать и поделиться с вами результатами своего собственного расследования. Я согласен с вами,— заметил он позднее, когда они садились завтракать,— что следует действовать очень-очень осторожно. Это тонкое дело. Надеюсь, вы не рассказывали сотрудникам Скотланд-Ярда о своих подозрениях?

Майкл покачал головой.

— И не надо,— с чувством добавил его собеседник.— Они наверняка арестуют человека, которого вы подозреваете, и могут уничтожить улики, которые позволяют отдать его под суд. Вы сказали, что провели обыск в доме?

— Не обыск, а поверхностный осмотр.

— Подвалы в доме есть?

— Думаю, что да,— сказал Майкл.— В домах такого типа они обычно есть.

Майкл проводил до железнодорожной станции своего шефа, который, уезжая, сказал ему, что отбывает в более бодром настроении, чем был по приезде.

— Но я должен предупредить вас, Майкл,— сказал Стейнз, когда поезд должен был вот-вот тронуться,— берегите себя! Вы имеете дело с бессердечным и опытным убийцей. Было бы ошибкой недооценивать его. Мне бы не хотелось однажды утром проснуться с мыслью о том, что вас нет среди живых.

ПОДЧИСТКА

На обратном пути Майклу не было необходимости проходить по той улице, где проживала Адель Лэмингтон. Тем не менее он почему-то оказался у двери ее дома, постучал и с огорчением узнал, что она ушла еще в семь часов утра. Небворт был на съемках в Саут-Даунсе, и, когда Майкл приехал к нему на студию, там никого не было, за исключением секретаря режиссера и нового литконсультанта, который приступил к работе накануне вечером.

— Я не знаю, где находится съемочная площадка, мистер Бриксан,— сказал Диккер, секретарь Небворта.— Это где-то в районе Арандела. Этим уже интересовалась мисс Мендоса, которая побывала здесь утром. Она хотела предложить мисс Лэмингтон вместе пообедать.

— О, вот как? — мягко спросил Майкл.— Если она еще раз появится, передайте от меня, что мисс Лэмингтон уже назначена другая встреча.

Секретарь понимающе кивнул.

— Надеюсь, она не заставит вас особенно ждать,— сказал он.— Когда Джек на площадке, никогда не знаешь...

— Я не сказал, что у нее встреча со мной,— заметил Майкл.

— Кстати, это мне кое-что напомнило, мистер Бриксан,— произнес секретарь.— Помните, вы подняли шум... Ну, короче говоря, интересовались сценарием, страница из которого случайно попала в текст мисс Лэмингтон?

Майкл кивнул.

— Сценарий нашелся? — спросил он.

— Нет, но наш новый литконсультант сказал мне, что, когда просматривал книгу, в которой Фосс делал записи всех поступавших сценариев, он обнаружил, что одна запись старательно вымарана.

— Мне бы хотелось взглянуть на эту книгу,— сказал Майкл, и ему ее принесли.

Это был большого формата регистрационный журнал, где в различных графах отмечалось название поступившего сценария, фамилия автора, его адрес, дата получения сценария и дата его возврата. Майкл сел за стол в кабинете Небворта и тщательно просмотрел фамилии авторов.

— Если неизвестный присылал один сценарий,— сказал Майкл,— он мог прислать и другие. Подчисток нет?

Секретарь покачал головой.

— Только та, о которой я сказал,— ответил он.— Вы увидите в списке фамилии многих местных жителей. С того времени как мы здесь снимаем, чуть ли не каждый лавочник считает своим долгом написать для нас сценарий или, по крайней мере, подкинуть какую-нибудь идею.

Палец Майкла медленно двигался по колонке имен. Страница за страницей. И вдруг он застыл на одной фамилии.

— "Власть страха" сэра Грегори Пенна,— прочитал детектив и повернулся к Диккеру: — Мистер Диккер, сэр Грегори тоже писал сценарии?

— Да,— кивнул секретарь.— Один или два. Вы с его фамилией встретитесь и дальше. Он обычно писал сценарии, которые, по его мнению, соответствуют амплуа мисс Мендосы. Так вы его ищете?

— Нет,— быстро ответил Майкл.— А у вас остались его рукописи?

— Нет, их уже отослали,— с сожалением сказал Диккер.

Майкл закрыл журнал и вернул его секретарю.

— Странно, что та запись уничтожена. Я поговорю об этом с Фоссом, как только встречусь с ним,— сказал Майкл и сразу же направился в маленькую гостиницу, где остановился Фосс. Там он узнал, что Фосса нет на месте.

— Я не уверен, что он приходил домой вчера вечером,— сказал хозяин гостиницы.— Но если даже и приходил, он не спал, так как постель не тронута. Он сказал, что собирается в Лондон.

Начинался дождь, и Майкл вернулся в студию, прекрасно понимая, что при такой погоде труппа вернется со съемок. Его предположение оказалось правильным, ибо не успел он прийти на студию, как через несколько минут там появился автомобиль с Адель Лэмингтон. Увидев Бриксана, девушка прошла мимо, покачав головой, когда он заговорил с ней.

— Спасибо за приглашение, мистер Бриксан, но мы пообедали на съемочной площадке, а мне еще до завтра надо прочитать две большие сцены.

Ее отказ был твердым, но Майкл был не из тех, кто безоговорочно принимает ответ "нет".

— А как насчет чая? Вам ведь нужно пить чай, моя милая леди, даже если вам надо выучить пятьдесят сцен.

Адель рассмеялась:

— Ну, хорошо. Если моя хозяйка предоставит мне свою гостиную, так и быть — вы можете прийти на чай в половине пятого. И если у вас назначена встреча на пять, вы к этому времени успеете освободиться.

Джек Небворт ожидал Майкла, когда тот вошел в его кабинет.

— Слышали о той записи в журнале поступления сценариев? — спросил он.— По лицу вижу, что слышали. Что вы думаете об этом? — И, не дожидаясь ответа, добавил: — Для меня все ясно. Фосс — отъявленный лгун. Он плохо кончит.

— А как девушка? — спросил Майкл.

— Вы говорите об Адель? Она просто великолепна, Бриксан! Я все время молю судьбу, чтобы ничего не произошло. У меня какое-то дурное предчувствие. Так хорошо никогда не бывает — только в газетах. Что-то не так с нею.

— Не так? — спросил Майкл, пораженный.

Небворт кивнул:

— Что-то скрыто в ней самой. Какой-то бесенок. У меня такое ощущение, что она обязательно что-нибудь эдакое да выкинет! Либо исчезнет незадолго до завершения работы над картиной, либо попадет в полицию за езду на автомобиле в состоянии сильного опьянения!

— Думаю, она ничего подобного не сделает,— смеясь, заметил Майкл.

— Слышали, что Мендоса основала новую кинокомпанию? — спросил старый Джек, набивая трубку.

— Нет, не слышал.

Майкл пододвинул стул и сел.

— Она создает новую кинокомпанию. Еще не было ни одной кинозвезды, уволенной мною, чтобы она этого не делала. Входите, мистер Лонгвейл.

Майкл обернулся. Добрый старик стоял у двери со шляпой в руках.

— Боюсь, я сильно надоел,— сказал он приятным голосом,— но, переговорив со своим адвокатом, я не мог отказать себе в удовольствии поинтересоваться, как идут дела с картиной.

— Хорошо идут, мистер Лонгвейл, спасибо,— ответил Джек.— Вы знаете мистера Бриксана?

Старик кивнул и улыбнулся.

— Да. Я зашел к своему адвокату по довольно странному вопросу. Много лет тому назад я изучал медицину и сдал все необходимые экзамены, так что, с этой точки зрения, я — врач, хотя фактически я не практиковал. Вряд ли кто знает, что у меня диплом врача, поэтому я был удивлен, когда вчера вечером ко мне зашел... э... сосед и попросил осмотреть его служанку. А теперь я думаю, нарушил ли я закон или нет, поскольку оказывал медицинскую помощь без регистрации...

— Я могу снять ваши сомнения, мистер Лонгвейл,— сказал Майкл.— Поскольку когда-то вы получили удостоверение врача, то есть были зарегистрированы должным образом, значит, вы остаетесь зарегистрированным, и вы действовали в соответствии с вашими правами.

— Так и адвокат сказал,— мрачно произнес Лонгвейл.

— Был тяжелый случай? — спросил Майкл, догадываясь, кто был пациентом.

— Да нет, не тяжелый. Я подумал, что это заражение крови, но похоже, я ошибся. И хотя просто счастлив оказать услугу, когда это необходимо человечеству, должен признаться, что это было довольно хлопотное дело, и я почти не спал всю ночь. Фактически не было ни минуты покоя ни вечером, ни ночью. Да еще кто-то, по непонятной причине, спрятал у меня в саду мотоцикл.

Майкл про себя улыбнулся.

— Почему это сделали, не могу понять. Мотоцикл исчез сегодня утром. А когда я увидел нашего друга Фосса, он казался чем-то очень сильно обеспокоенным.

— Где вы его видели? — быстро спросил Майкл.

— Он проходил мимо моего дома. Я стоял у калитки и курил трубку. Пожелал ему доброй ночи, не зная, что это он. Когда он обернулся, я увидел, что это мистер Фосс. Он сказал мне, что наносил визит и что еще один у него через час.

— В каком часу это было? — спросил Майкл.

— Думаю, часов в одиннадцать,— колеблясь, ответил старик,— но я не уверен. Это было как раз перед тем, как я лег спать.

Майкл легко мог понять поведение Фосса. Сэр Грегори, видимо, быстро его выпроводил и велел прийти позже, когда Мендоса уже уйдет.

— Место, где я живу, всегда отличалось удивительным спокойствием,— сказал мистер Лонгвейл и покачал головой.— Я надеюсь,— спросил он, обращаясь к Небворту,— вы позволите мне посмотреть картину, когда закончите съемки?

— Ну что за вопрос! Конечно, мистер Лонгвейл.

— Я даже не знаю, почему я проявляю к ней такой огромный интерес,— с улыбкой сказал старик.— Но должен признаться, что еще несколько недель назад я не имел представления о том, как снимаются фильмы. Для меня это даже сейчас тайна за семью печатями.

В дверях показалась голова Диккера.

— Вы можете принять мисс Мендосу? — спросил он Небворта.

Лицо Джека выразило беспредельную тоску.

— Нет,— отрезал он.

— Она утверждает...— начал было Диккер.

Только присутствие почтенного мистера Лонгвейла удержало Джека от высказываний по адресу Стеллы Мендосы.

— Прошлой ночью я видел также и ее,— добавил мистер Лонгвейл.— Сперва я подумал, что вы, должно быть, где-нибудь поблизости снимаете фильм — так, кажется, у вас говорят,— но мистер Фосс сказал мне, что я ошибаюсь. Она просто очаровательна. Вы со мной согласны?

— Да,— сухо согласился Джек.

— И у нее очень милый характер,— продолжал Лонгвейл, совершенно не чувствуя наступившей перемены в атмосфере разговора.

— Милый характер! — чуть ли не рыча сказал Джек Небворт, когда старик с достоинством распрощался.— Вы с этим согласны, Бриксан? А что? Если у этой женщины — милый характер, тогда дьявол сделан из шоколада!

ГОЛОВА

Выйдя из студии, Майкл увидел у входа Стеллу Мендосу и вспомнил, что именно она была приглашена на обед в Грифф-тауэрс. К его удивлению, Мендоса направилась к нему.

— Я хотела вас видеть, мистер Бриксан,— сказала она.— Вы ведь детектив, не так ли?

— Да,— ответил Майкл, гадая, что же последует за этим.

— Моя машина за углом. Как вы смотрите на то, чтобы навестить меня?

Майкл был в затруднении, не зная, что делать. Ему очень хотелось увидеться с Адель, хотя ничего особенного сказать он ей не мог, кроме того, в чем сам не был еще уверен.

— С удовольствием,— ответил, однако, он.

Мендоса была великолепной автомобилисткой. Она настолько отдавалась езде, что за всю дорогу не произнесла ни слова. Из небольшой, но приятной гостиной ее дома открывался прелестный вид на Саут-Даунс. Майкл в ожидании молчал.

— Мистер Бриксан, я собираюсь сказать вам то, что вы, как мне кажется, должны знать. Не знаю, что вы подумаете обо мне, когда я вам все расскажу, но я иду на риск. Я не могу больше молчать.

В холле раздался резкий звонок.

— Это телефон. Простите, я ненадолго.

Стелла торопливо вышла из комнаты, неплотно прикрыв дверь. Майкл слышал, как она быстро и сердито отвечала кому-то на другом конце провода.

Затем последовало долгое молчание. Она явно что-то внимательно выслушивала. Минут через десять Стелла вернулась. Глаза ее горели, щеки пылали.

— Вы не будете возражать, если я все то, что собиралась вам рассказать, расскажу немного позже? — спросила она.

Она говорила с сэром Грегори. В этом Майкл не сомневался, хотя во время разговора она ни разу не упомянула его имени.

— Не стоит откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня,— подбадривая ее, произнес Майкл. Мендоса облизала сухие губы.

— Да, я знаю, но есть причины, по которым я не могу сейчас говорить. Вы не можете навестить меня завтра?

— Конечно, могу,— ответил Майкл, в тайне радуясь своему освобождению.

— Я отвезу вас назад?

— Нет, благодарю вас. Я лучше пройдусь.

— Разрешите мне подбросить вас до окраины города,— взмолилась она,— я поеду в том направлении.

“Конечно, именно в том,— подумал Майкл.— Она собирается в Грифф-тауэрс”. Детектив был так доволен, что даже не стал задавать никаких вопросов. Подбросив его до гостиницы, Мендоса сразу же укатила.

— Вам телеграмма, сэр,— сказал портье, прошел в конторку и вернулся с коричневым конвертом, который Майкл сразу же вскрыл.

Сперва он не мог понять рокового смысла полученной телеграммы. Затем медленно прочитал ее про себя: “Сегодня рано утром в Чобхэм-Коммон обнаружена голова. Немедленно приезжайте в полицейское управление Литерхеда. Стейнз”.

Час спустя на скоростном автомобиле Майкл добрался до полицейского управления, на ступеньках которого в ожидании сидел Стейнз.

— Обнаружили на рассвете,— сказал он Майклу.— Что за человек, пока неизвестно.

Он провел Майкла во флигель, где на столе в центре комнаты стоял ящик, и открыл крышку.

— Боже! — воскликнул Майкл, едва бросив взгляд на восковое лицо.

Это была голова Лоули Фосса.

Застыв от ужаса, Майкл взирал на это страшное зрелище.

Затем он закрыл ящик и вышел на мощеный двор.

— Вы знаете его? — спросил Стейнз.

Майкл кивнул.

— Да, это Лоули Фосс, последний литконсультант кинокорпорации Небворта. Еще вчера в одиннадцать вечера он был жив. Я сам слышал его, хотя и не видел, примерно в это время. Он был в Грифф-тауэрс, имении сэра Грегори Пенна в Сассексе. Как всегда, была традиционная записка? — спросил Майкл.

— Да, но не совсем обычная.

В своем кабинете, расположенном в полицейском управлении, Стейнз показал Бриксану листок, на котором хорошо знакомым шрифтом была отпечатана всего одна строка: "Это голова предателя".

И больше ни слова.

— Объявление в газете появлялось? — спросил Майкл.

Стейнз покачал головой:

— Нет, хотя это первое, о чем мы подумали. Газеты были внимательно изучены. Все английские издатели обещали нам сразу же сообщить в случае появления такого объявления.

— Следует рассмотреть возможность совершения убийства именно здесь,— сказал Майкл.— Оно наверняка произошло между одиннадцатью вечера и тремя часами утра. Скорее всего ближе к одиннадцати, так как, если убийца находится в Сассексе, ему необходимо было привезти голову в Чобхэм ночью и вернуться обратно до рассвета.

На автомобиле Майкл быстро возвратился в Чичестер и сразу же за городом свернул с главного шоссе на дорогу, ведущую в Грифф-тауэрс. Приехал он туда поздно. Грифф-тауэрс казался безжизненным, как обычно. Майкл позвонил, но ответа не последовало. Тогда он позвонил вновь. Из одного из верхних окон раздался голос сэра Грегори.

— Кто там? — крикнул он.

— Майкл Бриксан. Мне нужно вас видеть, Пенн. У меня ордер на обыск вашего дома.

У Майкла не было такого ордера, да он его и не просил.

Голова мужчины быстро исчезла, окно с грохотом закрылось. Затем последовала долгая пауза, и Майкл подумал, что баронет решил его игнорировать. Однако он ошибался. Наконец, после длительного и мучительного ожидания, дверь открылась и на фоне света, льющегося из холла, появилась фигура сэра Грегори Пенна.

Выглядел он крайне необычно. Был в полном одеянии, на поясе — два тяжелых револьвера, которые Майкл первоначально даже не заметил. Голова вся в бинтах, открытым был только один глаз. Левая рука в гипсе. При ходьбе сэр Грегори сильно хромал.

— Со мной произошел несчастный случай,— хрипло сказал он.

— И, видимо, очень серьезный,— заметил Майкл, сощурив глаза.

— Я не хочу здесь разговаривать. Пройдемте ко мне,— прорычал Грегори.

Библиотека сэра Грегори явно носила следы побоища. Длинное зеркало на одной стене было разбито вдребезги. Бросив взгляд на оружие, висевшее над камином, Майкл увидел, что один из мечей отсутствует.

— У вас, кажется, что-то пропало,— сказал он.— Это произошло во время "несчастного случая"?

Сэр Грегори кивнул.

Положение второго меча привлекло внимание Майкла. Не спрашивая разрешения, он снял его с крючка и вынул из ножен. Лезвие меча было бурым от крови.

— Что это значит? — жестко спросил он.

— Какой-то парень ворвался ко мне в дом вчера ночью,— с трудом произнес сэр Грегори. — Малаец. Он рассказывал всякие небылицы. Будто бы я похитил его жену. Он набросился на меня, и, естественно, я вынужден был защищаться.

— А вы действительно похитили его жену? — спросил Майкл.

Баронет пожал плечами.

— Сама мысль просто абсурдна. Большинство туземцев на Борнео безумны, и они в ярости набрасываются на всякого по малейшему поводу. Я сделал все возможное, чтобы успокоить его...

Майкл посмотрел на окровавленный меч.

— То-то я и вижу,— сказал он сухо.— Ну и как? Удалось его успокоить?

— Я защищался, если вы это имеете в виду. Вы что же, хотите, чтобы я позволил убивать себя в собственном доме? Так? Я могу пользоваться мечом не хуже любого другого.

— Видно, что вы им пользовались,— сказал Майкл.— А что с Фоссом?

Ни один мускул не дрогнул на лице Пенна.

— О ком вы говорите?

— О Лоули Фоссе, который был у вас в доме вчера вечером.

— Вы говорите о человеке, который работает у Небворта? Я его уже давно не видел.

— А вы — лжец,— спокойно бросил Майкл.— Он был здесь вчера вечером. Я знаю это точно, так как я был в соседней комнате.

— О, так это были вы? — спросил баронет с чувством явного облегчения.— Да, он приходил просить денег. Я дал ему пятьдесят фунтов, и он ушел. Больше я его не видел.

Майкл снова посмотрел на меч:

— А что бы вы сказали, если б узнали, что голова Фосса найдена в Чобхэм-Коммон?

Сэр Грегори посмотрел на следователя холодным испытующим взглядом.

— Я очень был бы удивлен,— холодно ответил он.— Если необходимо, я могу представить свидетеля, который подтвердит, что Фосс ушел, хотя мне нелегко называть имя женщины. Здесь была мисс Стелла Мендоса. Она со мной ужинала, что вы, вероятно, знаете, если вы были в соседней комнате. Он ушел раньше ее.

— И вернулся,— добавил Майкл.

— Я его больше не видел, уверяю вас,— яростно заявил баронет.— Если вы найдете кого-нибудь, кто подтвердит, что видел, как Фосс приходил ко мне вторично, вы можете арестовать меня. Вы думаете, я убил его?

Майкл промолчал.

— Здесь наверху, в башне, есть женщина. Что с ней сталось?

Облизав губы, Грегори Пенн сказал:

— В башне была только одна женщина — служанка. Она больна, и сейчас ее здесь нет.

— Я бы хотел в этом убедиться,— настаивал Майкл.

Грегори бросил взгляд в сторону логова Бэга.

— Хорошо,— сказал он затем.— Следуйте за мной.

Грегори вышел в коридор и повернул не в направлении холла, а в противоположную сторону. Сделав десять шагов, он остановился и открыл дверь, которая была так хитро скрыта в стене коридора, что трудно было заподозрить ее существование. Он протянул руку, включил свет, и Майкл увидел длинный лестничный пролет в сторону холла.

Последовав за баронетом, он понял, что “башня” — это своего рода иллюзия. Она казалась такой только с улицы, а на самом деле это были два дополнительных узких этажа, воздвигнутых над одним крылом здания.

Они прошли через дверь, поднялись по винтовой лестнице и попали в коридор, где накануне вечером Майкл видел орангутанга.

— Вот эта комната,— сказал Пенн, открывая дверь.

СЛЕДЫ ЗВЕРЯ

— Нет, это не та комната,— спокойно возразил Майкл.— Нужная нам комната расположена в конце коридора.

Чувствовалось, что сэр Грегори Пенн в затруднении.

— Вы мне не верите? — произнес он почти любезным тоном.— Какой вы недоверчивый! Успокойтесь, Бриксан! Я отнюдь не враг вам. Давайте спустимся вниз и выпьем. Я просто ужасно себя чувствую.

— Я хочу видеть ту комнату,— настаивал Майкл.

— У меня нет ключа.

— Тогда найдите его,— резко бросил Майкл.

В конце концов ключ отыскался в кармане баронета, и он с явной неохотой открыл дверь.

— Она уехала второпях,— пояснил он.— Так сильно заболела, что я вынужден был отослать ее.

Одного взгляда на комнату было вполне достаточно, чтобы прийти к заключению, что версия о ее поспешном отъезде нуждается в пересмотре. Комната была в таком состоянии, что ни о каких нормальных обстоятельствах не могло быть и речи. Постель была в беспорядке, на подушке — кровь, на стене — бурое пятно. Стул сломан, ковер покрыт странными пятнами, одно из которых походило на отпечаток голой ступни. На простыне — след руки, явно не принадлежавшей человеческому существу.

— Печать зверя! — указал Майкл.— Это же Бэг!

Баронет вновь облизал губы:

— Здесь произошел небольшой инцидент. Появился какой-то мужчина и стал утверждать, что моя служанка — его жена...

— Что с ним случилось?

Ответа не последовало.

— Что с ним случилось? — повторил Майкл, явно теряя терпение.

— Я позволил ему уйти и увести с собой женщину. Было легче...

Неожиданно воскликнув, Майкл наклонился и взял с кровати какой-то блестящий стальной предмет. Это был обломок клинка, переломленного точно посередине и совершенно чистого, без каких-либо пятен. Майкл внимательно осмотрел клинок и в конце концов обнаружил небольшую зазубрину. Взяв сломанный стул, он осмотрел и его и нашел две глубоких зарубки на одной из ножек.

— Я могу представить себе, как все было. Вы с вашим Бэгом схватили мужчину, пробравшегося в эту комнату. Во время борьбы был сломан стул, возможно Бэгом, который пользовался им как оружием. Мужчина вырвался из комнаты, сбежал вниз, в библиотеку, схватил со стены меч, вернулся назад и набросился на вас. Вот здесь-то и началось настоящее побоище. Думаю, среди этих пятен есть и ваша кровь.

— Еще бы,— проворчал Пенн,— да здесь вся кровь моя, черт побери!

Последовало долгое молчание.

— Женщина вышла из этой комнаты живой?

— Хотелось бы на это надеяться, — угрюмо произнес Пенн.

— Ее муж покинул вашу библиотеку живым?

— Вам лучше самому это выяснить. Как я понимаю, около получаса я был без сознания. Видите ли, Бэг умеет обращаться с мечом...

Майкл оставался в доме Грегори до тех пор, пока тщательно не осмотрел его от чердака до подвала. Он собрал слуг и допросил их. Все они, за исключением одного, говорили по-голландски, но так плохо, что Майкл практически не узнал ничего нового.

Возвратившись в библиотеку, Майкл включил свет.

— А теперь,— сказал он,— я взгляну на Бэга.

— Я же говорил вам,— сказал Пенн,— его в доме нет. Если вы мне не верите...

Пенн подошел к столу и нажал на кнопку. Дверь в потайную комнату открылась, но оттуда никто не вышел.

После секундного колебания Майкл вошел в логово Бэга, держа в одной руке фонарик, а в другой — пистолет.

Теперь стало ясно, как Бэг покидал дом. В семи футах от земли в стене было проделано небольшое квадратное отверстие, не закрытое ни стеклом, ни занавеской. И со стороны комнаты, и со стороны сада в стену были вделаны выступающие стальные стержни, служившие Бэгу своеобразной лестницей.

Не было никаких следов, указывающих на то, что Бэг участвовал в жутком сражении прошлой ночи.

Вернувшись в библиотеку, Майкл произвел тщательный обыск. Не найдя ничего, он прошел в маленькую гостиную, в которой скрывался прошлой ночью. Там на подоконнике он обнаружил немало следов... Отпечаток босой ноги, а также какой-то след, который наводил на мысль, что через окно протаскивали тяжелое тело.

К этому времени шофер, доставивший Бриксана в Грифф-тауэрс, успел съездить в Чичестер и вернуться с двумя полицейскими, которые оказали Майклу помощь в дальнейших поисках. Следы беглеца было нетрудно обнаружить. На гравии были видны пятна крови, на круглой клумбе сломаны цветы, на мягкой почве отчетливо отпечатались следы голых ног. След терялся в огороде.

— Вопрос заключается в том, кто кого нес? — сказал инспектор Лайл после того, как Майкл в нескольких словах изложил ему то, что удалось узнать в Грифф-тауэрс.— Похоже, что эту парочку убили в доме, а их тела вынес Бэг. В его комнате нет крови; это означает только одно: по всей вероятности, он там не был со времени убийства. Если мы найдем обезьяну, мы решим эту проблему. Пенн, конечно, и есть Охотник за головами,— продолжал инспектор.— Я недавно с ним разговаривал. В нем есть что-то ненормальное.

— Я не уверен в вашей правоте. Возможно, мои соображения покажутся вам странными, но, если сэр Грегори Пенн — действительно убийца, я буду крайне удивлен. Должен признаться, что отсутствие каких-либо следов в логове Бэга смущает меня, но, возможно, ваша версия верна. Как бы то ни было, делать нечего: дом следует держать под наблюдением, пока я не свяжусь с начальством.

В этот момент в комнату вошел второй полицейский и сообщил, что у задней калитки, оказавшейся открытой, он напал на след.

Они быстро пересекли поле, близ задней двери была большая куча листьев, какие сгребают садовники. На ней виднелся отпечаток тела — видимо, беглец, остановившись здесь передохнуть, положил тяжелую ношу на кучу листьев. В поле за калиткой, однако, след окончательно потерялся.

ЧЕЛОВЕК В АВТОМОБИЛЕ

Будущее часто зависит от мелких случайностей, но молодежь редко это понимает. Со стороны Адель Лэмингтон потребовались огромные усилия, чтобы пригласить мужчину к чаю, но сделав это, она с явным любопытством ожидала результатов.

В то время когда Майкл мчался в Лондон, у нее состоялась беседа с Джеком в его святая святых.

— Конечно, днем вы можете отдохнуть. А что вы думаете по поводу съемок? Вы себя уверенно чувствуете?

— Нет, мистер Небворт, не совсем, даже наоборот. Каждый раз, когда вы говорите “Мотор!”, я сразу впадаю в панику. Я ощущаю себя такой неловкой, что, делая какое-либо движение, говорю себе: “Ты странно держишь руки, ты резко повернула голову”.

— Но ведь это быстро проходит?

— О да! Как только камера начинает жужжать, я чувствую, что выражаю именно тот характер, который задуман по сценарию.

— Именно так вы и должны себя чувствовать,— с улыбкой произнес Небворт и после секундной паузы добавил: — Вас никто не тревожит? Мендоса или Фосс?

— Я не встречала мисс Мендосу вот уже несколько дней. А мистера Фосса я видела вчера вечером.

Она не стала объяснять, при каких обстоятельствах это произошло, а Джек Небворт не отличался любопытством и не стал задавать вопросов. Вот почему он не узнал ничего о таинственном разговоре Лоули Фосса с человеком в закрытом автомобиле, остановившемся на углу Арандел-роуд. Адель стала свидетельницей этой встречи минувшим вечером. Небворт так и не узнал ни о белой женственной руке, сделавшей прощальный жест Лоули Фоссу, ни об огромном бриллианте, сверкнувшем на мизинце таинственного автомобилиста.

По дороге домой Адель зашла в кондитерскую и в цветочный магазин, купила пирожных, а также цветы, которые должны были украсить стол в гостиной ее хозяйки.

В половине пятого Адель была вся в ожидании. Без четверти пять она подошла к входной двери и выглянула на улицу. В пять часов, испытывая сильную досаду, она села пить чай в одиночестве.

“Майкл забыл!”

Адель без конца находила ему оправдания, каждый раз опровергая их и придумывая новые. Она была сильно задета и чувствовала себя обиженной. Поднявшись в свою комнату, Адель взяла сценарий и попыталась углубиться в эпизоды, которые собирались снимать на следующий день, но никак не могла сосредоточиться. Она постоянно вспоминала Майкла, Лоули Фосса, закрытый автомобиль, прощальный жест белой руки. Как ни странно, ее мысли постоянно возвращались к автомобилю, новому, блестящему, двигающемуся совершенно бесшумно.

В конце концов Адель отложила в сторону текст сценария и поднялась, с сомнением посмотрев на кровать. Она еще не устала, было не поздно — всего девять часов. По вечерам в Чичестере предлагались различные развлечения. В городе имелось несколько кинотеатров, но у нее было неподходящее настроение, кроме того, для этого было уже слишком поздно. Она спустилась вниз, по дороге заглянув на кухню.

— Я пойду погуляю минут пятнадцать,— сказала она хозяйке, которая одобрительно кивнула.

Дом находился на улице, где были расположены небольшие особняки. Улица освещалась слабо; местами, куда не доходил свет от уличных фонарей, было темно. На мостовой, на одном из неосвещенных участков, стояла машина. “Интересно, знает ли хозяин, что у него не горят задние огни?” — подумала Адель, заметив машину, но не узнав ее. Подойдя поближе, она поняла, что именно с водителем этой машины Лоули Фосс разговаривал прошлым вечером.

Девушка попыталась разглядеть, есть ли кто-нибудь внутри, но на окнах автомобиля были занавески, и она подумала, что машина пуста, как вдруг кто-то шепотом произнес:

— Прелестная девушка... Составьте мне компанию.

В полуоткрытом окне появилась белая рука, на пальце блеснул драгоценный камень, и Адель в каком-то необъяснимом ужасе рванулась вперед.

Она услышала, как завелся мотор. Почувствовав, что машина двинулась следом за ней, Адель побежала. На углу улицы она увидела человека в полицейском шлеме и бросилась к нему.

— В чем дело, мисс?

Едва полицейский произнес эти слова, как автомобиль промчался мимо, завернул за угол и мгновенно исчез из виду!

— Ко мне обратился водитель той машины! — едва дыша, произнесла она.

Солидный констебль бросил рассеянный взгляд на то место, где раньше стоял автомобиль.

— Он стоял с выключенными огнями,— произнес он тупо.— Мне следовало записать номер. К вам приставали, мисс?

Адель отрицательно покачала головой, ей было уже стыдно за свой страх.

— Нет,— ответила она с улыбкой,— но, пожалуй, мне не стоит больше гулять.

Она вернулась обратно и поспешила в свою комнату.

После полуночи Майкл позвонил Джеку Небворту и сообщил последние новости.

— Фосс! — воскликнул тот в ужасе.— О боже! Этого не может быть, Бриксан! Мне приехать к вам?

— Нет, я сам к вам приеду,— ответил Майкл.— Мне нужно кое-что узнать об этом человеке, и будет меньше разговоров, если я приеду к вам, а не вы ко мне в гостиницу.

Джек Небворт снимал дом на Арандел-роуд. Когда Майкл приехал к нему, тот ожидал гостя у калитки.

Майкл рассказал Небворту о том, как нашли голову Фосса, и, почувствовав доверие к режиссеру, решил полностью описать ему свой визит к сэру Грегори Пенну.

— Это совершенно необъяснимо,— задумчиво протянул Небворт.— Бедняга Фосс! Вы думаете, это сделал Пенн? Но почему? Вы же не будете убивать человека только за то, что он решил занять у вас денег?

— Я уже немало думал об этом,— заметил Майкл.— Помните тот лист из вашего сценария, который, как я вам говорил, наверняка был отпечатан самим Охотником за головами?

Джек кивнул.

— Теперь я абсолютно уверен,— продолжал Майкл,— что Фосс знал, кем была отпечатана та страница, и предпринял отчаянную попытку шантажировать автора. Если дело обстояло именно так и если сэр Грегори Пенн именно этот человек — хотя я отнюдь не уверен в этом,— тогда понятно, почему Фосс был убран с дороги. Только один человек может помочь нам, и это...

— Мендоса,— закончил за него Джек.

Взгляды обоих мужчин встретились.

РУКА

Джек взглянул на часы.

— Она, наверное, уже в постели, но стоит попытаться. Вы хотите ее видеть?

Майкл был в нерешительности. Стелла Мендоса была другом Пенна, а ему не хотелось верить, что Пенн — убийца.

— Да,— наконец произнес он.— Думаю, нам стоит с ней переговорить. В конце концов Пенн знает, что он под подозрением.

Джек Небворт минут десять упорно звонил, пока в коттедже Стеллы сняли трубку.

— Мисс Мендоса,— сказал он,— это говорит Небворт. С вами можно сейчас встретиться? Майкл Бриксан хочет поговорить с вами.

— В такой час? — с удивлением произнесла Стелла сонным голосом.— Я была уже в постели, когда раздался звонок. Это не может подождать до утра?

— Нет, он хочет видеть вас сегодня. Я приеду с ним, если вы не возражаете.

— А что случилось? — быстро спросила она.— Что-нибудь с Грегори?

Джек шепотом передал этот вопрос Майклу. Тот кивнул.

— Да, с Грегори,— ответил Небворт.

— Приезжайте чуть попозже, я должна одеться.

Ко времени их появления она уже оделась и была так заинтригована и в то же время встревожена, что даже не стала укорять за столь поздний визит.

— В чем дело? — спросила она.

— Лоули Фосс мертв.

— Мертв? — она удивленно раскрыла глаза.— Не может быть! Я ведь только вчера видела его. Но как это произошло?

— Он был убит,— спокойно произнес Майкл.— Его голову обнаружили в Чобхэм-Коммон.

Она бы грохнулась на пол, если бы Майкл ее не поддержал. Прошло какое-то время, пока она вполне оправилась и смогла связно отвечать на вопросы.

— Нет, я больше не видела Фосса после того, как он покинул Грифф-тауэрс. И потом, я видела его всего несколько секунд.

— Он говорил, что собирается вернуться?

Она отрицательно покачала головой.

— А сэр Грегори не говорил вам, что Фосс еще вернется?

— Нет,— она вновь покачала головой.— Он сказал мне, что хотел бы больше его не видеть и что Фосс взял у него до следующей недели 50 фунтов. Тот был уверен, что сделает большие деньги. Грегори — такой человек, он всегда вам рассказывает вещи, которые люди просят его держать в секрете. Он слишком гордится своим богатством и своей, как он называет, благотворительностью.

— Вы были приглашены к нему на обед? — спросил Майкл, внимательно следя за ней.

Она закусила губу:

— Вы, должно быть, слышали, как я разговаривала с ним. Нет, обеда никакого не было. Это был просто камуфляж, рассчитанный на любопытных, а мы знали, что в тот вечер в доме кто-то был. Это были вы?

Майкл кивнул.

— О, какое облегчение! — произнесла она с глубоким вздохом.— Те несколько минут, которые мне пришлось провести в этой темной комнате, были просто ужасны. Я подумала, что это...— Она замолчала в нерешительности.

— Бэг? — подсказал Майкл, и она кивнула.

— Да. Вы подозреваете Грегори в убийстве Фосса?

— Я подозреваю всех в целом и никого в отдельности,— ответил Майкл.— Вы видели Бэга?

Она передернула плечами:

— Да, но не тогда. А так, конечно, я его видела. Он приводит меня в содрогание. Он так похож на человека. Иногда, немного выпив, Грегори заставлял Бэга делать всякие трюки. Знаете ли вы, что Бэг совершенно спокойно владеет мечом и выполняет им различные малайские упражнения! Для Бэга сэр Грегори сделал специальный деревянный меч, и вы бы только видели, как он ловко с ним управлялся. Это было просто ужасно!

Майкл уставился на нее.

— Неужели Бэг может обращаться с мечом? Пенн говорил мне об этом, но я подумал, что он лжет.

— О да, он может с ним обращаться. Грегори научил его всему.

— А кто Пенн для вас? — прямо спросил Майкл.

— Друг,— смущенно ответила Мендоса.— Очень хороший мой друг — с финансовой точки зрения, именно это я имею в виду. Очень давно он обратил на меня внимание, и мы были... очень хорошими друзьями.

Майкл понимающе кивнул:

— А сейчас?

— Нет,— коротко ответила она.— С Грегори покончено. Завтра я уезжаю из Чичестера. Дом я передаю в ведение агента по недвижимости. Бедный Лоули Фосс! — воскликнула она со слезами на глазах.— Бедняжка! Грегори не мог этого сделать, мистер Бриксан, уверяю вас! В Грегори много напускного. На самом деле он трус, и хотя он выделывал немало ужасных вещей, всю грязную работу за него выполнял другой.

— Ужасных вещей? Каких именно?

Мендоса явно не хотела отвечать, но Майкл настаивал.

— Ну, например, он рассказывал мне, что организовывал экспедиции в глубь джунглей и делал налеты на селения, похищая девушек. Там есть одно племя, в котором очень красивые женщины. Возможно, он и лгал, но я почему-то пришла к заключению, что он говорил правду. Он рассказывал мне, что только год назад, когда он был на Борнео, он "позаимствовал" девушку из селения туземцев, где было смертельно опасно появляться европейцам. Он всегда говорил "позаимствовал".

— И вы ничего не имели против таких признаний? — жестко спросил Майкл.

Мендоса пожала плечами.

— Такой уж он человек,— только и смогла сказать она, и этого было вполне достаточно, чтобы понять ее слова "очень хороший друг".

Мужчины вернулись в дом Небворта.

— Рассказ Пенна, похоже, полностью совпадает с информацией, которую нам дала Мендоса, нет сомнения, что женщина из его башни была, как он говорит, "позаимствована" и что маленький туземец — ее муж. Если им удалось совершить побег из башни, мы их найдем без труда. Я дам сообщение на все станции в радиусе 25 миль, и утром мы наверняка получим какие-нибудь известия о них.

Рано утром Майкл был вновь в Грифф-тауэрс. При свете дня он продолжил свои поиски, которые не дали ему ничего нового. Положение, как иногда говорят в Скотланд-Ярде, было действительно странным. Сэр Грегори Пенн был из хорошей семьи, богат, мировой судья и, хотя его эксцентричные выходки носили незаконный характер, "нельзя вешать людей за странности", как заявил комиссар полиции Майклу по телефону.

Подозрительно, что вместе с исчезновением туземца и его жены исчез и Бэг.

— Он отсутствовал всю ночь, я не видел его,— сказал сэр Грегори.— Правда, это уже не в первый раз, когда он исчезает по собственной инициативе. У него есть свои укрытия, о которых никто не знает, возможно, даже где-нибудь под землей. Но он появится.

Майкл проезжал по Чичестеру. Увидев Адель, он остановился и вышел из машины, чтобы переговорить с девушкой.

— Я вас не видел целую вечность,— воскликнул он с таким чувством, что в любое другое время это вызвало бы улыбку у Адель.

— Мне некогда. Я спешу в студию,— холодно произнесла она.— Я обещала мистеру Небворту прийти сегодня пораньше, так как вчера днем я отпросилась, сказав ему, что у меня назначена встреча.

— И у вас была встреча? — невинно спросил Майкл.

— Я пригласила кое-кого к себе на чай...

У Майкла отвисла челюсть.

— О боже! — выпалил он.— Какой я подлец!

Адель хотела было двинуться дальше, но он остановил ее.

— Я не хотел обидеть вас, Адель,— произнес он нежно,— но причиной моей забывчивости явилась новая трагедия.

Девушка остановилась и посмотрела на него.

— Новая?

Майкл кивнул.

— Убит мистер Фосс,— пояснил он.

Адель сильно побледнела.

— Когда? — спросила она спокойным, почти бесстрастным голосом.

— Позавчера вечером.

— Это было после девяти часов,— сказала она.

Его брови удивленно поползли вверх.

— Почему вы так говорите?

— Потому, мистер Бриксан,— медленно произнесла девушка,— что в девять часов я видела руку человека, убившего его! Позавчера вечером я была в городе, видела мистера Фосса и разговаривала с ним. Он казался очень расстроенным, и я поинтересовалась, нет ли у него неприятностей. Он отрицал, но добавил, что у него предчувствие, что может произойти нечто ужасное. Он также поинтересовался, давно ли я живу в Чичестере и известно ли мне что-нибудь о пещерах.

— О пещерах? — быстро переспросил Майкл.

Адель кивнула:

— Я была удивлена, так как никогда не слышала ни о каких пещерах. Фосс сказал мне, что нашел упоминание о них в какой-то древней хронике. Он посмотрел путеводитель, но там об этом не было ни слова. Фосс утверждал, что в древние времена здесь были пещеры, вход в которые закрылся в результате геологического сдвига. Но он говорил так невнятно и несвязно, что я подумала, будто он выпил, и поспешила от него отделаться. Затем в девять часов, когда улицы опустели, я вновь его увидела. Он стоял на углу Арандел-роуд и явно кого-то ждал. Мне не хотелось вновь с ним встречаться, поэтому я остановилась. Я не успела завернуть за угол, как на улице появился автомобиль и остановился рядом с Фоссом.

— Что за автомобиль? — спросил Майкл.

— Большой "седан". Едва он появился из-за угла, огни в нем погасли, и это показалось мне странным. Мистер Фосс явно ожидал этот автомобиль, так как подошел к нему, наклонился к окошку и с кем-то заговорил. Я не знаю, что заставило меня сделать это, но почему-то мне захотелось увидеть, кто в автомобиле. Не успела я пройти и шести ярдов, как мистер Фосс отошел в сторону, а "седан" тронулся с места. Из окошка показалась рука, как будто водитель решил на прощанье помахать Фоссу.

— Вы не заметили в этой руке ничего такого странного?

— Ничего, за исключением того, что она была небольшой и белой, а на мизинце было кольцо с большим бриллиантом. Игра камня была такой необычной, что я удивилась, почему мужчина носит такое кольцо. Вы посчитаете меня глупой, но вид этой руки вызвал во мне ужасное чувство страха, почему, я не знаю даже сейчас. Что-то в этом было неестественное и ненормальное. Когда я вновь оглянулась, мистер Фосс быстро шагал в противоположном направлении. Я не стала его догонять.

— Вы не заметили номер автомобиля?

— Нет,— девушка покачала головой.— Я не так наблюдательна.

— А вы не видели мужчину, сидевшего в нем?

— Нет, я ничего не видела, за исключением руки и кольца.

— А каких размеров был бриллиант, как вы думаете?

Размышляя, Адель поджала губы.

— Думаю, он был величиной с кончик моего пальца. Естественно, мне больше не удалось ничего разглядеть, но сам автомобиль я видела вчера вечером.

И затем рассказала ему, как это произошло. Майкл внимательно выслушал.

— Вы не узнали голос человека, заговорившего с вами?

Девушка отрицательно покачала головой:

— Нет, он говорил шепотом. Я не видела его лица, хотя почему-то подумала, что он в шляпе.

На минуту Майкл задумался, а затем сказал:

— Если вы не возражаете, я провожу вас до студии.

Он довел ее до гримерной, там узнал, что съемки отложены на день, и отправился на поиски Джека.

Поприветствовав его, Майкл спросил:

— Вы знаете всех богатых людей по соседству. Известен ли вам кто-нибудь, кто водит большой “седан” и носит кольцо с огромным бриллиантом?

— Единственный известный мне человек, имеющий такую слабость — это Мендоса.

— Я как-то и не подумал о Мендосе, а ведь Адель говорила, что рука маленькая и похожа на женскую.

— Рука у Мендосы не такая уж и маленькая, но маловата для мужчины. Кстати, я дал указание сообщить членам труппы, что мы сегодня проводим съемки. Если людей не занимать делом, это вызовет излишнее беспокойство.

— Пожалуй, вы правы,— согласился Майкл с улыбкой,— хотя я не осмелился бы это категорически утверждать.

В тот же день чуть позднее Майкл был срочно вызван в Лондон, где участвовал в совещании “большой пятерки” Скотланд-Ярда, которая после двухчасового обсуждения пришла к заключению, что сэра

Грегори Пенна следует оставить на свободе, но под наблюдением.

— Мы проверили историю относительно похищения девушки на Борнео: все факты подтвердились,— спокойно произнес шеф Бриксана.— У меня нет никакого сомнения в том, что Пенн — преступник, но действовать нам придется очень осторожно.

Когда Майкл возвращался в Сассекс, день был в самом разгаре. Детектив мчался на большой скорости и был уже милях в четырех севернее Чичестера, как вдруг увидел впереди стоящего посередине дороги человека с расставленными руками. Подъехав поближе и затормозив, он, к своему удивлению, узнал Сэмпсона Лонгвейла. Мистер Лонгвейл проворно подскочил к автомобилю:

— Я жду вас уже два часа, мистер Бриксан. Вы не будете возражать, если я поеду с вами?

— Ничуть. Садитесь,— сердечно произнес Майкл.

— Я знаю, что вы едете в Чичестер. А как вы смотрите на то, чтобы вместо этого поехать в Доуэрхаус? Мне нужно рассказать вам кое-что важное.

От того места, где Лонгвейл остановил машину, начиналась дорога, ведущая к Доуэр-хаус и поместью сэра Грегори. Старик сказал Майклу, что он пришел из Чичестера и ожидал, когда появится его машина.

— Я только что узнал, мистер Бриксан, что вы — представитель закона. Думаю, мне не стоит объяснять вам, как сильно я уважаю тех, кто служит делу справедливости.

— Полагаю, это вам сказал мистер Небворт? — спросил Майкл с улыбкой.

— Да, это он,— важно ответил его собеседник.— Но я действительно искал вас, интуитивно чувствуя, что вы занимаете более важное положение в жизни, чем я сперва предполагал. Я нахожусь в довольно затруднительной ситуации, мне нужен совет, но боюсь, мой адвокат не сможет мне помочь.

“Интересно, что он хочет рассказать? — подумал Майкл.— Этот старик, имеющий привычку совершать поздние прогулки, наверняка что-то видел, о чем пока еще никто не знает”.

Они доехали до Доуэр-хаус, старик вышел, открыл калитку и придержал ее, пока Майкл не вошел. Вместо того, чтобы прямо пройти в гостиную, мистер Лонгвейл стал подниматься по лестнице, знаком пригласив Майкла последовать за ним, и остановился перед дверью комнаты, которую занимала Адель в ночь неудавшегося похищения.

— Я хочу, чтобы вы взглянули на этих людей,— серьезно произнес мистер Лонгвейл,— и сказали мне, не преступил ли я черту закона.

Он открыл дверь, и Майкл увидел, что теперь в комнате было две кровати. На одной из них лежал шоколадный мужчина, весь покрытый бинтами. Он явно находился в бессознательном состоянии. На другой кровати спала женщина, которую Майкл видел в башне. Она также была сильно изранена, ее забинтованная рука была в лубке.

Майкл глубоко вздохнул.

— По крайней мере, одна загадка решена,— произнес он.— Где вы их нашли?

Услышав голос, женщина открыла глаза и со страхом посмотрела на вошедших. Затем она перевела взгляд на лежащего мужчину.

— Вы ранены? — спросил Майкл по-голландски, но она явно его не понимала, так как ответа не последовало. Женщина так неловко чувствовала себя при них, что Майкл был рад, когда они вышли из комнаты. По дороге в кабинет мистер Лонгвейл рассказал следующее:

— Я увидел их вчера вечером в половине двенадцатого. Они, шатаясь, шли по дороге, и сперва я подумал, что они пьяные, но, к счастью, женщина заговорила, и по ее голосу, даже не понимая слов, я узнал свою пациентку. Я подошел к ним, увидел, в каком состоянии находится ее спутник. Она же, признав меня, возбужденно заговорила на не известном мне языке, но все было понятно без слов. Мужчина чуть не падал, с помощью женщины мне удалось довести его до дома и поместить в эту комнату. К счастью, у меня были перевязочные материалы, и я смог обработать его раны.

— А он сильно пострадал? — спросил Майкл.

— Он потерял много крови и, хотя артерии не затронуты и кости не сломаны, раны выглядели ужасно. Затем мне пришло в голову,— продолжал мистер Лонгвейл серьезным тоном,— что этот туземец получил повреждения в результате каких-то незаконных действий. Я подумал, мне следует сообщить в полицию, что эти люди находятся на моем попечении, но сперва я зашел к своему другу мистеру Небворту и все ему рассказал. Он объяснил мне, кто вы такой, и я решил дождаться вашего возвращения, прежде чем предпринимать дальнейшие шаги.

— Вы решили загадку, которая ставила меня в тупик, и случайно подтвердили версию, к которой я относился довольно скептически,— сказал Майкл.— Вы правы, полицию следует поставить в известность. Я сообщу о происшедшем в полицейское управление и вызову "скорую помощь", чтобы отправить этих несчастных в больницу. Мужчина в состоянии передвигаться?

— Думаю, что да,— утвердительно кивнул старый джентльмен.— Он сейчас в забытьи, это напоминает состояние комы, но дело не в этом. Они могли бы остаться и здесь, хотя у меня мало удобств и нет возможности обеспечить надлежащий уход. К счастью, женщина вполне в состоянии смотреть за ним.

— Когда вы повстречали их, у него был меч?

Мистер Лонгвейл с досадой прищелкнул языком.

— Как я мог забыть об этом! Да, он здесь.

Он подошел к старинному бюро, открыл его и вынул меч, точную копию которого Майкл видел над камином в Грифф-тауэрс. На лезвии не было ни пятнышка, и мистер Лонгвейл утверждал, что, когда он впервые взял этот меч, тот был совершенно чистым. Впрочем, Майкл не удивился, так как для воина Востока меч — его дитя, и, возможно, туземец первым делом тщательно вытер его.

Выйдя из кабинета и уже собираясь уходить, Майкл неожиданно попросил:

— Извините за беспокойство, мистер Лонгвейл, не могли бы вы дать мне стакан воды?

— Никакого беспокойства, одну минуту,— сказал старик и оставил Майкла в холле одного.

На вешалке висело длинное пальто хозяина Доуэр-хаус, рядом с ним касторовая шляпа и обыкновенный котелок, который Майкл сразу схватил, как только старик вышел. Майкл отнюдь не хотел пить. Это была своеобразная уловка, характерная для его профессии.

Быстро вернувшись, старый джентльмен увидел, что Майкл осматривает котелок.

— Откуда это? — спросил детектив.

— Эта шляпа была на туземце,— ответил мистер Лонгвейл.

— Если вы ничего не имеете против, я ее возьму,— сказал Майкл после долгой паузы.

— Ради бога. Нашему другу эта шляпа не скоро понадобится,— ответил старик, ухмыльнувшись.

Майкл прошел к своему автомобилю, осторожно положил шляпу на соседнее сиденье и отправился в Чичестер. Всю дорогу он был в изумлении, ибо на подкладке шляпы обнаружил метку "Л.Ф.". Как шляпа Лоули Фосса могла оказаться у туземца с Борнео?

ПЕЩЕРЫ

Тем же вечером пациенты мистера Лонгвейла были отправлены в больницу. Получив от врачей сообщение о вполне удовлетворительном состоянии мужчины, Майкл почувствовал, что один аспект тайны уже потерял свою загадочность.

Чуть позднее Майкл нанес визит своему старому школьному учителю.

— Новые поиски? — спросил тот добродушно, когда появился Майкл.

— Как ни странно, сэр, вы правы,— сказал Майкл,— хотя очень сомневаюсь, что вы сможете мне помочь. Я интересуюсь древней историей Чичестера.

— У меня есть одна книга, опубликованная в тысяча шестисотом году. За последние две недели вы уже второй человек, проявивший интерес к истории города.

— А кто же был первый? — быстро спросил Майкл.

— Какой-то джентльмен, по фамилии Фосс...— начал было Скотт, и Майкл быстро кивнул, как будто вполне понимая, о ком идет речь.— Он интересовался пещерами, а я никогда не слышал, чтобы где-то здесь было что-нибудь подобное. Вот если б речь шла о Чеддере, я бы дал вам исчерпывающую информацию, так как считаю себя специалистом по Чеддерским пещерам.

Учитель провел Майкла в библиотеку и, взяв с полки старинный том, положил его на стол.

— После того как Фосс ушел, я взглянул, что же его заинтересовало. Оказывается, страница 385. Там дается описание исчезновения отряда конников под началом сэра Джона Дадли, графа Ньюпорта, при местных беспорядках времен Стефана. Вот этот отрывок, — и он показал соответствующее место в книге.

Староанглийский текст, который начал читать Майкл, гласил следующее: “*Благородный граф, решив дождаться его прибытия, к вечеру отвел два конных отряда в огромные пещеры, существовавшие в те времена. По особой милости божьей, в чьих руках мы находимся, в восемь часов вечера случился великий оползень, который захоронил всех этих рыцарей и сквайров, и сэра Джона Дадли, графа Ньюпорта, и никто их больше не видел. Место этого происшествия находится в девяти милях от этого самого города, который римляне называли Регнумом, а саксы — Сиффансеастром*”.

— И что, кому-нибудь удалось обнаружить эти пещеры?

Мистер Скотт отрицательно покачал головой.

— Среди местных ходят слухи, что примерно полтора века назад ими пользовались контрабандисты спиртного. Но подобные разговоры характерны для любого района.

Майкл вытащил из кармана карту Чичестера с окрестностями, отметил девять миль и циркулем провел окружность вокруг города. Он заметил, что линия прошла совсем недалеко от поместья сэра Грегори Пенна.

— Здесь отмечены две точки под названием Грифф-тауэрс,— вдруг произнес Майкл, указывая на карту.

— Да. Кроме башни в имении Пенна, есть еще одна, которую местное население называет настоящей Грифф-тауэр. Я думаю, что она или на землях сэра Грегори Пенна, или где-то рядом. Это круглая башня высотой примерно в 20 футов. Она очень старая, и мне кажется, ей может быть две тысячи лет. Я интересуюсь древностями и очень тщательно исследовал ее. Нижняя часть стен несомненно римской работы. У римлян здесь был большой лагерь, и фактически Регнум, о котором упомянуто в книге, был его центром. Есть разные объяснения предназначения этой башни. Возможно, она использовалась для хранения провизии или как оборонительный пункт, но лично я считаю, что первоначально башня была невысокой, всего в несколько футов, и отнюдь не предназначалась для обороны; впоследствии ее надстроили, но почему, неизвестно.

— Ну что ж, если я не ошибаюсь,— усмехнулся Майкл,— мы услышим об этом римском замке еще до наступления утра.

— Ожидаем гостей? — спросил Майкл, наблюдая, как Джек Небворт вносил последние штрихи — тот подобно многим закоренелым холостякам аккуратно поправлял приборы на столе, добиваясь математической точности в их расположении.

— Угу. Вашу знакомую.

— Мою?

— Да,— кивнул Джек,— я пригласил юную Лэмингтон. И надо сказать, когда я вижу человека вашего возраста, краснеющего при упоминании имени девушки, мне его жаль. Она придет, чтобы поговорить в нормальной человеческой обстановке — отчасти по делу, отчасти ради удовольствия видеть меня. У нее сегодня не все хорошо получалось, но я полагаю, мы все немного не в своей тарелке.

Вскоре появилась Адель, и было в ней нечто такое приятное, располагающее, что позиции ее в сердце Майкла значительно укрепились.

— По дороге сюда я подумала,— сказала она, когда Джек Небворт помог ей снять пальто,— как в жизни все устроено... Я никогда и мечтать не могла, что вы пригласите меня на обед, мистер Небворт.

Он взял ее под руку и проводил в комнату. При виде Майкла в ее лице что-то дрогнуло, так что молодой человек почувствовал досаду, но в ту же секунду, как будто поняв его настроение, она сказала:

— А я-то думала, что мы не будем говорить ни о чем, кроме кино.

— Ну, так и будет,— сказал Майкл,— и я буду самым прилежным слушателем. Первый же, кто заговорит об убийстве, будет выброшен из окна.

— Ну что ж, я готова к полету,— сказала она добродушно,— потому что немного позже я собираюсь говорить именно об этом.

— Сегодня днем я выступала в роли детектива,— сказала Адель после того, как был подан кофе.— И сделала потрясающее открытие,— добавила она скромно.— Началось все с того, что я попыталась проследить путь машины, которая, видимо, попала на мою улицу через задний переулок. Там я обнаружила следы только одного автомобиля и думаю, вряд ли у кого вызовет сомнение, что за рулем его сидел именно тот человек с женственными руками. Дело в том, что я обратила внимание на своеобразный ромбовидный рисунок задних колес и было очень легко идти по таким отпечаткам. Проходя по переулку, в одном месте я увидела лужицу масла — похоже, здесь машина стояла какое-то время. И вот — я нашла это!

Она открыла сумочку и вынула небольшой темнозеленый пузырек. Он не был закупорен, и на нем не было этикетки. Майкл взял его, внимательно осмотрел и понюхал. У него был своеобразный резкий, но приятный запах.

— Вам этот запах знаком? — спросила она.

Майкл покачал головой.

— Давайте я попробую,— Джек Небворт взял у Майкла пузырек и понюхал.— Амилнитрат,— быстро сказал он.— Иногда называют “сногсшибательными каплями”.

Майкл вновь взял бутылочку:

— К сожалению, нет никакой наклейки.

— И никакой связи с таинственным автомобилем,— добавила девушка.— Правда, у меня есть некоторые предположения, если рассматривать все по порядку. Вот, например, пузырек...

— Где вы его нашли?

— В глубокой канаве у самой воды. Это моя первая находка. А вот вторая,— она вынула из сумочки какой-то стальной предмет.

— Вы знаете, что это такое? — спросила она.

— Понятия не имею,— ответил Джек и протянул этот предмет Майклу.

— Я-то знаю, что это, потому что видела в студии, да и вы знаете, не так ли, мистер Бриксан?

Майкл кивнул:

— Это центральная часть наручников, та, где находится соединительное звено.

Все это носило следы грязи, которую, как пояснила девушка, она пыталась, по вовможности, удалить.

— Таковы мои две находки. Я не предлагаю вам моих выводов, потому что их у меня нет.

— Не обязательно, чтобы их выкинули из автомобиля,— сказал Майкл,— но вы говорите, есть возможность, что он выбрал это пустынное место для того, чтобы избавиться от компрометирующих его предметов. Вероятно, их следовало бы выкинуть в море, но выбранный метод, наверное, был для него и легче, и безопаснее. Ну а эти предметы я возьму с собой.

Он завернул их в бумагу, положил в карман, и разговор постепенно снова перешел к киносъемкам.

— Завтра мы снимаем в Грифф-тауэр, настоящей башне,— заявил Джек Небворт.— Это одна из местных достопримечательностей. А что же в этом смешного? — спросил он, увидев улыбку Майкла.

— Ничего особенного, кроме моего предчувствия. Я так и знал, что снова услышу об этой башне!

БАШНЯ

Майкл был встревожен. В отличие от девушки он более серьезно отнесся и к закрытому автомобилю, и к тому, что Адель позвали сесть в него. После событий последних дней было необходимо снять детектива, который следил за домом, где снимала комнату Адель. Майкл все-таки решил для этой цели использовать местного полицейского. Поэтому, отвезя Адель домой, он сделал необходимые распоряжения в полицейском участке.

Вновь вернувшись в дом Небворта, он внимательно осмотрел предметы, найденные девушкой. Амилнитрат представлял собой очень сильный наркотик. “Интересно,— подумал Майкл,— зачем он нужен Охотнику за головами?”

Он вновь осмотрел наручники. Для того, чтобы разорвать браслеты, требовалась огромная сила. Это представляло для него загадку и вызывало раздражение.

Перед тем как он лег спать, ему позвонил инспектор Лайл, ведущий наблюдение за Грифф-тауэрс. Нового ничего не было, жизнь шла своим чередом. Инспектор сообщил, что орангутанг до сих пор отсутствует.

— Вам придется оставаться там всю ночь,— сказал Майкл.— Завтра мы снимаем наблюдение. Скотланд-

Ярд считает, что сэр Грегори не имеет никакого отношения к смерти Фосса.

Ворчание на другом конце провода выражало несогласие инспектора с такой точкой зрения.

— Так или иначе он в этом замешан,— сказал он.— Кстати, в поле, близ поместья, я обнаружил окровавленный котелок, на подкладке которого есть метка...

Вот это действительно была новость!

— Покажете мне завтра утром.

На следующее утро, вскоре после завтрака, привезли котелок, и он был тщательно исследован. Небворт, который узнал от Майкла большую часть происшедшего, с любопытством осматривал новое вещественное доказательство.

— Если, встретившись с Лонгвейлом, малаец был в котелке Лоули, где же тогда, черт возьми, произошел обмен? Должно быть, где-нибудь между поместьем и домом старика, если не...

— Что? — воскликнул Майкл. Он с огромным уважением относился к проницательным суждениям Небворта.

— Если обмен не произошел в самом доме сэра Грегори. Хотя он весь в крови, но порезов на нем нет, что очень странно.

— Очень странно,— уныло согласился с ним Майкл.— И все же, если моя первая версия верна, объяснение очень простое.

Он, однако, не сказал, какова же его версия.

Доставив Небворта на студию, Майкл наблюдал за посадкой в автомобили. “Какое удовольствие было бы отправиться на съемки вместе со всеми”,— подумал он. Здесь жизнерадостная, творческая атмосфера служила для него своеобразным тоником.

Он позвонил в Лондон — никаких новостей не было. “А почему бы не поехать”,— подумал Майкл беззаботно и, приняв это решение, направил свою машину вслед за остальными.

Еще издали Майкл увидел башню — это было приземистое, очень старое сооружение, похожее на обыкновенную овчарню. Подъехав к месту съемок, он увидел, что делаются последние приготовления. Джек Небворт и оператор определяли места, где должны находиться осветители и участники съемки. Кто-то прилаживал лестницу, по которой должна спускаться Розелла.

Снималась сцена, в которой Розеллу освобождал из каменного мешка башни ее возлюбленный. Его играл несчастный Корби Коннолли.

Основные съемки, связанные с башней, были сделаны в Аранделе. Старая Грифф-тауэр служила для съемок крупным планом, когда девушка в объятиях возлюбленного по веревке из связанных простыней спускалась из своей темницы.

— Здесь ужасно неудобно спускаться,— с убитым видом сказал Корби.— Конечно, внутри простыней веревка, так что не разобьешься, но мисс Лэмингтон чертовски тяжела. Попробовал бы ты сам, старина, а я бы посмотрел, как тебе это понравится.

Вряд ли что-либо доставило бы Майклу большее удовольствие, чем исполнение этих инструкций в буквальном смысле.

— Это совсем просто,— сказал Небворт, проходя мимо и слыша последние фразы разговора.— Мисс Лэмингтон будет держать веревку и снимет значительную часть своего веса. Единственное, что от вас требуется, Коннолли,— выглядеть храбрым и привлекательным.

— Все это очень хорошо,— проворчал Корби,— но меня ангажировали не для того, чтобы лазить по веревкам. Всем нам что-то нравится или не нравится. Так вот это мне не нравится.

— Ну что ж, придется примириться,— лаконично сказал Джек.

Веревку закрепили за скобу наверху башни, тем более что та часть не должна была войти в кадр. Сам спуск, выполненный дублерами, снимался в Аранделе; Джеку нужна была сейчас только съемка крупных планов.

Каковы бы ни были недостатки Коннолли, он все же, без сомнения, был хорошим актером. Утомленный непривычными усилиями, он все же мило улыбался девушке, в то время как камера, установленная на движущейся платформе, шаг за шагом снимала сцену спасения влюбленных. Они коснулись земли, и, устремив на девушку томный взгляд, Коннолли выдержал последние три секунды эпизода.

— Достаточно,— сказал Джек.

Корби тяжело опустился на землю.

— О боже! — взвыл он, чувствуя, как болят руки.— Я никогда больше этого не сделаю, нет, не сделаю! С меня достаточно этого добра, мистер Небворт! Это было ужасно! Я думал, что умру!

— Но ведь не умер? — добродушно сказал Джек.— Ну а теперь отдыхаем, мальчики-девочки, а затем будем снимать сцену спасения.

Камера отъехала на 20—30 ярдов, и пока Корби Коннолли “корчился в агонии” на площадке, Адель подошла к Майклу.

— Я рада, что все закончилось,— сказала она с облегчением.— Бедный Корби! А что вы думаете обо мне? Как я выглядела? У меня такое ощущение, что я была набита соломой.

— Вы были просто изумительны,— пылко произнес Бриксан.

Адель бросила на него быстрый взгляд и опустила глаза.

— Вы преувеличиваете,— весьма сдержанно сказала она.

— Я так чувствую,— ответил Майкл.— Это то, что у меня внутри,— и он показал на грудь.

— Внутри этой башни? Да ничего там нет, одни только камни и дикие деревья. Но мне это очень нравится.

Майкл рассмеялся:

— Вы только что сказали, будто рады, что все закончилось. Думаю, вы говорили о съемках, а не об этой башне?

Она кивнула:

— Мистер Небворт говорил, что, возможно, потребуется ночная съемка, если он не будет удовлетворен дневной. Бедный Коннолли! Он придет в ярость.

Как раз в этот момент послышался голос Джека Небворта.

— Не надо брать лестницу, Коллинз! — кричал он.— Лучше положи ее на траву за башней. Возможно, придется вернуться сюда сегодня вечером, так что оставь все, что не пострадает от непогоды, а заберем утром.

— Боюсь, он так и сделает,— вздохнула Адель.— Я в общем-то не против, это даже интересно, но нервозность Корби так или иначе передается. Как бы мне хотелось, чтобы его роль играли вы.

— О боже, я бы тоже этого хотел! — с такой откровенностью в голосе признался Майкл, что она зарделась.

К ним подошел Джек Небворт.

— Ты ничего там не оставила, Адель? — спросил он, указывая на башню.

— Нет, мистер Небворт,— ответила она в изумлении.

— Ну, а это что?

Он указал на что-то круглое, показавшееся на верхнем краю башни.

— Ну и ну, оно же движется! — воскликнул Джек удивленно.

Когда он произносил эти слова, в поле зрения медленно появилась чья-то голова. За ней показались массивные волосатые плечи и рука, перекинутая через край стены.

Это был Бэг!

От пыли его рыжевато-коричневая шерсть приобрела сероватый цвет. Лицо выглядело так же нелепо. На все это Майкл обратил внимание. Затем это чудовище, чтобы как-то сохранить равновесие, подняло руку, и Майкл увидел, что на запястьях рук остались браслеты от разорванных наручников!

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЭГА

Адель вскрикнула и схватила Майкла за руку.

— Что это? Это то чудовище, которое пыталось меня похитить?

Она была потрясена.

Майкл осторожно отодвинул ее в сторону и побежал к башне. Не успел он этого сделать, как Бэг спрыгнул на землю. Какое-то мгновение он стоял на четвереньках, злобно глядя на приближающегося человека, а затем принюхался, что-то прощебетал своим странным голосом, двинулся легкой походкой к холмам и исчез за ближайшим из них.

— Это орангутанг, принадлежащий сэру Грегори. Он совершенно безобидный. Исчез из дому два или три дня тому назад.

— Должно быть, прятался в башне,— сказал Небворт, и Майкл кивнул, соглашаясь с ним.— Но я чертовски рад, что он не появился во время съемок,— сказал режиссер, потирая лоб.— А ты не видела его, Адель?

Майкл заметил, что девушка сильно побледнела, этого не смог скрыть даже грим, а рука, поднятая к губам, слегка дрожала.

— Этим объясняется тайна наручников.

— Так вы заметили их? — быстро спросил Майкл,— да, этим объясняется разорванное звено, но не амилнитрат.

Во время разговора он держал девушку за руку, и она чувствовала, что горячее сильное пожатие выражает нечто большее, чем простую симпатию.

— Вы испугались?

— Ужасно,— призналась она.— Это был Бэг?

— Да, Бэг,— произнес Майкл, кивнув головой.— Думаю, что он скрывался в этой башне с самого начала. А вы ничего не заметили, когда были наверху?

— Нет, ничего, иначе бы я свалилась. Кстати, внутри башни полно кустов, где он мог скрываться.

Майкл решил убедиться сам. Ему установили лестницу, он поднялся на верхнюю широкую площадку башни и посмотрел вниз. Он увидел, что земля у основания кирпичной кладки стен башни идет под уклон, странным образом напоминая воронки, которые он видел во время войны во Франции. Само же основание башни рассмотреть было невозможно, потому что там разрослись пышные кусты боярышника. Единственное, что он увидел, это части стены и ветви старого дерева.

Вполне достаточные условия для укрытия. Видимо, Бэг скрывался там большую часть времени, отсыпаясь после ранений, ибо Майкл заметил то, чего не заметил никто,— его пораненную кожу и наполовину разрубленное ухо.

Майкл вновь спустился по лестнице и присоединился к Небворту.

— Думаю, на этом сегодня закончим,— колеблясь, произнес Джек,— я чувствую, что все на грани истерики и потребуется немало времени, чтобы девушки успокоились и приготовились к ночным съемкам.

Обратно Майкл отвез режиссера в своем автомобиле, и он все время размышлял о странном появлении обезьяны. Кто-то надел наручники на Бэга; он должен был об этом догадаться, еще когда увидел разорванное кольцо. Ни один человек не в состоянии разорвать наручники. А Бэг освободился — но от кого? Как? И почему он не вернулся к своему хозяину в Грифф-тауэрс?

Подбросив режиссера к студии, Майкл отправился прямо к Грегори и увидел, что баронет играет в гольф на лужайке рядом с домом. Несмотря на то что до сих пор он был весь в бинтах, выглядел он значительно лучше.

— Да, Бэг вернулся. Всего полчаса тому назад. Где он был, бог его знает. Как часто мне хотелось, чтобы он мог говорить, но никогда я не хотел этого так сильно, как сегодня. Кто-то надел ему наручники, я их только что снял.

— Могу я их посмотреть?

— Вы ведь видели их, не так ли?

— Да, я их видел, когда он появился из той старой башни на холме,— и Майкл указал в сторону Грифф-тауэр. С того места, где они стояли, она была прекрасно видна.

— Вот как? И что же, черт побери, он там делал?

Сэр Грегори задумчиво почесал подбородок.

— Вы нашли тело Фосса? — спросил он, возобновив игру в гольф.

— Нет,— ответил спокойно Майкл.

— И думаете найти его?

— Не удивлюсь.

Сэр Грегори стоял с клюшкой в руках и смотрел на площадку.

— Ну что за законы в этой стране. А если предположить, что человек случайно убил слугу, который пытался его зарезать?

— Он тогда предстанет перед судом,— сказал Майкл,— который вынесет вердикт “убийство при оправдывающих обстоятельствах”, и он будет освобожден.

— Но предположим, он решил скрыть это? Предположим, он... э... решил избавиться от тела, захоронил его... и дал событиям идти своим чередом.

— Тогда он поставит себя в чрезвычайно опасное положение,— сказал Майкл.— В особенности,— и он пристально посмотрел на Грегори,— если у него есть подруга, которая не просто подруга, а человек, бывший свидетелем или узнавший что-то о содеянном.

Грегори Пенн быстро мигнул, и его лицо начало приобретать багровый оттенок, какой Майклу уже доводилось видеть, когда Пенн был взволнован или разозлен.

— Ну, а предположим, она вымогала у него деньги, угрожая сообщить о происшедшем в полицию?

— В таком случае,— нетерпеливо заметил Майкл,— она отправится в тюрьму за шантаж, а также, возможно, как прямой или косвенный соучастник преступления.

— Вот как? — нетерпеливо спросил сэр Грегори.— Она будет соучастницей, если видела... как он разрубил человека? Поймите, что это произошло много лет тому назад, а ведь существует срок давности, разве не так?

— Но не за убийство.

— Убийство! И вы называете это убийством? — воскликнул Пенн в тревоге.— При самообороне? Чепуха.

Постепенно Майкл все понял. Как-то Стелла Мендоса назвала сэра Грегори убийцей, и перед мысленным взором Майкла возникла сцена с почти безошибочной точностью: слуга, цветной, возможно один из его малайских рабов, вышел из себя, и Пенн его убил. Возможно, при самообороне. А затем испугался последствий. Бриксан вспомнил слова Стеллы: “Грегори — трус”. Такова была вкратце история.

— И где же вы захоронили свою несчастную жертву? — холодно спросил Майкл.

— Захоронил? Что вы имеете в виду? — взревел Грегори.— Я никого не убивал и никого не хоронил. Я просто сделал предположение.

— Это прозвучало более чем предположением,— заметил Майкл.— Но я не буду настаивать на своем вопросе.

По правде говоря, Майкл, возможно, не обратил бы внимания на поступки Грегори, поскольку испытывал отвращение к делам подобного рода, но, учитывая необычные и странные обстоятельства преступлений, совершенных Охотником за головами, он не мог спокойно пройти мимо них.

Кроме того, был еще один объект интереса, имя которого Майкл не называл даже про себя. Что же касается сэра Грегори Пенна, то и его внешность, и круг его увлечений, и вульгарность его амурных дел вызывали самое настоящее отвращение.

Майкл с радостью убрал бы сэра Грегори из этой жизни, только он все же не был уверен в своих подозрениях.

— Как странно, неожиданно появляются такие вопросы,— произнес Пенн, выйдя из задумчивости.— И надо же, такого человека, как я, которого никогда ничто особенно не волновало, вдруг заинтересовал этот абстрактный вопрос, и никак от него не уйти. Так что, она становится соучастницей? Значит, это будет грозить тюрьмой?

— Бэг сильно пострадал? — спросил Майкл.

— Да не очень, всего пара порезов,— спокойно ответил Грегори.— Он пришел ко мне на помощь, бедный Брут. Этот парень чуть было не добрался до него.

— А что за шляпа была у этого парня-туземца?

— У Кеджи?

— Не знаю.

— Кажется, у него была шляпа, но я не заметил. А что?

— Да я просто спрашиваю,— небрежно бросил Майкл.— Возможно, он потерял ее в пещерах.

Произнося эти слова, он внимательно вглядывался в лицо своего собеседника.

— Пещеры? Никогда не слышал ни о каких пещерах. А что они из себя представляют? Разве поблизости есть что-нибудь подобное? — с невинным видом задавал вопросы сэр Грегори.— Вы прекрасно ознакомились с топографией этого графства, Бриксан. Я здесь живу уже более двадцати лет и каждый раз, направляясь в Чичестер, сбиваюсь с дороги.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Вопрос, связанный с пещерами, ужасно заинтересовал Майкла. Он вдруг вспомнил о Лонгвейле, чьи знания окрестностей были просто энциклопедическими. Майкл, не застав его, вынужден был дожидаться, пока тот на своей древней машине не появился со стороны Чичестера. Заявлять, что Майкл видел его,— значит искажать факты. Звуки старого автомобиля были слышны еще задолго до того, как он появился на повороте, где Майкл остановил его.

— Да, довольно шумно,— произнес старик, вытирая свою плешь цветным платком.— Я только сейчас начинаю понимать, что произошло за последние годы. Лично я не думаю, что совершенно бесшумный автомобиль доставил бы мне большее удовольствие.

Майкл поинтересовался относительно пещер, и, к его удивлению, старик немедленно ответил утвердительно.

— Да, я не раз о них слышал. Когда я был еще мальчиком, отец говорил мне, что здесь полно пещер и что если кому-то повезет разыскать их, то там он найдет огромные склады виски. Насколько я знаю, никто их так и не нашел. Когда-то вход был там...— и он указал в направлении Грифф-тауэр,— но много лет назад...

И он пересказал историю об оползне.

— Народная легенда гласит, что подземная река стала вдруг впадать в Селси-Билл — конечно, под землей. Но, как вы знаете, простые люди этими легендами и живут.

Инспектор Лайл ожидал появления Бриксана, чтобы сообщить ему последние новости.

— В утреннем выпуске “Дейли стар”,— сказал он,— было опубликовано очередное объявление.

Майкл взял газетную страницу, на которой было напечатано объявление известного ему характера.

“У вас болит душа? Ломит тело? Вы стоите на краю бездны? И у вас не хватает мужества? Напишите благодетелю. По адресу...”

— Ответ появится не раньше завтрашнего утра. Письма будут переадресовываться в один из магазинов на Ламбет-роуд. Шеф считает, что вам следует ухватиться за эту нить.

Здесь действительно крылись хорошие возможности. На следующий день, в четыре часа, хромоногая старушка проковыляла в магазин по продаже газет на Ламбет-роуд и спросила там о письмах, адресованных на имя мистера Уола. Получив три письма и положив их в старую пыльную сумку, она заплатила за их хранение и, ковыляя, что-то бормоча себе под нос, вышла из магазина. Пройдя немного по Ламбет-роуд, она села в автобус, следовавший в Клэпхэм, вышла в Коммоне, районе проживания средней буржуазии, пересекла его и оказалась среди многоквартирных домов и старых приземистых зданий.

Каждый поворот уводил ее все дальше в районы бедноты, пока наконец она не очутилась в глухом, давно не мощеном переулке. Фактически это был тупик. Дома стояли сплошной стеной. У предпоследнего из них старушка остановилась, вынула ключ из кармана и открыла дверь. Уже собираясь закрыть ее за собой, она вдруг увидела, что у входа стоит высокий симпатичный джентльмен, который, видимо, всю дорогу следовал за нею по пятам.

— Добрый день, мать,— сказал он.— Я хотел бы немного поговорить с вами.

— Входите,— бросила она.— Кто вы? Полиция?

Майкл кивнул:

— Мне нужны письма, полученные вами.

К удивлению детектива, женщина явно почувствовала облегчение.

— О, только и всего? — спросила она.— Эту услугу я оказываю одному джентльмену уже несколько лет. И никогда не было никаких жалоб.

— Вы знаете, как его зовут?

— Нет, не знаю, кроме фамилии на конвертах, в которых я пересылала ему письма.

Из кучи хлама она вытащила три конверта с напечатанными адресами. Майкл сразу же узнал шрифт машинки. Все письма были адресованы на одну из улиц Гилдфорда.

Майкл взял у нее письма. С содержанием двух из них он ознакомился; третье представляло фальшивку, написанную им самим. Упорный допрос старухи, однако, ничего не дал. Женщина выполняла работу, за которую получала от неизвестного письмо с фунтом стерлингов за свои труды и инструкцией, где забрать очередную партию писем.

— Она несколько не в своем уме и непередаваемо неприятна,— с отвращением заявил Майкл, докладывая Стейнзу.

— Наведение справок в Гилдфорде ничего не дало, так как там есть другой агент, который пересылает письма снова в Лондон. Но вся загадка в том, что они по дороге исчезают, ибо такого адреса в Лондоне нет. Думаю, что письма перехватываются по дороге. Этим сейчас занимается полиция Гилдфорда.

Стейнз был сильно встревожен.

— Майкл, мне не следовало привлекать вас к этой работе,— сказал он.— Я действовал из лучших побуждений, но Скотланд-Ярд недоволен и заявляет, что действия посторонних мешают поиску Охотника за головами. Конечно, как вам известно, существуют постоянные трения между различными учреждениями, и я думаю, нет нужды уверять вас в том, что я получаю больше шишек, чем заслуживаю.

Майкл понимающе посмотрел на своего шефа.

— Я могу добраться до Охотника за головами, но больше чем когда-либо я уверен, что мы не сможем признать его виновным, если не выясним ничего относительно... пещер.

— Я не очень-то вас понимаю, Майкл,— сказал хмуро Стейнз.— Что за пещеры?

— В районе Чичестера есть какие-то пещеры. Фосс знал о них и, видимо, подозревал об их связи с Охотником за головами. Дайте мне четыре дня, майор, и я все узнаю по этим вопросам. И если я потерплю неудачу,— он запнулся,— если проиграю... тогда в следующий раз вы пожелаете доброго утра моей голове, красующейся в одном из ящиков Охотника за головами!

НОВЫЙ ПЕРСОНАЖ

Майкл второй день находился в Лондоне, а Адель, уж неизвестно по какой причине, чувствовала себя не в ладах с миром. И все же работа на студии шла хорошо, а Джек Неборт, обычно скупой на похвалы, с восторгом отзывался о сцене, в которой снимался Коннолли.

Адель спросила, приехал ли Майкл.

Небворт покачал головой.

— Нет, у меня от него нет никаких известий,— сказал он.— Полчаса назад на студию приходил какой-то тип бандитского вида и интересовался им.

— Этот неприятный человек еще похож на бродягу? — спросила Адель.— Я разговаривала с ним. Он заявил, что у него письмо для мистера Бриксана и он отдаст его только лично в руки.

Адель посмотрела в окно, из которого была видна дорога, ведущая к студии. У края тротуара стоял человек, явно выбитый из жизненной колеи. Длинные гладкие черные волосы, местами тронутые сединой, торчали из-под грязной кепки. На мужчине, видимо, не было рубашки, так как воротничок его неописуемой куртки был застегнут по самый подбородок. На голых ногах — грубые ботинки, на одном из которых зияла дыра.

Человеку, должно быть, было лет шестьдесят, но точно определить его возраст было невозможно. Лицо его покрывала серая щетина, к которой бритва, похоже, не прикасалась со времени последней отсидки. Глаза были красные, мутные, нос — лилово-пурпурного цвета. Руки, глубоко засунутые в карманы брюк, казались единственным средством опоры. Человек переминался с ноги на ногу, насвистывая при этом печальный мотив. Время от времени он вынимал руку из кармана, смотрел на несколько грязноватый конверт и затем, как бы удовлетворенный проверкой, запихивал его обратно и продолжал свой странный танец.

— Вам не кажется, что вы должны взглянуть на это письмо? — спросила Джека встревоженная Адель.— Оно может оказаться очень важным.

— Я об этом уже сам думал,— сказал Небворт,— но когда я попросил разрешения посмотреть на конверт, этот бродяга только усмехнулся. Ну ладно, пока на время отвлечемся от Майкла Бриксана и вернемся к нашей прекрасной Розелле. Кадры с башней нельзя улучшить, поэтому я уберу ночную сцену. С этого момента мы будем снимать массовые сцены.

Съемки были очень трудными, необычными даже для такого режиссера, как Небворт. Сложные декорации, самая большая массовка со времен его приезда в Англию. Это был для Адель нелегкий день, и когда вечером она возвращалась домой, то чуть не падала от усталости.

— Вы не видели мистера Бриксана, мисс? — кто-то позвал ее резким голосом, когда она вышла из студии.

Адель вздрогнула. Она совершенно забыла о существовании бродяги.

— Нет,— ответила она.— Он в Лондоне. Надеюсь, вам это известно?

— Он не может быть в Лондоне,— разочарованно ответил бродяга.— Если б он был там, я бы не околачивался здесь, так ведь? Нет, из Лондона он выехал вчера. Я буду его дожидаться.

Ее забавляло его упрямство, хотя трудно было удивляться в состоянии чуть ли не полного изнеможения.

Переходя торговую площадь, она едва успела увернуться от автомобиля, который, как ей было известно, принадлежал Стелле Мендосе. Стелла порою была безрассудной, да и девиз на радиаторе ее автомобиля был довольно откровенным — “Прыгай или умри”.

Стелла сейчас ужасно спешила и смачно выругалась, едва избежав столкновения с девушкой, которую она узнала. Сэр Грегори пришел в чувство, и Стелла хотела добраться до него, пока он вновь не напился до беспамятства. Она резко затормозила у ворот Грифф-тауэрс, сильно толкнула дверь и вбежала в дом.

— Если я не вернусь в течение двух часов, поезжайте в Чичестер и вызовите полицию,— сказала она перед этим своему шоферу, который стал невольным пассажиром.

ПУТЬ ГРЕГОРИ

Записку подобного же содержания Стелла оставила на своем столе. Если она не возвратится к определенному часу, полиция прочитает письмо, которое обнаружит на камине. Она не могла допустить и мысли, что на следующее утро не найдут ее записки или письма.

Предстоящий разговор был одним из серьезнейших и жизненно важных для нее. Она намеренно оттягивала свой отъезд, пытаясь убедить себя, что Грегори Пенн более благосклонно отнесется к своим обязательствам, хотя у нее было мало надежды, что он переменит свой взгляд на такой важный вопрос, как деньги. И вот сейчас он странным образом смягчился, говорил с ней по телефону дружеским тоном, смеялся над всеми ее опасениями и мерами предосторожности; в конце концов она преодолела свой естественный страх.

Он принял ее не в библиотеке, а в большом помещении над ней. Комната была длиннее библиотеки, так как на первом этаже была еще небольшая гостиная, и по богатству обстановки отличалась от всех помещений. Стелла только раз была в “великолепном зале”, как она его называла. Его объемы и мрачность поразили ее, а прием, который Грегори ей устроил, оставил неприятный осадок. Зал, не совсем лишенный мебели — с обеих сторон были расставлены диваны,— устилал толстый темный ковер. Стены украшали пурпурного цвета пилоны, пространство между которыми было задрапировано восточной тканью. Свет, лившийся сверху — со стороны трех тяжелых потемневших светильников, не вносил, однако, веселья в это помещение.

Подобно восточному паше, Грегори Пенн сидел на шелковом диване, скрестив ноги, и наблюдал за движениями туземной девушки, извивающейся под странные звуки гитар трех туземцев, с невозмутимым видом игравших в темном углу комнаты. Грегори был в яркой алой пижаме. Его стеклянный взгляд и жестко сжатые губы сказали Стелле все относительно ее зловещего друга.

Сэр Грегори Пенн был просто рабом своих аппетитов. Рожденный в богатой семье, он никогда не знал отказа своим желаниям. Деньги порождали деньги, и, когда естественные удовольствия жизни приелись и он пресытился своими богатствами, единственное удовлетворение ему стало давать только то, что запрещено.

Стелла, которая уже видела себя хозяйкой Грифф-тауэрс, по мере роста ее притязаний становилась для него все менее привлекательной. В конце концов он потерял к ней всякий интерес и стал смотреть на нее как на неодушевленный предмет.

Врач сказал ему, что вино убьет его, и он стал пить еще больше. Спиртные напитки вызывали у него удивительные картины, которые, нанизываясь одна на другую, составляли яркие сказочные истории. Ему доставляло удовольствие, находясь в одурманенном состоянии, помещать перед собой женщину, которая его ненавидела. Большой грубиян и такой же большой трус, он не мог или даже не хотел довести их отношения до логического и неприятного исхода. В конце концов, у него всегда были деньги, которые он мог тратить по мере необходимости, чтобы снять все поводы недовольства им. Туземец, проводивший Стеллу Мендосу в этот зал, исчез, и она долго стояла у дивана, глядя на Грегори, пока он не соизволил обратить на нее внимание. Наконец он повернул голову и одарил ее тупым отсутствующим взглядом.

— Садитесь, Стелла,— глухо произнес он,— садитесь. Вы же не можете так танцевать, а? Ни у кого из европейцев нет такой грации, такой гибкости. Только взгляните на нее!

Танцовщица неистово кружилась, радужно переливались краски ее прозрачного одеяния. С последним звуком гитар она медленно опустилась на ковер.

— Садитесь сюда,— повторил Грегори, указывая рукой на диван.

Как по волшебству, из комнаты исчезли все слуги, и Стелла внезапно почувствовала озноб.

— Мой шофер остался в машине. Я дала ему указание идти в полицию, если не вернусь через полчаса,— заявила она громко, а Грегори рассмеялся.

— Вы бы еще няньку с собой привели, Стелла. Что это в последние дни с вами происходит? Не говорите ни о чем, кроме полиции. Я бы хотел побеседовать с вами, Стелла,— произнес он мягким тоном.

— И я тоже, Грегори. Я навсегда уезжаю из Чичестера. Я больше не хочу здесь оставаться.

— Это означает, что вы просто больше не хотите меня видеть, да? Ну что ж, я сам сыт вами по горло, и с моей стороны не будет ни слез, ни завываний, ни скрежета зубов.

— Моя новая компания...— начала она, но он жестом прервал ее.

— Если ваша новая компания зависит от моих пожертвований, то можете забыть об этом,— сказал он грубо.— Я виделся со своим юристом — точнее, человеком, разбирающимся в этих делах,— так вот, он сказал мне, что, если вы попытаетесь шантажировать меня относительно Тжарджи, у вас будут крупные неприятности. Я дам вам денег,— продолжил он,— небольшую сумму, но вполне приличную. Я не думаю, что вы совсем нищая, ибо я уже выделил вам средства, достаточные для основания трех компаний. Стелла, я схожу с ума от той девушки!

— От какой? — в крайнем изумлении спросила Стелла.

— От Адель. Кажется, так ее зовут — Адель Лэмингтон.

— Вы хотите сказать, она заняла мое место? — с трудом произнесла Стелла.

Грегори кивнул, уставившись на нее стеклянным взглядом.

— Да, она мне больше по вкусу, нежели вы, Стелла. Это, однако, ни в коей мере не означает, что я хочу унизить вас.

Стелла вынуждена была это проглотить, хотя само заявление ее просто поразило.

— Я готов на все, чтобы добиться ее,— продолжал Грегори.— Если понадобится, я женюсь на ней. В конце концов уже пора и жениться, а поскольку вы ее подруга...

— Подруга! — со злобной усмешкой воскликнула Стелла, у которой вдруг прорезался голос.— И как я могу быть ее подругой, если она заняла мое место. Ну а даже если б и была? Неужели вы думаете, я приведу девушку в этот ад земной?

Он перевел глаза на нее, бросив холодный, злобный, угрожающий взгляд.

— Этот ад земной был для вас раем. И как бы то ни было, дал вам крылья. Повремените с возвращением в Лондон, Стелла, по крайней мере, на неделю или две. Постарайтесь узнать эту девушку, у вас такие возможности, каких больше ни у кого нет. Обманите ее, в конце концов вы ничего не теряете. Расскажите ей обо мне; скажите ей, какой я хороший человек, какой у нее появляется шанс. Не стоит упоминать о свадьбе, но можете сделать и это, если это как-то поможет. Покажите ей ваши драгоценности, например ту большую подвеску, которую я вам дал...— он продолжал что-то говорить.

Стелла внимательно слушала, постепенно переходя от потрясения к неудержимой ярости.

— Вы просто чудовище! — воскликнула она наконец.— Предположить, что я привезу эту девушку в Гриффтауэрс! Я, естественно, не люблю ее, но я готова опуститься перед ней на колени, чтобы только она сюда не приходила. Вы думаете, во мне говорит зависть? — спросила она, заметив его усмешку.— А вот здесь-то вы ошибаетесь, Грегори. Да, я завидую тому положению, которое она заняла в студии, но что же касается лично вас...— она передернула плечами,— то это меня совершенно не волнует. Я вообще сильно сомневаюсь, что вы когда-либо представляли для меня больший интерес, чем стабильный источник дохода. Это искренне, не правда ли?

Вскочив с дивана, Стелла Мендоса стала надевать перчатки.

— Поскольку, кажется, вы не горите желанием помочь мне,— произнесла она,— я найду способ заставить вас выполнить свое обещание. А вы обещали мне выделить деньги на компанию, Грегори. Надеюсь, вы не забыли об этом?

— Тогда я был в вас больше заинтересован,— сказал он.— Куда вы сейчас направляетесь?

— Сейчас я возвращаюсь к себе в коттедж, а завтра — в город.

Грегори сперва посмотрел в один конец комнаты, потом в другой, а затем уставился на нее.

— Вы не поедете сейчас в коттедж,— произнес он.— Вы останетесь здесь, моя дорогая.

Стелла рассмеялась.

— Вы сказали вашему шоферу отправляться в полицию, не правда ли? Так вот, послушайте следующее. В данный момент ваш шофер ужинает у меня на кухне. Если вы полагаете, что ему удастся выйти раньше вас, то вы меня не знаете, Стелла.

Грегори взял халат, лежавший на диване, и набросил его. В ее глазах эта ужасная фигура казалась грязной и непристойной. Отсвет алой пижамной куртки придавал его лицу демонические черты, и она почувствовала, что вся дрожит от страха.

Когда Грегори заметил это, его глаза загорелись торжеством.

— Бэг внизу,— со значением произнес Грегори.— Он быстро скручивает людей. Он так скрутил одну девицу, что мне пришлось вызывать врача. Вы идете со мной? Дополнительной помощи не требуется?

Стелла молча кивнула, едва держась на ногах. Она никогда не была так близка к опасности.

Оказавшись в коридоре и пройдя вперед, Грегори отомкнул ключом какую-то дверь и, пропуская Стеллу, сказал:

— Будьте здесь. Я поговорю с вами завтра, когда протрезвею. Сейчас я пьян. Может быть, я пошлю кого-нибудь к вам, чтобы составить компанию, но еще не знаю.— Он взъерошил свои редкие волосы в пьяной задумчивости.— Но я должен немного протрезветь, прежде чем заняться вами.

Дверь за нею захлопнулась, ключ в замке повернулся. Стелла осталась в полной темноте в неизвестной ей комнате. Ужасное чувство охватило ее — одна ли она здесь?

Прошло немало времени, пока ее ладонь коснулась кнопки на стене и комната осветилась. Стелла оказалась в маленькой спальне. Самой кровати не было, а матрац и подушка лежали свернутыми в углу. В комнате было только одно окно, забранное железной решеткой. Стелла осмотрела дверь, подергала ручку, но не было даже замочной скважины, чтобы попытаться подобрать ключ.

Она подошла к окну, подняла раму, так как в комнате было душно. Посмотрев в окно и увидев лужайку и кроны деревьев, она поняла, что комната расположена в задней части дома. Дорога проходила с другой стороны, и, как бы Стелла ни кричала, ее бы никто не услышал.

Сев на стул, она задумалась о своем положении. Преодолевая страх, она решила приготовиться к возможному нападению. Приподняв юбку, она достала из специальной кобуры, привешенной к поясу, маленький браунинг — миниатюрное, но вполне действенное оружие. Она осмотрела его, убедилась, что он заряжен как следует, и сняла с предохранителя.

— Вот так-то, Грегори,— громко произнесла она, посмотрела в окно и сразу же испустила вопль.

Две грязные руки схватились за решетку, и на нее смотрело ужасное лицо бродяги. Трясущейся рукой она подняла пистолет, но, прежде чем успела выстрелить, лицо исчезло. Она пыталась что-либо разглядеть, но решетка мешала, и ей не удалось понять, куда пропала эта странная фигура.

БРОДЯГА

В десять часов, когда пробили часы чичестерского собора, бродяга, за полчаса до этого пытавшийся проникнуть в секреты Грифф-тауэрс, появился на торговой площади города. Его одежда стала еще более пыльной и грязной.

При виде этой странной фигуры полицейский встал у него на пути.

— Были в дороге? — спросил он.

— Да,— жалобно проскулил бродяга.

— Не задерживайтесь в Чичестере. Хотите найти место для ночлега?

— Да, сэр.

— А почему вы не попытались обратиться в гостиницу?

— Они все переполнены, сэр.

— Лжете,— возразил полицейский.— А теперь послушайте: если еще раз я увижу вас, я вас арестую!

Что-то бормоча про себя, жалкий бродяга, сгорбленный, держа руки в карманах, двинулся в сторону Арандел-роуд. Он направился к дому Джека Небворта. Режиссер услышал стук в дверь, открыл ее и с удивлением уставился на посетителя.

— Чего вы хотите? — спросил он.

— Мистер Бриксан вернулся?

— Нет еще. Вы бы лучше отдали это письмо мне. Я могу установить связь с ним по телефону.

Бродяга усмехнулся и покачал головой:

— Нет. Мне нужен Бриксан.

— Ну, до вечера вы его не увидите,— сказал Джек и, подозрительно глядя, добавил: — Мне кажется, что вы ищете вовсе не его, а околачиваетесь здесь совсем по иной причине.

Бродяга ничего не ответил. Он стал потихоньку насвистывать искаженный пассаж из “индийской любовной лирики”, все время отбивая такт правой ногой.

— Старина Бриксан пошел по неверному пути,— произнес бродяга с какой-то довольной интонацией, сильно раздражавшей Небворта.

— Что вы знаете о нем?

— Мне известно, что у него испортились отношения с начальством,— сказал бродяга.— Он не смог разузнать адрес, куда направлялись письма. Вот, что его волнует. А я знаю.

— И ради этого вы хотели видеть его?

Бродяга энергично закивал головой.

— Я знаю,— наконец произнес он,— что ему нужно, и сказал бы ему это, если б он был здесь, но его нет.

— Если вы знаете, что его здесь нет,— спросил доведенный до белого каления Джек,— почему вы, черт побери, пришли сюда?

— Потому что за мною гонится полиция, вот почему. Полицейский на торговой площади обещал сцапать меня, как только увидит еще раз. Поэтому я решил прийти сюда, чтобы где-то провести время, вот почему.

— Ну у вас и нервы! — с уважением произнес Джек.— В конце концов вы как-то заполнили свое свободное время, я даже развлекаю вас, а теперь можете убираться! Или вы хотите есть?

— Нет,— ответил бродяга.— Я пользуюсь плодами земли!

Его пронзительный голос, характерный для лондонских низов, стал действовать Джеку на нервы.

— Ну что ж, тогда доброй ночи! — коротко бросил он, хлопнув дверью перед носом нежданного посетителя.

Бродяга долго стоял, не делая никаких движений. Затем из недр своей кепки он извлек сигарету, зажег ее и медленно двинулся в обратный путь, сделав большой крюк, чтобы избежать центра города, где дежурил недружелюбный полицейский. Часы на соборе пробили четверть одиннадцатого, когда он добрался до угла Арандел-роуд. Бросив сигарету, бродяга спрятался в тени забора и застыл.

Прошло пять минут, десять... Его острый взгляд уловил очертания человека, быстро шедшего тем же путем, что и он. Бродяга в темноте усмехнулся. Это был Небворт. Джека смутил визит незнакомца, и он решил навести о Майкле справки в полицейском участке. Обо всем этом бродяга успел догадаться, но у него не было времени предвидеть дальнейшие действия режиссера, так как из-за угла совсем неслышно подкатил автомобиль и остановился напротив него.

— Это вы, мой друг?

— Да,— произнес бродяга угрюмо.

— Садитесь.

Бродяга нагнулся, вглядываясь в неосвещенный салон автомобиля. Затем, с силой дернув ручку, распахнул дверцу и неожиданно навалился на водителя.

— Мистер Охотник за головами,— прошипел он,— вы-то мне и нужны.

Не успел он произнести эти слова, как что-то мягкое и влажное ударило ему в лицо — он ослеп, стал задыхаться и хвататься за воздух, как умирающий человек. Водитель пнул его ногой, и бродяга, бездыханный, упал на тротуар. Автомобиль, набрав скорость, быстро исчез.

Джек Небворт оказался свидетелем этой сцены и мгновенно рванулся вперед. Неизвестно откуда появился полицейский, и они вдвоем помогли бродяге сесть.

— Я уже видел этого типа сегодня вечером,— сказал полицейский,— и предупреждал его.

Затем изнеможенный бродяга глубоко вздохнул и поднес руки к глазам.

— Вот теперь-то мне придется подать прошение об отставке,— произнес он.

Небворт от удивления вздрогнул. Это был голос Майкла Бриксана!

ПОИСКИ

— Да, это я,— горько признался Майкл.— Все нормально, сержант, не ждите. Джек, я пойду и сниму весь этот маскарад.

— Господи! — воскликнул Небворт, уставившись на детектива.— Никогда еще не видел, чтобы человек мог так прекрасно загримироваться. Даже меня провел!

— Никого я не провел, кроме самого себя,— недовольно возразил Майкл.— Я думал, что смогу его поймать с помощью фиктивного письма, а вместо этого он, дьявол, поймал меня.

— Что это было?

— Кажется, аммиак или какой-нибудь концентрированный раствор,— ответил Майкл.

Минут двадцать спустя он уже выходил из ванной комнаты, такой же как всегда, но с потухшим взглядом.

— Я хотел поймать его в свои сети, но он оказался слишком умен.

— Вы знаете, кто он?

— О да, знаю,— сказал Майкл, кивнув головой.— У меня здесь есть специальные силы, выделенные для подкрепления, но я не хотел шума, а тем более кровопролития. А оно будет, если я не ошибаюсь.

— Я не узнал автомобиль, хотя мне известны почти все машины в округе,— сказал Джек.

— Это особый автомобиль, которым Охотник за головами пользуется только для таких вот ночных приключений. Хранится он в каком-нибудь гараже, вдали от дома преступника. Вы недавно меня спрашивали, хочу ли я есть. Я солгал вам, заявив, что питаюсь плодами земли. Ради бога, дайте мне чего-нибудь поесть!

Джек прошел в кладовую, принес немного холодного мяса, приготовил кофейник горячего кофе и сел, молча наблюдая, как это все исчезает.

— Ну вот, теперь я чувствую себя человеком,— поев, заявил Майкл.— Кроме печенья, после одиннадцати утра у меня 'во рту не было и маковой росинки. Кстати, наша подруга — Стелла Мендоса — в настоящее время в Грифф-тауэрс. Боюсь, я сильно напугал ее. Примерно час тому назад я там околачивался, чтобы убедиться, что моя птичка на месте, случайно попался на глаза Мендосе и напугал.

Раздался резкий стук в дверь.

— Кто это еще может быть в такое время? — удивленно спросил Джек Небворт.

— Возможно, полицейский,— сказал Майкл.

Небворт открыл дверь и увидел на пороге низенькую, полную пожилую женщину с пакетом в руке.

— Вы мистер Небворт? — спросила она.

— Да,— ответил Джек.

— Я принесла папку, которую забыла мисс Лэмингтон. Она просила меня отнести ее вам.

Небворт взял папку и раскрыл ее. Там оказался сценарий “Розеллы”.

— Почему вы принесли ее? — спросил Джек у женщины.

— Мисс Лэмингтон попросила меня отыскать ее и принести вам, но я не смогла ее сразу найти.

— Очень хорошо,— произнес заинтригованный Джек.— Большое вам спасибо.

Он закрыл за женщиной дверь и вернулся в столовую.

— Адель прислала свой сценарий. Интересно, что случилось?

— Кто принес его? — спросил с интересом Майкл.

— Ее хозяйка, как мне кажется,— ответил Джек, дав описание женщины.

— Да, это она. Адель отказывается от своей роли?

— Не похоже,— Джек отрицательно покачал головой.

— Тогда не понимаю. Что сказала эта женщина?

— Она сказала, что мисс Лэмингтон попросила ее принести сценарий, как только она его найдет.

Майкл мгновенно выскочил из дома и, догнав женщину, вернул ее обратно,

— Мистер Небворт просит вас объяснить, почему мисс Лэмингтон прислала свой сценарий и что вы подразумевали под словом “забыла”.

— Ну как же, когда она пошла к вам...— начала было женщина.

— Пошла ко мне? — быстро воскликнул Небворт.

— К нам зашел какой-то человек со студии и сказал, что вы хотите видеть ее,— заявила хозяйка дома.— Мисс Лэмингтон уже собиралась лечь спать, но я передала ей записку. Этот человек сказал, что вы хотите ее видеть по поводу сценария и просил ее захватить его. Она куда-то его положила и не могла найти, стала сильно нервничать, но я посоветовала ей идти, пообещав принести сценарий попозже. Как бы то ни было, она просила меня это сделать.

— Как выглядел этот человек?

— Довольно полный джентльмен. Точнее, даже не джентльмен, а шофер. Между прочим, мне показалось, что он выпивши, но я не стала ничего говорить об этом мисс Лэмингтон, чтобы не встревожить ее.

— Что потом произошло? — быстро спросил Майкл.

— Она вышла из дому и села в автомобиль. Шофер уже сидел за рулем.

— И затем они уехали? В какое время это было?

— Чуть позднее половины одиннадцатого. Я это запомнила, потому что слышала, как до отъезда автомобиля пробили соборные часы.

Майкла прошиб холодный пот.

— Двадцать пять минут двенадцатого,— едва слышно прошептал он, взглянув на часы.— Вы слишком долго добирались.

— Я никак не могла найти эти бумаги, сэр. Они оказались у мисс Лэмингтон под подушкой. А разве она не здесь?

— Нет, не здесь,— спокойно произнес Майкл.— Благодарю вас. Не буду вас больше здесь задерживать. Прошу вас пройти в полицейский участок и подождать меня там.

Майкл поднялся наверх и надел пальто.

— Как вы думаете, где она? — спросил у него Джек.

— В Грифф-тауэрс,— последовал ответ.— От того, как этой ночью Грегори Пенн обойдется с Адель, оказавшейся в его руках, зависит его жизнь или смерть.

В полицейском участке Майкла дожидалась хозяйка Адель. Она была напугана, чуть ли не плакала.

— Что было на мисс Лэмингтон, когда она выходила из дому?

— Голубое пальто, сэр,— пробормотала женщина.— То симпатичное пальто, в котором она всегда ходит.

В участке Бриксана ожидали и работники Скотланд-Ярда. Машина выехала из Чичестера; она была забита людьми, что снижало ее скорость. Но Майкл сгорал от нетерпения, да и каждая секунда была дорога. Прошла, казалось, вечность, прежде чем машина выехала на подъездную дорогу к Грифф-тауэрс. Майкл не стал останавливаться у домика привратника и будить его; машина сбила хрупкую решетку, влетела на склон, пересекла гравийную площадку и затормозила.

Звонить в дверь не было необходимости. Она была широко раскрыта. Во главе своего отряда Майкл Бриксан молнией пересек пустынный холл и по коридору помчался в библиотеку Грегори. Несмотря на слабое освещение в ней, было видно, что комната пуста. Быстрыми шагами Майкл пересек ее, подбежал к столу и нажал на кнопку. Логово Бэга открылось, но орангутанга там не было.

Он позвонил в колокольчик, висевший у камина, и в комнате почти сразу же появился дрожащий от страха туземец, которого Майкл видел раньше.

— Где твой хозяин? — спросил Майкл по-голландски.

— Не знаю,— отвечал туземец, покачав головой, но инстинктивно взглянул на потолок.

— Покажи мне дорогу.

Они вернулись в холл, по широкой лестнице поднялись на второй этаж, прошли по коридору, подобно коридору первого этажа увешанному оружием, и дошли до другой открытой двери. Заглянув в нее, Майкл увидел, что в зале никого нет. Едва он вышел оттуда, как услышал энергичный стук, раздававшийся со стороны одной из дверей коридора. Ключ от нее был в замочной скважине. Повернув ключ и распахнув дверь, он увидел, как оттуда, шатаясь, бледная как смерть, вышла Стелла Мендоса.

— Где Адель? — с трудом произнесла она.

— Это я хотел бы спросить у вас,— сурово сказал Майкл.— Где она?

Стелла бессильно покачала головой, пытаясь что-то вымолвить, и упала без чувств.

Майкл не стал дожидаться, пока она придет в себя, и продолжил свои поиски. Он переходил из комнаты в комнату, но нигде не было признаков ни Адель, ни жестокого владельца Грифф-тауэрс.

Бриксан остановился в напряжении, пытаясь сконцентрироваться на вопросе, более важном для него, чем собственная жизнь, как вдруг услышал звуки со стороны логова Бэга. А затем в дверном проеме появился сам орангутанг. Плечо у него кровоточило от страшной раны. Кровь капала на пол, а он стоял, сжимая в своих огромных руках что-то, очень похожее на кучу тряпья. При виде этого комната поплыла перед глазами Майкла.

В этих окровавленных лохмотьях в руках Бэга он признал пальто, которое носила Адель Лэмингтон!

В течение какого-то мгновения Бэг стоял, уставившись на человека, который, как он чувствовал, был его врагом. Затем, бросив пальто и оскалив зубы, стал отступать к своему убежищу.

Майкл успел трижды выстрелить из пистолета, но огромная человекообразная обезьяна исчезла с быстротой молнии. Дверь со щелчком закрылась за ней.

Небворт был очевидцем этой сцены. Он бросился вперед и поднял пальто, оброненное обезьяной.

— Да, это ее,— произнес он глухо. Ему стало не по себе.

Майкл, нажав кнопку на столе, открыл дверь в логово Бэга и с оружием в руках бросился вперед. Небворт побоялся следовать за ним. Он стоял, оцепенев в ожидании.

— Там никого нет,— произнес Майкл, показываясь из убежища Бэга.

— Никого? — шепотом спросил Джек Небворт.— Слава богу!

— Бэг исчез. Мне кажется, я его задел, там есть следы крови, но не я причина этого. Кстати сказать, недавно в него стреляли.— И Майкл показал на пятна крови на полу.— Когда я видел его в последний раз, в него стреляли, но не попали.

— А вы видели его еще до сегодняшней ночи?

Майкл кивнул.

— Последние три ночи он крутился вокруг дома Лонгвейла.

— Лонгвейла?!

Где Адель? Вот основной вопрос, всецело занимавший Майкла Бриксана А куда делся баронет? Почему та дверь была открыта? Никто из слуг не мог ему ничего толком сказать, и по какой-то причине он чувствовал, что они говорят правду. Только Пенн и Стелла... да еще этот огромный орангутанг знали, если не...

И Майкл поспешил назад, туда, где оставил полицейского, пытавшегося привести в чувство Стеллу Мендосу.

— Она все время теряет сознание,— заявил полицейский.— Я ничего не смог от нее добиться, кроме одной-единственной фразы: “Убей его, Адель!”

— Значит, она видела ее! — воскликнул Майкл.

С сообщением появился полицейский, оставленный на улице наблюдать за домом. Он заявил, что видел, как кто-то взобрался наверх и вдруг исчез, как бы пройдя сквозь стену. Несколько минут спустя он вновь появился.

— Это Бэг,— сказал Майкл.— Когда мы только прибыли сюда, я был уверен, что его здесь нет. Пока мы были наверху, он, вероятно, проник в дом через отверстие в стене.

Обнаружили машину, которая привезла Адель. Это был автомобиль Стеллы, и сперва Майкл подумал, что Мендоса приняла участие в похищении. Позднее он узнал, что, пока шофер Стеллы находился на кухне, будучи фактически в заключении, Пенн сам сел за руль автомобиля и направился к дому девушки, которая, видя машину Стеллы, отбросила прочь все возникшие подозрения.

Майкл был на грани помешательства. Охотник за головами и его поимка представляли для него сейчас меньшую значимость, чем безопасность Адель.

— Если я не найду ее, то, видно, сойду с ума! — бросил он.

Джек Небворт открыл было рот, собираясь что-то сказать, как вдруг в ночи раздался пронзительный крик, от которого застыла кровь в жилах.

— Помогите, помогите!

Майкл сразу же узнал этот голос. Это был мужчина — это был Грегори Пенн!

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С АДЕЛЬ

Время от времени у Адель Лэмингтон возникали сомнения в своей пригодности к профессии, которую она избрала. В особенности такие ощущения проявлялись, когда она пыталась сконцентрировать свое внимание на пьесе. Во всем она обвиняла Майкла и тут же чувствовала раскаяние. Начала винить себя, затем, отказавшись от всякой борьбы, вложила сценарий в папку, завязала ее, сунула под подушку и стала готовиться ко сну. Она уже сняла юбку и кофточку, как ее позвали.

— От мистера Небворта? — спросила она с удивлением.— В такое позднее время?

— Да, мисс. Он завтра собирается внести большие коррективы и просит вас сразу же приехать. Он прислал за вами машину. В список исполнителей вводится мисс Мендоса.

— О! — слабо произнесла Адель.

Значит, она все-таки неудачница и как дура напрасно чувствовала себя на вершине блаженства в последние дни.

— Я немедленно приеду,— сказала Адель.

Дрожащими руками она оделась, ненавидя себя за такое проявление слабости. Возможно, Стелла получит не прежнюю роль, а совершенно новую, специально для нее написанную. Возможно, она ангажирована заново для съемок в другом фильме, не в “Розелле”. Эти и подобные размышления мелькали у нее в голове; Адель была в прихожей и открыла дверь, как вдруг подумала, что Джеку Небворту наверняка понадобится сценарий. Она бегом поднялась на второй этаж, но в волнении совершенно забыла, где его положила. В отчаянии она обратилась к хозяйке.

— Я куда-то положила очень важные бумаги. Не могли бы вы найти их и принести в дом мистера Небворта. Они в коричневой папке...

Выбежав на улицу, Адель увидела автомобиль Стеллы Мендосы и сразу же узнала его. Значит, Джек и Стелла все-таки помирились!

В следующую секунду она уселась рядом с молчаливым водителем.

— Мистер Бриксан у мистера Небворта? — спросила она.

Ответа не последовало. Она подумала, что водитель ее не расслышал.

Сделав разворот, автомобиль помчался в противоположном направлении.

— К мистеру Небворту не сюда,— произнесла она в тревоге.— Вы знаете дорогу?

Ответа вновь не последовало. Набрав скорость, машина спустилась вниз по длинной темной улице и свернула на сельскую дорогу.

— Остановите немедленно машину! — потребовала Адель и схватилась за ручку двери.

Тотчас ее руку сильно сжали.

— Моя милая, вы можете сильно ушибиться, поранить свое прелестное личико, если попытаетесь выскочить из машины на ходу.

— Сэр Грегори! — с трудом вымолвила Адель.

— Не устраивайте паники,— произнес Грегори. По его голосу чувствовалось, что он в приподнятом настроении.— Вы только отужинаете со мною. Я часто просил вас об этом, а сегодня вам придется это сделать, хотите вы этого или нет. У меня находится Стелла, так что нечего бояться.

Адель с трудом сдержала свой страх.

— Сэр Грегори,— заявила она,— вы немедленно отвезете меня обратно. Это не красит вас!

Он громко рассмеялся:

— Ничего с вами не случится. Никто вас не обидит. Вы вернетесь обратно целой и невредимой, но сперва вы со мной отужинаете, моя милая крошка. А если будете шуметь, я направлю автомобиль на первое же дерево, и мы разобьемся вдребезги!

Он был пьян, но не столько от вина, сколько от жажды власти. Грегори добился своего и не собирался останавливаться ни перед чем.

“Где находится Стелла?” Адель не верила ему, и в то же время это могло быть правдой. Она хваталась за соломинку, которую давало возможное присутствие Стеллы.

— Ну вот мы и на месте,— проворчал Грегори, подъезжая к Грифф-тауэрс и затормаживая на гравийной площадке.

Прежде чем она поняла, что он делает, Грегори взял ее на руки, несмотря на ее яростное сопротивление.

— Если вы будете кричать, я поцелую вас,— прорычал он ей в ухо, и девушка застыла у него в руках.

Вдруг открылась дверь. Адель смотрела на слугу, флегматично стоявшего в холле, в то время как Грегори, неся ее на руках, поднимался по широкой лестнице, и думала, может ли он чем-нибудь ей помочь. Наконец Пенн поставил ее на ноги и, открыв дверь, втолкнул в комнату.

— Вот и ваша подруга, Стелла! — сказал он.— Замолвите за меня словечко! Вбейте ей в голову хоть какой-нибудь разум. Я вернусь через десять минут, и мы с вами устроим такой прекрасный свадебный ужин, о котором невеста может только мечтать.

Дверь за Адель закрылась, и она услышала, как повернулся ключ. При виде побледневшего лица Стеллы у нее потеплело на сердце.

— О, мисс Мендоса,— едва дыша произнесла она.— Слава богу, что вы здесь!

СПАСЕНИЕ

— Не стоит так быстро благодарить бога,— со зловещим спокойствием сказала Стелла.— Дурочка, зачем вы сюда приехали?

— Он силой привез меня. Я не хотела ехать,— ответила Адель.

Она была на грани истерики, хотя и пыталась, подобно Стелле, казаться спокойной. Она кусала дрожащие от страха губы. В конце концов она достаточно успокоилась и рассказала Стелле о том, что с ней произошло. Лицо Мендосы омрачилось.

— Ну конечно, он воспользовался моим автомобилем,— произнесла, как бы говоря самой себе, Стелла.— Он задержал моего шофера, как и обещал. О боже!

— Что он будет делать? — прошептала Адель.

Стелла посмотрела в глаза девушке.

— А как вы думаете, что он будет делать? — со значением сказала она.— Он же — зверь. Такое чудовище можно встретить только в книгах, да в запертых комнатах. У него к вам не больше сострадания, чем, скажем, у Бэга.

— Если Майкл об этом узнает, он убьет его.

— Майкл? А, вы говорите о Бриксане? — с проснувшимся интересом произнесла Стелла.— Он вас любит? Поэтому он крутится на съемках? Это как-то не приходило мне в голову. Впрочем, Грегори никого не боится. Он может сбежать — в Саутгемптоне у него яхта. Он достаточно богат, чтобы выпутаться из любой истории. И, кроме того, он знает, что честные женщины не любят появляться в полицейском суде. О, у него разнообразные средства защиты. Он — червяк, но ловкий червяк!

— Что же мне делать? — воскликнула Адель.

Ломая руки в отчаянии, опустив голову, Стелла ходила взад-вперед по узкой вытянутой комнате.

— Мне-то он ничего не сделает,— сказала она и, внезапно остановившись, добавила: — Пару часов назад в окно этой самой комнаты заглядывал какой-то бродяга.

— Бродяга? — в недоумении спросила Адель.

Стелла кивнула:

— Я ужасно испугалась, пока не вспомнила эти глаза. Это были глаза Бриксана, но он был так загримирован, что его абсолютно нельзя было узнать.

— Майкл? Так он здесь? — нетерпеливо спросила Адель.

— Он где-то поблизости. В этом ваш один путь спасения, а вот и другой.

Стелла взяла с полки маленький браунинг.

— Вы когда-нибудь стреляли из пистолета?

— Да,— кивнула Адель.— В одной сцене,— смущенно добавила она.

— Ну конечно! Он заряжен. А вот это,— показала Стелла,— курок. Для того чтобы выстрелить, нажимаете на него. Вам лучше убить Пенна. Лучше и для вас, и, я думаю, для него тоже.

Адель отпрянула назад.

— О нет, нет!

— Положите его в карман. У вас есть карман?

Карман оказался в голубом пальто, в котором была девушка, и Стелла опустила туда пистолет.

— Вы даже не представляете, какую я приношу жертву,— откровенно призналась она девушке.— И делаю это не потому, что мне кто-то нравится, и во всяком случае не из любви к вам, Адель Лэмингтон. Просто я не смогу жить, если позволю этому зверю овладеть вами без борьбы.

Послышался поворот ключа в замочной скважине.

— Он идет,— прошептала Стелла Мендоса.

Это был Грегори в алой пижамной куртке и пурпурном халате. Его лицо сияло, глаза горели от возбуждения.

— Пойдемте! Вы! — и он поманил пальцем.— Нет, не вы, Мендоса. Вы остаетесь здесь, да? Вы увидите ее позднее, возможно... после ужина.

Грегори с вожделением посмотрел на отпрянувшую Адель.

— Ничего с вами не случится. Оставьте свое пальто здесь.

— Нет, я буду в нем,— произнесла девушка.

Ее рука инстинктивно сжала пистолет.

— Ну, хорошо, как хотите, Мне все равно.

Сильно сжав руку девушки, он потащил ее за собой, удивленный, но удовлетворенный тем, что она не оказывает ему особого сопротивления. Они спустились в холл, а затем прошли в маленькую гостиную, примыкавшую к его кабинету. Грегори распахнул дверь и, показав Адель богато сервированный стол, втолкнул ее в комнату.

— Вино и поцелуй! — прорычал он, выбив пробку из бутылки шампанского, которое хлынуло золотистым потоком на скатерть.— Вино и поцелуй! — вновь воскликнул он, резко протянув Адель бокал. Часть вина пролилась и маленькой струйкой побежала по ее пальто.

Адель молча покачала головой.

— Пейте! — с угрозой произнес он, и девушка пригубила вино.

Затем, прежде чем она поняла, что происходит, она оказалась в его объятиях. Пытаясь высвободиться из них, она повернула голову и почувствовала, как его горячие губы коснулись ее щеки.

Наконец он отпустил ее и, подойдя к двери, ударом ноги закрыл ее. Он вставил ключ в замочную скважину, как вдруг раздались слова:

— Если вы повернете ключ, я убью вас!

В удивлении он оглянулся и при виде пистолета в руке девушки со страхом взмахнул руками.

— Положите его, идиотка! — визгливо крикнул он.— Положите. Вы что, не знаете, что делаете? Эта дурацкая вещь может случайно выстрелить!

— Случайности не будет,— сказала девушка.— Откройте дверь!

Грегори застыл в нерешительности, но тут же заметил, как ее палец опустился к курку.

— Не стреляйте, не стреляйте! — закричал он, настежь распахивая дверь.— Подождите, дурочка! Не уходите. Там Бэг. Он набросится на вас. Останьтесь со мной. Я...

Но Адель уже выскочила в коридор. Она поскользнулась на коврике в холле, но быстро вскочила. Дрожащими руками она сняла засовы и цепочки. Дверь открылась. Еще мгновение — и она на свободе.

Сэр Грегори следовал за нею. Ее побег отрезвил его. Он представил себе, какие трагические последствия могут быть, и его душа ушла в пятки. Бросившись в кабинет, он открыл сейф и вынул пачку банкнот. Сунул их в карман отделанного мехом пальто, висевшего в шкафу, и накинул его. Восточные туфли он сменил на ботинки и тут же подумал о Бэге. Он открыл его логово, но орангутанга там не было. “А что, если Бэг схватит ее?” — подумал Грегори, кусая ноготь.

Что-то былое, человеческое, всколыхнулось в его душе. Надо сперва узнать, где Бэг. Грегори выскочил на улицу и стал в темноте искать своего странного и ужасного слугу. Приложив обе руки ко рту, он испустил долгий завывающий крик-призыв, на который Бэг всегда появлялся, и стал ждать. Ответа не последовало. Грегори вновь печально завыл, но, даже если

Бэг и слышал его, впервые в своей жизни он его игнорировал.

Грегори Пенн стоял, весь в холодном поту от страха. Постепенно, однако, он пришел в себя. Нельзя терять времени. Он поднялся в свою богато украшенную комнату, сбросил пижаму и вскоре вновь спустился вниз, пытаясь в темноте отыскать орангутанга.

Одетый, он больше чувствовал себя мужчиной. Большой бокал виски вернул ему уверенность. Он вызвал слугу, отвечавшего за его автомобиль.

— Поставь машину у задней калитки,— приказал он.— Не теряй ни минуты. Проверь, чтобы ворота были открытыми. Возможно, мне сегодня ночью придется уехать.

Грегори не сомневался в том, что будет арестован. Ни богатство, ни положение, ни влияние, каким он пользовался в этом графстве, не спасут его. Последний его поступок был чем-то большим, чем эксцентричная выходка.

Затем, вспомнив, что Стелла Мендоса еще пока в доме, он пошел к ней. При одном взгляде на его лицо она поняла, что произошло что-то необычное.

— Где Адель? — сразу же спросила она.

— Не знаю. Она сбежала. У нее оказался пистолет. Бэг двинулся за ней следом. Один бог знает, что может произойти, если он настигнет ее. Он разорвет ее на части. Что это?

Где-то на расстоянии, с обратной стороны дома, послышался слабый звук выстрела.

— Браконьеры,— неуверенно произнес Грегори.— Слушайте, я пошел.

— Куда? — спросила Стелла.

— Не вашего ума дело,— прорычал он.— Вот деньги.

И он сунул ей в руку несколько банкнот.

— Что вы сделали? — в ужасе прошептала она.

— Ничего, говорю вам, ничего! — взорвался он.— Но они меня возьмут за это. Я поеду на яхту. Вам лучше исчезнуть, пока они не приехали.

Стелла взяла сумочку и уже надевала перчатки, как вдруг услышала, как хлопнула дверь и щелкнул замок. Машинально Грегори запер ее, совершенно не обратив внимания на ее удары в дверь.

Грифф-тауэрс, поместье Грегори, находилось на холме, откуда открывался прекрасный вид на местную дорогу, ведущую к Чичестеру. Стоя у входа в дом, Грегори всматривался вдаль, надеясь увидеть своего орангутанга. Но вместо этого заметил огоньки, быстро передвигавшиеся по дороге.

— Полиция! — проворчал он и, спотыкаясь, пошел через огород к калитке.

СНОВА В БАШНЕ

Адель сбежала вниз по подъездной дорожке, имея одну-единственную цель — побыстрее покинуть этот ужасный дом. Ворота были закрыты, сторожка темна. Она отчаянно пыталась открыть железные створки, но безуспешно.

Посмотрев в сторону башни, Адель вдруг увидела фигуру, передвигавшуюся в тени кустарников, росших по обеим сторонам дороги. Сперва она подумала, что это Грегори Пенн, но вдруг поняла... Это же Бэг!

Она быстро побежала вдоль стены, но орангутанг ее заметил, двинулся следом, сперва медленно, осторожно, как бы неуверенный в том, что она — его законная жертва. Возможно, там есть другие ворота, подумала Адель и продолжала бежать, время от времени оглядываясь назад. Она с такой силой сжимала маленький пистолетик, что он вскоре стал скользким от пота.

Адель выскочила из-под прикрытия стены, пересекла поле и даже подумала, что смогла оторваться от своего преследователя. Но Бэг просто редко появлялся на открытом месте. Спустя какое-то время она снова его увидела. Он двигался параллельно ей, вдоль стены, не проявляя никаких признаков спешки. Может быть, думала она, если бежать дальше, он в конце концов от нее отстанет. Он следует за нею, видимо, просто из любопытства. Адель побежала по тропинке, пока не поняла, что все больше приближается к стене, вдоль которой двигался ее преследователь. Поняв это, она быстро свернула с тропинки и пошла по покрытой росой траве. Вскоре ее ноги были мокры до колен, но она не замечала этого, так как Бэг открыто следовал за нею!

Добежав до невысокого заборчика, спускавшегося к дороге, которая служила восточной границей имения, она изо всех сил помчалась по дороге, даже не задумываясь над тем, куда та ведет. Бросив взгляд назад, она к своему ужасу увидела, что Бэг следует за ней, даже не делая попытки уменьшить расстояние, разделявшее их.

И вдруг вдали она увидела огни коттеджа. Они казались совсем рядом. Прослезившись от радости, она свернула с дороги и побежала вверх по склону невысокого холма, чтобы на вершине его, к своему разочарованию, убедиться, что эти огни дальше, чем казались прежде. Обернувшись, она увидела блестящие в темноте глаза Бэга.

Где же она находится? Осмотревшись, Адель нашла ответ. Впереди, слева, были приземистые очертания старой Грифф-тауэр.

А затем по какой-то непонятной причине Бэг отказался от роли заинтересованного наблюдателя и, рыча как собака, бросился к ней. Она побежала к башне. Дыхание ее переходило в рыдание, сердце в груди замирало каждый раз, когда она думала, что вот-вот упадет от изнеможения. Бэг схватился рукою за ее пальто и сорвал его. Это дало ей секундную передышку. Она должна либо лицом к лицу встретить своего врага, либо погибнуть!

Повернувшись, она наставила пистолет на чудовище, рвавшее на части ее пальто. Он было снова собрался прыгнуть, но Адель успела нажать на курок. Неожиданный грохот выстрела так испугал ее, что она чуть не уронила пистолет. С криком боли Бэг упал, но сразу же вскочил, держась за раненое плечо, а затем стал двигаться назад, все время оглядываясь на нее.

Что ей делать? Он может продолжать преследовать ее, перебегая от одного куста к другому, и наброситься на нее в любой момент. Адель посмотрела на башню. Если бы она только могла взобраться туда! И тут она вспомнила о лестнице, которую Джек Небворт велел оставить; правда, ее могли убрать.

Адель стала передвигаться украдкой, не спуская глаз с Бэга, и хотя он не двигался, она была уверена, что он наблюдает за ней. Девушка нашла в траве лестницу и без особого труда приставила ее к стене. Она слышала, как Джек говорил, что обезьяна не сможет забраться на башню снаружи, хотя изнутри это для нее не представляло труда, так как у наклонных стен внутри находился кустарник.

Бэг еще был виден. Тусклый блеск его глаз был просто ужасен. С невероятной скоростью она поднялась наверх и стала втаскивать лестницу за собой. Бэг подходил все ближе и ближе, пока не оказался у самого основания башни; он сделал три неудачных попытки взобраться на стену и упал. Слыша его недовольное ворчание, она перекинула лестницу внутрь башни.

В течение долгого времени они сидели и смотрели друг на друга — орангутанг и девушка. Наконец Бэг стал удаляться. Она долго наблюдала за ним, пока не убедилась в том, что он действительно ушел, а затем попыталась перекинуть лестницу вновь, но нижняя ступенька ее, видимо, зацепилась за кусты, росшие внизу. Она дернула раз, второй, третий, и вдруг лестница так неожиданно освободилась, что Адель потеряла равновесие. Какое-то мгновение она пыталась удержаться, цепляясь за стену одной рукой, а за лестницу — другой, а затем, скользя, чуть ли не кувырком, скатилась по отлогой внутренней стене башни и едва дыша поднялась на ноги после падения. Адель, возможно, посмеялась бы своей неловкости, если бы не одиночество в таком жутком месте. Она пыталась вновь установить лестницу, но в темноте было невозможно найти твердое основание.

Где-то здесь должны быть камни, решила она и стала искать их. Адель осторожно дошла до самого низкого места в башне и, раздвигая кусты, неожиданно поскользнулась и полетела вниз.

ПЕЩЕРА МЕРТВЕЦОВ

Она скользила вниз по пологому склону, пытаясь одной рукой уцепиться хотя бы за что-нибудь, а другой бессознательно сжимая пистолет. Один раз она сильно ушибла ногу и от боли чуть было не потеряла сознание. У нее даже не было возможности подумать, куда она летит, казалось, перед ней бездна. Наконец, перевернувшись несколько раз, она с такой силой ударилась о каменную стену, что чуть не лишилась чувств.

Казалось, падение заняло целую вечность, хотя длилось, наверное, всего несколько секунд. Какое-то время она лежала, затем медленно поднялась; почувствовав, что у нее болит лодыжка, она немного походила, чтобы убедиться, что у нее ничего не сломано. Посмотрев вверх и увидев бледную звезду, она поняла, что там находится отверстие, через которое она упала. Адель попыталась выбраться обратно, но при каждом шаге мягкая земля осыпалась, и девушка соскальзывала назад.

Адель потеряла туфлю — это была ее единственная потеря. Она пошарила в темноте и наконец нашла ее, забитую землей. Вытряхнув землю, она обулась и села, раздумывая, что же делать дальше. Полагая, что с наступлением дня она сможет осмотреться, Адель философски решила, что надо дожидаться рассвета.

Тут она почувствовала, что все еще сжимает забитый землей браунинг. Слабо улыбнувшись, она почистила его, как могла, и засунула за пазуху.

Загадка появления Бэга на башне во время съемок была раскрыта. Он прятался в этой пещере, что свойственно диким зверям.

Как далеко тянется эта пещера? Она посмотрела налево и направо, но ничего не увидела, а затем, осторожно ступая, нащупала каменный столб, но немедленно отдернула руку, ибо он был влажным и скользким.

Затем она сделала самое важное открытие — она почувствовала, что стена, вдоль которой она двигалась, переходит в нишу, поверхность которой носила явно искусственное происхождение. Адель продолжала ощупью продвигаться дальше, пока не натолкнулась еще на одно творение человеческих рук. Это оказался фонарь. Открыв его стеклянную дверцу, она нащупала свечу и коробок спичек.

Это не было чудом, как она узнала впоследствии, но в тот момент у нее было такое чувство, как будто возможность зажечь свет появилась в ответ на ее невысказанные мольбы. Руки у нее так тряслись, что ей не сразу удалось зажечь спичку. Свеча оказалась новой, и сначала свет был слабым. Когда фитиль разгорелся, Адель закрыла дверцу и осмотрелась.

Она была в узкой пещере, с потолка которой свисали многочисленные сталактиты. В том месте, где Адель попала в пещеру, пол был сухой, а дальше вода, капающая со сталактитов, сливалась в маленький ручеек. Еще дальше пещера расширялась и сталактитов было больше. Своей формой они напоминали творения человеческих рук, а сливаясь между собой, образовывали пещеры внутри пещеры, которые при свете фонаря раскрывали богатство фантазии природы. Сказочные гроты и маленькие озерца переливались всеми цветами радуги. Пещера становилась все шире и шире, пока Адель не оказалась в огромном помещении, казалось, украшенном гирляндами ледяных кружев. Пол здесь был усеян странными белыми палками, их были тысячи, разных размеров и форм. Они отливали белизной при свете фонаря. Адель взяла одну из них, но сразу отбросила с криком ужаса — это были человеческие кости!

Вся дрожа, она почти бежала. Пещера, между тем, начала сужаться и вновь стала похожа на то место, куда Адель упала. Тут девушка увидела другую нишу, и в ней опять — фонарь, свеча, спички. Кто принес их сюда? При виде первого фонаря она как-то не задумалась об этом, казалось, это из области чудес, а второй фонарь вынудил ее остановиться. Кто развесил эти фонари на стенах пещеры, как бы на случай крайней необходимости? Должно быть, кто-то живет здесь. При этой мысли дыхание Адель участилось.

Она медленно, шаг за шагом, продвигалась вперед, прихватя с собой второй незажженный фонарь. В одном месте ей пришлось перейти быстрый ручеек, в другом — небольшую подземную речку, где вода доходила до щиколоток. И вот пещера стала загибаться немного вправо. Время от времени Адель останавливалась и прислушивалась, надеясь услышать человеческий голос, хотя ожидала этого не без страха. Пещера стала ниже, и было заметно, что в некоторых местах сталактиты кем-то сбиты, видимо, таинственным человеком, обитавшим в этих подземных пустотах.

Один раз она остановилась, ее сердце болезненно застучало при звуке шагов. Они раздавались у нее над головой. Потом послышался странный шум, который усилился, а затем затих и пропал. Машина! Адель была под шоссе! Ну конечно, ведь старая башня Грифф-тауэр располагалась на склоне холма. Девушка была почти на уровне дороги, всего в каких-то восьми-девяти футах от поверхности земли. Адель посмотрела на каменный свод над головой, но, заставляя себя забыть страх, пошла дальше. Ей требовалось необычное мужество.

Пещера резко свернула. В стене вновь стали появляться маленькие гроты. Неожиданно Адель замерла. Фонарь осветил один из таких гротов. Два мужских тела лежали рядом...

Зажав рот рукой, она едва сдержала готовый сорваться крик. Увидев такую сцену, она крепко закрыла глаза. Они оба были обезглавлены! Они лежали в мелком бассейне, на них капала вода, капля за каплей, превращая эти бренные тела в камень.

Долгое время она не могла ни двинуться, ни открыть глаза. Наконец, взяв себя в руки, она с внешним спокойствием вновь посмотрела на ужасную картину. Соседний грот также был заселен, только там был один человек. И вот, когда она уже не могла этого вынести, впереди во тьме пещеры появилась маленькая точка света, которая медленно передвигалась. Тут же послышались звуки леденящего душу смеха.

Адель немедленно открыла дверцу фонаря, задула свечу и застыла, вжавшись в стену пещеры, сознавая угрожающую опасность. Затем вспыхнул более яркий огонь, потом другой, пока дальняя часть пещеры не осветилась как днем.

Пока Адель стояла, раздумывая над тем, что же происходит, раздался крик смертельного страха.

— Помогите! О боже! Помогите! Бриксан, я не хочу умирать!

Это был голос сэра Грегори Пенна.

МАЙКЛ ТОЧНО ЗНАЕТ

Это был тот же самый голос, который вынудил Майкла Бриксана быстро пересечь сад в направлении задней калитки, с наружной стороны которой стояла машина. Рядом с ней находился испуганный туземец.

— Где твой хозяин? — быстро спросил Майкл.

— Он пошел туда,— дрожащим голосом произнес тот и показал пальцем.— Какой-то злой дух завелся в этой машине, и она не тронулась с места, когда хозяин повернул маленький ключик.

Майкл понял, что случилось. В самый последний момент, по странной случайности, которые рано или поздно происходят, мотор не завелся, и Грегори побежал, бросив автомобиль.

— В какую сторону он направился?

— В ту,— просто ответил слуга, махнув рукой.

Майкл повернулся к стоявшему рядом с ним полицейскому.

— Оставайтесь здесь. Он может вернуться. Сразу же арестуйте его и наденьте на него наручники. Он, возможно, вооружен и попытается покончить с собой, так что нам не стоит рисковать.

Майкл так часто ходил по участку, который называл "задним полем", что мог ориентироваться на нем с закрытыми глазами. Он быстро пересек его и выбежал на дорогу. Сэра Грегори нигде не было видно. Ярдах в пятидесяти дальше по дороге виднелся дом мистера Лонгвейла, в верхнем окне которого отражались веселые огоньки. Майкл пошел в том направлении.

Все еще не видя Грегори, он прошел через калитку и, подойдя к дому, постучал в дверь, которую почти сразу же открыл сам старый джентльмен. На нем был шелковый халат, перевязанный кушаком. "Картина уюта",— подумал Майкл.

— Кто там? — спросил Сэмпсон Лонгвейл, вглядываясь в темноту.— Да это, клянусь жизнью, мистер Бриксан, наш представитель закона! Входите, входите, сэр.

Он открыл дверь пошире и провел Майкла в гостиную с ее неизменными двумя свечами, к которым добавилась сейчас небольшая серебряная настольная лампа, чадившая керосином.

— Надеюсь, что в Грифф-тауэрс ничего не произошло? — с любопытством спросил мистер Лонгвейл.

— Кое-что произошло,— осторожно произнес Майкл.— Вы случайно не видели сэра Грегори Пенна?

Старик покачал головой.

— Сегодня ночью довольно прохладно, поэтому я не стал совершать своей привычной прогулки по саду,— сказал он,— так что не видел тех интересных событий, которые, похоже, происходят именно в часы, когда спускается тьма. С ним что-нибудь случилось?

— Надеюсь, что нет,— сдержанно произнес Майкл.— Ради всеобщего спокойствия мне очень хотелось бы быть уверенным, что с ним ничего не произошло.

Он пересек комнату, облокотился на камин, подперев подбородок руками, и уставился на висевший над ним портрет.

— Вас восхищает мой родственник? — с сияющей улыбкой спросил мистер Лонгвейл.

— Не думаю, но в любом случае он был удивительно симпатичным старым джентльменом.

Мистер Лонгвейл склонил голову:

— А вы читали его мемуары?

Майкл кивнул; старик, казалось, не был ничуть удивлен.

— Да, я читал то, что называют его мемуарами,— ответил Майкл, — хотя сейчас бытует мнение, что они не подлинные.

Мистер Лонгвейл пожал плечами.

— Лично я,— сказал он,— верю каждому слову, написанному в них. Мой дядя был довольно образованным человеком.

Как бы поразился Джек Небворт, если б узнал, что человек, только что шедший по горячим следам в поисках возможного убийцы, в данный момент спокойно обсуждает чью-то биографию. Так, однако, и было, несмотря на нелепость и невероятность этого.

— У меня иногда возникает такое чувство, мистер Лонгвейл, что вы слишком много думаете о своем предке,— мягко произнес Майкл.

Старый джентльмен нахмурился:

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что это может стать навязчивой идеей, очень нездоровой идеей. Такое поклонение герою может привести человека к совершению поступков, на которые не пойдет ни один разумный человек.

Лонгвейл посмотрел на Майкла с искренним удивлением.

— Разве может быть что-либо лучше повторения деяний великих? — спросил он.

— Но не тогда, когда нет четкого отношения к человеческим ценностям, и вы приписываете ему достоинства, которые на самом деле не достоинства, а простая обязанность. Все это может привести к подмене великого ужасным.

Майкл повернулся и, опершись на стол, посмотрел в лицо старому человеку, выпрямившемуся перед ним во весь рост.

— Я хотел бы, чтобы вы сегодня вечером поехали со мной в Чичестер.

— Почему? — последовал резкий вопрос.

— Мне кажется, что вы больны и вам следует полечиться.

Старик рассмеялся и еще больше выпрямился.

— Болен? Да я никогда в своей жизни не чувствовал себя лучше, мой дорогой сэр, здоровее и сильнее!

И он действительно таковым казался. Его статность, размах плеч, хороший цвет лица — все говорило о его физическом здоровье.

Последовала длинная пауза.

— Где Грегори Пенн? — наконец произнес Майкл, подчеркивая голосом каждое слово.

— Не имею ни малейшего представления.

Старик, не колеблясь, спокойно посмотрел детективу в глаза.

— Мы говорили о моем прапрапрадяде. Вам он, конечно, известен? — спросил он.

— Я сразу же его узнал, как только увидел эту картину, но подумал, что ошибся. Оказалось, однако, что нет. Ваш прапрапрадядя,— осторожно произнес Майкл,— был Сэнсоном, или Лонгвейлом, потомственным палачом Франции!

Наступила такая тишина, что слышно было даже тиканье часов.

— К чести вашего дяди, у него много достижений. Он повесил троих, если мне не изменяет память, отрубил голову Луи Французскому и его супруге — Марии Антуанетте.

Лицо старика озарилось гордостью. Глаза его зажглись, а сам он, казалось, вырос.

— По какому-то капризу судьбы вас занесло в Англию. Что же заставило вас тайно следовать профессии Сэнсона, повсюду искать для уничтожения бедные, беспомощные жертвы, мне это не известно.

Майкл старался не повышать голоса, говорил спокойно и непринужденно. В том же духе последовал и ответ Лонгвейла.

— Разве не лучше,— произнес он мягко,— что человек отходит в мир иной, не накладывая на себя рук? Разве я не был благодетелем для людей, боявшихся покончить с собой?

— Для Лоули Фосса? — спросил Майкл, мрачно уставившись на Лонгвейла.

— Он был предателем, мерзким шантажистом, пытаясь за счет случайно полученной информации выудить у меня деньги.

— Где Грегори Пенн?

Улыбка озарила лицо старика.

— Вы ведь не верите мне? Это несправедливо, сэр. Я не видел сэра Грегори.

Майкл показал на камин, где еще тлела сигарета.

— Вот,— произнес он.— Потом здесь, в комнате, на ковре отпечатки грязных ботинок. Потом я слышал крик. Где он? — сказал Майкл, и в одно мгновение в его руке оказался тяжелый браунинг.

Одно движение со стороны старика, и он будет трупом! Имея дело с убийцей-маньяком самого опасного типа, Майкл выстрелил бы без колебаний. Но старик не оказывал никакого сопротивления. Он был сама любезность. Казалось, он даже испытывал гордость от преступлений, которые, по его мнению, совсем не являлись таковыми.

— Если вы действительно желаете, чтобы я сегодня вечером отправился с вами в Чичестер,— произнес он,— я, конечно, так и сделаю. Вы можете быть правы с вашей точки зрения, даже с точки зрения вашего руководства, но, прекращая мою работу, вы оказываете плохую услугу ничтожному человечеству, служа которому я израсходовал тысячи фунтов. Но я не таю зла.

Он взял бутылку из низкого дубового буфета, стоявшего у стены, со скрупулезной тщательностью выбрал два бокала и наполнил их из бутылки.

— Давайте выпьем за наше обоюдное здоровье,— произнес он со старинной учтивостью и, взяв бокал, осушил его с одобрительным видом знатока редких вин.

— Вы не пьете? — продолжил он в удивлении.

— Здесь кто-то уже пил,— сказал Майкл, заметив наполовину выпитый бокал на буфете.— И ему, видимо, не понравилось ваше вино.

— Очень немногие разбираются в старом вине,— вздохнув, произнес мистер Лонгвейл и снял пылинку со своего халата. Затем, вынув шелковый платок из кармана, он наклонился и стал стирать грязь со своих ботинок.

Майкл стоял на длинном коврике у самого камина, с оружием в руке, в напряжении, готовый к любым испытаниям. Откуда последует опасность, в какой форме, он не мог предположить. Но опасность была где-то рядом... Он чувствовал, как она вползала в него, ужасная и безжалостная, несмотря на учтивость старого человека...

— Видите ли, мой дорогой сэр...— говорил Лонгвейл, продолжая вытирать ботинки.

И вдруг, прежде чем Майкл понял, что происходит, старик резко дернул на себя коврик, на котором стоял детектив. Потеряв равновесие, тот рухнул вниз, ударившись о дубовую панель. Пистолет выскользнул из его рук. Мгновенно старик бросился на Майкла, перевернул на живот, заломив ему руки назад.

Майкл пытался оказывать сопротивление, но лишь слабо, как ребенок, трепыхался в этой мертвой хватке. Вдруг он почувствовал, как его запястий коснулась холодная сталь и раздался щелчок. Собрав всю силу, он попытался высвободить вторую руку, но ее медленно, с силой отвели назад. Щелкнул второй браслет.

На крыльце дома послышались шаги. Старик выпрямился, снял шелковый халат и обмотал им голову детектива. Раздался стук в дверь. Бросив взгляд на детектива и убедившись, что его узник не сможет сбежать, Лонгвейл потушил лампу, задул одну из свечей, а со второй вышел в прихожую. Он был без пиджака, в одной рубашке, и посетитель, оказавшийся сотрудником Скотланд-Ярда, извинился перед ним за то, что побеспокоил и явно поднял с постели.

— Вы не видели мистера Бриксана?

— Мистера Бриксана? Да, он заходил несколько минут назад, он собирался в Чичестер.

Майкл слышал голоса, но не мог разобрать ни слова. Он задыхался от шелкового халата, чуть ли не теряя сознание, но вскоре старик вернулся, развязал халат и надел его.

— Если вы издадите хоть один звук, я зашью ваши губы,— произнес он так естественно и добродушно, что казалось невероятным, будто он может привести свою угрозу в действие. Но Майкл знал: он не бросает слов на ветер и обязательно сделает то, что не раз проделывал его предок. Этот красивый старик, получивший среди галантных кавалеров французского двора прозвище “хозяин Парижа”, вешал, обезглавливал и мучил людей. В старой Бастилии были потемневшие от копоти камеры, где этот старый благородный палач безжалостно выполнял свои отвратительные обязанности.

— Мне очень жаль, что вам придется уйти из этой жизни,— с явным сожалением в голосе произнес старик.— Вы молоды, но я отношусь к вам с огромным уважением. Закон для меня священен, а его слуги занимают особое, привилегированное место в моих привязанностях.

Он открыл ящик буфета, взял оттуда большую салфетку, тщательно свернул ее и завязал ею рот Майклу. Затем он поднял его и усадил на стул.

— Если б я был молод, я сыграл бы шутку, которая понравилась бы моему дяде — Чарльзу Генри, я бы украсил вашей головой ворота Скотланд-Ярда! Я часто осматривал эти ворота, подспудно лелея эту мысль. Это не значит, что я думал именно о вас, но я был уверен, что рано или поздно провидение пошлет мне очень высокое официальное лицо — какого-нибудь министра или, может быть, даже премьер-министра. Моему дяде, как вам известно, была дана специальная привилегия — лишить жизни королей и вождей различных партий — Дантона, Робеспьера, всех великих лидеров, за исключением Мюрата. Дантон был величайшим из них.

Майкл молчал. Он успокоился, взял себя в руки. Несмотря на то что голова раскалывалась от сильного удара, рассудок его был ясен. Он ожидал со стороны старика новых действий, будучи уверенным, что ждать придется недолго. Каких только сцен не видела эта гостиная! Каких нравственных и физических мучений! Это было преддверие смерти.

Именно здесь, наверное, Бэг моментально рухнул без сознания. Майкл сразу же узнал соблазнительный запах отравленного вина, догадавшись, что амилнитрат был составной частью снаряжения убийцы. Бэг, должно быть, добрался до Доуэр-хаус следом за туземцами, которых коварный старик почему-то пощадил.

Вскоре Майкл понял, что произойдет. Старик открыл дверцу буфета и вытащил оттуда большой стальной крюк, который заканчивался специальным блоком. Встав на цыпочки, он зацепил конец крюка за стальную скобу, прикрепленную к потолочной балке. Майкл заметил ее еще раньше и думал, каково же ее предназначение. Теперь все стало ясно.

Из шкафа был извлечен моток веревки, один конец которой был пропущен через блок и продет под мышками детектива. Наклонившись, Лонгвейл свернул коврик, под которым оказалась небольшая дверца. Он ее поднял и откинул назад. Внизу ничего не было видно, но тут вдруг до Майкла донесся чей-то стон.

— Думаю, это мы можем сейчас убрать, сэр,— произнес мистер Лонгвейл, снимая салфетку, закрывавшую рот детектива.

Сделав это, он дернул за веревку, явно без особых усилий, и Майкл повис в воздухе. “Выгляжу, наверное, чертовски смешно”,— почему-то пришла ему в голову абсурдная мысль. Старик направил ноги Бриксана в образовавшуюся щель и стал постепенно отпускать веревку.

— Вы мне скажите, пожалуйста, когда коснетесь земли,— любезно попросил он.— И я тогда спущусь к вам.

Посмотрев вверх, Майкл увидел, что отверстие становится все меньше и меньше. Какое-то время он болтался в воздухе, затем застыл. Его ноги вдруг коснулись земли. Майкл крикнул.

— С вами все в порядке? — любезно спросил мистер Лонгвейл.— Вы не могли бы отойти в сторону на несколько шагов? Я сброшу веревку, а то она может вас задеть.

Майкл пришел в ужас, но указания выполнил. Затем он услышал свист падающей веревки и глухой удар ее о землю. Дверца люка сверху закрылась. Рядом раздался чей-то стон.

— Это вы, Пенн?

— Кто это? — спросил испуганный голос.— Это вы, Бриксан? Где мы? Что случилось? Как я попал сюда?

Этот старый дьявол дал мне что-то выпить. Я выбежал из дома... Больше я ничего не помню. Я хотел одолжить у него машину. О боже, я боюсь!

— Вы кричали, когда выбегали из дома?

— Кажется, да. Я рванулся из его дома, едва почувствовав, как начинает действовать этот проклятый яд. А вы где, Бриксан? Полиция вытащит нас отсюда, да?

— Надеюсь, живыми,— мрачно произнес Майкл и услышал, как Пенн испуганно всхлипнул. Он пожалел, что произнес эти слова.

— Кто он? Это ведь пещеры? Я слышал о них. Здесь ужасно пахнет землей, правда? Вы что-нибудь видите?

— Мне только показалось, что я заметил какой-то огонек,— ответил Майкл,— но это может быть просто галлюцинация. А где Адель Лэмингтон?

— Бог ее знает! — последовал ответ. Грегори бил озноб, и Майкл слышал, как у него стучат зубы.— Я больше ее не видел. Я опасаюсь, что Бэг последовал за ней. Правда, он ей ничего не сделает. Он вообще очень странный. Как бы мне хотелось, чтобы сейчас он был здесь.

— И мне бы этого хотелось,— откровенно признался Майкл.

Он пытался освободиться от браслетов, хотя понимал, что и со свободными руками он почти бессилен против старика. Он потерял свой пистолет и, хотя в кармане его жилета лежал не раз выручавший его длинный нож с лезвием, острым, как бритва — надежное оружие, когда от пистолета толку нет,— он понимал, что у него не будет возможности им воспользоваться.

Сев и выпрямив спину, Майкл попытался проделать трюк, который не раз видел на театральной сцене в Берлине — продевание ног через руки в наручниках. Вытянув руки, он попытался это сделать, но безуспешно. Вдруг сверху послышался звук открываемого люка.

— Я не заставлю вас ждать,— произнес Лонгвейл, спускаясь вниз с фонарем в руке.— Я не люблю, когда мои пациенты простужаются.

Его смех эхом отразился от стен пещеры. Остановившись, старик чиркнул спичкой и зажег керосиновую лампу, установленную в скале. Затем он зажег вторую, третью, четвертую, и наконец все предметы осветились бледным, немигающим светом. В самом центре пещеры возвышалось алое сооружение, при виде которого Майкл, даже, казалось бы, готовый к любым страшным испытаниям, вздрогнул.

Это была гильотина!

“ВДОВУШКА”

Гильотина!

Она как бы застыла в ожидании. Окровавленная, она своей простотой вселяла ужас.

Майкл смотрел на нее, как зачарованный. Корзинка, поднятый треугольный нож, качалка, покрытый черной краской люнет, удерживающий голову, пока не упадет нож и не хлынет кровь. Он хорошо знал эту машину, видел ее в действии во французских тюрьмах. Помнил он и свист падающего ножа. Щелчок, и лежащий под ним человек отходил в вечность.

— “Вдовушка”! — нежно произнес Лонгвейл, поглаживая страшную конструкцию.

— О боже! Я не хочу умирать! — раздался агонизирующий вопль Пенна, эхом отразившийся в пустотах пещеры.

— “Вдовушка”,— повторил снова старик.

Он был без шляпы. Его лысая голова отражала свет. И все же в его внешности не было ничего смешного. Его отношение к любимой вещи было просто трогательным.

— Кто первым станет ее женихом?

— Только не я, не я! — завопил Пенн, лихорадочно прижимаясь к стене. Лицо его было пепельного цвета, рот конвульсивно сжимался.— Я не готов умирать...

Лонгвейл медленно подошел к нему, наклонился и поднял его на ноги.

— Наберитесь мужества! — пробормотал он.— Час настал!

Джек Небворт в нетерпении ходил по шоссе, когда со стороны Чичестера показалась полицейская машина.

— Его там нет. Его вообще не было в управлении,— с трудом произнес водитель, выскакивая из машины.

— Он, должно быть, пошел к Лонгвейлу.

— Я заходил к Лонгвейлу, он уверил, что капитан отправился в Чичестер. Он, видимо, ошибся.

Небворт от случайно промелькнувшей мысли остановился. Лонгвейл! В этом человеке было что-то странное. Может быть?..

Он вспомнил, как он был озадачен необычным заявлением старика, его неоднократно высказанным желанием сняться в эпизоде — описание его он приносил на студию — из жизни своего знаменитого предка.

— Пойдемте и разбудим его. Я поговорю с ним.

Они несколько раз постучали в дверь, но ответа не последовало.

— Вот его спальня,— сказал Джек Небворт, показывая на решетчатое окно, в котором виднелся свет.

Инспектор Лайл с такой злостью бросил в него камешком, что стекло разбилось. Опять никто не отозвался.

— Мне это не нравится,— неожиданно произнес Небворт.

— Мне тоже,— проворчал полицейский.— Займитесь вон тем окном, Смит.

— Вы хотите, чтобы я открыл его, сэр?

— Да, и немедленно.

Вскоре окно в длинную гостиную было взломано, но затем возникло неожиданное препятствие.

— Здесь, оказывается, решетка,— сообщил детектив.— Я думаю, что лучше попытаться проникнуть со второго этажа. Подсадите меня.

С помощью коллеги он поднялся на второй этаж, ухватился за подоконник открытого окна, того самого, из которого Адель увидела Бэга, в следующую секунду был уже в комнате и рванулся вниз, чтобы помочь своему напарнику. Несколько минут спустя засовы были сняты и входная дверь открылась.

— Насколько я понял, в доме никого нет,— сказал полицейский.

— Включите свет,— приказал инспектор.

Они зажгли керосиновую лампу.

— А это что? — Детектив показал на крюк с блоком, все еще продетый в скобу на балке.— Непонятно,— медленно произнес он, прищурив глаза.— Для чего это?

— А вот и пистолет Бриксана! — воскликнул Джек Небворт, поднимая его с пола.

Бросив взгляд на пистолет, инспектор вновь обратил свой взор на крюк.

— Это мне непонятно,— произнес он.— Так, давайте посмотрим, есть ли здесь что-нибудь еще. Просмотрите каждый шкаф, каждый ящик. Прослушайте стены — там могут быть скрытые двери, как это бывает во всех домах времен Тюдоров.

Все поиски, однако, были напрасны, и инспектор Лайл вновь вернулся к тревожным размышлениям о крюке. Затем в комнату вошел один из полицейских и сообщил, что обнаружен гараж.

Это было необычно длинное здание, но, открыв его, нашли только устаревший автомобиль — вполне обычное явление для этой части страны. Но под крышей этого здания явно скрывалось еще одно помещение, расположенное за белоснежной стеной позади старенького автомобиля. Входа туда не было.

— Это не кирпич, а дерево,— заявил Джек Небворт, постучав по внутренней стене.

В углу висела цепь. У нее явно не было особой функции, но тщательный осмотр привел к заключению, что она пропускается через отверстие в плохо оштукатуренном потолке. Инспектор дернул за цепь, и “стена” открылась вовнутрь, показывая содержимое второго помещения, где тоже находилась машина, закрытая брезентом. Приподняв его, Небворт сказал:

— Это та машина.

— Какая? — спросил инспектор Лайл.

— Которой управляет Охотник за головами,— быстро ответил Небворт.— Он был в этой машине, когда Бриксан пытался арестовать его. Я знал, что она где-то здесь! Бриксан где-то в Доуэр-хаус, и да поможет ему бог, если он в руках Охотника за головами!

Они снова вернулись в дом Лонгвейла. Крюк с блоком вновь привлек их внимание, притягивая как магнит. Неожиданно полицейский наклонился и отбросил в сторону коврик. Увидев дверцу, он откинул ее назад, встал на колени и принялся вглядываться в темноту. Небворт заметил, как лицо его побледнело.

— Слишком поздно, слишком поздно! — пробормотал он.

Мало приятного слышать вопль человека, почти сошедшего с ума от страха. У Майкла были крепкие нервы, но даже он был вынужден впиться ногтями в ладони собственных рук, чтобы сохранить самообладание.

Когда крики Грегори перешли в хрипение, Майкл нашел в себе силы сказать:

— Я предупреждаю вас, Лонгвейл, если вы сделаете это, вы будете навеки прокляты!

Старик со спокойной улыбкой повернулся к своему второму узнику, но даже не удостоил его ответом. Без особых усилий подняв Грегори, он отнес его к ужасной машине и положил на качалку. Все это делалось без какой-либо спешки. Майкл заметил в глазах Лонгвейла даже наслаждение, во что было трудно поверить. Тот подошел к люнету, и поднял его верхнюю половину, которая после щелчка осталась в неподвижном положении.

— Мое изобретение,— с гордостью бросил он через плечо.

Не обращая внимания на зловещего экзекутора, Майкл взглянул в дальний конец пещеры. И тут же кровь прилила к его щекам. Сперва он подумал, что ему просто померещилось — галлюцинации при таких испытаниях, какие выпали на его долю, были вполне возможны.

Адель!

Ее фигура отчетливо вырисовывалась на границе освещенного пространства.

— Если вы сделаете хоть одно движение, я убью вас!

Да, это была она! Майкл изловчился и встал на ноги, а Лонгвейл, услышав ее голос, медленно обернулся.

— Моя маленькая леди! — с удовольствием произнес он.— Какое счастье! Я всегда думал, что кульминацией моей карьеры, так же как у святого Чарльза Генри, станет момент, когда в его руках будет королева. Как это замечательно!

С радостной улыбкой, протягивая небольшие белые руки к своей "почетной гостье", он подходил к ней, не обращая внимания на наставленный пистолет, на опасность, которой он подвергался.

— Стреляйте! — хрипло крикнул Майкл.— Ради бога, стреляйте!

После некоторого колебания девушка все же нажала на курок, но выстрела не последовало. Забитый землей, деликатный механизм не действовал.

Адель бросилась бежать, но Лонгвейл поймал ее и прижал ее голову к груди.

— Вот видите, моя дорогая,— произнес он.— “Вдовушка” станет “вдовцом”, и вы будете его первой невестой!

Адель безвольно лежала в его руках, не способная на сопротивление. Ею овладела странная апатия, и, хотя она была еще в сознании, у нее не хватало ни сил, ни воли, чтобы вырваться или заговорить. Майкл отчаянно пытался высвободить руки, в душе моля, чтобы Адель смогла потерять сознание, дабы не видеть всего этого ужаса.

— Так кто же будет первым? — сказал старик, поглаживая сияющую плешь.— Было бы хорошо, если бы моя юная леди была первой, чтобы избавить ее от неизбежных переживаний, но все же...

Он задумчиво посмотрел на фигуру, распростертую на качалке, и опустил люнет не шею Грегори Пенна. Его рука поднялась к механизму, освобождающему нож, но застыла — видимо, Лонгвейлу, в его сумасшествии, пришла какая-то новая мысль.

— Нет, первой будете вы,— сказал он и, высвободив почти обезумевшего Грегори, положил его на землю.

Затем, выпрямившись, он прислушался, Где-то вверху раздавались чьи-то шаги. Лонгвейл вновь изменил свое решение. Он нагнулся и поставил Грегори на ноги. Майклу показалось странным, почему старик так долго держит Грегори стоймя, почему неожиданно бросил его, и тот упал на землю. Но затем все стало ясно. Пещеру пересекало огромное волосатое существо, злобным взглядом уставившееся на Лонгвейла.

Это был Бэг!

Вся шерсть его была в крови, а лицо, так же как при его появлении в старой Грифф-тауэр, от пыли напоминало серую маску. Он остановился и принюхался к человеку на полу, затем нежно коснулся его лица. Неожиданно он прыгнул на Лонгвейла, и старик, безуспешно пытавшийся вырваться из ужасных объятий обезьяны, с хрустом упал на землю.

Какое-то мгновение Бэг смотрел на него, что-то вереща, затем поднял и положил на то место, которое занимал его хозяин,— он привязал Лонгвейла к качалке.

Майкл с ужасом на лице следил за происходящим. Огромная обезьяна уже видела, как осуществляется казнь! Значит, именно в этой пещере скрывался Бэг, когда был убит Фосс. Его получеловеческий ум запомнил детали происходившего, и теперь он по памяти воспроизводил ту самую процедуру, которую видел.

Бэг освободил пружину, фиксирующую верхнюю половину люнета в поднятом положении и зажал шею Охотника за головами. В этот самый момент Майкл, привлеченный каким-то посторонним звуком, посмотрел вверх и увидел, как люк открывается. Бэг тоже слышал этот звук, но был так увлечен своим делом, что не обратил на него внимания. Лонгвейл пришел в сознание и попытался вытащить голову из люнета. Наконец, осознав неизбежность своей судьбы, он затих, ухватившись за края качалки, и, пытаясь найти соответствующую фразу, произнес:

— Сын святого Луи, вознесись на небеса!

В этот момент Бэг освободил нож. Раздался глухой звук "чоп".

Инспектор Лайл сверху видел, как нож гильотины упал, и ему стало дурно.

— Все в порядке, инспектор! — раздался голос снизу.— Веревку вы можете найти в буфете. Возьмите пистолет и скорее спускайтесь сюда.

Минуту спустя инспектор Лайл по веревке спустился вниз.

— Обезьяны можете не бояться,— сказал Майкл.

Бэг ухаживал за бесчувственным хозяином, как мать за ребенком.

— Уведите Адель Лэмингтон,— произнес Майкл, когда инспектор Лайл освободил его от наручников.

Девушка без сознания лежала рядом с гильотиной. К счастью, она не видела трагедии, которая произошла в ее присутствии.

Затем по веревке спустился второй полицейский, а третьим появился старый Джек Небворт. Ему удалось найти дверь, которой пользовался Лонгвейл. Неборт помог полицейским отнести девушку в безопасное место.

Сняв наручники с рук баронета, Майкл перевернул его на спину. Одного взгляда было достаточно, чтобы сказать, что Грегори тяжело болен. Как бы понимая, что этот человек не сделает его хозяину ничего плохого, Бэг молча следил за происходящим. И тут Майкл вспомнил, что Бэг при их знакомстве обнюхивал его руки, а Грегори представил детектива как своего друга.

— Возьми его на руки,— отчетливо приказал Майкл, копируя манеру обращения Грегори к своей обезьяне.

Бэг моментально наклонился, взял бесчувственное тело хозяина и вслед за Майклом поднялся по лестнице.

В доме уже было полно полицейских, и они оторопели при виде огромной обезьяны и ее ноши.

— Отнеси его наверх и уложи в постель,— приказал Майкл.

Желая избавить Адель Лэмингтон от пребывания в этом доме мертвых, Небворт повез ее в Чичестер, едва она стала подавать признаки жизни.

Майкл вновь спустился вниз и вместе с полицейским инспектором произвел беглый осмотр пещеры. Найденные в нишах обезглавленные трупы говорили сами за себя. Пройдя немного дальше, туда, где пещера расширялась, они увидели, что ее пол усеян костями.

— А вот и подтверждение древней легенды,— произнес Бриксан глухим голосом.— Это останки тех воинов и сквайров, которых оползень захоронил в этой пещере. Здесь и скелеты лошадей.

“Но как Адель попала в пещеру?” Вскоре они обнаружили то отверстие, через которое она скатилась.

— Вот и вторая загадка нашла объяснение,— произнес Майкл.— Грифф-тауэр, конечно, была построена римлянами, для того чтобы скот и люди не падали в пещеру. Кроме того, она служила для вентиляции. И я абсолютно уверен, что этим выходом Лонгвейл собирался воспользоваться в случае необходимости.

Майкл Бриксан также увидел фонари, которые Адель не заметила, и это он посчитал убедительным доказательством верности своих предположений.

Они вернулись к гильотине с ее ужасной жертвой, и Майкл долго стоял, молча глядя на неподвижное тело.

— Как ему удавалось убедить свои жертвы свести счеты с жизнью? — едва слышно произнес инспектор.

— Это вопрос для психолога,— после долгого молчания сказал Майкл.— Нет сомнений в том, что он входил в контакт со многими людьми, желавшими расстаться с жизнью, но не имевшими на это силы воли, и оказывал им эту услугу. Я, кстати, уверен, что его практика оставлять для опознания голову вызывала у бедных жертв надежду, что их семьи наверняка получат страховку.

Лонгвейл работал с необычайной ловкостью. Письма, как вы знаете, пересылались по определенному адресу и получались старухой, которая отправляла их по второму адресу, где они вкладывались в приготовленные заранее конверты и отправлялись якобы в Лондон. Мне удалось выяснить, что конверты содержались в специальном светонепроницаемом ящике и изымались оттуда в момент отправки — таково было особое условие, оговоренное неизвестным автором объявлений. Час спустя после того, как конверты отправлялись, адрес на них исчезал и появлялся иной.

— Симпатические чернила?

Майкл кивнул.

— Этим методом часто пользуются преступники. Новым адресом, конечно, был Доуэр-хаус. Ну ладно, гасите лампы и пошли наверх.

Три лампы были погашены. Инспектор со страхом посмотрел на очертания гильотины.

— А это, я думаю, нам стоит оставить здесь,— сказал он.

— Да, стоит,— отозвался Майкл в полном с ним согласии.

МОТОР!

Прошло три месяца с тех пор, как Доуэр-хаус раскрыл свою ужасную тайну. За это время Грегори Пенн полностью оправился и отсидел месяц из шести, к которым был приговорен за свои деяния. Гильотина была разобрана и перевезена в Музей криминалистики в Лондоне, где молодые полицейские знакомятся с оснащением преступного мира. Разговоры об Охотнике за головами прекратились.

Однако на съемочной площадке, казалось, ничего не изменилось.

Майкл сидел у стола и смотрел на Джека Небворта, в стадии крайнего раздражения указывающего самоуверенному Корби Коннолли, как играть очередную любовную сцену. Рядом стояла Адель Лэмингтон, уже добившаяся определенного положения, благодаря своему успеху.

Вне досягаемости камеры Стелла Мендоса, шикарно одетая, с сигаретой в руке, со снисходительной улыбкой наблюдала за своим бывшим другом.

— Меня не надо учить, мистер Небворт,— раздраженно говорил Корби,— как надо обнимать девушку. Вы что же, думаете, я проспал всю свою жизнь? Или знаю о девушках меньше, чем вы, мистер Небворт?

— Меня нисколько не волнует, как вы держите *свою* девушку,— прорычал Джек.— Меня волнует, как вы держите *мою* девушку. Есть только один способ объясниться в любви — и это мой способ. У меня на это имеется патент! Так, возьмитесь снова за ее талию, Коннолли. А теперь поднимите голову. Так, теперь немного поверните сюда. Теперь чуть-чуть опустите подбородок. Улыбайтесь, черт побери, улыбайтесь! Да не такой натянутой улыбкой! — завопил он.— Улыбайтесь, как будто вы ее любите. Попытайтесь представить, что и она любит вас! Я извинюсь потом перед вами, Адель. А вы пытайтесь представить это, Коннолли. Вот так-то лучше. А вообще-то вы выглядите, как будто проглотили ликер из битого стекла. Посмотрите ей прямо в глаза. Посмотрите, я сказал, а не вылупляйтесь как истукан. Вот так-то лучше. Теперь все повторим...

Он наблюдал, корчился, жестикулировал. Наконец, смирившись, холодно произнес:

— Чертовски слабо, но придется снимать. Свет!

Вспыхнули юпитеры и залили все пространство сияющим рассеянным светом. Игра возобновилась.

— Мотор! — крикнул Джек.

— С вами на сегодня достаточно, Коннолли,— сказал Небворт, когда сцену сняли.— Так, а теперь мисс Мендоса.

Адель подошла к столу, за которым сидел Майкл, и опустилась рядом с ним.

— Мистер Небворт совершенно прав,— сказала она, покачав головой.— Корби Коннолли действительно не знает, как объясняться в любви.

— А кто знает? — спросил Майкл.— Кто кроме специалиста?

— А он и считается специалистом,— настаивала Адель.— И кроме того, лучшим героем-любовником на английском экране.

— Ха, ха! — пренебрежительно рассмеялся Майкл.

Адель замолчала.

— Почему вы еще здесь? — вдруг спросила она.— Мне казалось, вы уже закончили свои дела в этой части света.

— Не совсем,— весело отозвался Майкл.— Мне надо произвести еще один арест.

— Еще один? — спросила Адель, быстро на него взглянув.— А я-то думала, когда вы арестовали бедного сэра Грегори...

— Бедный сэр Грегори! — фыркнул Майкл.— Да он просто счастливчик! Получить всего шесть месяцев! Быть обвиненным не за убийство слуги, а за сокрытие его смерти!

— И кого вы собираетесь арестовать на сей раз?

— Я еще не уверен, арестую я ее или нет.

— Так это женщина?

Он кивнул.

— А что она сделала?

— Обвинение еще окончательно не вынесено,— уклончиво произнес он,— но думаю, в нем будет несколько пунктов. Во-первых, создание беспорядков; во-вторых, нанесение вреда здоровью общества, во всяком случае одному представителю его; ну, а затем, умышленное нанесение раны чувствам...

— О, вы... вы имеете в виду?..— она мило рассмеялась.— Я все никак не могла понять, показалось мне это в бреду или было на самом деле, когда в ту ночь в больнице вы поцеловали меня. Но поскольку другие это видели, значит, это было на самом деле. Так вы действовали осознанно? Правда, я не знаю, хочу ли выходить замуж. Я...

— Не хотите ли вы сказать, что обручены с вашим искусством? — простонал Майкл.

— Нет, я ни с кем не обручена, но я хочу удержать своего лучшего друга от совершения большой ошибки. Перед вами, Майкл, открывается очень хорошая карьера, а женитьба на мне не будет ей способствовать. Люди будут думать, что вы были просто ослеплены, и когда наступит неизбежный развод...

Тут они оба рассмеялись.

— Если вы на этом закончили, то скажу вам следующее,— произнес Майкл.— Я влюбился в вас с первого взгляда.

— Конечно,— ответила она спокойно.— Только *так* и можно полюбить. Если думаешь три дня, то это уже не любовь. Вот почему я знаю, что не люблю вас. Я была раздражена вами при первой встрече, взбешена при второй и только терпела вас после этого. Подождите меня, пока я сниму грим.

Она встала и отправилась в гримерную. Чтобы успокоиться, Майкл пошел к Джеку Небворту.

— Адель? О, с ней все нормально. У нее даже есть предложение из Америки. Правда, не из Голливуда, а из какой-то студии на востоке. Я посоветовал ей не торопиться, поднабраться немного опыта, но не думаю, что она прислушается. Она не собирается больше сниматься в кино.

— Что заставляет вас так думать, Небворт?

— Она собирается замуж,— мрачно ответил Джек.— Я уже заметил симптомы. Я говорил вам с самого начала, что в ней есть что-то странное. Она собирается выйти замуж и навсегда распрощаться со съемками — вот и вся ее эксцентричность.

— И за кого она собирается замуж, как вы думаете? — спросил Майкл.

— Ну, конечно, не за Коннолли,— фыркнул Джек.— Это я вам могу обещать.

— Еще не хватало! — воскликнул возмущенный молодой человек, обладавший удивительно острым слухом.— Я не из тех, кто женится. Это губит актера. Жена — это камень на шее. Женатый мужчина не имеет возможности выражать свою индивидуальность. И если уж зашел такой разговор, мистер Небворт, вы абсолютно уверены, что во всем следует винить только меня? Не кажется ли вам — только поймите, я не хочу сказать о ней ничего плохого,—

что Адель не совсем — как бы это сказать — опытна в любви? Вот подходящее выражение.

К беседующим подошла Стелла Мендоса. Она вернулась в труппу и, похоже, постепенно стала отвоевывать прежние позиции.

— Когда вы говорите "опытна", вы имеете в виду "испорчена", Корби,— сказала она.— Я думаю, вы не правы.

— Я не могу ошибаться,— самодовольно заявил Корби.— Я объяснялся в любви больше, чем другие ведущие актеры в этой стране, и заявляю, что Адель чертовски неопытна.

В этот момент в студии появился предмет их разговора. Адель пожелала всем доброй ночи и вышла. Майкл последовал за ней.

— Вы ужасно неопытны,— сказал он, подходя с ней к дороге.

— Кто это так сказал? Похоже на Корби. Во всяком случае, это его любимое словечко.

— Он заявляет, что вы не знаете, как объясняться в любви.

— Возможно, нет,— бросила она коротко.

Ее тон совершенно сбил Майкла с толку, и он не нашелся, что ответить.

Они молча дошли до длинной темной улицы, на которой Адель жила.

— Правильный способ объяснения в любви,— произнес Майкл, несколько испугавшись собственной смелости,— заключается в том, чтобы обнять за талию и...

Вдруг Адель оказалась в его объятиях, прижавшись к нему лицом.

— Не надо никаких объяснений,— прошептала она,— надо просто любить.

Эдгар БОКС

СМЕРТЬ ИДЕТ ПО ПЯТАМ

РОМАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Смерть крошки Пичис Сандоу под ногами взбесившегося слона на арене “Мэдисон сквэр гарден” поначалу посчитали трагической случайностью — из разряда тех, которые время от времени происходят в цирке. Однако несколько дней спустя пошли разговоры о том, что здесь что-то не чисто.

Сообщение о случившемся я прочитал в “Дейли ньюс”. Там было немало интересного. Кто-то что-то слышал, кто-то кому-то угрожал, какой-то неизвестный сделал в полиции сенсационное заявление (неизвестно какое) и тому подобное. Все это было очень странным.

Мисс Флинн, выполнявшая роль моего секретаря и доверенного лица,— пожилая решительная дама, с безжалостной, но приятной сединой,— по своему обыкновению бросила на меня взгляд через плечо.

— Надеюсь, вы не собираетесь...

— Вмешиваться в это скверное дело? Нет, не собираюсь. По крайней мере до тех пор, пока меня не попросят об этом, что маловероятно, поскольку у цирка есть свои каналы связи с общественностью...

— А вы не исключаете того, что какой-нибудь работник цирка, зная ваше пристрастие к криминальным историям и темным личностям, решит воспользоваться вашими услугами...

— Ну, сперва ему придется отыскать меня, а я собираюсь на какое-то время исчезнуть. В общем, считайте, мисс Флинн, что меня здесь уже нет.

Я резко встал. Секретарша явно была сбита с толку.

— Я уезжаю на уик-энд,— пояснил я.

Наконец-то до нее дошло.

— Вы хотите принять предложение миссис Вииринг и посетить ее роскошный особняк на Лонг-Айленде?

— Да, на этот раз решено. Нет причин околачиваться здесь. Август — мертвый сезон. Дел у нас практически нет, так что вы с ними прекрасно справитесь сами.— Она кивнула.— Значит так, я поеду в Истхэмптон и посмотрю, что ей от меня надобно.

— Миссис Вииринг никогда не ставила своей целью добиваться положения в обществе.

Мисс Флинн была законченным снобом и непреклонно следовала роскошным описаниям жизни богачей, которые давала Чолли Никербокер.

— Она будет не первой вдовой, которую мы представим ничего не подозревающей публике.

Мисс Флинн нахмурилась. Она терпеть не могла не только мою склонность к криминальным историям и темным личностям, но и почти всех клиентов моей фирмы по связям с общественностью — честолюбивых особ на высоких каблуках, всячески пытающихся разрекламировать в прессе самих себя или продукцию своих фирм. За исключением случая с поющей собакой, внезапно потерявшей голос, моя репутация в этой мерзкой области была довольно высокой.

В последнее время, правда, дела пошли на спад. В августе жизнь в Нью-Йорке замирает и каждый спасается от жары. Загадочное послание от миссис Вииринг пришло как раз вовремя.

“Моя приятельница Альма Эддердейл, как мне известно, Ваша хорошая знакомая. Так вот я обращаюсь к Вам от ее имени. Мне бы очень хотелось, чтобы Вы приехали ко мне в пятницу и провели у меня уик-энд. Мы могли бы обсудить с Вами один небольшой проект, в котором я заинтересована. Как только примете решение, дайте знать. Уверена, что Вы не подведете меня.

Искренне Ваша

Роза Клейтон Вииринг”

Таково было содержание письма на плотном листе дорогой бумаги, вложенном в конверт с ничего не говорящим адресом на нем: “Норт-Дюнз, Истхэмптон, Лонг-Айленд, Нью-Йорк”.

И никакого намека на то, чего же она хочет.

Моим первым желанием было написать ей и спросить, чего конкретно она от меня ждет. Но августовская жара ослабила мой профессионализм. Уик-энд в Истхэмптоне, в большом особняке...

Я продиктовал телеграмму о том, что принимаю это приглашение. Записывая ее, мисс Флинн несколько раз фыркнула, но не произнесла ни слова.

Затем деловым тоном я отдал несколько указаний, прекрасно зная, что в мое отсутствие мисс Флинн сделает все по своему усмотрению. Потом мы с важным видом распрощались, и я вышел из конторы — двух небольших кабинетов с письменными столами и картотекой, расположенных на Пятьдесят пятой ист-стрит (небольшая контора, хороший адрес, высокая арендная плата) — и в жутком пекле поплелся по Парк-авеню к своей квартире на Сорок девятой ист-стрит (большие комнаты, неудачный адрес, низкая арендная плата).

2

Экспресс "Кэнон-Болл" медленно покинул станцию и двинулся в путь по Лонг-Айленду. Все говорило о том, что и года не пройдет, как он доберется до Монтока, оконечности Лонг-Айленда, а если нет... ну что ж, все отправляющиеся в путь по этой дороге подвергаются опасности и прекрасно знают об этом. Клубы дыма пахнули мне в лицо из открытого окна. От неудобной спинки сиденья быстро затекли ноги. Солнце светило прямо в глаза. Все было как пятнадцать лет тому назад (ну, может быть, двадцать), во времена моего детства, когда я ездил к родственникам в Саутхэмптон. И железная дорога и Атлантический океан ничуть не изменились.

"Джорнел Американ" был целиком посвящен описанию убийства Пичис Сандоу, хотя никаких конкретных фактов не приводилось. Впрочем, это мало волнует прессу. Главное, чтобы побольше было красочных описаний полуобнаженных девиц в блестящих накидках и с перьями на голове. Сама же Пичис Сандоу при жизни была аляповато одетой лилипуткой средних лет с короткой стрижкой в духе двадцатых годов.

Я был целиком увлечен статьей в "Нью-Йорк глоуб", написанной моим старым знакомым и соперником Элмером Бушем, когда моей ноги коснулось аппетитное бедро и нежный женский голос произнес:

— Простите... Боже, да это, кажется, Питер Сарджент.

— Лиз Безземер!

Мы уставились друг на друга в изумлении, хотя, по правде говоря, удивляться-то было нечему, ведь мы встречались чуть ли не каждый месяц на том или ином приеме, и я не раз пытался договориться с нею о встрече, но безуспешно, поскольку по природе робок, а вокруг нее постоянно крутились молодые парни. Казалось бы, нет ничего странного в том, что в пятницу, накануне уик-энда, мы столкнулись на Лонг-Айленде в экспрессе “Кэнон-Болл”, но тем не менее при виде друг друга оба изобразили удивление.

Удивление переросло в восторг, по крайней мере с моей стороны, когда я узнал, что она собралась навестить тетю с дядей, проживающих в Истхэмптоне.

— Мне обязательно нужно было развеяться, а поскольку мамуля сейчас находится в Лас-Вегасе, добиваясь развода,— Лиз, несмотря на то что была двадцатипятилетней девушкой с голубыми глазами, темно-каштановыми волосами и фигурой девы с подсвечника, все еще называла родительницу “мамулей” — о чем-то это да говорит, я думаю,— и мне не последовало никаких приглашений на этот уик-энд, я решила съездить к своей тетушке, которая зазывала меня к себе все лето. Так, значит, вы тоже туда направляетесь?

Я кивнул. Мы еще немного поговорили на эту тему. Оказалось, что ей известна миссис Вииринг, что она даже знает, где та живет — всего в полумиле от дома ее тетки! Я сразу почувствовал вожделение — вполне умеренное, но настойчивое — и мысленно ласкал великодушную игру случая.

— Надеюсь, вы не относитесь к числу друзей миссис Вииринг... Я хочу сказать, она очень мила, но знаете ли...

— Себе на уме?

— Это мягко сказано.

Лиз скорчила рожицу.

Я заметил, что у нее под простеньким золотистого цвета хлопчатобумажным платьем ничего нет. Абсолютно ничего, бюстгальтера, по крайней мере, точно. Не знаю почему, но мне это понравилось, и я решил, что Кристиан Диор в конце концов нормальный парень.

— Ну, это только работа,— туманно бросил я.— У нее родился какой-то план или что-то в этом роде, и она хочет, чтобы я проконсультировал ее. Такова, черт побери, жизнь. Вот почему я выбрался из города на уик-энд, а может быть... и побольше,— осторожно добавил я, но Лиз, полностью соответствуя распускаемым о ней слухам, была действительно самой неромантической девушкой Нью-Йорка. Хотя среди ее дружков были видные парни, которым она, вне всякого сомнения, доставила немало удовольствия, она, похоже, была не из тех, кто любит свидания при луне или обожает обмениваться многозначительными взглядами в переполненных комнатах. Она была совершенно простой, обыкновенной девушкой, и это мне понравилось, если, конечно, забыть о ее “мамуле”.

— Прекрасно.

Она холодно посмотрела на меня, холодно, насколько это возможно в душном вагоне, где температура была, наверное, более ста градусов по Фаренгейту и где все было как в тумане от дыма.

— У вас ведь своя собственная фирма, так?

— Да,— бросил я, кивнув головой,— с тех пор, как я оставил редакцию “Глоуб”.

— Должно быть, это ужасно интересно,— сказала она, подражая голосу незабвенной Брин Мавр.— А я сейчас работаю в “Харперз базаар”.

— Я даже не знал, что вы работаете.

— Да, работаю. Точнее, подрабатываю.

— И что вы там делаете?

— Ну... как бы объяснить... Впрочем, вам это хорошо известно.

Действительно, мне это было известно. Во всем Нью-Йорке немало таких неопределенного возраста изящных девушек, совсем небедных, с жемчужными комплектами фирмы “Текла” и набором черных платьев, девушек, которые между посещением занятий в колледже и своим первым замужеством подрабатывают в журналах мод. Они очаровательны, ценят искусство больше любого бизнеса и постоянно курсируют от вернисажей на Пятьдесят седьмой улице до “увеселительных вечеринок” на Второй авеню, где представители высокой богемы дают коктейли в честь знаменитостей.

Лиз, будучи членом такого общества, всячески старалась сохранить свою индивидуальность: она была не из тех модных глупышек, заканчивающих свою карьеру именно на этом. Она могла совершенно спокойно общаться и с молодым поколением Уолл-стрит, и с ньюпортской бандой, и с командой Палм-бич и даже с холостяками, завсегдатаями ночных клубов, полагавшими, что Пятьдесят седьмая улица — это просто какой-то переулок на пути от Пласа до Сент-Регис.

Мы поговорили также о наших общих знакомых. Я слишком мало общался с людьми ее круга, но хорошо их знал, поскольку состоял он в основном из моих бывших школьных друзей и из тех профессиональных зомби, с которыми, если ты живешь в Нью-Йорке и временами бываешь в свете, рано или поздно сталкиваешься.

Когда мы остановились в Спеонке — то ли заправиться водой, то ли еще по какой-то причине, я уж не говорю о том, чтобы прихватить новых пассажиров,— я спросил ее, что ей известно о миссис Вииринг.

— Вряд ли я знаю о ней больше других. Просто на нее все время натыкаешься, вот и все. Она приехала откуда-то с Запада. Кажется, после смерти мужа ей досталось немалое состояние. Наверное, она пытается пробиться в светское общество, разыгрывая из себя безутешную вдову.

О таких случаях мне тоже было известно, поэтому мы перевели разговор на другие темы, в конце концов договорившись встретиться в субботу вечером в яхт-клубе “Лейдирок”, где намечались большие танцы.

Мы условились, что я приду как приглашенный миссис Вииринг. В случае же, если она не поедет на танцы, постараюсь как-нибудь выкрутиться. Лиз согласилась, что это прекрасная мысль.

Затем мы погрузились в изучение газет, а поезд тем временем мчался среди зеленых равнин острова, минуя его основное богатство — многомиллионные стада белых уток и огромные картофельные поля. Незадолго до прибытия в Истхэмптон мы пришли к выводу, что несчастную Пичис Сандоу действительно кто-то намеренно толкнул под ноги слона. Но кто?

3

"Норт-Дюнз"[1] оказался большим деревянным домом, расположенным на вершине дюны к северу от яхт-клуба "Лейдирок", который, в свою очередь, располагался к северу от Истхэмптона.

Меня встретил неряшливого вида парень в водительской кепке и плаще. Он сразу же признал меня и заявил, что послан миссис Вииринг за мной. Я влез в почтовый фургон, стоявший среди прочих у железнодорожного пути, помахал Лиз, которая села в аналогичный фургон, откинулся на подушки и в полном молчании миновал красивый сельского типа городок, огромные вязы и серебристый пруд.

На берегу океана, среди пустынных дюн, между небольших групп камышей, темнеющих на фоне белоснежного песка, возвышались унылые дома. Буйный золотисто-зеленый поток Мейдстона придавал приятный, какой-то упорядоченный вид дороге, бежавшей к северу от городка в сторону Монтока, где располагались большие дома и коттеджи летних резиденций.

"Норт-Дюнз" был одним из самых больших и мрачных зданий. Со стороны океана к нему примыкала застекленная веранда, в остальном он ничем не отличался от прочих беленых построек.

Внутри же он производил более благоприятное впечатление.

Худощавый дворецкий взял у меня чемодан и проводил в освещенную солнцем большую комнату, расположенную в южной части дома. Стены ее были затянуты шелком, а из окон открывался прекрасный вид на площадку для игры в гольф и на океан.

Миссис Вииринг приветствовала меня, поднявшись с кресла у камина.

— Вы даже не представляете, мистер Сарджент, как я рада, что вы откликнулись на мое приглашение.

Она сердечно пожала мне руку. Это была солидная, интеллигентного вида женщина с копной голубых волос и белым лицом, бесстрастно взиравшая на мир своими маленькими синими глазками. Ей было уже за пятьдесят. Грудь напоминала огромную, набитую песком торбу, а ясный отчетливый голос звучал как-то странно.

---

[1] Северные дюны (англ.).

— Садитесь сюда. Может, чего-нибудь выпьете? Я могу приказать... впрочем, вы сами можете выбрать по собственному вкусу. Бар вон там. Я только что немного выпила дюбонне. Другого не пью. Перед обедом ведь полезно немного выпить, как вы считаете?

Я что-то невнятно пробормотал, сделал себе виски с содовой, а ей налил немного дюбонне со льдом. Затем я опустился в мягкое кресло напротив нее и застыл в ожидании.

Но миссис Вииринг не торопилась переходить к делу.

— Альма Эддердейл приезжает на следующей неделе, в понедельник. Вам известно об этом? Я просто обожаю ее. Она остановится в "Си-Спрей"[1]. Она ведь ваш старый друг, да? Я, конечно, тоже хочу с ней увидеться и с удовольствием бы пригласила ее к себе, но она предпочитает одиночество, а у меня, как на зло, в этот уик-энд дом полон гостей.— Она одним глотком допила свой дюбонне.— Друзей и знакомых,— добавила она туманно, бросив взгляд в окно на площадку для гольфа, залитую полуденным солнцем.

— Интересно...— начал я, надеясь сразу же перейти к делу.

— Вы не возражаете, если я еще выпью? Да, пожалуй, мне стоит выпить. Мой доктор уверяет, что мне это на пользу. "Перед обедом, Роза, надо выпивать чуточку дюбонне, чтобы разогреть кровь".

Я налил ей в высокий стакан столько этого напитка, что его, по-моему, было вполне достаточно, чтобы довести ее кровь до кипения. Двумя глотками она осушила бокал, и мне сразу же стала ясна одна из ее проблем. Но как бы то ни было, выпивка, видимо, действительно шла ей на пользу.. Глаза ее заблестели, она поставила бокал на стол и произнесла:

— Обожаю смесь, а вы?

— Смесь чего, миссис Вииринг?

У меня было такое ощущение, что мы работаем на разных частотах.

— Людей. Чего же еще? — Она улыбнулась ослепительной улыбкой, блеснув белоснежными зубами.—

---

[1] Морские брызги (англ.).

На этот уик-энд я попыталась собрать вместе *интересных* людей... не просто известных в обществе, а интересных самих по себе. Среди них — Брекстон.

Она замолчала, давая мне возможность оценить сказанное.

Это действительно произвело на меня впечатление, точнее — удивило. Мой интерес к современной живописи колеблется где-то между нулевой отметкой и минус десятью. Тем не менее, имея возможность крутиться в нью-йоркских претенциозных кругах, я приобрел некоторые знания и мог без особого труда отличить Мотервелла от Стьюмпфига. Брекстон — один из нынешних героев Пятьдесят седьмой улицы. Он выставляется в галереях. Ежегодно журнал "Лайф" совершает со своими читателями прогулку по его студии, получая после этого тонны писем, в которых спрашивается, стоит ли тратить время на парня, чьи картины не лучше прошлогодних работ маленького Сью, перешедшего тогда всего лишь в четвертый класс. Но Брекстон считается крупным профессионалом, и известие о том, что он гостит у миссис Вииринг, не могло не удивить.

Но тут все встало на свои места.

— Его жена Милдред — моя племянница,— заявила миссис Вииринг, тщательно высасывая из кусочков льда остатки дюбонне.— Вы не представляете себе, что творилось в нашей семье десять лет тому назад, когда она вышла за него замуж! Я хочу сказать, нам даже в голову не приходило, что он станет знаменитым.

Я заметил, что такие браки всегда представляют определенный риск.

— Но как бы то ни было, я ужасно рада, что они гостят у меня. С Брекстоном совсем не скучно, что довольно непривычно. Я обожаю и искусство и художников. Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать. Творческие личности не похожи на простых смертных, разве не так?

"Говори сама за себя, малышка" — подумал я про себя, энергично кивая головой. А может быть, именно из-за Брекстона я и приглашен сюда? Может быть, задумано осуществить над ним какой-нибудь крупный фокус? Я едва сдержал нетерпение.

Миссис Вииринг налила себе очередной бокал дюбонне. Я с восхищением заметил, что рука у нее даже не дрогнула.

Она говорила не умолкая.

— Еще здесь гостят Клейпулы. С ними так весело. Знаете, они из Ньюпорта.— Она с удовольствием порассказала всякого об их родном городе, а затем вновь вернулась к прежней теме.— Брат и сестра, причем удивительно привязанные друг к другу. Согласитесь, такое редко бывает. Оба холостые, хотя каждый из них пользуется большим спросом.

Эти слова прозвучали, как будто слетели с уст доктора Кинси или, может быть, доктора Фрейда, но я продолжал молча выслушивать разглагольствования миссис Вииринг о том, какая это чудесная пара, как они любят вместе путешествовать и как они оба покровительствуют искусству. Правда, слушал я ее невнимательно и так и не понял, сколько им лет и каким видам искусства они оказывают покровительство. Затем миссис Вииринг сказала, что все они мне хорошо известны, поэтому она не будет больше утруждать меня информацией о них... тем более, что это не имеет особого значения. Из этих слов я понял, что мои обязанности не будут иметь никакого отношения к гостям.

Она уже собиралась рассказать мне о своей последней гостье — Мэри Уэстерн Ланг, писательнице, как вдруг комнату почти неслышно пересек дворецкий и что-то прошептал ей на ухо. Миссис Вииринг молча кивнула и, не сказав ни слова, жестом приказала ему удалиться.

Что бы он ни сказал ей, это, к моему счастью, имело положительный эффект и прекратило ее бессвязный лепет. Она вдруг стала деловой, несмотря на то что значительно выпила и под ее белым гримом проявился алкогольный румянец.

— Я перейду прямо к делу, мистер Сарджент. Мне нужна помощь. Что касается основной причины, по которой я пригласила вас сюда, я сразу же остановлюсь на деталях. Я планирую в День труда[1] устроить прием, и мне бы очень хотелось, чтобы он стал сенсацией в Хэмптоне. Все должно быть со вкусом, это, я надеюсь, вам понятно. Прием должен получить самое широкое освещение в прессе, хотя мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь знал, что я наняла агента по рекламе.

---

[1] Национальный праздник США. Проводится в первый понедельник сентября.

— Мой гонорар...— робко начал я.

Как одиннадцатилетний бойскаут, я прекрасно понимал, что такие вопросы следует решать прежде всего.

— Никаких проблем,— ответила миссис Вииринг деловым тоном.— Составьте мне сегодня вечером записку о том, что вам необходимо для работы, включая, естественно, ваш гонорар. Я удовлетворю все ваши требования.

Последующие несколько замечаний, излагавшие причины ее обращения ко мне и ее намерения, наполнили мою душу восхищением.

— Я пригласила вас по одной простой причине — помочь мне организовать прием и его рекламу. Вы будете находиться здесь в качестве гостя, так что, надеюсь, никто не вздумает задавать вам вопросы.— Я был искренне польщен и уверен, что дело здесь не только в моем габардиновом костюме от "Братьев Брукс".— Никому не рассказывайте о том, чем занимаетесь. Делайте вид, что вы... писатель,— довольно игриво закончила она.

— Постараюсь сделать все, что в моих силах.

— Завтра я пройдусь с вами по списку приглашенных. Думаю, с ним все в порядке, но вдруг вам что-то придет в голову. Затем мы с вами обговорим, как лучше всего организовать рекламу. Это очень важно.

Я вовремя сдержался, чтобы не поинтересоваться почему. Но в моем довольно скользком бизнесе это единственный вопрос, которого следует избегать. В своей деятельности агент по рекламе похож на адвоката — и тот и другой берутся за дело, совершенно не интересуясь, каково оно. Главное, как бы его протолкнуть. Я понял, что рано или поздно миссис Вииринг сама раскроет свои карты. Если же такого не произойдет, это уже не будет иметь особого значения, учитывая гонорар, который я собирался запросить.

— Ну а теперь вы, наверное, хотите подняться к себе в комнату. Обедаем мы в восемь тридцать.— После паузы она добавила: — Можно вас попросить об одной любезности?

— Какой, миссис Виириinг?

— Что бы вы ни увидели и ни услышали здесь, не обращайте внимания... и держите язык за зубами.

Когда она произносила эти слова, ее довольно глупое лицо торжественно побледнело. В особенности меня встревожило выражение ее глаз. Похоже, она чего-то опасалась. Интересно, чего?

Я даже подумал, может быть, она несколько с приветом.

— Конечно, я никому ничего не скажу, но...

Она вдруг быстро оглянулась по сторонам, как будто боялась, что нас подслушивают.

— Ну а теперь, пожалуйста, идите.— Она жестом отпустила меня. В холле раздались шаги. Кто-то шел в нашу сторону.

Я уже почти дошел до двери гостиной, как миссис Виириинг вдруг обратилась ко мне.

— О, мистер Сарджент,— произнесла она совершенно обыденным тоном,— вы не будете возражать, если я вас буду звать Питером?

— Конечно, не буду...

— А *вы* должны называть меня Розой.

Эти слова прозвучали как приказ.

Я вышел в холл, едва не столкнувшись с бледной молодой женщиной, которая что-то пробормотала, но я не разобрал, что именно. Она проскользнула в гостиную, а я стал подниматься по лестнице. Служанка подсказала мне, где находится моя комната.

Я чувствовал себя, мягко говоря, не в своей тарелке. Даже подумал: может, лучше забрать свои вещи и укрыться в одном из местных отелей, скажем в гостинице "1770 год". Мне не нужна работа, которая не дает возможности отдохнуть, а при складывающихся обстоятельствах отпуск может быть совсем не запланирован. Все-таки миссис Виириinг — странная женщина. Алкоголичка. Как она нервничала, как была встревожена! Но почему?

Только из любопытства я решил остаться. Это была ужасная ошибка.

4

В восемь часов я спустился вниз. Правда, перед этим я принял хорошую ванну, совершил церемониал одевания, во время которого ознакомился со своей прохладной, но хорошо обставленной комнатой (во всех домах, расположенных среди дюн близ океана, царит один и тот же запах плесени), просмотрел корешки книг на прикроватном столике: Агата Кристи, Марканд, великая герцогиня Мари... Я почему-то подумал, что у всех в Истхэмптоне, наверное, одни и те же книги. Может быть, только в Саутхэмптоне добавляют еще Нэнси Митфорд и что-нибудь непристойное. Я решил посвятить себя миссис Кристи, вспомнив при этом о мисс Лиз Беззмер и о том, что вряд ли встречусь с ней до субботы.

Все прочие гости кружили по большой комнате, веселой и залитой светом, шторы в которой в связи с наступлением вечера были опущены. Внизу собрались все, за исключением нашей хозяйки.

Женщина, с которой я столкнулся раньше, пришла мне на помощь. Стройная, не старше тридцати лет, с симпатичным, но маловыразительным лицом и в сером, несколько старомодном, не в духе двадцатого века, костюме.

— Меня зовут Элли Клейпул,— произнесла она с улыбкой, протянув мне руку, которую я пожал.— Мне кажется, мы уже сталкивались с вами.

— В холле? Да, это так. А я — Питер Сарджент.

— Проходите. Я вас познакомлю с остальными. Пока Роза занята.

И она повела меня по комнате, выполнявшей роль гостиной.

На чудесном диванчике, рассчитанном на двоих, едва умещалась в одиночестве Мэри Уэстерн Ланг, знаменитая писательница — пухлое создание с многочисленными жировыми складками; землистый оттенок ее лица проступал сквозь слой крема персикового цвета, а волосы имели немыслимую серебристую окраску. Из-за того что она была безобразно полна, алые широкие брюки казались более чудными, чем были на самом деле. На каждой ноге — от лодыжки до ягодицы — я насчитал четыре складки, как будто на самом деле это было не единое целое, а четыре отдельных части.

Следующая остановка произошла в другом конце комнаты, где миссис Брекстон, невысокая темноволосая женщина, с фаянсово-голубыми глазами, просматривала стопку книг по искусству. На мое появление она отреагировала кивком головы.

Брекстон, исследовавший поднос с напитками, оказался более любезным человеком. Я его сразу узнал по его же картинам: маленький, сутуловатый сорокалетний мужчина с песочного цвета усами, веснушчатой лысой головой, очками в тяжелой оправе и обыкновенными, ничем не примечательными чертами лица, которые хорошо запомнились по некоторым его парадным автопортретам.

— Чем могу быть полезен? — спросил он, добавляя лед в мартини-шейкер.

Терпеть не могу избитые фразы, типа “не видел вас целую вечность”, “чем могу быть полезен” и пр., но после холодного приема, оказанного мне его женой, он показался мне вновь обретенным братом.

— Не откажусь от мартини,— произнес я.— Может быть, помочь?

— Ну что вы. Я это делаю за считанные секунды.

Когда он манипулировал шейкером, я обратил внимание на его длинные руки. Удивительно мощные руки, чего совсем нельзя было сказать ни о чем ином. На ногтях была краска... следы профессии.

Затем Элли Клейпул представила меня своему брату, который спрятался от нас в алькове, в противоположном конце гостиной. Он был очень похож на сестру, только года на два постарше. Симпатичный парень в твидовом костюме.

— Рад с вами познакомиться, Сарджент. Вот роюсь у Розы в книгах. У нее есть просто чудесные вещи, жаль, что сама она, можно сказать, почти неграмотна.

— А почему бы тебе не позаимствовать их? — с улыбкой спросила Элли, обращаясь к брату.

— Возможно, я так и сделаю.

Они украдкой взглянули друг на друга — черта, характерная для замужних пар, но как-то не подходившая для брата и сестры.

Затем, вооруженные мартини, мы присоединились к писательнице. Все опустились в кресла у камина, за исключением мистера Брекстона, который застыл в дальнем конце комнаты. Даже не оглядываясь в прошлое, можно с уверенностью сказать, что в тот вечер в атмосфере чувствовалось какое-то ожидание, странная напряженность, как во время затишья перед грозой.

Я беседовал с Мэри Уэстерн Ланг, сидевшей на диванчике по правую руку от меня. Поинтересовавшись, давно ли она обосновалась в Истхэмптоне, я окинул взглядом всю комнату, одновременно прислушиваясь к другим разговорам. Внешне все казалось нормальным. Клейпулы оживленно спорили с Брекстоном по поводу живописи. Никто не обращал внимания на миссис Брекстон. Все делали вид, что ее просто не замечают. На самом же деле что-то было не так. Скорее всего, на это меня настроил разговор с миссис Вииринг, хотя сейчас я абсолютно уверен, что все равно почувствовал бы что-то, даже если б она не предупредила меня.

Мэри Уэстерн Ланг щебетала, не умолкая ни на секунду. Говорила она резко, по-бабьи, но негромко. Учитывая размеры ее фигуры, можно было ожидать, что голос у нее звучит, как иерихонская труба, а на самом деле, несмотря на резкость, он был довольно слабым, и, чтобы разобрать то, что она говорит, мне пришлось даже наклониться... Это ей ужасно понравилось, и она кокетничала как взбалмошная, легкомысленная девчонка.

— Как пришел Эйзенхауэр, так все изменилось!

"Интересно, что изменилось?" — удивленно подумал я, так как не слышал начала ее разговора.

— Все течет, все изменяется,— глубокомысленно изрек я, надеясь попасть в струю. Так и произошло.

— Какой вы умница! — Она посмотрела на меня слегка выпученными глазками. Ее круглое, как у младенца, лицо светилось счастьем и было гладким, как поверхность другой части детского тельца.— Вот и я так всегда говорю. Вы впервые в этих краях, да?

Я ответил, что в детстве почти всегда проводил здесь лето.

— Так, значит, вы старожил!

Непонятно почему, но эта новость доставила ей огромное удовольствие. Она даже постаралась схватить рукой мое левое колено, и я чуть было не вскочил. Терпеть не могу, когда ко мне прикасаются, за исключением определенных моментов, конечно. К счастью, похоже, она не смотрела на меня, когда осуществляла свою неуклюжую попытку. Все внимание она смущенно обратила на свои алые коленки.

Я умудрился после нескольких, чуть ли не истерических замечаний оторваться от нее и, пообещав принести ей коктейль, прошел к бару. Когда я наливал разбавленные водой остатки мартини из шейкера в свой бокал, ко мне неожиданно подошла миссис Брекстон.

— Сделайте мне тоже один,— произнесла она едва слышно.

— Да? Ради бога. Вам сухой?

— Все равно какой.

Она бросила взгляд на мужа, сидевшего спиной к нам. Он о чем-то спорил и энергично жестикулировал. Ее лицо ничего не выражало, но я чувствовал, как от нее исходит какой-то холод, как от трупа, когда окоченение уже наступило.

Я быстро сделал коктейль для нее и еще один для Мэри Уэстерн Ланг. Не сказав даже “спасибо”, миссис Брекстон присоединилась к группе, сидевшей у огня. Разговаривала она, насколько я помню, только с мисс Клейпул, совершенно игнорируя при этом мужчин, продолжавших спорить.

Поскольку примоститься больше было негде, я вынужден был вернуться к обществу мисс Ланг. Она сделала несколько глоточков мартини, с удовольствием причмокивая губами, к которым прилип длинный платиновый волос.

— Я всегда предпочитала джин,— сказала она, отставив почти нетронутый коктейль.— Я даже помню, что мои старшие братья делали его в тазах! — И она разразилась смехом при мысли о том, что, какой бы крохой она ни была, она прекрасно помнила времена сухого закона.

Наконец я узнал, как она стала известной писательницей.

— Я пишу статьи под рубрикой “Разговор о книгах”. Они расходятся чуть ли не по всем Соединенным Штатам и Канаде. А, так вы тоже читали их? Да? Очень мило с вашей стороны, что вы упомянули об этом. Я *всю себя* вкладываю в них. У меня нет особой необходимости зарабатывать на жизнь, но в наши дни лучше использовать любую возможность. Мне просто повезло с этой работой. Я пишу критические статьи более девяти лет.

Я сделал ей еще несколько комплиментов, изображая из себя чуть ли не ее поклонника. Тут, непонятно по какой причине, мое внимание привлекла миссис Брекстон, на которую я время от времени украдкой бросал взгляд. Она была увлечена разговором с Элли Клейпул, которая внимательно, почти с мрачным выражением лица, слушала ее. К сожалению, говорили они очень тихо и я ничего не разобрал. Но о чем бы ни был этот разговор, мне не понравилось, как сжались тонкие губы миссис Брекстон и недовольно вытянулось ее лицо.

— Роза сообщила мне, что вы писатель, мистер Сарджент.

“Черт побери, не могла ничего получше придумать”,— с раздражением подумал я. Я был уверен, что мне не удастся одурачить автора “Разговора о книгах”, и пустился на хитрость, отчасти сказав правду.

— Я какое-то время работал помощником театрального критика в “Нью-Йорк глоуб”, правда, несколько лет тому назад я оттуда ушел... чтобы целиком посвятить себя написанию романа.

— О-о! Как интересно! Бросить все на ветер! Целиком посвятить себя искусству! Как я вам завидую и как восхищаюсь вами! Позвольте мне быть вашим первым читателем и критиком.

Я что-то пробормотал о том, что он еще не закончен, и она отцепилась. Ее громадная грудь тяжело вздымалась.

— Я сделала то же самое. Много лет тому назад. В Рэдклиффе. Однажды, придя домой из школы, я сказала своим, что собираюсь стать писательницей с большой буквы. И стала ею! Моя семья проживала в Бостоне. О, это настоящие пуритане! И то они были тронуты, когда я написала “Разговоры маленькой Бидди”. Возможно, вы помните эту книжку. О ней еще писали, насколько мне помнится, как о лучшей детской книге. Даже сейчас уже новое поколение детей в восторге от нее. Их письма ко мне просто согревают душу.

“Сказать точнее: раздирают, а не согревают”,— подумал я.

Затем Мэри Уэстерн Ланг со всей полнотой поведала мне о своей невероятной карьере. Мы уже почти дошли до конца, как я вдруг поинтересовался, а где же наша хозяйка. Мэри Ланг на секунду задумалась, а затем пробормотала:

— Роза часто запаздывает.— Она явно чувствовала себя не в своей тарелке.— Впрочем вы ее друг и должны знать об этом.

Я в полной растерянности кивнул головой:

— Даже если так...

— Это еще хуже. Как бы мне хотелось ей помочь, но боюсь, если ее не послать в лечебницу, *ничего* хорошего не будет... но, поскольку она не сознает этого, я даже не представляю, как мы, самые старые и преданные ее друзья, можем подойти к ней. Вы же знаете, какой у нее характер!

Мисс Ланг пожала плечами.

— Мне показалось, что она сегодня вечером несколько, как бы это сказать, встревожена. Она...

Мисс Ланг театральным жестом коснулась моего левого бедра. Длилось это всего несколько секунд, но у меня было такое ощущение, будто на ногу опустилась свинцовая плита.

— Я боюсь за нее! — едва дыша, таинственным голосом прошептала она.— У нее вот-вот будет срыв. Ей почему-то кажется, что все прямо-таки жаждут ее смерти.

Наконец-то все прояснилось. Я с облегчением вздохнул. Ясно: миссис Вииринг — психопатка и никакой угрозы ее жизни, как я первоначально думал, нет. Я расслабился, возможно даже чересчур.

— Да, она мне говорила что-то в этом роде.

— Бедная Роза.— Мисс Ланг покачала головой и неохотно убрала руку с моего, видимо чрезвычайно притягательного, бедра.— Все это началось несколько лет назад, когда ее не включили в “Социальный регистр Нью-Йорка”, куда вносятся имена наиболее известных людей города. Как она переживала! И мы вместе с нею. Какое это было время! И вот именно тогда...— Мисс Ланг оглянулась по сторонам, чтобы убедиться, что никто ее не слышит, и продолжила: — Она стала *выпивать*. Помню, я еще сказала Элли Клейпул (которая, кстати, тоже из Бостона), что, если Роза не возьмет себя в руки, она...

Не знаю, успела Роза взять себя в руки или нет, но в этот момент она вошла в гостиную. Она была в ярко-алом вечернем платье, выглядела весьма привлекательной и совершенно трезвой, если не забывать, что она уже умудрилась выпить не меньше галлона дюбонне.

— Привет, ребята! — воскликнула она, помахав всем ручкой. Я просто восхищался ее выдержкой. Трудно было поверить, что она уже выпила. Видимо, она вынослива как верблюд.— Извините за опоздание, но мне пришлось задержаться. Пожалуйста, проходите сразу же к столу, а то кухарка устроит мне сцену.

Сопровождая миссис Брекстон к столу, я заметил у нее на шее, когда она повернула голову и заговорила с мужем, как раз на том самом месте, который обычно прикрывает длинный локон волос, неприятный лиловый рубец, который тянулся от самого уха и исчезал за высоким воротником ее платья. Это был, скорее, синяк, а не родинка или шрам... это был совершенно свежий синяк.

Переговорив с мужем, она повернулась ко мне, и волосы прикрыли это пятно. В ее глазах появилось странное выражение, как будто она по моему лицу поняла, что я видел. Когда она заговорила о танцах, которые намечались в яхт-клубе следующим вечером, ее рука невольно потянулась к шее.

5

Обед проходил вполне пристойно. Миссис Виирлинг была в прекрасной форме. От страха, омрачившего нашу первую встречу, не осталось и следа. Сидя слева от нее (Брекстон — справа, а Элли Клейпул — слева от меня), я внимательно следил за ней.

Миссис Виирлинг была чрезвычайно оживлена и даже, пожалуй, пьяна, о чем свидетельствовали лихорадочно блестевшие глаза и невнятно произносимые фразы, слетавшие с ее уст.

“Да, странная компания”,— подумал я. Хозяйка-алкоголичка, с пренебрежением отвергнутая “Социальным регистром”, но принимаемая в обществе; кичащийся собой художник; его жена, готовая от злости грызть стекло, с кровоподтеком на шее, как будто кто-то пытался задушить ее, а потом плюнул и решил не пачкаться. Кстати, это мог быть и ее собственный муж. Своими мощными руками он вполне способен свернуть шею человеку, как цыпленку.

Тут же и загадочные Клейпулы, брат и сестра, прямо-таки обожающие друг друга или... Кстати, сам Клейпул за обедом сидел рядом с миссис Брекстон. Они все время разговаривали между собой, совершенно игнорируя остальное общество, чем, видимо, немало досаждали его сестре. Брекстон — рассеянный, добродушный, эгоцентричный тип — изо всех сил старался, чтобы разговор крутился только вокруг него или живописи.

И наконец, моя писательница, мощная хихикающая подруга всего мужского рода, каковой она казалась, несмотря на свой “Разговор о книгах”. Поскольку ее запросы, учитывая вполне понятные причины, были невысоки, ее хищные инстинкты выражались только в похлопываниях и щипках, зато в этом она была непревзойденным специалистом.

После обеда, несколько взбодренные белым вином, мы прошли в гостиную, где был установлен карточный столик.

— Нас семеро. Значит, четверо будут играть в бридж, а остальные займутся чем-нибудь более конструктивным,— глубокомысленно заявила миссис Вииринг, бросив взгляд на компанию.

Сперва все отказывались, но она явно знала, что делать, и в конце концов энтузиасты-картежники (я к их числу не принадлежал, едва играю только в покер — единственную игру, которую мне удалось изучить) слетелись к столику, а мы — миссис Брекстон, Элли Клейпул и я — уселись у камина.

Ясно, что более конструктивным делом предстояло заняться нам, но чем конкретно, я даже представить себе не мог. Нет ничего хуже, как проводить уик-энд в светском обществе с группой людей, которых не знаешь и которые не особенно тебе по вкусу. Всегда возникает проблема, о чем говорить, как было и в нашем случае. Положение усложнялось мрачным настроением миссис Брекстон и рассеянностью Элли Клейпул. Похоже, обе они были недовольны тем, что происходит.

— Вы с Флетчером, наверное, после этого уик-энда поедете в Бостон? — неожиданно выпалила миссис Брекстон, обращаясь к Элли. Тон, которым были произнесены эти слова, был далек от любезности. Флетчер, насколько понял я, имя Клейпула.

— О да... Наверное. Вы же знаете, у нас в Кембридже[1] небольшой дом.

— Не понимаю, почему вы не поселитесь в Нью-Йорке. Там ведь гораздо интереснее. А Бостон — мертвая зона чуть ли не целый год.

При упоминании о Бостоне она явно оживилась. Кстати, это были ее первые слова за весь вечер.

— Но нам он нравится.

— *Вам-то* уж точно.

Оскорбление было налицо. Я сперва даже подумал, что ослышался.

Однако, казалось, что Элли это совершенно не смущает.

— О вкусах не спорят, Милдред,— спокойно произнесла она.— Никто из нас не в состоянии долго выносить Нью-Йорк.

— Говорите за себя. Флетчер любит город, и вы прекрасно знаете это. Только вы удерживаете его в Бостоне.

При этих словах Элли вспыхнула.

— Он всегда такой робкий,— произнесла она.

— Я говорю не об этом.

И две женщины, неожиданно оказавшиеся непримиримыми врагами, неприязненно уставились друг на друга.

"Интересно, что же это значит?"

Зарождался первостатейный скандал.

— Что вы имеете в виду, Милдред?

Миссис Брекстон язвительно рассмеялась:

— Не делайте из меня дурочку, Элли. Я единственная, кто...

— Напарник! У меня нет червей! — раздался со стороны карточного стола вопль мисс Ланг, за которым последовало рычание мистера Брекстона.

— Ради бога, Милдред, замолчите! — прошипела Элли.

Слова ее были заглушены очередным воплем мисс Ланг, так что их, кроме меня, никто не расслышал.

— Я слишком долго молчала,— возразила миссис Брекстон, хотя чувствовалось, что гнев ее спадает, уступая место привычному недовольству. Когда она прикуривала, я заметил, как у нее дрожат руки.

---

[1] Город Кембридж расположен поблизости от Бостона, столицы штата Массачусетс.

Может, она тоже алкоголичка? Даже один пьяница не подарок, а двое — это уж слишком!

Мисс Клейпул повернулась ко мне, будто ничего особенного не случилось.

— Я уверена, хоть вы замолвите о Бостоне доброе слово,— произнесла она, улыбаясь.— А то я здесь в меньшинстве.

Я сказал ей, что учился в Гарварде[1].

Этого оказалось вполне достаточно, чтобы между нами сразу же установились отношения взаимопонимания.

Миссис Брекстон, не произнеся больше ни слова и даже не пожелав доброй ночи хозяйке, удалилась из комнаты.

— Может быть, я сказал что-нибудь не так? — недоумевая, спросил я.

"Интересно,— подумал я,— что же все-таки происходит?" Элли слегка нахмурилась:

— Нет, не думаю.

Она бросила взгляд в сторону карточного стола. Игроки были так увлечены бриджем, что не обращали на нас никакого внимания.

— Милдред не совсем хорошо себя чувствует. Она... в общем, у нее совсем недавно был нервный срыв.

Так вот в чем дело!

— И в какой же форме это выражалось?

Она пожала плечами:

— Ну в какой?.. В какой это бывает... Она слегла в постель, чуть ли не на месяц. Сейчас она на ногах, выглядит неплохо, но не обманывайтесь ее внешностью. К несчастью, она почти потеряла здравый рассудок и все время цепляется к каждому слову. Дергается, как кошка, вы же видите. По мере возможности мы стараемся этого не замечать. Она не такая уж плохая, как кажется.

— Возможно, возможно.

— И потом она моя старая подруга,— резко добавила Элли.

— Я в этом уверен,— сказал я, совершенно не убежденный ее словами, но не подавая виду. Если уж находишься среди придурков, то веди себя соответственно, иначе не выживешь. Мне еще предстояло два дня прокантоваться здесь, и я был не заинтересован, чтобы из меня чуть ли не с самого начала делали идиота. Кроме того, если уж говорить начистоту, мне нравилась Элли.

---

[1] Знаменитый Гарвардский университет, расположенный в Кембридже.

Она была очень симпатичной женщиной, с великолепной фигурой — стройной, прекрасных пропорций, без каких-либо изъянов — и чудесной гладкой кожей.

Я мысленно ее раздел и тут же одел. "Все равно не пойдет",— решил я, вспомнив об ожидающей меня сладкой Лиз. Одно из преимуществ холостяка тридцати с небольшим лет заключается в том, что большинство его ровесников уже обзавелись семьями и он один обладает, если так можно выразиться, огромным стадом одиноких женщин.

Элли, совершенно не подозревая о произведенной над нею операцией, продолжала рассказывать о Милдред Брекстон.

— Она всегда была нервной. Вся их семья такая, даже Роза.— Она кивнула в сторону нашей хозяйки.— Вам, наверное, известно, что Роза — ее тетя.

Я признался, что знаю об этом.

— Мы с Флетчером познакомились с ними пятнадцать лет назад, когда Роза приехала с Запада и решила устроиться в Ньюпорте, где мы всегда отдыхаем летом... точнее, имели привычку отдыхать. Милдред того же возраста, что и мой брат, и они очень подружились. Многие даже были уверены, что они поженятся. Ну а потом она повстречала Брекстона, и с тех пор они, конечно, счастливы.

Мне было ясно, что она лжет, хотя бы только потому, что маловероятно, чтобы какой-нибудь нормальный мужчина смог бы ужиться с такой неприятной женщиной.

— Как я поняла, вы давно знакомы с Розой? — неожиданно прозвучал вопрос.

— Нет, не очень.

Я не знал, что и ответить, потому что мне не было известно, что рассказывала обо мне миссис Виринг.

Элли сама пришла мне на помощь:

— По-моему, Роза говорила мне, что вы ее старый друг, но, знаете, она такая рассеянная! Я не раз встречала здесь людей, с которыми она разговаривала как со старыми друзьями, а потом вдруг выяснялось, что они ее вообще не знают. Вот причина успеха всех ее приемов — к каждому гостю относятся как к вновь обретенному родственнику.

В этот момент в комнату проскользнул дворецкий и, к моему удивлению, подошел ко мне:

— Мистер Сарджент, вас просят к телефону.

Точнее, как настоящий английский дворецкий, он произнес: “телли-фону”.

Это была Лиз.

— О, привет, Питер. Чем занимаешься?

— Хотел бы я сам знать.

— Тоска?

— Не то слово. А как у тебя?

— Не лучше. Может, завтра вечером сходим на танцы?

— Не знаю. Кто-то из приглашенных здесь упоминал о них, так что, думаю, мы все пойдем, но если что...

— В любом случае приходи. Скажешь, что ты со мной. На входе я оставлю для тебя приглашение.

— Что ж, мне это нравится. К тому же сейчас полная луна.

— Полная что?

— Луна.

— О, а мне послышалась “комната”. Ну пока, я буду тебя ждать.

Я почувствовал себя намного лучше и сразу же представил, как мы вдвоем в любовной страсти скрываемся среди пустынных дюн, а морские волны и песок серебрятся в лунном свете. “Совсем неплохая картина”,— подумал я.

Около полуночи игра в бридж закончилась. Все немного выпили на сон грядущий, за исключением нашей хозяйки, которая к этому времени выжрала такое количество коньяку, что лично мне было бы уже и море по колено.

— Надеюсь, вам было не скучно,— сказала она мне.

— Никогда еще так приятно не проводил время,— соврал я.

— О делах поговорим завтра, а потом мы все отправимся в яхт-клуб, где у вас будет возможность познакомиться с какой-нибудь молодежью.

— А чем мы не подходим? — шаловливо заметила мисс Ланг.

К счастью, ответа от меня не ждали, и мы все, пожелав друг другу спокойной ночи, поднялись наверх. Я шел следом за Мэри Уэстерн Ланг и должен признаться, что вид этих огромных бедер в красных шароварах с тех пор навязчиво преследует меня.

К своему ужасу, я увидел, что ее комната находится рядом с моей.

— Какое совпадение! — бросила она.

Я загадочно улыбнулся, проскочил к себе в комнату, запер на ключ дверь между нашими спальнями и затем на всякий случай придвинул к ней тяжелый комод. Только взбешенный гиппопотам мог проломить такую баррикаду, а мисс Ланг, насколько я понял, еще не совсем сошла с ума.

Спал я тревожно. И вот в самый разгар очередного дикого, но вполне стандартного кошмара (мне снилось, будто я падаю с горы), меня разбудили крики — три женских крика, прозвучавших один за другим.

При втором крике я сел, как громом пораженный. При третьем вскочил с постели.

Была половина четвертого утра.

Споткнувшись о стул, я открыл дверь и выглянул в тускло освещенный коридор. Из других дверей тоже высунулись головы. Я увидел лица Клейпулов, мисс Ланг, и вдруг на площадке появилась миссис Вииринг. Она была вся в белом, как леди Макбет.

— Ложитесь все спать,— произнесла она своим обычным тоном.— Ничего не произошло. Совсем ничего.

Послышался изумленный шепот. Головы исчезли. Я, правда, успел заметить странную ночную рубашку мисс Ланг — сплошные бантики на розовеньком батисте, вполне подходящий наряд для автора “Разговоров маленькой Бидди”. Сбитый с толку и несколько встревоженный, я улегся спать. Засыпая, я еще подумал: “Странно, что миссис Вииринг ни единым словом не обмолвилась об этих криках”.

Разговор о них мог бы зайти во время завтрака, но, поскольку стало ясно, что виновником является один из нас, мы все смущенно молчали, быстро глотали свои бифштексы и огромный пирог с почками — так миссис Вииринг выражала свою приверженность английской кухне.

Я решил, не знаю почему, что во всем виновата миссис Брекстон. За завтраком она выглядела как обычно, правда, была довольно бледной, но я ведь впервые видел ее при свете дня.

Мы выпили кофе на застекленной веранде, выходившей в сторону океана.

Удивительное это было утро. Ясное голубое небо, а вдали — барашки волн прибоя. В небе кружили чайки.

Помню, я еще подумал: “Представляю, какая в городе жара!”

После завтрака все переоделись в купальные костюмы, за исключением, к счастью, Мэри Уэстерн Ланг, которая заявила, что “у нее на солнце шелушится кожа”. Она появилась в ядовито-желтых шароварах, в смешных солнечных очках с пестрой оправой и с платком на шее.

Миссис Вииринг не стала переодеваться. Подобно большинству людей, имеющих дома на море, она не любила ни загорать, ни купаться.

— Слишком холодная вода,— заметила она, поманив меня в альков гостиной, который благодаря двери выполнял роль маленького кабинета.

Она думала только о делах, а мне хотелось на пляж, к морю. Казалось даже, что я слышу, как плещутся в воде другие.

— Надеюсь, вам не перебили сон сегодня ночью,— сказала она, присаживаясь за изящный стол времен королевы Анны, в то время как я развалился в кресле.

— Это было неожиданно,— сказал я.— Что произошло?

— Бедняжка Милдред.— Миссис Вииринг вздохнула.— Мне кажется, что у нее мания преследования. Последний год был просто ужасен. Я ничего не понимаю. В нашей семье никогда ничего подобного не случалось. Ее мать, моя сестра, была самой здравомыслящей женщиной на свете, да и ее отец тоже. Я думаю, это все из-за того, что она вышла замуж за художника. Вы же понимаете, это совершенно другие люди, не от мира сего. Не такие, как мы с вами.

Она еще немного поговорила на эту, видимо, свою любимую тему, а затем произнесла:

— Со времени нервного срыва, который произошел у нее в прошлую зиму, она уверена, что муж собирается убить ее. Более *преданного* мужа, кстати, вы вряд ли найдете.

Тут я случайно вспомнил о синяке на шее миссис Брекстон.

— А почему она не уйдет от него?

Миссис Вииринг пожала плечами:

— Куда она пойдет? Кроме того, она сейчас не совсем соображает, что делает. Кажется, она все-таки понимает это. Она очень извинялась сегодня ночью, когда... когда это произошло.

— Что произошло?

— Они поскандалили. Обычное дело между супругами, ничего серьезного. Затем она начала кричать, и я спустилась вниз... их же спальня на первом этаже. Она сразу же стала извиняться, и он тоже, хотя, конечно, она своими воплями умудрилась переполошить весь дом.

— Мне кажется, ей следует отдохнуть в пансионате или еще где-нибудь.

Миссис Вииринг вздохнула:

— Что ж, и до этого может дойти, хотя я молю бога, чтобы этого не случилось. Ну ладно. Вот вам, кстати, список приглашенных на прием. Я хочу, чтобы вы составили для меня список представителей прессы...

Дела отняли у нас примерно час. Она неплохо разбиралась в ситуации и вполне могла бы быть своим собственным пресс-агентом. Естественно, я об этом умолчал. Миссис Вииринг моментально улавливала все особенности рекламной работы. Мои же функции, как я понял, заключались в том, чтобы быть ее представителем. Совсем неплохо. Затем мы решили вопрос о моем гонораре, довольно приличном, и она — со скоростью и совершенством опытной машинистки — отпечатала договор.

— Я училась печатать,— сказала она просто, заметив мое удивление.— Только так я могла оказать помощь своему покойному мужу. Мне приходилось все за него делать.

Затем мы подписали договор, и она отпустила меня развлекаться на пляж. Сама же, как я заметил, решительно направилась к бару, где всегда можно было найти батарею бутылок, стаканы и лед.

Все остальные собрались на пляже.

Солнце пекло немилосердно. Ветра почти не было, ощущался только легкий бриз.

Я взглянул на гостей своей хозяйки с любопытством: всегда интересно присматриваться к уже знакомым людям, когда они раздеты или почти раздеты.

И у Элли, и у мистера Брекстона были неплохие фигуры, в особенности у Элли. Она выглядела именно так, как накануне вечером, когда я мысленно раздевал ее. Единственный недостаток — коротковатые ноги. В остальном же это была красивая женщина, гораздо более интересная в желтом бикини, нежели в своей привычной тусклой одежде. Она улеглась на одеяле рядом со своим братом — солидным на вид парнем.

Миссис Брекстон сидела на краешке яркой индейской накидки, в центре которой под удивительно смешным зонтиком расположилась мисс Ланг, вся исходившая потом. Брекстон же, более дородный чем мне показалось вчера, пытался встать на руки, чтобы продемонстрировать, насколько он молод. Но делал он это крайне неуклюже, что лишний раз подчеркивало его возраст.

Мисс Ланг окликнула меня.

— Садитесь сюда! — И она похлопала по накидке рядом с собой.

— Нет, нет. Не хочу вам мешать,— быстро ответил я и уселся, скрестив ноги, прямо на песок между нею и Клейпулами, оказавшись, таким образом, в добром ярде от ее шаловливых пальчиков.

— Боже! Я никогда не видела такого *сильного* мужчину!

Хотя ее глаза были скрыты темными очками, я понял, что меня внимательно изучают.

В этот момент Брекстон упал лицом в песок.

— Черт побери, какой-то камень попался под руку,— недовольно бросил он, выплевывая песок.— Острый, зараза.

И он сделал вид, что сильно ушиб руку.

Мы с Элли обменялись понимающими взглядами.

— Все мы уже немолоды,— с усмешкой заметил ее брат, облокотившись.— С каждым днем ты все больше напоминаешь Пикассо.

— Мерзкий мошенник,— раздраженно выпалил художник, стряхивая песок с лица.— Девять десятых того, что он сделал, я могу сделать лучше... да *любой* это может!

— А одну десятую?

— Ну, это...

Брекстон пожал плечами. Я уже понял, что он, как большинство художников, терпеть не может своих еще здравствующих коллег, в особенности пользующихся известностью. Правда, от большинства он отличался откровенностью и даже некоторой самоуверенностью.

Какое-то время он разглагольствовал, произнеся цветистую речь. Я с удовольствием растянулся на спине и, закрыв глаза, наслаждался теплом. Все остальные сделали то же самое, медленно переваривая завтрак.

Первым в воду кинулся Клейпул. Он неожиданно вскочил, подбежал к океану и нырнул. Пловцом он был отменным, и наблюдать за ним было одно удовольствие.

Мы все сели. Затем миссис Брекстон медленно подошла к воде и стала надевать купальную шапочку, причем встала так, чтобы никто из нас не увидел синяка на ее шее.

Она медленно побрела по кромке воды. Брекстон вскочил, подошел к ней и взял ее за руку. Они остановились, несколько минут о чем-то говорили, затем он пожал плечами и отпустил ее, а она как-то странно нырнула в набежавшую волну. Повернувшись спиной к нам, Брекстон смотрел, как она медленно плывет в сторону Клейпула.

Вдруг ко мне обратилась Элли:

— Вам не кажется, что она слишком далеко заплывает. Смотрите, какие там волны!

— Но она, похоже, неплохо плавает, и потом, там же ваш брат.

— Боже! — воскликнула мисс Ланг.— Они ныряют прямо как черепахи! Как я завидую им!

Клейпул уже заплыл за буйки. Плыл он легко, вместе с волной, которая сносила его в сторону. Он уже переместился на несколько ярдов относительно того места, где входил в воду.

Миссис Брекстон еще не доплыла до буйков. Ее белая шапочка временами мелькала среди синих волн.

Мы с Элли вскочили и подошли к Брекстону, стоявшему у самой кромки прибоя. Вода, вихрившаяся вокруг наших лодыжек, была довольно холодной.

— Мне кажется, Милдред не стоит так далеко заплывать,— встревоженно сказала Элли.

Брекстон кивнул, не сводя глаз с жены.

— Я тоже ей это говорил. Но она меня не послушала.

— А волны сильные! — заметил я, обратив внимание на их направление и примерную скорость. Клейпул от буйков уже плыл в сторону берега, причем его выносило, по крайней мере, ярдах в тридцати от нас.

Белый пляж, местами нарушаемый зелеными дюнами, тянулся на север и юг до самого горизонта. Одинокие черные точки, обозначавшие людей, виднелись у многих домов. А вдалеке к югу была целая группа их — там располагался яхт-клуб.

Вдруг, не сказав никому ни слова, Брекстон бросился в воду. Стремительно взмахивая руками, он поплыл к жене.

Она издали лишь вяло махала рукой. Вдруг волна накрыла ее.

Я ринулся в воду. Элли крикнула брату, который уже вышел из воды на берег. Он тоже присоединился к нам, изо всех сил устремляясь к Милдред.

Соленая вода щипала мне глаза, но я заметил, что Клейпул уже рядом со мной, однако до Милдред мне так и не пришлось добраться. Вместо этого я вынужден был помогать Брекстону, который был уже всего в нескольких футах от жены.

Он судорожно хватал ртом воздух.

— Ногу свело! — крикнул он и стал скрючиваться.

Я схватил Брекстона, а Клейпул, пролетев мимо, устремился к Милдред. С некоторым трудом я дотащил Брекстона до берега. Клейпул вытащил Милдред.

Уставший и продрогший из-за холодной воды, я перевернул Брекстона. Он сел, пытаясь отдышаться и схватившись за ногу с гримасой боли.

Меня всего трясло — от холода и от напряжения.

Затем мы вдвоем подошли к тому месту, где все остальные сгрудились вокруг мертвенно-бледной и неподвижной Милдред Брекстон.

Клейпул делал ей искусственное дыхание.

Я с ужасом заметил, как на ее посиневших губах появляются радужные пузырьки. И чем более отчаянно он работал, тем больше их появлялось.

Прошла,казалось, вечность.

Не раздавалось ни звука, кроме измученного дыхания Клейпула.

Мы невольно вздрогнули, когда неожиданно раздался его голос. Он повернулся к сестре и, не прекращая своих усилий, приказал:

— Доктора! Быстро!

Солнце было в самом зените, когда появился доктор и заявил, что Милдред Брекстон уже мертва.

Ошеломленный, шатаясь, как побежденный боксер, выбитый за канаты, Клейпул встал над погибшей женщиной и устремил взгляд на Брекстона.

Он произнес только два слова, но произнес их отчетливо, с ненавистью:

— Ты подонок!

Так и стояли они над покойной, уставившись друг на друга. Мы были в растерянности.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Перед самым обедом, ко всеобщему удивлению, появился полицейский. Он был в штатском.

— К нам в полицию позвонили,— мрачно произнес он,— и сказали, что кто-то у вас утонул.

Судя по всему, ему было скучно. Видимо, утопленники стали довольно привычным явлением в этих местах.

— Даже представления не имею, кто послал за вами,— быстро произнесла миссис Вииринг.— Мы уже сообщили о случившемся доктору, в морг...

— Это я вызвал полицию,— сказал Клейпул.

Все в удивлении уставились на него, но он даже глазом не моргнул.

Мы сидели в гостиной. Отсутствовал только Брекстон, который после того, что произошло, удалился в свою комнату и до сих пор не показывался.

— Дамы и господа, расскажите, что вам известно об этом? — резко спросил полицейский, сразу же переходя к делу.

Мы рассказали ему все, что знали. Миссис Вииринг, с бокалом дюбонне в одной руке и носовым платком в другой, заявила, что в это время была дома и, если б она только могла представить, что бедная Милдред...

Полицейский бросил на нее недовольный взгляд, и она сразу же замолчала. Лицо ее было отекшим, красным. Похоже, она действительно сильно переживала. Остальные на удивление холодно отнеслись к случившемуся. Когда смерть так быстро, так неожиданно наносит свой удар, разражается как летняя гроза, непонятно почему, но чувствуешь справедливость ее выбора. Позднее, правда, испытываешь потрясение, угрызения совести, раскаяние. Но сейчас мы все чувствовали себя лишь несколько неуютно, так как понимали, что смерть Милдред Брекстон прямо у нас на глазах оставила нас совершенно равнодушными.

— О'кей,— произнес полицейский и вынул из кармана огрызок карандаша.— Назовите мне, пожалуйста, только очень отчетливо, ваши имена, возраст, место рождения, занятие, кем вы приходитесь покойной и все, что помните о том, как она утонула.

— Я не понимаю, какое к этому имеют отношение наш возраст... профессия...— последовали причитания со стороны Мэри Уэстерн Ланг.

— С каждым из вас,— со вздохом произнес полицейский,— я буду разговаривать в отдельности. Ну, скажем, вон там,— и он указал на альков гостиной.

— Ради бога,— произнесла миссис Вииринг.— Поступайте так, как находите нужным. Я же, со своей стороны, сделаю все, что в моих силах...

Полицейский жестом пригласил мисс Ланг следовать за ним.

Они пересекли комнату и исчезли в алькове.

Между оставшимися завязался разговор. Настроение у всех было подавленное. Я повернулся к Элли Клейпул. Побледневшая, вся в напряжении, она сидела рядом со мной на кушетке.

— Я даже представить себе не мог, что такое может произойти... так быстро,— совершенно не к месту сказал я.

Она бросила на меня удивленный взгляд.

— Дайте мне сигарету,— с трудом произнесла она.

Я прикурил сигарету и передал ей. Ее руки так дрожали, что я стал опасаться, как бы она не обожглась. Однако одной длинной затяжки оказалось достаточно, чтобы она успокоилась.

— Если б не эти ужасные волны. Лично я никогда так далеко не заплывала. Даже не знаю, зачем Милдред... но ведь она... она плавала просто великолепно.

Я был удивлен, услышав эти слова. И сразу же вспомнил замедленные, неуклюжие взмахи рук миссис Брекстон.

— А мне показалось, что она просто устала... совершенно выбилась из сил.

В другом конце комнаты миссис Виирринг тихо рыдала в свой бокал дюбонне, в то время как Флетчер Клейпул, так и не объяснивший причин своего неожиданного поступка, с невозмутимым видом пытался успокоить ее.

Из алькова доносились истеричные вскрики Мэри Уэстерн Ланг. Мне сразу же представилось, как ее толстенькая ненасытная ручка жадной хваткой цепляется в целомудренную коленку полицейского.

— Думаю, все дело в ее болезни,— произнесла Элли наконец.— Другого объяснения я не вижу.

— Вы считаете, что нервный срыв мог на нее повлиять?

— А у вас есть другое предположение?

Она неожиданно подняла на меня свои очаровательные фиалковые глаза.

— Даже не знаю,— пробормотал я, поражаясь неожиданной резкости ее слов.— Просто я подумал...

— Она ослабела от болезни, вот и все. У нее было сильное душевное расстройство, что неизбежно должно было повлиять и на ее физическое состояние. Вот и все.

— Может, у нее была навязчивая идея смерти?

— Сомневаюсь, что Милдред желала умереть,— несколько сухо произнесла Элли.— Она отнюдь не была суицидным типом, если уж говорить об этом серьезно.

— Ну, а вдруг она бессознательно пошла на это? Разве такого не бывает?

Как и все люди, я привык разыгрывать из себя эксперта по психоанализу. Я все знаю о Фрейде, хотя не прочитал ни единой его строчки.

— Даже не знаю. Бедный Брекстон. Интересно, чем он сейчас занимается?

— Как вы считаете, это был счастливый брак? — поинтересовался я, вспомнив синяк на шее миссис Брекстон и ее крики в минувшую ночь. После всего этого как-то трудно было представить, что их совместная жизнь могла быть счастливой.

Элли пожала плечами:

— Вряд ли существуют счастливые браки, по крайней мере в наше время, но есть люди, которые без конца ссорятся и тем не менее не могут жить друг без друга.

— И у них было так же?

— В значительной степени да, в особенности когда она стала стареть. Он был с ней необычайно обходителен, что просто удивительно, если вспомнить его отвратительный характер... он не думает ни о ком, кроме себя. Он мирился с нею и был, хотите — верьте, хотите — нет, очень терпелив.

— И всегда она была такой? Я имею в виду, как вчера вечером.

Элли помедлила с ответом.

— Таких людей, как Милдред, называют тяжелыми,— наконец произнесла она.— При желании она могла очаровать кого угодно, а если такого желания не было, она становилась просто невыносимой.

— Насколько я понимаю, такового желания у нее не было?

— Вот именно.

Из алькова появилась Мэри Уэстерн Ланг. Она хихикала, явно чем-то довольная. Полицейский, покрасневший как рак, едва сдерживающийся, чтобы не взорваться, произнес, обращаясь к Элли:

— Вы будете следующей.

Мисс Ланг опустилась на освободившееся рядом со мной место.

— О, они просто очаровательны, эти полицейские! Впервые в жизни сталкиваюсь лицом к лицу с полицейским, да еще при таких печальных обстоятельствах. Он был очень мил, мы прекрасно поболтали. Я обожаю настоящих мужчин, а вы?

Я заметил, что меня это как-то мало волнует.

— Ну да, конечно, вы же мужчина и не видите в них то, что видит женщина.

Я невольно обиделся на то, что меня не включили в число настоящих мужчин. По правде говоря, нашего друга полицейского любой здоровяк мог сбить с ног одним мизинцем. Но мисс Ланг видела только романтическую сторону его работы, а зычная глотка работника местной полиции приводила автора "Разговора о книгах" просто в восторг. Она прильнула ко мне своим мягким бочком, и я оказался зажатым между нею и боковиной кушетки.

— Он сообщил что-нибудь интересное о происшедшем? — спросил я серьезно, переходя к своеобразной самозащите.

Писательница отрицательно покачала головой.

"Интересно,— вдруг пришла мне в голову шальная мысль,— а есть ли в этой туше хоть одна кость? Ее телеса обследуют мое бедро со всех сторон. Это же не женщина, не живое существо, а какой-то мясистый овощ, гигантский кабачок".

— Нет,— ответила мисс Ланг,— мы говорили в основном о книгах. Он любит произведения Микки Спиллейна.— Она поморщилась, и ее лицо приобрело просто невообразимые очертания. Я с облегчением вздохнул, когда она перестала морщиться.— Я обещала выслать его детям экземпляр "Разговоров маленькой Бидди", но оказалось, что он еще не женат. Я сказала, что ему самому понравится эта книжка... она нравится многим взрослым. Я получаю немало писем, авторы которых...

Следующим вызвали меня, и я не услышал очередного отрывка из жизни Мэри Уэстерн Ланг.

Полицейский явно стремился быстрее покончить с опросом. Он что-то писал в своей записной книжке и даже не поднял головы, когда я опустился в кресло, стоявшее у стола времен королевы Анны.

— Имя.

— Питер Катлер Сарджент Второй.

— Второй чего?

Тут он взглянул на меня.

— Второй, значит, второй. Ставьте рядом с фамилией римскую двойку.

Он посмотрел на меня с явным отвращением.

— Возраст... место рождения... место жительства...

— Тридцать один год... Родился в Хартфорде, штат Коннектикут. Живу в Нью-Йорке на Сорок девятой ист-стрит, 280.

— Чем занимаетесь?

Я запнулся, вспомнив свое обещание миссис Вииринг.

“Интересно,— подумал я,— можно ли рассчитывать на молчание полиции?”

— Владелец фирмы по связям с общественностью. Моя контора расположена на Пятьдесят пятой ист-стрит, 60.

— Давно знакомы с покойной?

— Нет. Всего примерно восемнадцать часов.

— На этом все.

Я уже собрался уходить, как вдруг полицейский остановил меня.

— Постойте, совершенно забыл спросить: вы не заметили ничего необычного во время несчастного случая?

— Нет, не заметил.

— Постарайтесь рассказать мне своими собственными словами о том, что произошло.

Я так и сделал, причем очень быстро, и был отпущен.

Сейчас же, оглядываясь в прошлое, я удивляюсь, почему никому, включая меня, даже в голову не приходила мысль об убийстве.

2

Обед прошел в подавленной атмосфере.

Миссис Вииринг оправилась от печали по поводу потери любимой племянницы и, похоже, полностью взяла себя в руки или, по крайней мере, контролировала себя с помощью алкоголя, что в ее случае было равносильным.

Брекстону обед отнесли в комнату. Все же остальные после обеда продолжали вполголоса беседовать, стараясь не упоминать о происшедшем и просто не представляя, о чем же говорить еще.

Но вскоре мы испытали второе потрясение, когда миссис Вииринг обнаружила на спинке кресла шарф своей племянницы. Появилось ощущение, что Милдред вот-вот заявится специально за ним.

Первоначально планировалось после обеда пойти всем на коктейль в клуб “Мейдстоун”, но в последнюю минуту миссис Вииринг отказалась от приглашения. Так что и танцы были под вопросом. Однако я решил, что обязательно вырвусь, независимо от того, пойдут ли другие. Наоборот, я даже был уверен, что они не пойдут, а для общения с Лиз мне никто и не был нужен.

Скрывшись с миссис Вииринг в алькове, я быстро переговорил с нею. Все остальные в это время бесцельно болтались по дому и по пляжу, совершенно не зная, как вести себя при сложившихся обстоятельствах. Все боялись подходить к воде, в том числе и я. Океан-убийца сиял синевой под ярким солнцем.

— Как вы считаете, это не сможет повредить моим планам? — спросила миссис Вииринг, бросив на меня проницательный взгляд.

— Какие планы?

— По организации приема. Какие же еще? Этот несчастный случай тоже сыграет рекламную роль, но не такая известность мне нужна...

Наконец-то я начал понимать, что она имеет в виду.

— Есть пословица...

— "Любая известность всегда на руку",— выпалила она.— В жизни, однако, все совсем не так. Получите не ту известность, что надо, и вас покинут абсолютно все.

— Не понимаю, каким образом известие о том, что кто-то из ваших гостей совершенно случайно утонул, может сказаться на вас?

— Если дело только в этом, конечно, это никак не скажется.— Она многозначительно замолчала. Я спокойно ждал продолжения. Она решила подойти к этому же вопросу с другой стороны.— Когда заявятся представители прессы, я хочу, чтобы вы выступали от моего имени. Они уже, наверное, по дороге сюда. Только не вздумайте проболтаться и рассказать о том, ради какой цели я пригласила вас сюда. Просто говорите, что вы — один из гостей, что я расстроена случившимся... а это на самом деле так... и поручила вам говорить от моего имени.

— И что же я скажу?

— Да ничего.— Она улыбнулась.— Что вы можете сказать? Что Милдред — моя племянница, которую я очень любила, что она была больна (думаю, вам стоит даже обратить на это внимание) и поэтому не смогла справиться с волнами.

— Они отвезли ее в морг, да?

Я видел, как доктор и Брекстон внесли тело утопленницы в дом, но что произошло с ним потом, мне было неизвестно.

— Не знаю. Доктор куда-то увез ее в карете скорой помощи. Я уже отдала необходимые распоряжения похоронной конторе. Она находится в постоянном контакте с доктором, одним из моих старейших друзей.— И она многозначительно замолчала, перебирая бумаги на своем столе.

Я просто поражался быстрой смене ее настроения, приписывая это ее странным привычкам. Большинство известных мне алкоголиков были такими же — общительными, добрыми, эмоциональными людьми, довольно безответственными и совершенно непредсказуемыми. За обедом я сидел рядом с ней, и то, что мне казалось бокалом с охлажденной водой, при ближайшем исследовании оказалось джином. К концу обеда бокал был пуст.

— Я буду вам очень благодарна, Питер,— наконец заговорила она,— если никому не будет известно о... недоразумении, происшедшем накануне вечером.

— Вы имеете в виду крики?

Она кивнула:

— Если в обществе сложится... ну, скажем, неправильное представление об отношениях между Брекстоном и Милдред, это может нанести мне немалый вред. Он был привязан к ней и во время того ужасного срыва был с нею. Я не хочу, чтобы из-за этого возникли какие-нибудь слухи.

— Значит, вы не исключаете такой возможности, но ведь бедная женщина просто купалась и утонула. Мы все видели, как это произошло. Вот и все.

— Все это, конечно, так, но вы прекрасно знаете, что такое пересуды. Я не хочу, чтобы какие-нибудь газетчики, эти мерзкие бумагомаратели, начали делать различные предположения.

— Я прослежу за этим,— чрезвычайно самоуверенно изрек я, хотя при сложившихся обстоятельствах такой уверенности у меня просто не могло быть.

— Вот почему я и хочу, чтобы вы выступали перед прессой от моего имени. Кроме того,— она запнулась,— постарайтесь, чтобы и другие держались подальше от этих писак.

Я был удивлен этой просьбой.

— Но почему? Какая разница? Мы все видели одно и то же, и полиция сняла у нас показания.

— Полиция будет молчать. Поэтому делайте, как я вас прошу, и я буду вам очень благодарна.

Я пожал плечами:

— Конечно, если я смогу, я сделаю все, что в моих силах, но кто может помешать кому-нибудь из ваших гостей переговорить с журналистом?

— Вы, я надеюсь.— Она сменила тему разговора.— У меня была приятная беседа с Альмой Эддердейл, которая попросила напомнить вам о себе. Сегодня утром она остановилась в “Си-Спрей”.

— Прекрасно.

— Я думала, она навестит нас завтра утром, но после... Короче, я не знаю, как вести себя.

— Как обычно. Это ужасное несчастье, но...

— Но она была моей племянницей, очень близким мне человеком, а не простой гостьей.— Я понял, что лучше всего молчать.— Может, стоит кого-нибудь пригласить? Просто друзей семьи. Мне кажется, это будет кстати.

— У меня есть приглашение на сегодняшние танцы в яхт-клубе,— смело вставил я.— Так вот, я думаю, если вы не собираетесь идти, может быть, я смогу сегодня вечером...

— Конечно, конечно, о чем разговор. Но, пожалуйста, очень прошу вас, никому ничего не рассказывайте о происшедшем. Я, к сожалению, с вами пойти не смогу, да и остальные, думаю, тоже, потому что все они были в той или иной степени привязаны к Милдред. У вас же нет причин сидеть здесь.

И с чувством слуги, которому дали выходной на вторую половину четверга, я удалился. Сама же миссис Вииринг прошла в свою спальню и наверняка осушила целый кувшин напитка, отгоняющего всякие тревоги.

Час спустя я сидел в гостиной. Ко мне приблизился дворецкий с молодым человеком, у которого совершенно не было подбородка. Тот представился корреспондентом “Ньюс сервисиз”.

Я величественным жестом указал ему на кресло напротив.

— Я хотел бы переговорить с миссис Розой Клейтон Вииринг и мистером Полом Брекстоном,— аденоидным голосом жестко выговорил газетный ястреб.

— Вам придется удовлетвориться мною.

— Я пришел переговорить с миссис Розой...

— А придется говорить со мной,— еще более резко сказал я.— Я выступаю от имени миссис Вииринг.

— А кто вы такой?

— Питер Катлер Сарджент Второй.

Он медленно записал все это, как будто стенографически, хотя на самом деле, я это заметил, небрежно-искаженной формой обычного письма.

— И все же я хотел бы... - тупо продолжал он, но я резко прервал его.

— Так дело не пойдет, молодой человек. Или вы будете говорить со мной, или убирайтесь отсюда.

Мои слова произвели на него впечатление.

— Ну, хорошо, сэр. Я был в полиции. Там мне сказали, что сегодня утром в шесть минут двенадцатого утонула миссис Брекстон. Верно?

Я подтвердил его слова и выпалил все известные факты. Он их тщательно записал.

— А теперь я хотел бы подойти к этому вопросу с психологической точки зрения,— произнес он тоном человека, недавно закончившего журналистскую школу, причем с плохими отметками.

— Вы и так получили массу информации. Брекстон — известный художник. Миссис Вииринг — общественная деятельница. Побывайте в морге, и у вас будет вполне достаточно материала для хорошего сообщения.

Он подозрительно посмотрел на меня:

— А вы случайно не работаете в газете?

Я покачал головой:

— Как-то я видел фильм под названием “На первой странице”, так что мне о вас, ребята, все известно.

Он с явным отвращением взглянул на меня:

— Я хотел бы переговорить с миссис Вииринг просто, чтобы...

— Миссис Вииринг — кавычки — убита горем. Кавычки закрыть. Пол Брекстон,— кавычки — известный современный художник, отказывается делать какие-нибудь сообщения и не выходит из своей комнаты. Кавычки закрыть. Вот и весь ваш рассказ.

— От вас мало помощи.

— Лучше такая, чем никакая. Если б не я, вам бы не с кем было разговаривать.

Я с тревогой оглянулся по сторонам, в душе надеясь, что никого из гостей миссис Вииринг поблизости нет. К счастью, так и оказалось.

— Я слышал, что собираются делать вскрытие тела миссис Брекстон. В связи с этим я хотел бы знать...

— Вскрытие?

Это показалось мне странным.

— Вот именно. Насколько мне известно, оно уже производится. В связи с этим я хотел бы знать, нет ли какого-нибудь намека...

— На убийство? Нет, что вы. Мы все видели, как она утонула. Сама утонула, а не кто-то помог ей в этом. У нее недавно был нервный срыв. Нет никаких сомнений в том, что это как-то связано с ее смертью.

При этих словах он прямо-таки расцвел.

Я даже представил себе заголовки газет: “Светская дама в состоянии стресса встречает смерть в водах Истхэмптона”.

Ну что ж, я следовал данным мне указаниям.

Наконец мне удалось избавиться от настырного журналиста и я попросил дворецкого от имени миссис Вииринг направлять всех газетчиков сперва ко мне. Похоже, он все прекрасно понял.

Скучая и размышляя, чем бы еще заняться, я вышел на террасу и уселся в плетеное кресло, повернув его к морю. По берегу в одиночестве бродила Элли Клейпул. Хмурясь, она подбирала ракушки, камушки, остатки водорослей и бросала их в волны, как бы совершая жертвоприношение. Ее изящная фигура вырисовывалась на фоне синих волн.

Я взял журнал “Тайм”. “Интересно, что еще нового выкинула вашингтонская ”команда"?" — и погрузился в сообщения об успехах президента в игре в гольф на прошлом месяце в Бёрнинг-Три. Дойдя почти до середины статьи, я вдруг услышал за спиной голоса.

Я оглянулся и понял, что они доносятся из окна слева от меня. Явно из спальни Брекстона. Я вспомнил, что только его комната располагалась внизу. Разговаривали двое мужчин. Брекстон и Клейпул. Я сразу же узнал их по голосам.

— Это ты ее прикончил. Тебе прекрасно было известно, что у нее совершенно нет сил,— обвиняющим тоном произнес Клейпул.

Брекстон что-то устало ему ответил. Его голос донесся как бы издалека.

Я с интересом прислушался. Газета выпала у меня из рук.

— Брось, Флетчер, замолчи. Ты просто не знаешь, о чем говоришь. Тебе ничего об этом неизвестно.

— Я знаю. Она мне все рассказала. Она сказала, что...

— Флетчер, за последние несколько месяцев она практически выжила из ума, и тебе это прекрасно известно, не хуже меня... даже лучше, потому что отчасти ты сам в этом виноват.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что сказал. В особенности после Бермуд.

Последовала длительная пауза. Я даже подумал, что они вышли из комнаты.

Затем вновь раздался голос Клейпула.

— Ты только подумай,— медленно заговорил он,— она же никогда не была счастлива с тобой. Никогда! Твой чертовский эгоизм погубил ее. Да, да, именно погубил.

— Слушай, тебе не удастся приписать ее смерть моему эгоизму...

— А я и не приписываю. Даже не собираюсь этого делать.

Холодная дрожь пробежала у меня по спине.

— Запомни, есть такое понятие, как клевета.— Голос Брекстона звучал жестко.— Не забывай об этом!

— Я это знаю. Тем не менее я собираюсь в суде рассказать обо всем. Ты, видимо, считал, что я буду бояться последствий. Так вот, я их не боюсь. Я сделаю то, что обещаю, и всем станет все известно.

— В суде? — рассмеялся Брекстон.— А почему ты думаешь, что будет суд?

— Потому что я собираюсь заявить в полиции, что ты убил ее.

— Ты выжил из ума, Флетчер. Ты же сам все видел. Как я мог убить ее, даже если б захотел.

— Мне кажется, я знаю. Как бы то ни было, я буду свидетельствовать против тебя.

— Ты забываешь о том, что там также был молодой человек, приглашенный сюда Розой. Еще неизвестно, что он скажет.

— Все равно. Я был ближе и видел...

— Ничего ты не видел. Убирайся.

— Я предупредил тебя.

— Тогда позволь мне, Флетчер, тоже предостеречь тебя. Если ты начнешь рассказывать о своих диких выдумках, если ты попытаешься приписать этот несчастный случай мне, то я вынужден буду втянуть в это Элли.

Больше ничего я расслышать не смог. Появился дворецкий. Он сообщил, что меня желает видеть представитель местной газеты. Проклиная все на свете, сбитый с толку и озадаченный тем, что мне удалось услышать, я вышел в гостиную и в очередной раз произнес свой накатанный текст по поводу случайной смерти Милдред Брекстон. Правда, на сей раз я совершенно не был уверен в том, что смерть ее была случайной.

3

Непонятно по какой причине, но газеты учуяли скандальную сенсацию задолго до нас и даже до полиции. Видимо, все дело было в именах. Хозяйка — известная светская дама миссис Вииринг, один из гостей — популярный художник Пол Брекстон. История сразу же приобретала иное звучание.

Весь остаток дня я провел за телефоном, отвечая на многочисленные звонки и давая интервью. Миссис Вииринг на глаза не показывалась. Немало беспокойства вызвала у меня Мэри Уэстерн Ланг, которой удалось перехватить корреспондента и дать интервью в качестве очевидца происшедшего.

— Так что, вы видите,— закончила она, обращаясь к газетчику, который с ужасом взирал на нее,— что при жизни мы никогда не знаем, когда и где смерть ожидает нас. Только теперь я осознаю значение последних слов этой бедняжки. Она сказала, обращаясь ко мне:"Надеюсь, что вода теплая". *Подумайте* только, какой смысл заключался в этой фразе. В особенности после того, как мы поняли, что она намеревалась сделать.

— Вы хотите сказать, что миссис Брекстон покончила с собой?

Представитель четвертой власти штата при этих словах просто стал пускать слюни.

Я немедленно вмешался, подтолкнув его к двери.

— Конечно, нет,— быстро произнес я.— Нет никаких фактов, свидетельствующих об этом, и, кроме того, в то утро она была необычайно жизнерадостной...

— И я вышлю вам экземпляр “Разговора о книгах”, последнее издание,— крикнула мисс Ланг в спину удаляющегося интервьюера.

Я приказал дворецкому больше никого не впускать, а затем повернулся к мисс Ланг.

— Вам же известно, что миссис Вииринг попросила меня выступать перед прессой от ее имени, специально, чтобы не было никаких слухов. А теперь вы вмешиваетесь и пытаетесь вбить им в головы, что Милдред якобы намеревалась покончить жизнь самоубийством.

— Она это и сделала.

Мисс Ланг многозначительно мне улыбнулась, подняв глаза над ожерельем своих подбородков.

— Почему вы так думаете?

— Она была великолепной спортсменкой, прекрасной пловчихой. Она утонула намеренно.

— На виду у всех? Да? Отчаянно пытаясь выплыть? Не может быть, я же сам видел, как она старалась привлечь наше внимание.

Мисс Ланг пожала плечами:

— В самую последнюю минуту она могла передумать... Если б это было не так, она бы не утонула, что бы вы ни говорили.

— Как человек, бывший от нее всего в нескольких футах, я заявляю, что она делала все, что в ее силах, чтобы остаться в этой долине слез.

— Какая удачная фраза! Действительно, долина слез!

— Вы и полиции заявили, что она утонула намеренно? — произнес я гневно.

— Конечно,— промурлыкала мисс Ланг.— Мой долг, как гражданки и подруги бедной Милдред, говорить только правду.

Теперь понятно, почему решили сразу же провести вскрытие.

— Хотелось бы надеяться, что вы поступили правильно.

— Я в этом уверена. Кстати, вам не показалось знакомым лицо этого журналиста? Ужасно знакомым.

Телефонный звонок прервал этот милый разговор. Я подошел к аппарату в холле. Звонила Лиз.

— Питер?

— Да. Лиз?

— Что у вас к черту там происходит? С тобой ничего не случилось?

— Ничего.

— Ты только б слышал, что здесь говорят. А кстати, что произошло?

— Одна из гостей — Милдред Брекстон — сегодня утром утонула.

— Боже, какой ужас! Надо же, в самый уик-энд!

Мне эта фраза показалась странной, не к месту, но я никак не отреагировал на нее.

— Здесь настоящий дурдом,— сказал я.

— Это жена художника, да?

Когда я подтвердил это, Лиз с такой силой засвистела в трубку, что у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. Люди, подобные Брекстону,— хрупкое основание, на них покоится мировая мода.

— Это вызовет сенсацию!

— Пожалуй, ты права, но как бы то ни было я сегодня вечером приду на танцы. Все остальные сидят дома, так что я буду один.

— Прекрасно! На входе я оставлю для тебя приглашение. Потрясающие вещи происходят, правда?

— Можно выразиться и так. Ну, до встречи.

Только я повесил трубку, как появилась миссис Вииринг. Она медленно скользила по лестнице с улыбкой жрицы и была в стельку пьяна.

— А-а, это вы, Питер.— По непонятной причине ее обыкновенно мощный голос звучал тихо, даже приглушенно, как в храме.— Насколько я понимаю, нас осаждали сотрудники прессы.

— Всего лишь несколько человек. Не больше, чем при побеге из тюрьмы.

Миссис Вииринг, заметив присутствие в гостиной Мэри Уэстерн Ланг, жестом показала мне в сторону веранды, где мы могли спокойно поговорить вдвоем.

Пляж казался пустынным и даже каким-то загадочным в лучах заходящего солнца.

— Как вы считаете, может, мне стоит дать интервью Чолли Никербокер или кому-нибудь еще? — Она вопросительно посмотрела на меня. Лицо ее было очень красным. Я еще подумал — от высокого давления это или от алкоголя?

— А к вам уже обращались с этой просьбой?

— Пока еще нет, но я уверена, что это произойдет. Мы вызвали к себе, того не желая, необычайный интерес.

— Думаю, в этом нет ничего плохого. Я бы даже сказал, что разговор с Никербокер даст вам нужную рекламу.

— Я тоже так думаю, но опасаюсь, что люди будут считать меня бессердечной за то, что я собираюсь дать прием буквально через несколько дней после смерти племянницы.

— Я так не думаю,— успокаивающим тоном произнес я. Я уже надеялся провести неделю-две в Истхэмптоне и хорошо отдохнуть, не говоря уже о заработке. Позволить миссис Вииринг отказаться от приема на этой стадии игры было не в моих интересах.— Все всё прекрасно поймут. Кроме того, реклама тоже сыграет свою роль.

— Бедняжка Милдред.— У миссис Вииринг резко сменилось настроение, что я замечал и раньше. Из спокойной разумной матроны она вдруг превратилась в Ниобу[1], оплакивающую своих чад, как будто она их тех людей, которые рыдают над своими детьми. Это действовало на нервы. Затем так же неожиданно слезы прекратились. Миссис Вииринг вытерла глаза, высморкалась и своим обычным тоном произнесла: — Думаю, вы абсолютно правы. В понедельник я разошлю приглашения. Будь что будет.

Снова подумав о смерти ее племянницы, я схватил ее за руку, когда она собиралась войти в дом.

— Что такое? — спросила она, задержавшись в дверях.

— Ваша знакомая, мисс Ланг, заявила полиции, что миссис Брекстон, по ее мнению, утонула намеренно.

---

[1] В греческой мифологии супруга фиванского царя Амфиона. Гордясь своим многочисленным потомством, она оскорбила богиню Лето (Латону). За это дети Латоны — Аполлон и Артемида — стрелами из лука убили всех детей Ниобы, а сама она окаменела от горя.

— О нет! — Казалось, это известие просто выбило миссис Вииринг из колеи.— Она этого не говорила! Не могла сказать!

— Смогла и сказала. Я это выяснил, когда совсем недавно она перехватила одного из газетчиков.

Щеки у миссис Вииринг вспыхнули алкогольным румянцем. Лоб ее покрылся красными и белыми пятнами.

— Как она посмела?

Она едва держалась на ногах.

— Я не думаю, что это принесет много вреда,— попытался я успокоить ее.— Никто не в состоянии этого доказать, если она, конечно, не оставила никакой записки.

— Но чтобы люди говорили, что... бедная Милдред... о, это просто ужасно!

И миссис Вииринг, не говоря больше ни слова, ринулась прямо в гостиную к мисс Ланг. Я поднялся наверх, чтобы переодеться к обеду.

4

Лучшие мысли у меня рождаются всегда в ванне, сидя в которой я ощущаю себя хозяином вселенной.

Я вполз в старомодную ванну — огромное фарфоровое сооружение, напоминающее собой грандиозное римское надгробие,— и серьезно задумался над тем, что произошло, и над тайной, витающей в воздухе.

Так и хочется сказать, что даже тогда я знал ответ на эту головоломку, но честность вынуждает меня признаться, что я запутался в своих расчетах. Обращая взгляд в прошлое, я могу выразить свои представления следующим образом: у Милдред Брекстон произошел нервный срыв по неизвестным причинам (если таковые имелись); существовала какая-то связь между нею и Клейпулом, причем Брекстон знал об этом и питал к этому отвращение; некоторые обстоятельства указывали на то, что Брекстон желал бы видеть свою жену мертвой, например, синяк на ее шее. Видимо, он ее недавно избил. Правда, родственные отношения, представлявшие собой запутанный клубок, меня не касались.

Выходит, действительно существовала возможность того, что смерть Милдред была не случайной. Это меня крайне заинтриговало.

Вообще-то по природе я любопытен.

Но, кроме того, я понимал, что, если на самом деле произошло что-то загадочное, я смогу обеспечить себе лучшие колонки нью-йоркских газет. А это триумф! Причем не только мой, но и "Нью-Йорк глоуб", моей прежней газеты.

Взвесив все, я решил провести свое собственное расследование. Справедливость как таковая меня совершенно не волновала, но чувства (таинственность, опасность, возбуждение), которые испытываешь, когда идешь по следам убийцы, заслуживали того, чтобы я в это дело вмешался. Это значительно интереснее, чем охота на диких животных, и намного выгоднее... если, конечно, сам не получишь пулю в лоб.

Я решил к концу недели все выяснить, что мне почти удалось.

Переодевшись, я спустился вниз.

Наша доблестная компания уже собралась в гостиной и попивала джин.

К моему удивлению, Брекстон тоже пришел. Он был спокоен и, как накануне вечером, делал мартини. Точнее, он стал делать его, когда я присоединился ко всем остальным.

Каждый из нас разыгрывал кладбищенскую печаль. Уныние, как грозовое облако, висело в воздухе. Я пробрался сквозь него, к бару, у которого в одиночестве стоял Брекстон. Звуки шейкера в его руке были единственным шумом, производимым в комнате. Все гости старательно избегали смотреть друг на друга.

— Чем могу быть полезен? — кажется, таковы были первые слова, произнесенные несчастным мужем, когда я подошел к нему. Сперва мне даже показалось, что ничего не изменилось — он говорил точно таким же тоном, как и накануне вечером.

— Мартини,— произнес я, уверенный, что сейчас увижу, как его жена перебирает книги по искусству на столике напротив. Однако сегодня ее отсутствие было более заметным, чем ее присутствие накануне вечером.

Твердой рукой он налил мне бокал мартини.

— Я должен поблагодарить вас,— произнес он тихим голосом,— за то, что вы взяли прессу на себя.

— Я сделал это с удовольствием.

— Я был просто не в состоянии разговаривать. Они были очень навязчивы?

— Да нет.— Я покачал головой.— Самые обычные вопросы.

— Надеюсь, никаких разговоров о самоубийстве не было?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Нет, об этом не упоминалось. Они вполне удовлетворились тем, что это несчастный случай.

Я помолчал, а потом решил сообщить ему о промахе мисс Ланг.

Он лишь печально кивал головой, когда я ему рассказал о том, что она заявила полиции.

— Мне это уже известно,— произнес он спокойно.— Они меня спрашивали об этом, и я сказал, что серьезно сомневаюсь в том, будто у Милдред было намерение покончить с собой. Это же глупо, разве не так? Утонуть на глазах у нескольких человек, часть из которых прекрасные пловцы.

Я был удивлен, с каким равнодушием произносились эти слова. Если он действительно был потрясен ее смертью, то никак этого не показывал. Несколько сбитый с толку, я присоединился к остальным, сидевшим у камина.

За обедом было достаточно тоскливо. Поскольку Брекстон был с нами, мы не знали, о чем говорить. Все думали об одном, но говорить о Милдред в присутствии ее мужа было бы бестактно. Он, безусловно, чувствовал себя менее скованно, чем все остальные.

Интересно отметить, как разные люди реагировали на ситуацию.

Мэри Уэстерн Ланг старалась казаться веселой, без конца говорила о своей книге, очень долго рассказывала о визите, который она однажды нанесла Фрэнсис Карпин Лок, известной писательнице, проживавшей в Новом Орлеане.

— Атмосфера любезности! А какой у нее был стол! А какие блюда она предлагала даже самым скромным из гостей!

За этим последовал критический анализ и сравнение ее последних работ с творчеством другой известной писательницы, Тейлор Калдуэлл. Как я понял, они достойные соперницы. Иначе говоря, идут нога в ногу.

Миссис Вииринг поделилась местными сплетнями: кто бросил мужа, кто выходит замуж и тому подобное. Именно такие темы после обсуждения проблем детей и слуг составляют основную часть разговоров жителей Истхэмптона.

Флетчер Клейпул не произнес ни слова. Он был бледен, весь в каком-то напряжении. Я прекрасно видел, что его сестра встревожена. Она внимательно следила за ним на протяжении всего обеда и, хотя была вовлечена вместе со мной и Брекстоном в разговор о живописи, ни разу не отвела взгляда от своего брата.

Непонятно, по какой причине (это совсем не соответствовало ситуации) миссис Вииринг отказалась от игры в бридж. По-моему, для такой мрачной компании нельзя было придумать более интересного развлечения. Я стал рассматривать часы на камине, решив, что ровно в десять попрошу прощения, откланяюсь, поднимусь наверх, переоденусь, выберусь из дома через черный ход и по пляжу пойду к клубу, где меня будет ждать Лиз и ночное сексуальное блаженство, как выразилась бы Мэри К.Стоупс.

Однако мое сексуальное блаженство было отложено из-за внезапного появления полиции.

Дворецкий, немного выбитый из колеи, ввел в гостиную неряшливого маленького человечка, инспектора Гривза, и двоих мужчин в штатском.

Мы застыли в напряжении.

— Миссис Вииринг? — произнес Гривз, глядя на мисс Ланг.

— Я — Роза Клейтон Вииринг,— заявила хозяйка, поднявшись с кресла.

Она пересекла комнату потрясающе твердой походкой, а я ведь видел, сколько она выпила за этот вечер: она была не просто пьяна, она была налита спиртным под завязку.

— Я — инспектор Гривз, мадам. Отдел расследования уголовных преступлений.

Мисс Ланг непроизвольно пискнула. От этого мышиного звука мы все невольно вздрогнули. Я бросил взгляд на Брекстона и заметил, как он спокойно закрыл глаза.

— Пожалуйста, сюда, мистер Грейвз.

— Гривз.

Он прошел следом за нею в альков. Его коллеги удалились в холл. Гости, включая меня самого, сидели ошеломленным кругом. Никто не произнес ни слова. Клейпул налил себе выпить. Мисс Ланг выглядела так, будто задыхалась. Элли, как обычно, не спускала глаз с брата. Брекстон продолжал неподвижно сидеть на стуле. Лицо его ничего не выражало, глаза были закрыты.

Из алькова доносилось неясное бормотание. Я отчетливо различал .голоса: недовольный, эмоциональный — миссис Вииринг, и неумолимый — инспектора. О чем, однако, они говорили, слышно не было. Вскоре, впрочем, все прояснилось.

Миссис Вииринг с красным от гнева лицом появилась в дверях алькова в сопровождении полицейского, выглядевшего несколько смущенно.

— Мистер Грейвз желает кое-что сказать нам... кое-что настолько странное, что...

— Гривз, мадам,— перебил он с приятной улыбкой.— Пожалуйста, садитесь.

И она покорно опустилась в кресло, на которое он указал.

Полицейский инспектор задумчиво посмотрел на нас.

Это был невысокий человечек с волосами песочного цвета, покрасневшими глазами и бледным, как бы загримированным лицом. Складывалось впечатление, что он страдал хронической бессонницей. Тем не менее он прекрасно владел ситуацией.

— Мне ужасно неприятно, что я вторгаюсь в ваше общество,— извиняющимся тоном произнес он.— У меня вот здесь список имен, и я хотел бы, чтобы при его чтении каждый из вас поднимался при упоминании его имени.

Он быстро прочитал фамилии. Мы все представились,причем мисс Ланг вновь удивила нас своим придавленным мышиным писком.

— Огромное спасибо,— сказал он, закончив чтение списка.

Инспектор старался не задерживать взгляд на наших лицах. Почти все время он смотрел в сторону двери холла.

— Больше я не буду держать вас в неведении. Существует вероятность, что сегодня утром миссис Брекстон не утонула, а была убита.

Ни одного звука не раздалось при этом сообщении. Мы были так ошарашены, что в немом молчании взирали на него.

Гривз был разочарован. Похоже он ожидал иного эффекта — вскакиваний, восклицаний, но в любом случае не мертвого молчания. Эта банда оказалась более тертой, нежели думал он или я. Я быстро взглянул на лица, но ничего особенного не увидел, за исключением повышенного интереса.

Когда напряжение ослабло, он спокойно продолжал:

— Мы, конечно, не уверены в этом. Странное это дело. Вскрытие, произведенное сегодня днем, показало, что смерть покойной действительно наступила в результате асфиксии. У нее не было ни сердечного приступа, ни каких-то других физических недомоганий. Все ее внутренние органы были здоровыми, в полном порядке. Она находилась в отличной спортивной форме...

— Как же тогда она могла утонуть, если была первоклассной пловчихой? — раздался напряженный голос Клейпула.

Гривз с нескрываемым интересом посмотрел на него:

— Вот именно поэтому мы здесь, мистер Клейпул. Странно, что она утонула так быстро, в такой близости от берега и от троих мужчин, пытающихся ее спасти...

— Если, конечно, она сама этого не хотела,— самоуверенно заявила мисс Ланг. Она явно начинала приходить в норму.

— Возможно... хотя надеюсь, это только возможность. Нам бы хотелось, чтобы было иное. В противном случае, боюсь, нам придется рассматривать это как убийство, совершенное неизвестным лицом или лицами.

Вот, значит, как обстояло дело. Миссис Вииринг первая кинулась в бой.

— Мистер Гривз, это только ваше предположение, причем чрезвычайно смелое. Однако, что бы вы ни думали, нет фактов, свидетельствующих о том, что моя племянница задумала покончить жизнь самоубийством или что ее просто убили. В последнее время в результате нервного срыва она была в очень подавленном состоянии. Уверяю вас, при таком настроении она вполне, буквально за несколько минут, могла потерять голову и решить покончить жизнь самоубийством.

Меня поразила резкость тона миссис Вииринг. Она окончательно протрезвела, и ее обычная болтовня уступила место железной логике и злости.

— Неплохо, неплохо.— Гривз одобрительно кивнул головой, как будто это отвечала его любимая ученица.— Мы тоже сперва так думали, когда сегодня утром нам сообщили о ее смерти. Почти ежедневно что-нибудь подобное происходит в этом районе. Утопленники — дело обычное. К несчастью, вскрытие показало нечто странное. Похоже на то, что перед тем как идти купаться, сразу же после завтрака, миссис Брекстон приняла довольно большую дозу снотворного... а может быть, кто-то дал ей его.

На этот раз тишина была полной. Никто не произнес ни слова. Миссис Вииринг открыла рот, видимо, чтобы что-то сказать, затем вновь закрыла его, напоминая макрель на сухом берегу.

— С разрешения миссис Вииринг, я собираюсь обыскать дом, чтобы найти это снотворное.

Наша хозяйка только кивнула головой, слишком ошеломленная, чтобы произнести хоть слово.

Гривз приоткрыл дверь в холл и сказал:

— Начинайте, ребята.

Полицейские приступили к поискам.

— Тем временем,— продолжал инспектор,— попрошу всех оставаться в этой комнате. Я побеседую с каждым в отдельности.

Он воспринял наше молчание как согласие.

К моему удивлению, инспектор обратился ко мне.

— Начнем с вас, мистер Сарджент,— сказал он.

Я последовал за ним в альков. За нашей спиной все вдруг разом заговорили, зажужжали как пчелиный рой. Даже при закрытой двери из гостиной доносились недовольные, встревоженные и обеспокоенные голоса.

Инспектор задавал мне рутинные вопросы, получая от меня такие же рутинные ответы.

Затем он перешел прямо к делу. В этот момент я еще не знал, что буду делать, и усиленно размышлял. Я опубликовал всего несколько заметок в "Нью-Йорк глоуб" с тех пор, как покинул газету, и прекрасно понимал, что на смерти Милдред Брекстон могу хорошо заработать, получая приличную сумму за каждый очерк. В то же время существовала проблема миссис Вииринг и моей лояльности к ней. Такая реклама была ей явно некстати. И я раздваивался, не зная, с какого конца начать. Отвечая на вопросы Гривза, я принял важное решение: не говорить ни слова о ссоре между Брекстоном и Клейпулом. Это, подумал я, будет моим козырем.

Кто бы мог знать, какую ошибку я совершаю!

— Так, мистер Сарджент, насколько я понял, никого из присутствующих в этом доме вы раньше не знали, правильно?

Я кивнул головой:

— Ни с кем из них не встречался до вчерашнего вечера.

— Тогда ваше мнение, как человека со стороны, будет иметь особое значение, при условии, конечно, если вы будете говорить правду.

Инспектор натянуто улыбнулся.

— Мне прекрасно известно о лжесвидетельстве,— обиженно произнес я.

— Очень рад,— спокойно сказал представитель закона.— Скажите тогда, какое у вас сложилось впечатление о миссис Брекстон при первой встрече с ней?

— Довольно приятная на вид, но неприветливая особа.

— Что-нибудь говорилось о ее нервном срыве?

Я кивнул:

— Да, упоминалось, чтобы объяснить ее несколько странный характер.

— Кто говорил вам об этом?

Инспектор точно не был тупицей, и я даже почувствовал к нему некоторое уважение. Я хорошо понимал его мысли. Это заставило меня задуматься о том, что раньше даже не приходило в голову.

— Один раз миссис Вииринг, другой — мисс Клейпул, и даже мисс Ланг, насколько помню, тоже что-то мне говорила.

— До или после... смерти?

— Думаю, что до, но я не уверен. Однако довольно быстро у меня сложилось впечатление, что миссис Брекстон не совсем в своем уме и о ней следовало бы позаботиться. Все это проявилось ночью накануне смерти, когда у нее произошла сцена с мужем.

И я рассказал ему о криках, о том, как миссис Виирингуспокаивала нас. Гривз проглотил все это без всякого комментария. Не знаю, услышал ли он от меня что-то новое или нет, но, как бы то ни было, я решил рассказать ему об этом, так как понимал, что рано или поздно он услышит это от кого-то другого. И вообще я стал рассматривать его как своего соперника.

В прошлом мне удалось, правда в основном случайно, раскрыть несколько загадочных преступлений. Эта смерть выглядела многообещающей, во всяком случае наводящей на размышления.

— А кто-нибудь видел, как она скандалила с мужем?

— Видел ли кто, не знаю, зато мы все ее слышали. Мне кажется, миссис Виирингприсутствовала при скандале, хотя я в этом не уверен. По-моему, она поднималась снизу, где расположена их спальня, когда пришла нас успокаивать.

— Понятно. Ну а теперь расскажите о том, что произошло сегодня утром.

Я изложил ему все во всех подробностях, рассказал о том, как Брекстон первым почти доплыл до жены и затем сам чуть было не утонул, как мне пришлось спасать его, а Клейпул вытащил Милдред на берег.

Он молча записал мои показания. Я видел, что его беспокоит тот же вопрос, который стал тревожить и меня: а не было ли у Брекстона возможности самому утопить свою жену, скажем, утащив ее под воду? Лично я ничего не помню, потому что волны били мне в лицо и я почти ничего не видел. Когда я подплыл, Брекстон был всего в нескольких футах от жены, которая уже наполовину захлебнулась. Не менее вероятно и то, что она могла захлебнуться окончательно, когда Клейпул тащил ее к берегу, но я ничего не сказал об этом Гривзу, да он и не спрашивал. Его только интересовало, что конкретно видел каждый из свидетелей.

Затем я не выдержал и задал вопрос:

— Скажите, а какой эффект могло оказать снотворное, которое она приняла? Это была смертельная доза?

Инспектор задумчиво посмотрел на меня, как бы размышляя, отвечать на этот вопрос или нет. Наконец он произнес:

— Нет, не смертельная. Установлено, что она приняла примерно таблетки четыре. От такого количества она бы не умерла. Правда, она должна была почувствовать слабость, опьянение, замирание сердца.

— Тогда понятно, почему она так странно плыла. Сперва я подумал, что другие просто шутят, заявляя, что она великолепная пловчиха. Она и в воду-то вошла как-то неловко, а плыла вообще еле-еле... даже я это могу утверждать, хотя и не тренер.

— Нет сомнения, она утонула он недостатка сил. У нее просто не хватило сил, чтобы держаться на воде. Вопрос, конечно, заключается в ином — почему, если снотворное она приняла сама, она отправилась купаться, вместо того чтобы лечь в постель?

— Чтобы покончить с собой?

— Вполне вероятно.

— Кроме того, нельзя исключать того, что кто-то, зная, что она собирается купаться, мог просто подложить ей снотворное, например, в кофе.

— Да, эта другая возможность.

Отношение Гривза было трудно понять.

— Но как кто-то мог быть уверенным, что именно так все произойдет? Она чувствовала себя не очень хорошо... и могла отказаться идти на пляж. Думаю, это скажут и другие. Сейчас, оглядываясь назад, я припоминаю, что был даже удивлен, когда она пошла купаться.

— Человек, давший ей снотворное, видимо, знал ее лучше вас. Очевидно, он был уверен, что она обязательно полезет в воду, невзирая на свое состояние,— произнес Гривз, одновременно продолжая делать какие-то пометки в своем блокноте.

— Но человеком, знавшим ее лучше всех, был, несомненно, ее муж.

— Я бы этого не сказал.

Гривз посмотрел мне прямо в глаза.

— Кто же тогда? Даже если б я был Брекстоном и собирался избавиться от своей жены, я не решился бы на подобное на глазах у всех.

— К счастью, вы не Брекстон.

Холодный тон, каким были произнесены эти слова, дал мне необходимый ответ. Значит, полиция все-таки подозревает Брекстона в убийстве жены. Не знаю почему, но даже тогда я подумал, что он тут ни при чем. Видимо, причина заключалась в том, что мой разум отказывался воспринимать очевидное, хотя очевидное, как утверждают многие детективы, в девяти из десяти случаев соответствует истине.

Я подбросил ему еще одну идею:

— Тогда почему, если намеревались от нее избавиться, ей не дали смертельную дозу?

— А вот это необходимо выяснить,— глубокомысленно произнес Гривз. Я ему явно надоел.

Желая хоть как-то заинтересовать его на будущее, я как бы мимоходом заметил:

— Я буду освещать происшедшее в "Нью-Йорк глоуб".

Эффект был именно такой, как я рассчитывал.

Гривз вздрогнул и поморщился.

— Насколько я помню, мистер Сарджент, вы занимаетесь связями с общественностью.

— Это так,— согласился я,— но когда-то я работал в "Глоуб". В последние годы я написал для них целую серию статей. Надеюсь, вы помните убийство сенатора Роудса пару лет тому назад...

Гривз взглянул на меня с некоторым интересом:

— Так вы *тот самый* парень? Я хорошо помню это дело.

— Я оказал, скажем так, некоторую помощь полиции.

— Я, правда, слышал несколько иное.

А вот это начинало раздражать.

— Не имеет значения, что вы слышали. Я собираюсь написать для "Глоуб" серию очерков об этом деле, в случае если действительно было убийство, в чем я очень сомневаюсь.

— Интересно.

Гривз задумчиво посмотрел на меня.

В этот момент вошел полицейский и что-то прошептал ему на ухо. Гривз кивнул. Полицейский, протянув ему платок с двумя небольшими цилиндрической формы вещицами, удалился.

— Флаконы от таблеток со снотворным?

Мои догадки оказались верными.

Он кивнул и осторожно развернул платок.

— Как профессионального журналиста и сыщика-любителя, вас, мистер Сарджент, наверняка заинтересует, где мы их нашли. Так вот, они были в двух местах — в шкатулке миссис Брекстон и в ванной комнате Флетчера Клейпула. В обоих флаконах содержится барбитурат, обнаруженный в организме миссис Брекстон. Таким образом, нам остается только выяснить, из какого флакона были взяты таблетки.

— Только и всего?

— Да, мистер Сарджент.

У меня в запасе оставался один выстрел, и я его сделал.

— Синяк на шее миссис Брекстон появился до того, как она отправилась купаться. Я заметил его еще вчера вечером во время обеда.

— Вы очень наблюдательны, мистер Сарджент. Благодарю вас.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Примерно в час ночи я вышел на лестницу, прошмыгнул через пустынную кухню и черным ходом выбрался из дому. Дежуривший полицейский сидел в плетеном кресле на углу дома и меня не заметил, поскольку смотрел совсем в другую сторону.

Пригибаясь, я побежал между дюнами, в душе кляня безоблачное небо и яркую луну, которая отбрасывала глубокие тени между дюнами и серебрила холодное море.

Я двинулся в сторону шоссе. Похоже, меня никто не заметил.

Гривз приказал всем не выходить из дому до дальнейших распоряжений. Я был в гостиной недолго. Извинившись перед остальными гостями, я поднялся к себе в комнату и приготовился к побегу, надеясь, что танцы в яхт-клубе еще не закончились.

К счастью, они еще продолжались.

Истхэмптон — странный городишко. В нем немало различных групп людей, взаимно исключающих друг друга. Летом центром местной жизни является группа старожилов, членов яхт-клуба “Лейдирок”, занимающего странное по архитектуре здание, к которому примыкает длинный пирс. Располагается клуб примерно в миле от дома миссис Вииринг, по дороге к Амангансетту.

Членами клуба были хорошо обеспеченные (но не богатые) с положением в обществе (но не"известные") представители американского среднего класса, гордившиеся древностью своих родов, восходивших, как правило, к фермерам восемнадцатого века. Имена их никому-ни о чем не говорили, но сами они считали себя основой американской пирамиды. Это убеждение зиждилось на том, что их не принимали в обществе богатых и великих мира сего, а сами они не желали признать никого, беднее и ниже себя по положению. Высочайшая степень одобрения выражалась ими словом "милый". В их обществе это слово звучало чуть ли не на каждом шагу. Боже мой, говорили они, какой это "милый" человек, чего не скажешь о других. Мир у них, естественно, делился на две половины — приятных и неприятных людей. Они были просто счастливы в своем кругу и никогда не переходили его границ.

Принадлежность к их кругу давала возможность стать членом клуба и порицать мир за присутствие в нем таких отвратных элементов, как евреи, художники, красотки и различные знаменитости. Если кому-нибудь из этих четырех групп дать хотя бы полшанса, считали они, то он уничтожит всю красоту и прелесть этого мира. К счастью, другие не замечают их присутствия, в противном случае в этом разделенном мире всегда бы царила беда.

Вот почему художники и подобные им проживали в южной части городка, в то время как их "милые" соседи самодовольно укрепились в огромных домах и небольших коттеджах вокруг "Лейдирока". Они посещали театр Джона Дроу, давали друг другу приемы, на которых, по крайней мере, половина гостей упивалась в доску, а вторая половина обижалась насмерть, они обменивались между собой мужьями и женами, а дети их в новеньких автомобилях носились по всему побережью — от Хэмптона до Хэмптона[1], обнимаясь друг с другом и временами делая остановки у телефонных будок. Типичное курортное общество, причем довольно приятное.

---

[1] Имеются в виду небольшие города Саутхэмптон и Истхэмптон.

Здание клуба было освещено японскими фонариками. Играл хороший ансамбль. Университетские парочки толпились у перил неосвещенного пирса, уходившего далеко в море. После небольшой заминки у входа, вызванной поиском моего приглашения, меня допустили до общества “милых” людей, которые делились на хорошо одетых, откормленных стариков и золотую молодежь, прибывшую на летние каникулы.

Людям среднего возраста, таким, как я, приходилось немало работать, чтобы накопить денег для покупки здесь летнего домика и для вступления, как правило в возрасте близком к сорока, в яхт-клуб “Лейдирок”.

Я направился в бар и заказал “манхэттен”. Там меня и высмотрела Лиз.

Она была просто великолепна — в черно-белом платье, с ярким украшением в волосах. По блеску ее глаз я понял, что она уже чуть-чуть поднабралась.

— Прекрасно! Тебе удалось сбежать! А я опасалась, что ты там так и застрянешь! — Она со вздохом посмотрела на мой бокал.— Пошли потанцуем.

— Чуть позже, когда я допью.

— Ну хорошо, тогда пошли на пирс. Я очень хочу с тобой поговорить.

Мы медленно двинулись к выходу из зала среди танцующих пар. Молодые и старые козлы старались как бы нечаянно прикоснуться к Лиз, явно бывшей царицей бала. По пути мне встретилось несколько старых школьных друзей, лысых и полных, не членов клуба, а таких же гостей, как и я, и с полдюжины знакомых женщин, которые явно не понравились Лиз.

— А ты ловелас,— произнесла она, как только мы оказались на пирсе.

Луна стояла прямо над нами. Дальше по пирсу располагались влюбленные парочки. Какие-то пьяные весело шатались по дощатому настилу, отделявшему пирс от клуба.

— Я уже давно тебя жду.

Лиз не скрывала своей заинтересованности в том, что произошло в “Норт-Дюнз”. Она считала, что это убийство.

— Об этом говорит весь город! — в восхищении воскликнула она.— Все уверены, что ее утопил Брекстон.

— Интересно, кто распустил эти слухи? — уклончиво заметил я.

— О, ты же все знаешь, и только делаешь вид...— Она посмотрела на меня укоряющим взглядом.— Я обещаю, что никому не скажу ни слова.

— Даешь слово, как юный гайд[1]?

— О, Питер, ну расскажи! Ты же там был и видел, как все произошло, разве не так?

— Видеть-то видел, это верно.— Я поставил пустой бокал на перила и обнял ее одной рукой, но Лиз выскользнула.

— Ты должен рассказать, *должен*,— настаивала она.

— Разве я тебе не нравлюсь?

— Как ты знаешь, мужчины не нравятся женщинам,— высокомерно бросила Лиз.— Мы заинтересованы только в создании семьи, а кроме того, наш сексуальный инстинкт полностью раскрывается только к тридцати годам. Я слишком молода, чтобы что-то особо чувствовать.

— А я слишком стар. Мужчина, как вам известно, достигает своего пика к шестнадцати годам, после чего он неуклонно скатывается к старческому маразму. Я давно уже не в расцвете... В сексуальном плане я способен лишь на немногое...

— О, Питер, замолчи или я закричу!

Ее слова положили конец нашему раскованному диалогу. Еще совсем недавно между нами, казалось, установилось достаточно хорошее взаимопонимание, и в своем поведении мы ничем особенным не отличались от большинства парочек. Я уже был готов перейти от слов к делу, не доводя, правда, до полной оккупации, но, к сожалению, моя напарница, более заинтересованная убийством, нежели чем-то иным, характерным для любой здоровой девицы, стала кричать.

— Ради бога, заткнись,— недовольно бросил я.

К счастью, у пирса остались только алкоголики. При ее визге какая-то троица (по виду — банковские служащие) стала аплодировать. Разбредшаяся дальше по пирсу молодежь была слишком занята собой, чтобы обращать на что-то внимание.

---

[1] Бойскауты, гёрл-гайды — молодежные организации в США.

— Так ты не расскажешь мне?

Лиз глубоко вдохнула воздух, готовая завизжать во весь голос.

— Рассказывать-то в общем нечего. Миссис Брекстон приняла четыре таблетки снотворного, затем пошла купаться и утонула, прежде чем мы смогли спасти ее.

— Но почему она приняла снотворное?

— А вот это вопрос, который висит над нашими головами как Фемистоклов меч.

— Дамоклов,— поправила меня эта специалистка по античности.— А кто ей дал эти таблетки?

— Бог его знает.

— Неужели она сама их приняла?

— Лично я думаю так, однако полиция полагает иначе.

— А может быть, Пол Брекстон дал ей эти таблетки?

— Это мог быть и кто-нибудь другой. Вот только я не понимаю, почему именно четыре таблетки. Это же не смертельная доза. Я уверен, если бы кто-то действительно хотел от нее избавиться, он дал бы ей соответствующую дозу.

— Это *дьявольски хитрый* план, Питер. Любой идиот понимает. Она же собиралась купаться. Что может быть лучше, как просто лишить ее сил бороться с волнами.

— Мне кажется, можно было придумать и что-нибудь умнее. В частности...

Я обхватил ее плечи, однако Лиз никак не отреагировала.

— С другой стороны, думаю, у него не могло быть стопроцентной уверенности, что она полезет в воду. О, это ужасно интересно, не правда ли? И случилось это — не с кем-нибудь, а с Брекстоном!

— И вызовет пересуды,— сказал я, прижимая девушку к себе. Я почувствовал запах сирени и нежное теплое дыхание Лиз.

— О чем, черт побери, ты думаешь, Питер?

— Я не думаю...

— Все мужики думают только об одном. У-у, мерзкие грубые создания.

— Если тебе не нравится, я достану тебе шестнадцатилетнего мальчика.

— И что, черт побери, я буду с ним делать?

— Скромность вынуждает меня молчать.

— Это все будет в газетах, да?

— Что? Шестнадцатилетний...

— Ну ты и придурок! Я говорю о смерти миссис Брекстон.

— Ну конечно.

— Как тебе повезло, да? Это как раз по твоей части.

— Меня нанимали совсем не для расследования убийства миссис Брекстон.

Сказав это, я вдруг подумал:"А почему бы и нет?" Это, конечно, могло показаться диким, но разве нельзя предположить, что миссис Виирниг ожидала возможных неприятностей и наняла меня на всякий случай. Она из тех, кто любит предусмотреть все заранее. И тут мне пришла в голову мысль — а не помогла ли она *сама* своей племяннице уйти в лучший из миров. Мотив был неясен, но судить о мотиве вообще было невозможно, потому что никого из гостей я раньше не знал. И все же, несмотря ни на что, миссис Виирнинг вполне была способна на это, представляя собой странное сочетание вспыльчивости и предусмотрительности. Что ж, это была вполне здравая мысль.

Лиз заметила, что я неожиданно замолчал.

— Послушай, о чем это ты думаешь? Прикидываешь, как бы меня совратить, да?

Я фыркнул.

— Что может быть хуже женщины! У тебя нет ни малейшего интереса к мужчинам, даже к такому великолепному образцу, как я, и тем не менее ты день и ночь думаешь о том, как бы тебя совратили...

— И о собственном доме. Небольшой двухкомнатной квартире в Питер-Купер-виллидж. С холодильником, забитым продуктами фирмы "Бердсай". С клэпповским детским питанием на полке, с очаровательной пухленькой малышкой, периодически писающейся в подгузники "Бэби-Лерой" из супермаркета "Маки".

— Боже! Да ты хоть завтра готова замуж!

Лиз снисходительно улыбнулась:

— Женщины всегда к этому готовы. Кстати, я веду раздел для молодоженов в одном из нью-йоркских журналов, правда, не в "Харперс базаар". То, что я пишу, предназначено для людей среднего достатка. За описание семейного счастья мне платят тридцать пять долларов в неделю. Ты даже не представляешь, какая из меня получится хорошая жена.

— Но для свадьбы нужно больше.

— Чем тридцать пять долларов? Пожалуй, да. Думаю, придется найти кого-нибудь из богачей. Но серьезно, Питер, ты действительно считаешь, что Брекстон не убивал свою жену? Насколько мне известно, обычно бывает наоборот.

— Даже не знаю, что и подумать.

Это было мое самое откровенное и наиболее точное признание. Затем я взял с Лиз слово, что она будет молчать, и мы вернулись обратно в клуб.

Все уже достаточно поднабрались. Самые приличные люди разошлись по домам. Один козел валялся в отключке — при виде его невольно сразу же вспоминалось, что случилось с подобным же типом в одном из туалетов на Лонг-Айленде. Муж и жена (чужой муж и чужая жена, конечно) страстно обнимались в темном углу зала. Университетская компания, великолепная банда загорелых животных, горланила песни и ржала от счастья. Из долетевших до меня обрывков разговора я понял, что они планируют внезапный набег на Саутхэмптон. Мне сразу же представились искореженные автомобили, выбитые стекла телефонных будок.

Что поделаешь, молодежь!

И эта же самая молодежь явилась мне в этот вечер в виде Лиз Безземер. Ее дядюшка и тетушка уехали домой, а те козлы, которые пытались завоевать ее расположение, либо расползлись с девицами более доступными, либо бесцельно околачивались среди припаркованных автомобилей.

— Слушай, а не махнуть ли нам в Монток?

Эта блестящая идея пришла в голову Лиз, когда мы медленно скользили по танцевальному залу, вальсируя под музыку фокстрота.

Вообще-то у меня нет чувства ритма, и ничего, кроме вальса, я танцевать не умею, зато его я танцую довольно хорошо и под любую музыку.

— Пойдем пешком?

— Нет, поедем. У меня есть машина... По крайней мере, я так думаю. Надеюсь, тетушка отправилась домой в автомобиле наших гостей.

Тетушка действительно так и сделала, оставив нам великолепный “бьюик” с открытым верхом.

Лиз забралась на место водителя, а я устроился рядом. Мы помчались по середине прямого широкого шоссе, которое на протяжении всего пути до Монтока, песчаной оконечности Лонг-Айленда, шло параллельно дюнам.

Луна почти ослепляла нас, светя прямо в глаза. Мы остановились, задолго до Монтока, свернули с шоссе и направились по песчаной дороге, которая заканчивалась у самого Атлантического океана. Затем расположились между двумя дюнами, в миле от ближайшего дома, и занялись любовью.

Потом мы в изнеможении валялись на песке, еще сохранявшем солнечное тепло.

Никогда еще я не видел такой теплой и сказочной ночи. Небо было усеяно яркими звездами, и временами его прочерчивали падающие метеориты.

Наши обнаженные тела ласкал солоноватый океанский бриз.

Лиз поежилась, я просунул руку ей под спину и притянул к себе. Девушка в моих объятиях казалась почти невесомой.

— Мне нужно возвращаться,— произнесла она без особого энтузиазма.— Уже почти рассвет.

Мы какое-то время помолчали. Она повернулась, оперлась на локоть и с любопытством заглянула мне в лицо.

— О чем это ты думаешь? — спросила она.

— Ни о чем.

— Ну скажи...

— Ни о чем, за исключением, правда, одного — как приятно валяться вот так на пляже и как не хочется опять одеваться и возвращаться в тот дом.

Лиз вздохнула и потянулась.

— Было чудесно, правда?

Я притянул ее к себе и вместо ответа поцеловал. Ее маленькие груди щекотали меня. Я был снова в форме, хотя в своем возрасте официально уже прошел пик. Она моментально это почувствовала, но вместо того, чтобы прильнуть ко мне, вскочила на ноги и побежала к океану.

Тут, вспомнив, что произошло меньше двадцати часов тому назад, я смертельно перепугался и ринулся следом за нею в холодную черную воду.

К счастью, она великолепно плавала, и мы все время держались у линии прибоя. Странные возникают ощущения, когда купаешься в темном океане под ночным небом — луна и пляж белые, а вершины волн сияют фосфорическим светом.

Затем, дрожа от холода и смеясь, мы бросились к машине и стали вытираться полотенцем ее тетушки.

Мы оба пришли к выводу, что без одежды выглядим прекрасно, а Лиз скромно призналась мне, что испытывает легкий трепет, глядя на обнаженную мужскую натуру, правда, если ей нравится этот человек.

В счастливом расположении духа мы направились на юг, и она высадила меня всего в нескольких ярдах от "Норт-Дюнз". На востоке занимался серо-розовый рассвет.

— До завтра?

Она кивнула.

— Правда, если мне удастся. Я еще не знаю, буду ли я свободна.

— Я тоже не знаю, но, думаю, выскользнуть из дому смогу.

— Я тоже смогу. Я позвоню тебе, когда все узнаю.

Наконец она уехала, немилосердно скрежеща переключателем скоростей. Худшего водителя я не знал, но девушка она просто потрясающая. С нею я испытал не просто физическое удовольствие, а нечто большее, но я решил быстро выкинуть все романтические мысли из головы. Да, она была прелестна, ночь великолепна, луна ярка, но что произошло, то произошло. "Нечего держать это в голове",— сурово сказал я себе, осторожно открыл дверь черного хода и вошел в кухню.

2

Очнулся я в постели.

Голова раскалывалась. В глазах двоилось. Все было как в тумане. Затем, правда с трудом, я различил миссис Вииринг.

Она наклонилась надо мной, с тревогой вглядываясь мне в лицо.

В окно струился солнечный свет.

— Который час? — спросил я.

— Десять утра. Вы напугали нас до смерти. Что с вами произошло?

Я приложил руку к голове и нащупал огромную шишку. Череп, правда, не пострадал, повязок не было, единственное, что тревожило, так это головная боль.

— Понятия не имею. Я вернулся на рассвете и...

В дверях появился Гривз.

— Давно он пришел в себя, миссис Вииринг?

— Только что. Если вы...

— Оставьте нас, пожалуйста. Я бы хотел задать мистеру Сардженту несколько вопросов.

— Конечно, конечно.

Подбадривающе похлопав меня по руке, миссис Вииринг удалилась, закрыв за собой дверь.

— Ну? — с полуулыбкой спросил меня полицейский.

— Что ну? — Чувствовал я себя ужасно, как в тумане.

Я заметил, что на мне только рубашка и шорты. Вдруг мне стало жарко, я отбросил одеяло и сел, спустив ноги с кровати.

— Пытались сделать нашу работу за нас? Да, мистер Сарджент?

— Убирайтесь.

— Боюсь, вам придется ответить на мои вопросы. Вам нанесли серьезный удар, но доктор утверждает, что сотрясения мозга нет и вы сможете встать, когда захотите.

— Вы любезно предлагаете мне возвратиться домой, как только я почувствую себя лучше?

Моя голова разламывалась от боли, когда я, шатаясь, направился в ванную комнату.

— Я должен совершить естественные отправления,— сказал я резко.

— Я могу подождать.

Сдерживая стоны, я прошел в ванную, где сунул голову под кран с холодной водой. Затем принял две таблетки эмпирина, подумав при этом, не стоит ли принять еще. Мне все-таки здорово досталось!

Когда я вернулся в комнату, Гривз сидел на стуле у моей кровати, делая пометки в маленькой записной книжке.

— Вы еще здесь?

— Так что же все-таки произошло? — Он выжидающе посмотрел на меня.

— Когда я вошел, через кухню проходила какая-то женщина, вся в черном. В руке у нее были цветы, похожие на каллы. Когда я спросил, могу ли я ей быть чем-нибудь полезен, она вдруг ударила этими цветами меня по голове и закричала: “Это за всех Мактевишей!”

По лицу Гривза было видно, что он встревожился, как бы пытаясь понять, насколько же серьезным был удар.

— Каллами? — недоумевающе спросил он.

— Или чем-то еще.

Я стал раздеваться, надеясь, что он уйдет, но он как ни в чем не бывало продолжал рассеяно взирать на меня, пока я влезал в плавки.

— Вы видели ее лицо?

— Я пошутил,— сказал я, чувствуя просветление в голове, как будто хорошо опохмелился, и осторожно уселся на краешек постели.— Никого я не видел. Только вошел в кухню — и шарах! Вот и все. Очнулся уже здесь.

— Ударили вас справа, металлическим предметом, причем человек, нанесший удар, был такого же роста, как вы, или чуть повыше.

— Или стоял на стуле.

— Да. Или на чем-то стоял. Обнаружила вас в половине восьмого кухарка, которая кричала, не переставая, в течение нескольких минут. Один из моих людей принес вас сюда, а затем мы вызвали доктора.

— Нашли какие-нибудь ключи?

— Мы называем их “нитями”, мистер Сарджент. Полицейское управление не...

— Хорошо. Пусть будут нити. Нашли вы их? Ну, скажем, какую-нибудь светлую волосинку, пропитанную кровью? Или, может, застарелую перхотинку пожилого убийцы, которая валялась рядом с моим неподвижным телом?

— Ничего, кроме вашего тела.

Он замолчал, как бы показывая, что для него этого недостаточно.

— Ну, что ж. Больше мне нечего сказать.

— Вас не было здесь. Вы сбежали из дому, хотя я убедительно просил всех этого не делать. Вы оделись в...

— В смокинг. И отправился в яхт-клуб "Лейдирок".

— После чего вы и некая мисс Лиз Безземер направились на север к Амангансетту.

У меня чуть язык не отнялся.

— Так что произошло там, в Амангансетте?

— Я не знаю, да меня это и не волнует. Мисс Безземер подбросила вас сюда в пять двадцать или где-то около этого.

— Как я понимаю, это сказал ваш сотрудник? Тот самый который видел десятый сон, когда я вернулся назад?

— За это мы его и сменили,— спокойно и невозмутимо ответил Гривз.— Сарджент, что вам известно?

Он наклонился вперед и выплеснул мне в лицо эти слова, как ушат холодной воды. Ясно, ему было не до шуток.

— Как что?

Эмпирин еще не начал действовать, и голова моя по-прежнему раскалывалась.

— Вы что-то утаили от нас. Что-то очень важное, причем настолько, что это побуждает убийцу избавиться и от вас.

Это до меня дошло раньше, когда я узнал, что меня чем-то ударили. Однако я был в полной растерянности, не зная, что и подумать. Я был абсолютно уверен, что ни Брекстону, ни Клейпулу неизвестно о том, что я подслушал их разговор, а только они были для этого самой подходящей парой.

Гривз, однако, считал иначе. Это стало ясно из его слов.

— Что же вы увидели в воде в тот самый момент, когда миссис Брекстон тонула? Что конкретно делал Брекстон? Что делал Клейпул? А сама миссис Брекстон ничего не кричала? Не взывала о помощи?

— Вы хотите сказать, что в тот момент я случайно мог видеть что-то, что было не в интересах убийцы. Так, да?

— Вот именно.

Я медленно покачал головой:

— Я уже десятки раз прокручивал в уме все происшедшее и не мог вспомнить ничего необычного, ничего такого, что вам не было бы известно.

— Как далеко был Брекстон от жены, когда вы подплыли к нему?

— Примерно в пяти футах. Он наглотался воды, и лицо его посинело. Я схватил его, в то время как...

— Клейпул подхватил миссис Брекстон.

— Да. Затем мы поплыли к берегу.

— И Брекстон ни разу не коснулся своей жены?

Я отрицательно помотал головой:

— Не думаю. В глазах у меня стояла вода, я все время был вынужден плыть против волн. Когда я подплыл к миссис Брекстон, она уже захлебывалась, отчаянно пытаясь выплыть наверх. Она не произнесла ни звука.

— А Клейпул?

— Он плыл позади меня, пока мы не добрались до Брекстона. Потом он вырвался вперед и схватил миссис Брекстон. Я же занялся ее мужем.

— Как обращался с ней Клейпул во время обратного пути?

— Я не видел. Я был занят Брекстоном. К счастью, мне удалось удержать его на воде.

Гривз в задумчивости дымил трубкой.

— Он предпримет еще попытку.

— Кто? И какую попытку?

— Убийца еще раз попытается отправить вас на тот свет.

Я засмеялся, хотя мне было отнюдь не до смеха.

Я не уверен, что именно по этой причине меня шарахнули по голове. В конце концов, если бы кто-то действительно хотел избавиться от меня, он не стал бы полагаться на один-единственный удар. И кроме всего прочего, откуда он мог знать, что я собираюсь появиться на кухне в пять часов утра? И что он там делал?

— Вот на все эти вопросы мы должны найти ответ,— с важностью оратора глубокомысленно произнес Гривз.

— Ну, пока вы ищете ответ, я собираюсь чего-нибудь поесть и позагорать. У меня ломит все тело.

— На вашем месте, мистер Сарджент, я был бы очень осторожен.

— Сделаю все, что в моих силах. И пускай ваши люди будут повнимательней.

— Да, конечно. В этом доме, мистер Сарджент, находится убийца, и, по-моему, он охотится за вами.

— Из-за вас я чувствую себя мишенью.

— Мне кажется, "приманка" — более подходящее слово. Как вы думаете?

"Ну разве не мерзкий тип!"

3

Я завтракал на веранде в окружении наших дам, которые взирали на меня, как на героя. Клейпул, похоже, был в Истхэмптоне, а Брекстон — в своей комнате, где он якобы что-то писал.

Бросив взгляд на открытое окно, рядом с местом, где я сидел в окружении дам, я понял, что любой, находившийся в его комнате, мог слышать наш разговор.

Больше всех мне сочувствовала Мэри Уэстерн Ланг. Она была в желтых шароварах, ее очёчки арлекина, украшенные фальшивыми бриллиантиками, отражали потоки солнечного света, струившегося в окна веранды.

— Мы все прибежали на кухню, как только раздались крики кухарки. Если бы вы только видели, какая была суматоха! Вы лежали на полу, в лице ни кровинки! Я вызвала врача,— добавила она, подчеркивая, что единственная из всех сохранила присутствие духа.

— Вы хоть заметили, кто это сделал? — с едва прикрытой настойчивостью спросила Элли Клейпул.

— Нет, не заметил. Как только я открыл дверь кухни, кто-то ударил меня по голове.

Миссис Вииринг указательным пальцем помешала апельсиновый сок в своем бокале. "Интересно,— подумал я,— какой горячительный напиток она выбрала себе на завтрак? Скорее всего, джин".

— Полиция просила нас молчать обо всем происшедшем. Почему, не знаю. Лично я полагаю, что в дом забрался какой-нибудь бродяга... из тех, что периодически болтаются в Саутхэмптоне. Он пробрался сюда, но, когда услышал вас, испугался и...

— И спокойненько вышел из дома, пройдя мимо спящего полицейского у входа? — Я отрицательно покачал головой.— Не думаю, что даже какой-нибудь сбежавший из тюрьмы взломщик осмелится подойти близко к дому, у которого на страже находится полицейский, пускай даже спящий.

Все со мной согласились, однако миссис Вииринг продолжала держаться своей версии. Альтернативная теория невольно заставила бы всех нервничать.

Наконец мисс Ланг высказала то, что у всех вертелось на языке.

— Кто-то, живущий в этом доме, пытался... разделаться с мистером Сарджентом.

Она замолчала, широко раскрыв глаза, явно довольная словом "разделаться".

— Убийца,— сказал я,— видимо, считает, что мне что-то известно.

Произнося эти слова, я был уверен, что за открытым окном своей комнаты, всего в нескольких шагах от меня, стоит, затаясь, Брекстон.

— Конечно, я не знаю, все дело в том...

— Какой кошмар! — неожиданно страстно воскликнула Элли.— Что может быть более ужасным, более бессмысленным!

— Думаю,— жестко произнесла миссис Вииринг,— каждый придет к своему собственному заключению. Нет никаких доказательств, что бедняжку Милдред убили. Я лично отказываюсь верить в это. Конечно, никто из присутствующих здесь не мог бы пойти на такое. Что же касается мистера Сарджента... ну, здесь может быть иное объяснение.— Какое именно, она так и не сказала. Затем, повернувшись к мисс Ланг, миссис Вииринг с обвиняющим видом сказала:

— Насколько я помню, вы со мной согласились, что здесь не может быть и речи о каком-нибудь убийстве?

Мисс Ланг рассеянно помахала своей пухленькой ручкой:

— После того, что произошло с мистером Сарджентом, мнение мое изменилось. Всем хорошо известно, что я была совершенно уверена в том, что вчера, отправляясь купаться, бедная Милдред действительно имела намерение встретиться с Творцом. Но сейчас у меня такой уверенности уже нет.

Женщины еще некоторое время поспорили относительно того, что же произошло. Однако фактов никаких не было, за исключением неожиданного повреждения меня куском металла. Никто до этого даже не желал задумываться над тем, что Милдред могли убить. Причины этого мне не ясны; если б я их знал, я бы скорее нашел ключ к этой загадке. Именно в этот момент, попивая кофе и прислушиваясь к болтовне трех женщин, я решил во что бы то ни стало разыскать убийцу. Конечно, на это в немалой степени повлияло покушение на мою особу. Я отнюдь не собирался умирать в Истхэмптоне этим летом.

После завтрака миссис Вииринг пожелала поговорить со мной с глазу на глаз, но я извинился, заявив, что мне необходимо сделать несколько телефонных звонков. Я схватил пачку газет и поднялся к себе в комнату, в которой сейчас никого уже не было. К стыду своему, должен признаться, что прежде, чем запереть дверь, я заглянул под кровать и в стенной шкаф. Затем быстро просмотрел газеты. Упоминаний об убийстве пока еще не было. Только намеки на таинственные обстоятельства. "Дейли ньюс" заявила, что у покойной был нервный срыв и тактично предположила возможность самоубийства. Похоже, такова была основная линия прессы. Были опубликованы старые фотографии Брекстонов во время их свадьбы, где они выглядели типичными ньюпортцами, а не представителями богемы. Неплохо получилась и миссис Вииринг на снимках в "Джорнэл" и "Глоуб". Вот это было действительно хорошо, ведь она попрежнему оставалась моей клиенткой.

Я позвонил мисс Флинн. "Интересно,— подумал я,— меня кто-нибудь подслушивает? Домашние телефоны отличаются характерной особенностью — именно они, связанные друг с другом, являются основной причиной разводов, как результата телефонных разговоров во время уик-эндовских приемов.

— Видимо, следует понимать,— холодно заявила мисс Флинн,— что законная жена известного современного художника умерла естественной смертью?

Скептицизм в ее голосе был достаточно весом, чтобы нокаутировать любого собеседника.

— Насколько мне известно, да,— бойко ответил я.— Наверное, я задержусь здесь на неделю. По просьбе полиции...

— Понятно,— пресекла мисс Флинн мои дальнейшие объяснения. Она была просто непробиваема.— За дела не беспокойтесь. Буду делать все что в моих силах. Надеюсь, вы будете в контакте с "Глоуб"?

— Возможно. Но раз зашел об этом разговор, мне придется им позвонить, чтобы узнать, смогут ли они...

— Знаю, знаю. Дать психологический портрет того или иного типа. Надеюсь, вы будете осторожны в своем расследовании.

Я заверил ее, что постараюсь, а затем посоветовал, что делать с нашими клиентами во время моего отсутствия.

Потом я позвонил в Уэстпорт домой главному редактору "Нью-Йорк глоуб".

— Рад тебя слышать, мой мальчик. Надеюсь, ты не влип в новое убийство, а?

— Вот именно, что влип.

Я почувствовал, как на другом конце провода затаили дыхание. Главный редактор быстро соображал, как бы подешевле меня купить.

— Дело-то стоящее? — спросил он намеренно скучным голосом.

— Милдред Брекстон.

— Истхэмптон? Ты что, сейчас там?

— Да, в доме миссис Вииринг. Надеюсь, вы следили...

— Я подумал, что это просто несчастный случай.

— А полиция считает, что нет. Теперь...

Мы поторговались, как джентльмены, и я получил нужную мне сумму. Кроме того, я попросил его предоставить мне всю возможную информацию на миссис Вииринг, Клейпулов, Брекстонов и Мэри Уэстерн Ланг. Все они были более или менее известны в обществе. Он обещал сделать это, а я сказал, что представлю ему материал через пару дней, задолго до того, как другие газетчики смогут получить интервью у основных действующих лиц. Я повесил трубку, а секунду спустя поднял ее и услышал щелчок. Значит, кто-то меня подслушивал.

Затылок у меня перестал болеть, хотя и был еще необычной формы. Я спустился вниз.

Когда я проходил через холл, миссис Вииринг кивнула мне в сторону гостиной. Мы прошли туда. Мы были одни, никто нам не мешал, все остальные отправились на пляж. Полицейских тоже не было видно.

— Где Гривз? — поинтересовался я.

— Ушел. Правда, на время. Боже мой! Быть под арестом двадцать четыре часа,— мрачно добавила она.

Ясно, ей не хватало неизбежного бокала . “Интересно,— подумал я,— неужели она трезвая? Что же она хочет мне сказать?”

— Что поделаешь, он ведет следствие.

— Мистер Сарджент... Питер... Мне кажется, мы в ужасном положении, в смертельной опасности.

На меня подобное не действует, я даже могу и не такое выдать.

— Похоже, мы не в состоянии ничего сделать,— уклончиво заметил я.

— Но ведь должен же быть какой-то выход! — Она нервно заламывала руки.

— Как я понимаю, вы считаете, что все это — случайность, что меня ударил по голове какой-то бродяга и...

— Мне просто не хотелось расстраивать других. Если бы они только знали, что я знаю...— И она бросила на меня загадочный взгляд.

— Что же вы знаете?

— Что нам угрожает опасность.

Я решил, что она окончательно спятила, хотя не исключал того, что ей известно кое-что, не известное никому из нас.

— Вы рассказали об этом полиции?

— Я ничего им не сказала. Это только... только предчувствие.

— Как вы считаете, миссис Брекстон была убита или нет?

Она ничего не ответила, только со вздохом посмотрела в окно на бархатистую зеленую площадку для гольфа, блестевшую под лучами солнца. Она сменила тему разговора, причем со скоростью, к которой я уже привык. Алкоголики любое долгое обсуждение находят слишком утомительным.

— Я хочу, чтобы в своем первом сообщении для “Глоуб” вы упомянули о приеме, намечаемом в моем доме на День труда.

— Так вы подслушали мой телефонный разговор?

— Скажем так — птичка на хвосте принесла,— смущенно произнесла она.

— Вы не возражаете, если я буду писать об убийстве?

— Конечно, возражаю. Но, поскольку об этом же будут писать все эти ужасные бульварные газетки, для меня лучше, чтобы такой джентльмен, как вы, человек, присутствующий здесь, занялся этим.

Ее рационализм просто поражал меня.

— А я боялся, что вы рассердитесь.

— Ну что вы, просто мне хотелось бы время от времени знакомиться с тем, что вы пишете. Может, я смогу быть вам полезной.

— Это было бы очень любезно с вашей стороны.

— Ну что вы.

— Ваша племянница была убита? — спросил я неожиданно, пытаясь застать ее врасплох.

— А вот здесь от меня помощи не ждите.

На этом наш разговор закончился. Я оставил ее и отправился на пляж загорать.

Там я застал только Элли Клейпул.

Она лежала на спине в очаровательном красном бикини. Я нашел ее удивительно привлекательной, и, если бы не моя увлеченность Лиз, я бы от нее не отказался.

Элли улыбнулась мне и спросила:

— Ну как, выздоравливаем?

Я опустился рядом с ней на песок. Солнце ласкающе прогревало тело. Море искрилось.

Прошли всего сутки после трагедии.

— Я чувствую себя значительно лучше. А где все остальные?

— Мисс Ланг отправилась к себе, чтобы написать очередной очерк "Разговора о книгах". Брат в городе. Брекстон все еще не выходит из своей комнаты. Черт побери, что происходит?

Я развел руками:

— Не имею ни малейшего представления. До пятницы я никого из них не знал. Вам же это хорошо известно.

— Ничего не могу понять, — произнесла она, втирая масло в загорелые руки.

— Миссис Вииринг считает, что мы в ужасной опасности.

Элли слегка улыбнулась:

— Боюсь, Роза всегда считает себя в большой опасности, особенно, когда пьяна.

— Но мне показалось, что сегодня утром она была довольно трезвой.

— Это трудно определить. Я бы не стала с излишней серьезностью относиться к ее словам, которые составляют часть ее собственного безумия.

— С другой стороны, удар по голове, которым меня наградили сегодня утром, свидетельствует о том, что это отнюдь не ее пьяная галлюцинация.

— Да, это все гораздо серьезнее. Но даже при всем при этом я не могу поверить, что кто-то убил Милдред. Тем более, кто-то из нас.

— А как вы полагаете, что произошло?

Я посмотрел на нее невинным взглядом. Мне придется еще немало выспрашивать этих людей, одного за другим, и лучший подход — просто прикинуться дурачком.

— Я верю тому, что говорит Пол.

А вот это было интересно. Я ведь еще до сих пор не знал мнения Брекстона об убийстве, и никому, похоже, он его не излагал, за исключением полиции.

— Так что же он говорит?

— Чтобы успокоиться, Милдред принимала снотворное в любое время. В то утро она приняла свою обычную норму и отправилась купаться, не понимая, насколько силен прибой.

— Что ж, звучит вполне убедительно.

— За исключением одного — у моего брата были такие же самые таблетки снотворного.

— Вы хотите сказать, что полиция подозревает его?

— Нет, не думаю.— Элли покачала головой.— У него не было мотива. Даже если это сделал он, нет доказательств того, что таблетки из его флакона. Просто похоже на то, что кто-то имел доступ в его ванную, в то же время не имея возможности добраться до таблеток Милдред, которые она хранила в своей шкатулке. Только она знала цифровую комбинацию замка. Брекстон божится, что ему шифр неизвестен и даже при желании он не смог бы открыть шкатулку.

— Выходит, либо эти таблетки она приняла сама, либо кто-то незаметно проскользнул в ванную комнату вашего брата и затем так же незаметно подбросил ей эти таблетки в кофе или другой напиток.

— Если бы на вас не напали минувшей ночью, я бы считала, что Милдред сама приняла таблетки. Теперь такой уверенности у меня нет.

— Похоже на то, что покушение на меня сломало всю версию.

Элли кивнула:

— Да, я была уверена, что этот ужасный маленький человечек Грейвз, или как там его еще, просто пытался напугать нас, чтобы привлечь к себе внимание. Я думаю, что он так еще и не решил, было это убийством или нет.

— У него-то сейчас уже есть определенное мнение, а вот у вас?

— Даже не знаю, что и подумать.

— А что произошло между вашим братом и Милдред? — произнес я на одном дыхании, чтобы поймать ее врасплох. Мне это удалось.

Ее ресницы встревоженно задрожали. Она нахмурилась:

— Что... Что заставляет вас думать, что...

— Миссис Вииринг,— солгал я.— Она заявила мне, что много лет тому назад...

— Идиотка! — Элли буквально взвилась, но тут же взяла себя в руки. Она даже попыталась убедительно рассмеяться, чтобы затушевать неожиданный просчет.— Извините,— быстро произнесла она.— Мне кажется бессмысленным копаться в семейном белье. А факты предельно просты. Милдред была помолвлена с моим братом, затем встретилась с Брекстоном и вышла за него замуж. Вот и все. Мой брат был очень привязан к ней, но холоден к Брекстону, однако потом они поладили... Вот и все.

— Почему она не вышла замуж за вашего брата?

— Думаю, Брекстон больше нравился ей,— уклончиво произнесла Элли.

— А как вы отнеслись к тому, что Брекстон женился на ней?

— Мне кажется, мистер Сарджент, это не имеет никакого отношения к делу.

Она холодно посмотрела на меня.

— Пожалуй, нет. Извините. Просто я подумал, что если убийца собирается использовать меня вместо боксерской груши, то мне следовало бы получше знать, что здесь происходит.

— Извините,— быстро отозвалась мисс Клейпул.— Я не хотела вас обидеть. Просто это очень болезненный вопрос для всех нас. По правде говоря, я даже не хотела приезжать сюда на уик-энд, но Флетчер настоял. Он очень любил Милдред. Всегда.

Из того, что она сказала и о чем умолчала, постепенно я начал представлять взаимоотношения действующих лиц.

С террасы меня позвал дворецкий. Звонила Лиз. Я ответил ей по аппарату, стоявшему в холле.

— Дорогой, как ты себя чувствуешь? — с тревогой спросила она.

— Только не говори мне, что ты слышала...

— Я знаю абсолютно все. Тетушка рассказала мне сегодня утром, как тебя ударили по голове, когда ты вернулся домой. Я пытаюсь дозвониться до тебя уже в течение двух часов, но линия все время занята. С тобой все в порядке?

Я рассказал ей о том, что произошло, все время поражаясь скорости, с какой новости распространялись в этом обществе. Похоже, без слуг не обошлось, так как, насколько мне известно, никто из присутствующих в доме, я имею в виду гостей, не вымолвил пока еще ни слова.

Она облегченно вздохнула, услышав, что меня не ранили, хотя и продолжала тревожиться.

— Думаю, тебе не стоит оставаться на ночь в этом ужасном доме, Питер. Нет, нет, я действительно это имею в виду. Совершенно очевидно, что на свободе бродит маньяк и...

— И когда я тебя увижу?

— О! А как насчет того, чтобы сегодня вечером? Где-то около полуночи. Весь вечер я должна быть с тетей и дядей, зато потом я приглашена к Эвану Эвансу, скульптору-абстракционисту. Мы можем встретиться там. Вход туда свободный.

Я записал адрес, и затем, взяв с меня твердое обещание, что я больше не буду натыкаться на металлические предметы, она дала отбой.

Я собирался вновь отправиться на пляж. Мне было слышно, как вверху лихорадочно трещала машинка Мэри Уэстерн Ланг. Дверь в комнату Брекстона была закрыта. Миссис Вииринг писала письма в гостиной.

Всюду царил мир и покой. Когда я вернулся на пляж и подошел к Элли Клейпул, она беседовала с незнакомым молодым человеком.

— О, мистер Сарджент. Разрешите представить вам Дика Рэндана, моего племянника.

Это был высокий, долговязый юноша лет двадцати, в массивных очках и полосатом костюме, совершенно не соответствовавшем этому месту.

Я произнес несколько приличествующих случаю фраз о том, какая молодая тетя у такого большого племянника, и она со мной согласилась.

— Дик только что приехал из Кембриджа.

— Я услышал о том, что произошло, и приехал убедиться, что все действительно так,— заметил он бесстрастным голосом.

Сидя на песке, обхватив руками костлявые колени, он напоминал собою умную сову.

— Только что сюда добрался... Ну и слухи...— Он мрачно покачал головой.— Да, плохо,— добавил он многозначительно.

— Дик готовится на магистра истории,— заявила Элли, как будто этим все объясняется.— Ты бы лучше прошел в дом, дорогой, и сказал Розе, что ты здесь.

— О, я остановлюсь в городке,— заявил молодой историк.

— Ну сходи, по крайней мере, поздоровайся. Я уверена, что она пригласит тебя остаться на обед.

Отряхнув песок с брюк, племянник направился к дому.

Элли вздохнула:

— Мне следовало догадаться, что Дик появится. Он просто обожает всяческие загадки. Мне кажется, именно поэтому он заинтересовался историей, всеми этими ужасными войнами и всем остальным.

— Может, он развеселит нас?

— Боюсь, для этого одного Дика будет маловато.

— Вы ведь ненамного старше его, да?

Элли улыбнулась:

— Такие слова, конечно, приятно слышать, хотя я старше его на целых десять лет.

“Что составляет примерно тридцать один или тридцать два года”,— мысленно провел я в уме необходимые расчеты, благодаря которым приобрел в школе репутацию математического неудачника.

Затем мы отправились поплавать, держась поблизости от берега.

4

Первыми на коктейле появились я и мисс Ланг. Ее одежда была еще более вызывающей, чем обычно. Вероятно, она считала, что необычайно умна и привлекательна.

— Похоже, мы первые, своего рода авангард.

Я согласился с ней и протянул ей коктейль, затем занял место напротив, хотя она делала все возможное, чтобы усадить меня к себе под бочок, на кушетку. Я считаю, что распространенное мнение о развратности старых дев — изобретение мужчин, но в случае с мисс Ланг это соответствовало истине.

Она глоточками попивала мартини, затем, пролив половину коктейля на ковер, поставила бокал на стол и сказала:

— Надеюсь, вы уже оправились после неожиданной встречи с незнакомцем. Я с трудом заставляю себя продолжать "Разговор о книгах". Только что написала статью о том, что почти все известные писательницы, за исключением, пожалуй, Тейлор Калдуэлл, имели три имени.

Я молча проглотил эту сентенцию. От дальнейшего разговора с мисс Ланг меня избавило появление Клейпула. Лицо его было бледным и озабоченным, как будто он не спал целую неделю.

— Весь город жужжит,— механически начал он разговор.— Я был в театре, на выставке картин. Кстати, там есть довольно неплохие, хотя Пол, конечно, считает их мазней.

— Мазней? Что это я назвал бы мазней?

В дверях появился Брекстон. Он даже улыбался, как будто к нему вернулось прежнее радушие. "Интересно почему?" — подумал я. Ведь к этому моменту шея его была уже наполовину в петле.

Клейпул холодно взглянул на него:

— Я рассказывал о выставке картин в театре Джона Дроу.

— О, это действительно мазня,— весело произнес Брекстон, смешивая себе коктейль.— Вы абсолютно правы, Флетчер.

— А мне они понравились. Я сказал, что вы...

— Да бог с ними. За искусство!

— За искусство? Мне это нравится!

В комнату вошла миссис Вииринг в сопровождении Дика Рэндана. Как обычно, она была в приподнятом настроении — пьяна как сапожник. Она представила мисс Ланг и Брекстону родственника Клейпулов. Писательница моментально перекинула всю свою влюбленную внимательность на молодого историка.

— Так вы учитесь в Гарварде? — замурлыкала она, и юношу усадили рядом с ней на кушетку. Можно считать, что с ним на этот вечер было покончено.

Последней к нам присоединилась Элли. Она села рядом со мной.

— Ну вот, мы опять вместе,— произнесла она неуместные слова.

В этот вечер вся компания лихорадочно веселилась. Нас всех захватило одно настроение — каждый хотел напиться. Я, однако, старался вести себя как можно осторожнее — наблюдать, прислушиваться, замечать. Ведь кто-то из присутствующих в комнате ударил меня по голове — возможно, с намерением убить. Но кто? И почему?

Я наблюдал за лицами. Брекстон был, на удивление, веселым. "Интересно,— подумал я,— может, сегодня днем, закрывшись в комнате, он состряпал себе алиби?" С другой стороны, Клейпул, казалось, сильно переживал. Он воспринимал смерть Милдред тяжелее других. Что-то в нем беспокоило меня. Он мне не нравился, но почему, я не мог понять. Возможно, странные отношения со своей сестрой... Хотя это, конечно, не мое дело.

Мисс Ланг соответствовала настроению общества. Ее смешки, как бледные отзвуки криков валькирий[1], раздавались над обеденным столом, в то время как миссис Вииринг в состоянии подпития лишь изредка кивала головой. Рэндан широко раскрытыми глазами оглядывался вокруг, явно пытаясь определить убийцу.

Складывалось впечатление, что это пир во время чумы.

---

[1] В скандинавской мифологии воинственные девы, решающие исход сражений.

Даже я под конец малость поднабрался, хотя стремился сохранить ясную голову и следить за всеми. К счастью, я не знал, за кем следить.

Затем мы пили кофе в гостиной.

Рассеянно беседуя с Диком Рэнданом о Гарварде, я вдруг заметил, как Гривз на цыпочках пересек холл. Интересно, зачем он здесь?

— А что, преступник действительно нанес вам сильный удар? — спросил Рэндан, неожиданно прервав на середине мои слезоточивые воспоминания о тех былых днях, когда Теодор Спенсер был еще жив, а Делмор Шварц и другие гиганты бродили по университету.

— Да,— коротко бросил я ему. Мне ужасно надоело рассказывать, что со мной произошло.

— Значит, вы обладаете какой-то информацией, и поэтому он желает убрать.

— Меня или информацию?

Рэндан выражался так же неясно, как и большинство историков.

— Обоих, конечно.

— Кто знает,— сказал я.— Как бы то ни было, он напрасно теряет время, потому что мне ничего не известно.

— Потрясающе! — его глаза за стеклами очков потемнели.— Кроме того, возникает еще и психологическая проблема. Вашими родственниками являются...

Я постарался как можно скорее удалиться, едва представилась такая возможность.

Я сказал миссис Вииринг, что устал и хочу раньше лечь спать. Она со мной согласилась, заявив, что просто удивительно, что я не чувствую себя хуже, если вспомнить, какой мне нанесли удар.

В холле я встретил Гривза. Он в задумчивости сидел на стуле с прямой спинкой у телефонного столика, держа в руках какую-то бумагу.

— Готовимся кого-то арестовать? — весело спросил я его.

— Что? О... Вы опять собираетесь смыться?

— Да, и хотел бы получить у вас разрешение.

— Я не могу задержать вас, мистер Сарджент,— печально произнес Гривз.— Сделайте нам только милость — никому не рассказывайте о том, что здесь происходит.

— Не понимаю, что это дает. Ведь в газетах все есть.

— В газетах много чего есть. У нас сегодня на дежурстве здесь двое полицейских,— добавил он.

— Надеюсь, этого будет достаточно.

— Если вы, конечно, не забудете запереть свою дверь на ключ.

— У убийцы может оказаться ключ.

— Один из наших людей будет на лестнице. В его задачу входит следить за вашей комнатой.

— Вы что же,— усмехнулся я,— думаете, что что-то может произойти в доме, где находятся двое полицейских?

— Никогда нельзя знать точно.

— У вас что, не хватает фактов?

— Да, не хватает,— последовал на удивление откровенный ответ.— Но мы знаем, что делаем.

— Используем в качестве наживки корреспондента “Глоуба”, да?

— Надеюсь, что вы будете молчать, мистер Сарджент.

— Когда вы собираетесь произвести арест? Ведь скоро будет большое жюри[1], так?

— Да, скоро, в пятницу. Надеюсь, к этому времени мы будем готовы... Между прочим, большое жюри мы называем Специальным судом.

— Вы уже, видимо, написали обвинительное заключение?

— Мог бы. Кстати, скажите мне, мистер Сарджент, вы не играете в бумажные куклы, а?

Такой выпад вернул меня на место.

— Куклы? — переспросил я, глядя на него в полном недоумении.

— Или, может быть, собираете газетные вырезки?

— Это делает моя секретарша. Обычная профессиональная подборка. Впрочем, о чем мы говорим?

— Тогда в свете предшествующих наших бесед это развлечет вас.

И он пододвинул ко мне листок.

На обычном листе бумаги для машинки были приклеены разной величины буквы, взятые из газетных заголовков.

---

[1] Коллегия непрофессиональных судей-присяжных, участвующих в уголовном процессе.

Текст гласил: "БресСтоН — УбиВЦа".

— Когда вы это получили?

— Я нашел это здесь, сегодня утром.— И Гривз показал на телефонный столик.— Этот лист перевернутым лежал под книгой. Не знаю, что заставило меня обратить на него внимание, — продолжал инспектор.— Возможно, следы клея.

— Значит, это пришло не по почте?

— Нет. Просто положили на стол. Любой мог наткнуться. Очень странно.

— Есть какие-нибудь отпечатки пальцев?

Инспектор жалостливо посмотрел на меня.

— Со времен Диллинджера никто не оставляет отпечатков. Слишком много насмотрелись кино. Теперь все совершается в перчатках.

— Интересно, почему в словах ошибки?

— Видимо, соответствующих букв не оказалось в заголовках статей. Мы еще не выяснили, из какой газеты это вырезано.

— И кто оставил это послание здесь, как вы считаете?

— Вы.

Инспектор спокойно посмотрел на меня.

Я невольно рассмеялся:

— Если бы я думал, что Брекстон — убийца, я бы сказал вам об этом.

Гривз пожал плечами:

— Не рассказывайте мне сказки. Это ваших рук дело, мистер Сарджент.

— Тогда объясните, зачем мне нужно держать это в тайне?

— Я не знаю. Пока еще...

Я был раздражен.

— Я не знаю ничего, что вам неизвестно.

— Возможно, но я убежден, убийца полагает, что вам что-то известно. Вот почему он пытается убрать вас с дороги. Поэтому пока еще не слишком поздно, расскажите мне все, что вы видели, когда тонула Милдред Брекстон.

— Как же вы упрямы,— со вздохом произнес я.— Снова повторяю вам — я ничего не видел. Более того, могу сказать, что, поскольку не я автор этой записки, значит, кто-то знает, что произошло или по каким-то своим соображениям пытается как-то бросить тень на Брекстона. Будь я на вашем месте, я бы последовал по пятам автора этой писульки.

А этот след, я был абсолютно уверен, рано или поздно приведет к мстительному Клейпулу.

Гривз же был полностью в плену своей собственной версии. Какой — мне не было известно, но он явно беспокоился за мою безопасность, и я ему был благодарен.

— Должен предупредить вас, мистер Сарджент, если вы не расскажете мне всю правду, все, что вам известно, я слагаю с себя ответственность за все, что может произойти.

— В случае моей смерти?

— Вот именно.

У меня было такое ощущение, что мне подписали приговор, притом окончательный.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

К полуночи я прибыл на сборище, которое проходило в покосившемся невзрачном деревянном коттедже близ железнодорожной станции, расположенной совсем рядом с океаном. Здесь собралась богема Истхэмптона: человек тридцать обоего пола, более или менее связанных между собой сексом и интересом к искусству.

Когда я вошел, на меня никто не обратил внимания.

Все помещения дома освещались только свечами, вставленными в бутылки.

Складывалось какое-то странное ощущение — как будто ты в аду.

В одной комнате кто-то играл на гитаре, а все остальные сидели на полу и болтали, не обращая внимания на музыку.

Я разыскал Лиз. Цветом лица она уже соперничала с красным вином, которым, похоже, накачивалась.

Она драматически обняла меня.

— Я чувствовала себя так уж-жасно!

Я произнес какие-то успокаивающие слова, а рядом проплыл бородатый толстяк, с увлечением игравший в йо-йо[1].

Она внимательно посмотрела мне в лицо, и я понял, что, несмотря на всю ее игру, она действительно встревожена.

— С тобой на самом деле все в порядке? — спросила она и стала ощупывать мою голову.

Ее глаза округлились, когда она дотронулась до шишки, которая теперь была как грецкий орех.

— Я чувствую себя вполне прилично. Ты что, правда, полагаешь, что тебе следует пить эту дрянь?

Я указал на вино, которое наливали из бутылок без этикеток. Скорее всего, это был сидр.

— Да не пью я его, просто держу бокал. Пойдем, я представлю тебя хозяину.

Хозяином оказался дородный мужчина. Его жена, по всей видимости индонезийка, одетая в сари, танкетки и с розовой сеткой на голове, весь вечер простояла за его спиной. Она не знала ни слова по-английски, что было, вероятно, неплохо. Наш хозяин, скульптор, настоял на том, чтобы показать мне свою последнюю работу, которая находилась в сарае позади дома.

С мощным фонарем мы обследовали в благоговейном молчании его шедевр. Это был кусок скалы размером с человека с кое-где выровненными углами.

— Вы чувствуете камень? — Скульптор смотрел на меня в нетерпеливом ожидании. "Похоже,— подумал я,— Лиз сказала ему, что я искусствовед".

— Очень даже. Только камня многовато. Тяжеловат.

— Вот именно. Вы сразу уловили суть. Немногим это удается. Тяжеловат. Самое подходящее слова, хотя трудно описывать скульптуру словами. Но это именно тот самый эффект, к которому я стремился — тяжеловат, как камень... камень!

— Тяжелый камень,— добавил я, иронизируя.

Он был в настоящем экстазе.

— Вы уловили это. Он понял, Лиз! Тяжелый камень. Вот как можно было бы это назвать!

---

[1] Детская игрушка — веревка с диском, опускающимся и поднимающимся вверх за счет вращения. Похож на раскидай.

— А мне казалось, что вы назвали ее "Дихотомия[1] святой Анны".

— Ну, я использовал его в качестве подназвания. Но, боже, как это верно! Тяжелый камень!

В состоянии полного согласия и взаимного восхищения мы вернулись к собравшимся.

Лиз и я присоединились к группе молодых литераторов, очень чувствительных парней с шипящими голосами, напоминающими о разрываемой ткани. Они с полным знанием дела болтали обо всех диссидентах нового поколения — писателях, артистах и им подобных.

Пока они шипели друг на друга, мы с Лиз обсуждали наши собственные проблемы, точнее говоря, проблемы "Норт-Дюнз".

Я рассказал ей, что действительно думаю об утреннем происшествии.

— Вряд ли кто-то пытался убить меня. Скорее всего, неизвестный что-то искал в доме и не хотел, чтобы его видели. Когда я вошел, он испугался, что я помешаю, поэтому и ударил меня по голове, чтобы иметь возможность исчезнуть. Если бы кто-то действительно хотел покончить со мной, я бы так легко не отделался.

— Какой кошмар! Никогда не думала, что мне придется столкнуться с человеком, замешанным в подобные дела. Интересно, какое бывает ощущение, когда живешь в доме с убийцей?

— Дискомфорт, но тем не менее интригующе.

— Ты бы только слышал, о чем говорят сегодня в клубе!

— И какова же общая версия?

— Считают, что Брекстон убил жену. Каждый при этом клянется, что был ее близким другом и чувствовал, что рано или поздно все плохо кончится.

— Боюсь, их ожидает сюрприз.

— Так ты считаешь, что это не он?

— Да, уверен в этом. Он бы на подобное не решился.

— Но что заставляет тебя так думать?

— Интуиция. Она меня, как правило, не обманывает.

---

[1] Разделение на две части, дихотомическое деление.

Я уже устал от всего этого. Каждая ниточка, похоже, никуда не вела. Да и ниточек-то с самого начала было не так уж много.

Позднее, в тот же вечер, мы решали, куда бы отправиться. Поскольку я устал и чувствовал себя не особенно крепким после удара по голове и поскольку мы оба пришли к выводу, что, хотя песок чудесен и заниматься на нем любовью при лунном свете просто блаженство, он все же царапает кожу и не слишком удобен — еще утром я заметил, что некоторые части моего тела побаливают, как будто их натерли наждачной бумагой,— мы решили перенести наше повторное свидание на следующий вечер. И хотя при этом мы от души смеялись, я почувствовал, что для меня Лиз стала еще более желанной, чем накануне. Со мной такое редко случается. Как правило, мой восторг при встрече с новым телом постепенно таял, но на сей раз все было наоборот. Однако я дал себе слово, что постараюсь далеко не заходить.

Самый разгар вечеринки был примерно в час ночи. Кто-то начал поливать грязью Т.С.Элиота. Какая-то толстая блондинка стала сбрасывать с себя одежду, оставшись чуть ли не в чем мать родила. Молодые парни, не обращая на нее никакого внимания, обсуждали счастливые дни своего внутриутробного развития. Ярые приверженцы "Партизан-ревью" в буквальном смысле лупили друг друга за нарушение долга, которому никто из них не хотел следовать.

Это была типично сельская вечеринка, столь характерная для курорта.

Мы же с Лиз разлеглись на полу и тихо беседовали, совершенно не обращая внимания на происходящее вокруг.

Однако наш разговор прервал Дик Рэндан.

— Не ожидал встретить вас здесь,— сказал он, с любопытством глядя на нас.

— Что?

Я сел и, прищурившись, в недоумении посмотрел на него. Я был так далеко, что совершенно забыл обо всем остальном. Меньше всего в этом месте я ожидал увидеть именно его. Я ему так и сказал.

Подобно журавлю, опустившемуся в свое гнездо, он сел рядом с нами.

— Я старый друг Эванса,— сказал он, махнув в сторону нашего хозяина, который показывал свои рисунки бородатому мужчине. Тот же, отложив свое йо-йо, тихо заснул в единственном кресле.

— Как дела в доме? — спросил я.

— По-моему, все нормально. Я ушел следом за вами и отправился в клуб, но там было мало интересного, поэтому я устремился сюда, полагая, что Эванс еще не спит. Наверное, вы знаете, что я организовал его бостонскую выставку.

Я представил его Лиз. Они с недовольным видом кивнули друг другу.

В противоположном конце комнаты полуобнаженная блондинка уселась на пол, скрестив ноги как йог, и стала раскачивать свои тяжелые белые груди в разные стороны. Это произвело нужный эффект. Даже чувствительные литераторы обратили на нее внимание.

— Ничего подобного в яхт-клубе “Лейдирок” не увидишь,— сказал я недовольно.

— А вот я не уверена,— задумчиво произнесла Лиз.— Интересно, как она это делает?

— Контроль мускулов,— ответил Рэндан и, к моему удивлению, выказал явные признаки вожделения. По каким-то причинам я автоматически приписал его к огромным легионам Содома, но почему это произошло, сказать затрудняюсь.

— Кто-то делал нечто подобное и в клубе под столом,— сказала Лиз.— Правда, стол этот стоял на террасе. И света не было,— добавила она.

Белокурая экдисиастка[1] наконец поднялась, скинула остатки своего одеяния и предстала во всем блеске.

Это была, как любят писать в бульварных романах, истинная блондинка.

Индонезийская хозяйка решила, что это уж чересчур. Она вышла из комнаты, минуту спустя вернулась с большим кувшином воды, которую с извиняющейся восточной улыбкой вылила на эксгибиционистку. Та завизжала.

— Пора убираться,— заявила Лиз.

Только мы выскочили из дома, как в нем началась свалка.

За нами следовал Рэндан, который с благоговением восхищался мастерством блондинки.

---

[1] Женщина, занимающаяся стриптизом.

— Чтобы делать подобное, многие учатся годами,— сказал он.

— Да, это, должно быть, большое утешение в длинные зимние вечера,— съязвил я.

Тут я узнал, что сегодня ночью Лиз без машины. Я уже собирался поймать такси или отправиться пешком, но Рэндан настоял на том, чтобы подвезти нас в своем автомобиле.

Расставаясь с Лиз у дверей дома, я поцеловал ее на сон грядущий. Мой спутник скромно глядел в другую сторону.

Затем она вошла в дом, а Рэндан отвез меня к "Норт-Дюнз".

Оказалось, что он больше заинтересовался убийством, чем я думал, и не просто был заинтересован, но в буквальном смысле заинтригован.

— Я занимался изучением подобных случаев,— заметил он с серьезным видом.— Однажды даже написал работу об убийстве сэра Томаса Овербери. Потрясающий случай!

— Кажется, это было в семнадцатом веке?

Я знал еще немало интересных вещей, которые могли сбить с толку даже университетских студентов.

— Вот именно. Вообще-то я не собирался приезжать, хотя Элли и приглашала меня. Но как только по радио в Бостоне сообщили, что произошло, я немедленно бросился сюда. Я был знаком с миссис Брекстон, правда немного, когда она дружила с моим дядей.

— Но это ведь было достаточно давно?

— Да, лет пятнадцать, если не ошибаюсь, но я все прекрасно помню. Все были абсолютно убеждены, что они поженятся. Я так и не понял, почему этого не произошло. Потом мы узнали, что она вышла за Брекстона.

— Похоже, ваши дядя и тетя сильно привязаны друг к другу?

Но он был слишком хитрым молодым человеком и не попался на эту удочку.

— Да, вы правы,— равнодушно бросил он.

"Норт-Дюнз" чернел на фоне белого пляжа, производя жуткое, зловещее впечатление. Нигде ни огонька. Интересно, почему для меня не оставили свет в холле?

Мы подъехали к дому и остановились на шоссе. На затемненной террасе не было видно ни души. Я еще не забыл, что произошло накануне, когда я вошел в этот мрачный дом.

— Вы ночуете здесь? — спросил я, поворачиваясь к Рэндану.

— Нет, в городе. Я не хотел никого стеснять. Кроме того, пока я в Истхэмптоне, мне надо со многими повидаться.

Он вылез из автомобиля:

— Я провожу вас до дома.

Мне стало стыдно за свой неожиданный страх,и я надеялся, что Рэндан не заметил этого.

Мы обошли дом и подошли к нему со стороны моря.

Молодой человек всю дорогу болтал об убийстве, что не доставляло мне особого удовольствия. Впервые с того времени, как начались все тревоги, я был испуган. Меня пронизывал необъяснимый ледяной страх. Я хотел попросить его пройти со мной в дом, но у меня не хватало на это мужества и было слишком стыдно показывать свою слабость. Вместо этого я тянул время, давал на его вопросы невероятно длинные ответы, стараясь как можно дольше оттянуть неизбежное.

Мы уселись на металлическую скамейку-качели, которая стояла рядом со ступеньками на террасу. Немного в стороне, подобно черным грибам, возвышались пляжные зонтики. Благодаря луне, ночь была светлой и ясной. Мы старались не двигаться, чтобы качели не скрипели.

— Я приехал сюда,— тихо признался Рэндан,— по вполне определенной причине. Я знаю, Элли считает, что я просто ужасный человек, но дело не в этом. Я очень люблю ее и своего дядю и сильно забеспокоился, когда услышал о том, что произошло.

— То есть вы хотите сказать, что они могут иметь какое-то отношение к этому?

Он кивнул:

— Только не думаю, что прямое. Просто в газетах может появиться множество разных сплетен, которые... в общем, слухов.

— О вашем дяде и Милдред Брекстон?

— Главным образом, да. Видите ли, я уверен, если они попытаются предъявить обвинение Брекстону, он втянет в дело Флетчера и Элли. Просто так, чтобы вызвать больше шума.

Потрясающе! Чуть ли не эти же самые слова я слышал в разговоре между Брекстоном и Клейпулом в день смерти Милдред. Дядя с племянничком, видимо, обменялись письмами... Или, возможно, существовала какая-то семейная тайна, и они опасались, что, благодаря Брекстону, она всплывет.

— И что же вы собираетесь делать? — спросил я, с любопытством глядя на него.

Он пожал плечами:

— Все, что в моих силах. Я очень люблю Флетчера и Элли. Они мне не просто дядя и тетя, а почти как родители. Дело в том, что, когда умер мой отец, Флетчер стал моим законным опекуном. Так что вы видите, в моих интересах оказать им помощь, свидетельствовать в их пользу, если... гм, будет обвинение против них.

— Какого рода обвинение? Что может предъявить Брекстон?

Рэндан усмехнулся:

— Трудно сказать. Вряд ли что-нибудь серьезное, по крайней мере не обвинение в убийстве. Думаю, что-нибудь, связанное с семейными делами.

Я понял, на что он намекает. Находясь в отчаянном положении, Брекстон мог извратить отношения между братом и сестрой. Правда, как это могло быть связано с Милдред Брекстон?

Затем Рэндан перевел разговор на день убийства. Он интересовался поведением каждого и в особенности хотел знать, что я действительно думаю о происшедшем. Он оказался умнее, чем я предполагал, но скоро стало ясно, что он знает не больше других о загадочной смерти Милдред.

Я предложил ему сигарету, сам взял одну, дал ему прикурить и тут нечаянно выронил спички.

Чертыхаясь, я стал их искать в песке у своих ног.

Наконец-то я их нашел и прикурил. И здесь я заметил, что мои пальцы в какой-то темной жидкости.

— О боже! — в ужасе воскликнул я, уронив на этот раз и спички и сигарету.

— В чем дело?

— Не знаю... мои пальцы... Похоже на кровь... Должно быть, я порезался.

— Действительно, у вас идет кровь. Возьмите.

Рэндан предложил мне свой носовой платок.

— Как вы умудрились это сделать?

— Понятия не имею. Я даже ничего не почувствовал.

Я насухо вытер пальцы и увидел, что никакого пореза нет. Кровь была не моя.

Мы посмотрели друг на друга.

У меня по телу побежали холодные мурашки.

Мы вскочили на ноги и отодвинули качели в сторону.

У наших ног, в луже крови на белом песке, лежало тело мужчины.

Горло его было перерезано, голова чуть ли не отделена от туловища.

В ярком свете луны я узнал Флетчера Клейпула.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

До самого утра в доме никто не ложился спать.

Прибыл Гривз. Его встретил огонь свечей в гостиной.

Дело в том, что сразу же после полуночи свет в доме вырубился. Вот почему, когда я приехал с Рэнданом, в окнах не было ни огонька. Один из полицейских более часа ковырялся в распределительном щитке, расположенном на кухне, но безуспешно — восстановить освещение не удалось.

Все пытались держать себя в руках, за исключением Элли Клейпул, которая билась в истерике. Вызвали сиделку. Она быстро успокоила Элли, введя ей какое-то лекарство. Мы с облегчением вздохнули, ибо крики мисс Клейпул, когда она узнала об убийстве брата, довели наши нервы до предела.

Все молчали. Говорить было не о чем. Мы сидели в гостиной, ожидая, когда нас пригласит к себе инспектор Гривз. Только мы с Рэнданом были полностью одеты. Брекстон сидел в вылинявшем халате, прикрыв лицо рукою, как бы отгораживаясь от нас. Мэри Уэстерн Ланг, выглядевшая действительно испуганной, пребывала в состоянии оцепенения, напоминая собой какую-то беспорядочную кучу — бледная, с отекшим, одутловатым лицом, запутавшаяся в широком розовом халате. Миссис Вииринг принюхивалась к бокалу бренди с непреклонностью человека, решившего напиться как можно быстрее. Рэндан и я были сторонними наблюдателями. Мы следили не только за другими, но и присматривались друг к другу.

Мне, в частности, было интересно знать, как он воспримет смерть любимого дядюшки и опекуна. Однако Рэндан был спокойнее всех. После первоначального потрясения, когда я был уверен, что он вот-вот упадет в обморок, он вдруг стал проявлять необычайную активность — у него единственного хватило силы духа прикоснуться не только к телу, но и к длинному острому ножу, лежавшему близ него. Пока я стоял в растерянности, не зная, что делать, и с дрожью взирал на Флетчера Клейпула с отрезанной головой, Рэндан вызвал полицию.

Сперва допрашивали женщин. Затем вызвали Рэндана, потом меня и последним, насколько я помню, Брекстона.

Впервые я стал допускать мысль о том, что убийца — он.

Уже занимался рассвет, когда Гривз вызвал меня. Остальные разошлись по своим комнатам. Только Брекстон сидел в гостиной. Свет уже был восстановлен.

Гривз выглядел таким же уставшим и измученным, как и я.

Я рассказал ему все, что произошло. Как мы с Рэнданом минут двадцать вели разговор, прежде чем под качелями обнаружили тело его дяди.

— В какое время вы прибыли в дом...— Гривз с мрачным видом заглянул в свои записи,— Эвана Эванса?

— Незадолго до полуночи. Буквально за несколько минут.

— И есть свидетели?

— Конечно.

— А в какое время мистер Рэндан появился у Эванса?

— Я бы сказал, минут пятнадцать второго, точно не знаю. На вечеринке за временем как-то не следишь. Ушли мы, правда, ровно в половине второго. Помню, я еще посмотрел на часы.

Я был уверен, что меня спросят, почему я посмотрел на часы, но инспектор даже виду не подал, как бы понимая, что такие вещи могут произойти совершенно случайно.

— Затем вы подбросили домой мисс Безземер и отправились прямо сюда?

— Вот именно.

— В какое время вы нашли тело?

— В час сорок шесть. Мы с Рэнданом специально обратили на это внимание.

Гривз с трудом сдержался от зевка:

— И никто из вас ничего не трогал?

— Ничего, хотя, может быть, я и прикоснулся к телу, прежде чем понял, что лежит под качелями. Отсюда и кровь на пальцах.

— А что вы делали там? Почему вы вдруг оказались на качелях?

— Ну, в общем так. Мы приехали с вечеринки. Освещения в доме не было, а Рэндан очень хотел поговорить со мной об убийстве миссис Брекстон, поэтому мы обогнули дом и уселись на качели. Думаю, если бы в доме был свет, мы пошли бы в гостиную.

Мне ужасно не хотелось признаваться в том, что я был напуган до смерти и боялся входить в дом один.

— Вы заметили что-нибудь странное? Какие-нибудь отпечатки пальцев или еще что-нибудь?

— Ничего. А почему в доме не было света?

— Пока что не знаем. Видимо, перегорели предохранители. Один мой сотрудник пытался разобраться в этом, в то время как другой продолжал оставаться на посту.

Гривз явно занял оборонительную позицию. Я прекрасно понимал почему.

— А убийство произошло без четверти час?

— Откуда вам это известно?

Инспектор выпалил этот вопрос, и его прежде сонные глаза округлились.

— Просто все состыковывается. Убийца что-то сделал со щитком, затем выскочил из дома, убил Клейпула, сидевшего на качелях, а полиция и все остальные занимались в это время светом, затем...

— И что затем?

— Ну, не знаю...— неуклюже закончил я.— А вы?

— Это наше дело.

— Так когда произошло убийство?

— Это не ваше...— Но по одному ему известным причинам Гривз вдруг замолчал и стал вести себя разумнее. В конце концов я был не только свидетелем и подозреваемым, но и представителем прессы.— Коронер[1] еще не пришел к окончательному решению, однако он считает, что все произошло, как только погас свет.

— Где находится распределительный щиток? — спросил я.

— Сразу же за кухонной дверью.

— А где был полицейский?

— Полицейскими охраняется весь дом, но в этот момент на кухне никого не было.

— А дверь на кухню была заперта?

— Нет, не заперта.

— А вам не кажется это странным? Насколько я знаю, кухарки смертельно боятся всяких бродяг.

— Дверь была заперта прислугой после мытья посуды примерно в одиннадцать часов. Кто открыл дверь позднее, нам неизвестно.

— Нашли что-нибудь?

Гривз лишь устало пожал плечами.

— Кого-нибудь подозреваете?

— На это я вам ответа не дам, мистер Сарджент.

Инспектор холодно посмотрел на меня.

— У меня безупречное алиби. Можете мне доверять.— Я посмотрел, как мне казалось, по-собачьи преданными глазами, однако Гривза это нисколько не тронуло.

— Безупречное алиби ничего не стоит сварганить,— с горечью заметил полицейский.

2

На следующее утро я понял, что он имел в виду.

Я проснулся в половине девятого, после непродолжительного, но крепкого сна. Потом в течение получаса составлял статью для "Глоуб" — описания очевидца, которые затем по телефону передал в редакцию, абсолютно уверенный в том, что меня, затаив дыхание, прослушивает не один человек. Наконец я спустился к завтраку.

---

[1] Специальный судья, в обязанности которого входит выяснение причины смерти, происшедшей при необычных или подозрительных обстоятельствах.

Через окна холла я увидел несколько газетчиков и фотографов, яростно спорящих с человеком в штатском. "Я переплюну вас всех,— злорадно подумал я,— если, конечно, останусь в живых".

Мысль о том, что один из гостей — убийца-маньяк, уже не раз приходила мне в голову. В таком случае я, как и любой из присутствующих в доме, мог стать очередной жертвой.

В столовой задерганный дворецкий принес мне яйца и тосты. В комнате был еще Рэндан, который прямо-таки сиял от возбуждения.

— Они попросили меня остаться, полиция то есть, так что мне пришлось провести ночь в комнате моего дяди.

— Особого удовольствия это, наверное, не доставило, не так ли?

— Вы имеете в виду Элли? — Его лицо вдруг помрачнело.— Да, это было просто ужасно. Конечно, с ней всю ночь была сиделка и, насколько я понимаю, периодически давала ей успокоительное. Поэтому я ничего особенного не слышал, хотя стены здесь тонкие, как бумага. Кроме того, было крайне неприятно лежать в постели Флетчера. К счастью, полиция изъяла все его вещи.

— Сегодня утром вы уже кого-нибудь видели?

Он покачал головой:

— Никого, за исключением полицейских да репортеров у входа. Быстро они сюда примчались.

— Все это попадет уже в дневные выпуски,— заметил я осторожно.— Пришла ли полиция к какому-нибудь мнению, как был убит ваш дядя?

— Не знаю. Мне немногое удалось выудить у Гривза. Между прочим он ужасно рассердился, когда я стал задавать вопросы, и заявил, что одного детектива-любителя вполне достаточно для убийства. Интересно, кого он имел в виду?

— Видимо, меня.

— А вы частный детектив, да?

Рэндан посмотрел на меня с восторгом. Глаза его прямо сияли за толстыми линзами.

— Нет, но я бывший газетчик и пару раз был замешан в подобные истории. Правда, не такие сногсшибательные, как эта.

— Сногсшибательные? У меня предчувствие, что это дело предельно простое.

— Что ж, приятно слышать. Зачем же так долго держать нас в неведении? — произнес я с ядовитым сарказмом. За завтраком я вообще всегда в плохом настроении.

— Может быть, я и раскроюсь.

Он с таинственным видом уставился в свою кофейную чашку, вызывая у меня еще большее раздражение, чем прежде. Если бы я был убийцей, с ним бы я разделался в первую очередь, а затем уж с Мэри Уэстерн Ланг.

— Вы, наверное, думаете,— сказал я,— что все это сделал Брекстон, потому что ревнив и хотел убить не только свою жену, но и ее любовника, избрав для этой мерзкой цели в качестве соответствующей обстановки дом родственницы его жены.

— Не понимаю, что вас не устраивает в этой версии,— парировал Рэндан.— Она не так глупа, как вы пытаетесь ее представить. Бывают же убийства экспромтом, под влияние минуты, разве не так? Кроме того, они собрались вместе в одном доме.

Рэндан прямо-таки исходил самодовольством.

— Разве он не мог поступить разумнее? — возразил я.— Я знаю, большинство художников не отличаются особым умом, но, если уж он задумал разделаться с ними, худшего способа он придумать не мог.

— Ну, во-первых, я не утверждаю, что именно Брекстон — убийца,— заявил Рэндан.— Но готов поспорить, что выясню это раньше вас и Гривза.

Я поймал его на этом и предложил пари.

Двадцать долларов тоже деньги.

Утро было солнечным, но прохладным. Повсюду сновали полицейские, а Гривз, как выяснилось, уже успел побывать в Риверхеде и вернуться. Сейчас он находился внизу, в комнате Брекстона, а самого художника перевели на второй этаж. Почти весь день мы не отходили от дома.

Я принялся рассматривать все алиби.

Как выяснилось, миссис Вииринг и мисс Ланг отправились спать в одно и то же время — примерно в половине первого. В гостиной оставались Элли и

Брекстон. Рэндан был в клубе. Клейпул около полуночи отправился на последнюю в своей жизни прогулку. Как я понял, ни у кого из дам алиби не было. Элли до сих пор была выбита из колеи, и никто с ней не мог поговорить. Я начал понимать, что имел в виду Гривз, говоря, что безупречные алиби ничего не стоит сварганить. Смысл этого до меня дошел после ленча.

К Брекстону за столом относились почти как к прокаженному. Все были взвинчены и испуганы происходящими событиями, так что увести его мне ничего не стоило.

— Пойдемте, прогуляемся,— сказал я.

Мы стояли на веранде, выходящей в сторону океана.

— Не знаю, разрешат ли нам... или мне,— заметил художник.

— А мы попытаемся.

Мы спокойно вышли и на мгновение остановились на террасе. Под качелями был уже насыпан новый песок, чтобы скрыть кровавое пятно. Все казалось спокойным, и не верилось, что откуда-то может прийти смерть.

Мы медленно прошли мимо качелей в сторону моря. На террасе появился человек в штатском. Он явно следил за нами.

— Я чувствую себя чертовски важной персоной,— мрачно усмехнулся Брекстон.— Нам лучше далеко не уходить.

На виду у полицейского мы прошли еще несколько ярдов и опустились на песок.

— Вы журналист? — прямо в лоб спросил Брекстон.

— Не совсем, хотя и пишу по временам для "Глоуб".

— И вот здесь, на пляже, вы хотите знать, как во время уик-энда я утопил свою собственную жену и убил старого друга семьи? Да, это будет трогательный рассказ,— мрачно засмеялся он.

— Ну, хотя бы какие-нибудь признания,— сказал я, подыгрывая ему.

— Неужели вы действительно полагаете, что это моих рук дело?

Вопрос был для меня неожиданным.

— Не знаю,— откровенно признался я.— Не думаю, потому что по ряду причин это было бы вам не на руку.

— И у меня точно такой подход.

— Кто же тогда, по вашему мнению, мог это сделать?

Он оглянулся по сторонам. Затем пальцем быстро нарисовал женский торс на песке. Я невольно обратил внимание, с какой легкостью он это делал, почти не глядя на линии — крайне неожиданно для художника-абстракциониста.

— Не знаю, что и сказать,— произнес он.— У меня есть только предчувствие. Все происшедшее ставит меня, как, впрочем, и всех остальных, в тупик. Единственная разница, что большинство из гостей уверены в том, что убийца — это я. Хотите — верьте, хотите — нет, но я не мог совершить ни одного убийства.

Это произвело нужный эффект. Я даже посмотрел на него с некоторым изумлением.

— Вы хотите сказать, что...

— Сегодня ночью, когда был убит Флетчер, если это действительно произошло до четверти второго, до вашего появления на пляже с Рэнданом, я был с Элли Клейпул.

Вот это поистине была новость. Теперь понятно, почему Гривз был так мрачен сегодня утром.

— Вы сказали об этом полиции?

— Даже с некоторым удовольствием.

— Они поверили вам?

— Им оставалось только спросить Элли.

— Но она, кажется, в истерике и даже без сознания, разве не так?

Он слегка нахмурился:

— Так утверждают. Но когда она вновь придет в себя, они выяснят, что ни я, ни Элли, если уж на то пошло, не могли убить ее брата.

Некоторое время мы помолчали. Я пытался выяснить, что происходило прошлой ночью, раздавались ли какие-нибудь звуки, когда мы с Рэнданом шли вокруг дома, были ли следы на песке. Единственное, что я вспомнил,— огромный темный дом на фоне лунного неба. Темный! Кажется, я наконец-то нашел прореху в этой истории.

— Вы что же, беседовали с мисс Клейпул в темноте? Ведь в доме не было ни огонька, когда мы подошли к нему.

— Мы сидели на веранде, освещенной лунным светом.

— На веранде, выходящей на террасу?

— Нет, с южной стороны, там, где площадка для гольфа.

— Интересно, а где же были полицейские?

— Один все время ходил вокруг дома, а другой искал свечи, которые дворецкий никак не мог найти. У полицейского был фонарь,— добавил он и пальцем проткнул фигуру, нарисованную на песке.

— Вы больше ничего не хотите мне сообщить? — спросил я доверительным тоном, пытаясь расположить к себе собеседника.— Завтра я отправляю очередную статью и...

— Вы можете просто подчеркнуть, что я был с мисс Клейпул, когда убили ее брата. Кроме того, упомяните, что моя жена имела привычку принимать для успокоения нервов большие дозы снотворного в любое время дня и ночи. Я пытался объяснить все полиции, но они, видимо, посчитали это маловероятным. Возможно, сейчас они отнесутся более серьезно.

— Вы считаете, что миссис Брекстон никто не убивал? Что она сама приняла лекарство?

— Уверен в этом. Поверьте, ее смерть была сюрпризом не только для нее, но и для всех нас.

— А вам не кажется, что она хотела покончить с собой? Уплыть подальше от берега, где, как она понимала, обязательно утонет.

— Покончить с собой? Да она мечтала жить вечность! Вот какой она была человек!

Но он не стал развивать эту мысль дальше, и вскоре мы повернули к дому. Полицейский в штатском продолжал следить за нами с высоты террасы.

В тот же день к нам нагрянула Лиз, и мы с ней пешком отправились вдоль берега в клуб. Полицейскому явно было не до меня.

В малиновом бикини Лиз была просто очаровательна. Глядя, как она бредет по песку, любуясь ее длинными прямыми с гладкой кожей ногами, которыми она поддевала ракушки и высохших морских звезд, я невольно оставил все свои тревоги.

Но Лиз не позволила мне забывать об убийствах. Она прочитала не только мою статью, опубликованную в "Глоуб", но и просмотрела другие издания.

— Думаю, тебе грозит опасность,— заявила она после того, как перечислила все кровавые подробности, которые успела почерпнуть из газет.

— Я так не думаю, Лиз, да и что я могу поделать?

Я, конечно, попытался извлечь из сложившейся ситуации всю возможную выгоду. Мысль о том, что она могла эротически возбуждаться, зная о той опасности, которой подвергается ее мужчина (ср.: поведение женщин в годы войны), была привлекательной, но не соответствовала истине. Насколько я понимаю, у Лиз вообще отсутствовало воображение, однако она, как и большинство женщин, считала, что, если женщина не вмешается и не восстановит прежний статус-кво, все станет значительно хуже. Правда, помочь Лиз могла только советом.

— Тебе нужно уехать, вот и все. Они не могут удерживать тебя. Единственное и самое худшее, что они могут сделать, вызвать тебя в суд в качестве свидетеля.

Драматические последствия такого шага, казалось, привлекали ее. Она довольно слабо представляла себе технику суда, но все равно — в волнении она была просто прекрасна. Глаза ее горели огнем, а на щеках даже сквозь загар проявился яркий румянец.

Мы маневрировали среди дюн, пока не оказались у клуба. Она была так занята мыслью о моем вызволении, что с опозданием обратила внимание на то, что мы скрыты ото всех тремя дюнами, которые, хотя и не похожи на горы Айдахо, напоминали собой треугольник из остроконечных грудей. Сперва она стала сопротивляться, затем просто закрыла глаза, и мы окунулись в блаженство любви в колыбели из белого горячего песка с голубым небом над головами.

Затем мы отдыхали, а наши сердца бились в унисон. Наконец-то я расслабился — впервые за последние два напряженных дня. Кроме нашей любви, все остальное казалось неважным. Но затем практичная Лиз села и стала надевать свое бикини, которое я безжалостно смял во время нашей верблюжьей игры.

Я ждал хоть какого-нибудь слова любви.

— Знаешь, дорогой,— наконец произнесла Лиз,— есть такая вещь, как кровать, хотя, может быть, это и звучит старомодно.

“Так мне и надо,— подумал я,— чего ждал, то и получил”.

— Уверен, что тебе было не так неудобно, как мне,— сказал я, надевая на себя спортивные брюки, правда, сперва вытряхнув песок, набившийся в самые сокровенные места.

— Ты мало знаешь женщин,— нежно произнесла Лиз.— Я принесу тебе рисунки и покажу различия между нашей анатомией и вашей, напоминающей собой удивительно простую, даже вульгарную туалетную систему.

— Значит, женщина — это нечто совершенное?

— Вот именно. Первоклассное. Мы — символ вечности. Врата в действительность, в саму жизнь. Все мужчины завидуют нам, потому что мы можем рожать детей. Вместо того чтобы шляться с этими висящими трубками, мы...

— Сексуальный шовинизм,— прервал я ее и повалил на песок.

Правда, на сей раз заниматься любовью мы не стали. Мы просто лежали и загорали, пока не припекло. Затем, обливаясь потом, мы побежали к клубу, который был всего в нескольких ярдах от нас.

Днем “Лейдирок” напоминает собой своеобразный морской корабль с развевающимися флагами, бассейном для детского купания, террасой для серьезных пьяниц, рядами маленьких пляжных домиков — так называемых каван — образцовый клуб на образцовом пляже, полный образцовых членов, если не столпов, то, по крайней мере, больших шишек национального общества.

Я несколько нервничал, когда Лиз представила меня своей тете. Та восседала под полосатым зонтиком вместе с группой полных, среднего возраста дам в ярких цветастых платьях и широких шляпах. Все они пили чай. Я абсолютно уверен, что наша похоть была видна невооруженным глазом, правда об этом свидетельствовало только одно — наши разгоряченные лица и потные тела в довольно прохладный день. В остальном ничто не говорило о наших недавних занятиях. Заявив, что в нашем возрасте уже поздновато устраивать гонки по песку, тетушка милостиво нас отпустила.

— Надо же! Она назвала это гонками! — с иронией сказал я, проследовав за Лиз в их семейную кавану.

— Уверена, что она так же относится и к сексу,— жизнерадостно отозвалась Лиз.— В дни их молодости совершенно не было спортивного азарта.

Не знаю почему, но эти слова меня совершенно шокировали. Я понял, что Лиз, в отличие от большинства девушек ее поколения, была совсем не сексуальной гимнасткой, хотя временами, казалось, и проявляла соответствующую активность. Многое выяснилось во время наших разговоров. Я понял, что у нее отсутствует любовь к романам, обычная беспорядочность, столь характерная для наиболее опытных современных любовников. “Интересно,— думал я,— а не старается ли она задеть мое самолюбие? Если это так, то она недалека от успеха”. Я готов был на все, лишь бы добиться от нее какого-нибудь признания — печального взгляда, вздоха, слов “как бы мне хотелось, чтобы это продолжалось вечно!” Вот тогда я чувствовал бы себя как надо. А вместо этого она вела себя как пресытившийся школьник во время выпускных каникул.

Мы вымылись под душем в их каване, а затем я натянул на себя плавки ее дяди, которые просто висели на мне.

Лиз была прямо в восторге.

— Хорошо бы, если бы все мужчины носили так,— заявила она, надев на себя яркое зеленое творение, которое сидело на ней, как кожа на змее.— Невольно разыгрывается воображение,— произнесла она и молнией метнулась к морю. Я едва поспевал за ней.

Мы вылезли из воды на пляж, когда собиралась коктейльная толпа — сотни пестро одетых мужчин и женщин, группировавшихся под зонтиками и напоминавших собою капли масла в стакане воды. Одни группы не разговаривали с другими. Те, у которых денег было маловато, с ненавистью взирали на богачей. Даже здесь, как в раю, можно было найти и херувимов и серафимов.

Тетушка Лиз принадлежала к группе почти самой верхушки старой гвардии, куда входили дамы среднего возраста. Они вместе играли в бридж, обсуждали ужасные последствия прошлогоднего неурожая для жизни городка, шептались о развращенности и дурном вкусе тех, кто побогаче, с терпеливой улыбкой взирали на неловкость тех, кто победнее, и в целом неплохо проводили время, а их тугодумы-мужья, сидя в баре, с пеной у рта обсуждали игру в гольф.

Лиз избавила меня от своей тетушки, и мы оказались за свободным столиком рядом с бассейном. Мы пили коктейль, только что изобретенный буфетчиком клуба, который оказался настоящим гением — он смешал джин, мятную водку и добавил соды. Я хотел напиться. Солнце грело, хотя было уже поздно. Тело мое обсохло, и на нем остались только крупинки соли. Рядом сидела Лиз... Все было просто прекрасно, пока к нам не подсел Дик Рэндан. Он был в грубых спортивных трусах, которые подчеркивали тусклость его кожи и выявляли множество дефектов его тощего тела.

— Я смотрю, вы бездельничаете,— заметил он сердечно, имитируя старых козлов в баре.

Сел он без всякого приглашения.

— Как дела, мисс Безземер? — спросил он, поворачиваясь в сторону Лиз.

Мне так и хотелось его ударить.

— Спасибо, прекрасно,— и Лиз одарила его лучшей своей улыбкой, как у Вивьен Ли в роли Скарлетт О'Хара.

— Слышали, что произошло с нами после того, как мы вчера расстались?

— Да,— тихо ответила Лиз и скромно потупила глаза. Она явно давала ему урок, и я чуть было не рассмеялся. Рэндан это почувствовал.

— Ужасное было дело,— продолжал он, щупая свои тощие мышцы.

— У вас должно быть стальные нервы! — воскликнула Лиз.

— Ну, не совсем, но уверен, что Пит рассказал вам о том, как это было.

— Через пять минут я буду пьяна,— сказала девушка, бросив на нас сияющий взгляд.

— Да, это было непросто,— произнес Рэндан, геройски сжав губы.

Я не выдержал и прервал его:

— В доме заметили, что меня нет?

— Нет, но полицейский видел, как вы шли в эту сторону вместе с мисс Безземер.

— Вот как? — Мне бы, конечно, хотелось знать, что еще видел охранник, но он, похоже, был человеком скрытным.

— Поэтому я решил,— продолжал Рэндан,— тоже отправиться сюда и посмотреть, что здесь делается. Я несколько устал от той атмосферы. Вам известно, что Элли до сих пор еще не приходила в себя?

— Я думал, она уже на ногах.

Рэндан покачал головой:

— Нет, она в ужасном состоянии, постоянно бредит. Никого к ней не подпускают, кроме Гривза. Я даже не выдержал и пошел к нему... ну, понимаете, как ближайший родственник и потребовал у него правду о ее состоянии. Он сказал мне, что с самого утра она так и не приходила в сознание. Я посоветовал ему поместить ее в больницу, но он ответил, что она находится под хорошим медицинским наблюдением и будет пока здесь.

Лиз наконец бросила дурачиться, увлеченная, как обычно, нашими делами.

— Неужели вы думаете, что они действительно арестуют мистера Брекстона? — спросила она.

Рэндан пожал плечами.

— Трудно сказать. Некоторые из нас считают, что он здесь ни при чем,— подчеркнул он.

— О, но это *должен* быть мистер Брекстон.

— Почему это ты так решила? — поинтересовался я, пораженный ее уверенностью.

— Потому что только мужчина мог перерезать горло мистеру Клейпулу. У Питера не было на это причин. Остается, следовательно, только Брекстон.

— И я,— добавил Рэндан, кивая головой.— Я ведь тоже подозреваемый.

— Да? Но вас же не было в ту ночь? Кроме того, вы бы не стали убивать своего собственного дядю... и потом, даже если б в день убийства Клейпула вы были здесь, вы все равно не смогли бы расправиться с миссис Брекстон, ибо тогда находились в Бостоне...

— С друзьями,— весело добавил Рэндан.— Правда, я не думаю, что мне придется доказывать Гривзу, где я был в момент убийства.

— Ну, раз у вас два алиби, вы отпадаете. Выходит только бедняга Брекстон мог совершить оба эти преступления.

— Ловко,— сказал я.— А если предположить, что у мистера Брекстона есть алиби на второе убийство и вполне убедительное объяснение на первое?

— А что именно?

Они оба с любопытством уставились на меня.

— Я ничего вам не скажу, пока вы не прочитаете утренний номер "Глоуба". Отмечу только один-единственный факт — во время убийства Брекстон был с Элли Клейпул.

Рэндан посмотрел на меня с немалым интересом:

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно. Так что он тоже отпадает.

— Если не...— Лиз замолчала.

— Если не? — раздраженно произнес Рэндан.

— Если, конечно, они не сделали это вместе... Этим, кстати, можно объяснить ее состояние впоследствии.

Эти слова, как холодный душ, окатили нас.

— Мисс Клейпул — моя тетя...— сухо начал Рэндан.

— Вообще-то,— прервала его Лиз,— я ничего плохого не имела в виду. Просто размышляла вслух. Мне ведь абсолютно ничего не известно, только то, что я вычитала в газетах или то, что мне рассказали. Клянусь, мне даже в голову не приходило, что она или кто-то иной...

И Лиз гладко довела свою мысль до благопристойного конца.

Мы еще немного посидели, выпили, однако, расставаясь с Лиз, почувствовали, что произошло нечто ужасное, что неожиданно стало возможным чудовищное объяснение всего случившегося.

Бредя по песку, мы чуть ли не половину расстояния до дома прошли молча. Первым заговорил Рэндан.

— Я не могу в это поверить,— произнес он.

— О вашей тете и Брекстоне? Ну, не удивляйтесь. Это одна из наиболее изощренных версий Лиз.

— Но, черт побери, она может прийтись по вкусу этому дураку Гривзу. Я бы не хотел, чтобы это произошло.

— Уверен, что этого не случится.

— Не случится? А что должно произойти, когда он услышит, что они были вместе? Остаются только три возможности: я, мисс Ланг и миссис Вииринг. Меня здесь не было, а у двух дам, я думаю, не было мотива. Брекстон пытался блефовать с вами.

— Наверное, нам что-то неизвестно об этом убийстве,— стал успокаивать я его.— Может быть, Клейпул был убит раньше предполагаемого времени? Может, Брекстон выскочил из дому, расправился с ним и незаметно вернулся обратно, делая вид, что был в ванной.

— Слишком уж запутанно.

Его лицо просветлело, когда он задумался над этими сложностями.

— В любом случае,— заметил он,— теперь придется следить за Элли. Я хочу попросить их выделить еще одного полицейского.

— Для чего?

— Если Брекстон блефовал, он не захочет, чтобы она пришла в себя, разве не так?

Его логика была убийственна и не вызывала сомнений.

Мы нашли Гривза у качелей. Инспектор был в сером помятом костюме.

— Как моя тетя? — спросил Рэндан.

— Где вы, черт побери, были? — Гривз с раздражением посмотрел на нас.— Я хотел еще раз поговорить с вами.

— Я был в клубе. Она все еще...

— В том же состоянии.

— О чем вы хотели поговорить со мной?

— Мы перейдем к этому после обеда.

Затем Рэндан потребовал, чтобы поставили полицейского у комнаты Элли. Ему отказали на том основании, что двоих полицейских и круглосуточной сиделки вполне достаточно. Когда же Гривз поинтересовался, зачем все это нужно, Рэндан смутился, а затем, сделав мне знак, чтобы я молчал, отправился к себе в комнату переодеваться.

Я тоже собирался было войти в дом, как неожиданно мне пришла в голову одна мысль.

— Интересно,— спросил я, повернувшись к Гривзу,— почему вы больше не расспрашивали меня по поводу найденной вами записки? Той самой, которую, по вашему мнению, я состряпал ради собственного удовольствия?

— Вы же сказали, что вы тут ни при чем, вот и все,— прозвучал категорический ответ.

— Значит, вы знаете, кто сделал это, так?

— Возможно.

— Убийца?

Гривз покачал головой.

— Клейпул,— ответил он.

— Как?! — воскликнул я, пораженный не столько именем, сколько откровенностью инспектора.— Вы нашли какие-нибудь отпечатки пальцев или иные следы? Почему вы пришли к такому выводу?

— Для этого вполне достаточно здравого смысла,— с уверенностью заявил Гривз.— Клейпул был абсолютно убежден, что Брекстон — убийца. Он не мог заявить об этом открыто из-за взаимоотношений в семье. Возник бы скандал, шумиха, а это так или иначе отразилось бы и на нем. Вот почему он оставил эту записку, чтобы дать нам нужную нить. К несчастью, об этом узнал и Брекстон, который умудрился разделаться с Клейпулом до того, как тот изложил нам историю взаимоотношений их троих, а может быть, даже и четверых. Историю, которая раскручивается сейчас прямо перед нами.

Я даже затаил дыхание.

— Вы понимаете,— наконец произнес я,— что обвиняете Брекстона в убийстве?

— Понимаю,— с необычайной легкостью бросил Гривз.

“Интересно,— подумал я,— какие новые факты появились у полиции?”

Гадать мне долго не пришлось. Гривз решил проинформировать меня.

— Похоже, Клейпула сперва ударили, и он потерял сознание. Затем его перетащили к качелям и перерезали горло.

— Почему вы считаете, что его перетаскивали? Разве на песке остались следы?

— Песок у него в одежде. А следы, даже если они и остались, были смыты волнами прибоя.

Я не мог понять направления его мысли.

— Ну и почему вы думаете, что это указывает на Брекстона?

Гривз снисходительно улыбнулся:

— Я вот что подумал. Если Клейпула сперва ударили так, что он потерял сознание, значит, это могла сделать и женщина, ведь так? Разве не так поступила бы она? А поскольку женщина не в состоянии нести мужчину, она вынуждена была тащить его к качелям, где спокойно перерезала ему горло...

— Ножом, принадлежавшим Брекстону и покрытым его отпечатками пальцев!

Гривз лукаво посмотрел на меня. Свое дело он сделал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Теперь я прекрасно понимаю, что Гривз блефовал. Он был уверен, что Брекстон — убийца, и у него было немало косвенных улик для передачи всего дела в окружную прокуратуру, но он не забывал, что немало полицейских погубили свою карьеру именно из-за этого. Сырые факты давали возможность опытному адвокату не только сбить с толку, но и поставить в тупик обвинение. Сейчас-то понятно, почему он блефовал со мной — он хотел всем внушить мысль о виновности Брекстона. Если бы он этого добился, сложилась бы соответствующая психологическая атмосфера. Кстати, я заметил, что Гривз действительно был увлекающимся психологом-любителем, но к сожалению, некомпетентным.

Я поднялся к себе в комнату и, лежа в ванне, попытался восстановить события дня. Их было немало, и, как ни странно, они не вписывались в картину, которая складывалась у меня в голове.

Я перебрал все алиби. Бросить снотворное в кофе Милдред мог любой из гостей, за исключением Рэндана, который в этот день находился в Бостоне. И Клейпулы и Брекстон хорошо знали, где лежат таблетки снотворного. Мисс Ланг вряд ли об этом было известно. Миссис Вииринг тоже знала. Кроме того, она, похоже, из тех хозяек, которые просто обожают совать нос в вещи своих гостей.

Что же касается второго убийства, то алиби у всех были довольно шаткими, за исключением Элли и Брекстона. Если они действительно были вместе во время убийства, то это либо дает каждому из них алиби, либо, наоборот, выставляет их в качестве напарников, совершивших преступление, причем по непонятным причинам... по крайней мере, что касается ее. Ни у миссис Вииринг, ни у мисс Ланг не было алиби. Зато у Рэндана оно было: в момент убийства он находился в клубе.

Кто же тогда теоретически, если отбросить мотивы и признать справедливость алиби, имел наилучшую возможность для совершения обоих убийств?

Ответ, каким бы ужасным он ни казался, мог быть только один — миссис Вииринг.

Я уронил мыло. Голова моя лихорадочно работала, свыкаясь с новой мыслью.

Из всех подозреваемых только у нее ни на одно убийство не было алиби. Такими же сомнительными были ее утверждения, что она не знала, где находятся флаконы со снотворным. Если Брекстон и Элли не преступники, значит, только один человек мог совершить оба убийства. Это могла сделать только миссис Вииринг, у которой, однако, насколько мне было известно, мотива для их совершения не было.

Размышляя о мотивах, я пришел в уныние. Ответить, “как” совершается преступление, значительно легче, чем объяснить “почему”. Все эти люди были мне незнакомы, и я представления не имел, какие существовали между ними трения, какие обиды скрывали они от окружающего мира. Одно хорошо — и Гривз и я были в одинаковом положении. Ему было известно не больше чем мне. Правда, Гривз предпочитал идти по прямой, никуда не сворачивая. Брекстон ссорился с женой, следовательно, он ее и убил. Клейпул из любви к покойной угрожал разоблачить его — Брекстон убивает Клейпула. При этом, чтобы шокировать полицию, оставляет рядом с телом свой собственный нож.

И вот на этом месте я окончательно исключил Брекстона. Не совершал он этого преступления. Тем не менее у меня было предчувствие, что ему известно, кто это сделал. Кроме того, необходимо выяснить мотивы. Здесь наибольшее подозрение вызывала у меня миссис Вииринг, показания которой были наиболее ненадежными, так что в лучшем случае в них не было смысла.

Когда я натягивал на себя брюки, дверь из соседней комнаты распахнулась и передо мной предстала Мэри Уэстерн Ланг. Глаза ее горели страстью, грудь тяжело вздымалась. С большим опозданием я понял, что комод, которым я заставил дверь, соединявшую наши комнаты, был передвинут вновь на прежнее место, по всей видимости, каким-то усердным слугой.

С большим чувством собственного достоинства я застегнул на молнию ширинку.

— Вы меня искали, мисс Ланг?

Она попыталась изобразить смущение и удивление, хотя полные желания глаза выдавали ее.

— Честно говоря, я даже не знаю, что делаю!

Она решительно устремилась вперед. Я надел пиджак и, как бы играючи, поставил стул между нами.

— Присаживайтесь, мисс Ланг.

— Друзья зовут меня Мэри Уэстерн,— заявила она, с разочарованием опускаясь на стул.— Я была так поглощена "Разговором о книгах", что, закончив, чисто машинально вошла к вам, уверенная, что это дверь, ведущая в коридор.

И она отвратительно захихикала, пытаясь смехом загладить свою сумасбродную храбрость. Это было просто ужасно.

Я что-то пробормотал о трудностях писательского труда.

— Я была уверена, что вы меня поймете. Кстати, я с большим интересом прочитала в "Глоуб" ваши статьи о наших несчастьях. Я даже понятия не имела, что в прошлом вы были журналистом.

— Благодарю,— произнес я, завязывая галстук.

— Но думаю, вам следовало сперва проконсультироваться, прежде чем делать публикации. Здесь не все так просто, мистер Сарджент. Все взаимосвязано.

— Я уверен в этом.

— Да, все взаимосвязано,— повторила она, явно получая удовольствие от этой фразы.

И тут она перешла к главному.

— Должна сказать вам, что в целом я не согласна с вашим диагнозом дела.

— Диагнозом?

Она кивнула:

— Из вашей статьи в "Глоуб" — точнее, между ее строк — следует: вы считаете, что Брекстон не мог убить ни свою жену, ни Флетчера...

— А вы считаете, он мог?

— Я этого не сказала,— быстро, на удивление быстро отреагировала она.— Но, в свете известных нам фактов, я не понимаю, на чем основывается ваша уверенность.

— Вряд ли это можно назвать уверенностью... хотя между строк, как вы справедливо заметили, эта мысль проскальзывает.

— Вот именно. Поэтому-то я решила поговорить с вами, так как вы, совершенно не желая этого, можете принести нам немало хлопот.

— Я не...

— Я хочу сказать, мистер Сарджент, что если Брекстон не имеет отношения к этим убийствам, значит, преступником является кто-то из нас. Это же предельно ясно.

— Да, логически это так. Я даже не до такого додумался.

Но мисс Ланг не понимала иронии.

— Но если это один из нас, мы можем быть втянуты в неприятное расследование, которое серьезно скажется на всех нас как в личном плане, так и в профессиональном. Вы следите за мною?

Я сказал, что да, отметив при этом, что не понимаю, почему знаменитый автор “Разговора о книгах” опасается расследования.

— Не больше и не меньше других,— туманно бросила мисс Ланг. Она была явно встревожена.

— Боюсь, мы все имеем к этому то или иное касательство,— пытался вразумить ее я,— и я не понимаю, какое отношение к этому имеют мои репортажи. Если Брекстон не признает себя виновным или произойдет еще что-то ужасное, мы все вынуждены будем пройти через суровые испытания.

— Зачем все усугублять. Я, например, уверена, что он убил Милдред.

— Ну здесь вы не оригинальны.

— Сейчас я хочу только одного — чтобы это дело быстрее закончилось и Брекстон получил по заслугам. Он давно испытывал искушение...Я это знаю. Милдред уже почти год была не в себе и с каждым днем становилась все более невыносимой. Накануне своей смерти она была просто в истерике, бросалась на милую Розу с ножом, с тем самым ножом, которым Брекстон порешил Флетчера! О, это было ужасно!

Как она кинулась на Розу! Та стала кричать и разбудила всех нас. Помните? А затем, конечно, вмешался Брекстон и положил конец...

Должен признаться, я слушал, раскрыв рот от удивления. Я не хотел нарушать поток ее довольно бессвязных слов, опасаясь, как бы она не замкнулась. Я понимал всю значимость того, что она говорила.

Когда она замолчала, чтобы перевести дух, я предельно спокойно сказал:

— Вот именно. После того как мы разошлись по своим комнатам, Милдред и миссис Вииринг продолжали оставаться в гостиной, ведь так?

— Ну да... вот тогда и началась ссора. Роза рассказала мне об этом позднее. Брекстон отправился спать, а Роза, как я понимаю, стала отчитывать Милдред за ее поведение. Милдред потеряла голову и кинулась на нее с ножом. Бедняжка! От страха Роза тоже *потеряла разум*. Она закричала, в комнату ворвался Брекстон и ударил свою жену. Только так можно было привести ее в чувство. Затем он отвел ее в спальню, а Роза поднялась наверх, чтобы попросить нас не волноваться... Вы же помните это.

— Интересно, как у Милдред оказался нож, причем не простой, а мастихин[1]?

Мисс Ланг пожала плечами:

— Кто его знает. Роза совершенно уверена, что Милдред хотела убить ее. И так она годами относилась ко многим, и всем приходилось к ней приноравливаться. Я думаю, вы знаете, что из себя представляет Роза — импульсивная, даже несколько порочная личность, на разумность которой нельзя полагаться на все сто процентов, ведь так? Но, похоже, на сей раз Роза говорила правду, и Милдред действительно напала на нее...

— Но почему?

— Это не наше дело,— холодно заметила мисс Ланг.— Но должна сказать, что до недавнего срыва жены Брекстона они были большими подругами. Роза оставалась привязанной к ней даже впоследствии, когда от Милдред отвернулось большинство людей. Она даже пригласила их сюда на уик-энд, чтобы Милдред могла расслабиться и взять себя в руки. А она вместо этого набрасывается на Розу. Разве это справедливо? Я считаю, что это не наше дело. Стоит ли давать материал сплетникам-газетчикам, тем более, что я абсолютно уверена, что все это дело предельно просто. Я лишь надеюсь, что полиция будет действовать оперативно, прежде...

---

[1] Нож, применяемый в масляной живописи для удаления красок с полотна.

— Прежде чем произойдет очередной несчастный случай или убийство, да?

Мисс Ланг оглянулась со страхом.

— Нет, я не это имела в виду...— но продолжать она не стала.— Надеюсь, мы не опаздываем к обеду.

Она бросила взгляд на золотые часы в форме сердечка, висевшие у нее на цепочке. Затем, обсуждая очередные главы ее “Разговора о книгах”, мы спустились вниз и присоединились к остальным гостям.

Гривз сидел на диванчике, напоминая собою неудачно выполненное чучело. Поскольку сегодня вечером он выступал в качестве одного из приглашенных, а не полицейского, хотя и следил, образно выражаясь, буквально за каждой вилкой, он переоделся в голубой, пропахший нафталином, весь в белых нитках, костюм.

Все остальные вели себя так, будто он старый друг. Об убийствах не упоминалось. Даже на самые общие темы разговор шел с трудом. Брекстон был в превосходном настроении. Это было поразительно, если учитывать, что петля на его шее почти затянулась." Интересно,— подумал я,— не приготовил ли он нам очередной сюрприз?"

И сразу же последовали новости.

— Бедняжка Элли,— заявила миссис Вииринг, беря с подноса бокал с мартини,— все еще не пришла в себя. Я очень обеспокоена ее состоянием.

— Она вообще не приходила в себя?

— Нет, почему же. Но когда она приходит в себя, она начинает бредить, неистовствовать. Это просто ужасно. Как только ей дают лекарство, она полностью отключается. Мы бессильны. Ничего не можем поделать. Остается только молиться.

— Вы видели ее?

— Нет, к ней никого не пускают, кроме врача и сиделки. Я потребовала проведения консультации врачей. Возможно, они это сделают. По крайней мере мистер Рэндан как ближайший родственник дал на это согласие.

— На консультацию?

— Да, чтобы выяснить, что с ней такое.

— Вы хотите сказать...

— Что она, видимо, сошла с ума.

И на такой "жизнерадостной ноте" мы перешли к обеду.

Я помню, как в тот вечер присматривался к сидевшим за столом. Убийца был среди нас, спокойно сидел и поглощал тушеные помидоры и омара под соусом "ньюберг". Но кто же он? Спокойнее всех был Брекстон. Без сомнения, он полагался главным образом на свое безукоризненное алиби: если он действительно говорил правду, а мы об этом вскоре узнаем от Элли Клейпул, то ему не о чем беспокоиться... если, конечно, дело не было еще более изощренным, чем мы все его представляли, и они вдвоем, как в "Макбете", не порешили ее любимого брата по причинам, чересчур преступным для семейного дела.

Как только принесли десерт, миссис Вииринг приподнялась со странной улыбкой на губах и вдруг повалилась головой прямо на стол.

Все онемели. Ее бокал с глухим стуком упал на толстый ковер.

Мисс Ланг пронзительно закричала. Это был крик перепуганной пташки.

Все замерли на своих местах. Только Гривз вскочил и крикнул: "Никому не двигаться!"

2

Никто не ожидал ничего подобного. Вбежал дворецкий с дигиталисом, и миссис Вииринг наконец пришла в себя. Со слабой улыбкой она произнесла:

— Все в порядке... Что-то с сердцем... в постель.

Ее отвели наверх. Опытная сиделка раздела ее и уложила. Гривз вызвал доктора.

Наше все более тающее общество молчаливо попивало бренди и ожидало пояснений Гривза, который вместе с человеком в штатском исследовал бокал миссис Вииринг, ее пищу, стул, на котором она сидела, а также допросил слуг.

Происшедшее больше всего взволновало мисс Ланг. Я даже испугался, как бы ее саму не хватил удар.

— Бедная Роза! Я знала, что так... предупреждала ее... не хотела слушать... напряжение, ужасное напряжение... это не могло долго продолжаться... все возможно, всегда, с самого начала... алкоголь...

Гривз вернулся к нам примерно через час. Похоже, он был действительно встревожен.

— С миссис Вииринг все в порядке. С радостью сообщаю вам об этом. Оказывается, она страдает хронической болезнью сердца. У нее был приступ и...

— Ей дали наркотик! — воскликнула мисс Ланг, широко раскрыв свои поросячьи глазки.— Я в этом уверена! Ей, точно, дали наркотик, как бедняжке Милдред. А может быть, и хуже — отравили!

Именно об этом мы все и думали.

Гривз решительно подошел к бару, где стояли бутылки виски, и, не обращая внимания на правила приличия, налил себе солидный бокал.

Затем он присоединился к нашему тесному кругу.

— Ее не отравили и наркотик ей не давали. Сейчас она чувствует себя вполне нормально. С ней доктор. Придется день-два полежать в постели. Вот и все.

Все молчали. Сказать было нечего. Мисс Ланг явно не верила ему. Остальные не знали, что и думать.

— До утра ее беспокоить нельзя,— заявил Гривз, как только мисс Ланг решительно поднялась с места.

— Роза — моя ближайшая подруга и, если наступил час ее тревог, я должна быть с нею, чего бы мне это не стоило.

Создательница “Разговоров маленькой Бидди” выглядела настоящей героиней.

— К сожалению, я не могу позволить вам этого,— категорически отрезал Гривз.

Мисс Ланг тяжело опустилась на свое место. Ее лицо от злости покрылось пятнами.

Гривз задумчиво посмотрел на всех нас.

— Ночь будет тяжелой,— сказал он.— Мы ожидаем, что с минуты на минуту мисс Клейпул придет в себя и расскажет нам о том, что она делала во время убийства ее брата. Пока у нас нет ее показаний, мы ничего не сможем предпринимать. Остается только ждать.

Странная тишина повисла в комнате после его прямых и откровенных слов. Каждый прекрасно понимал, что он имеет в виду. Никто не произнес ни слова, даже не осмеливаясь смотреть на Брекстона, который делал какие-то карандашные наброски в своем альбоме. Я был почти уверен, что он как-то отреагирует на слова Гривза, но он их просто проигнорировал.

— Тем временем,— продолжал инспектор, пытаясь выглядеть искренним,— вы можете делать все, что угодно. Конечно, нам бы хотелось, чтобы вы все оставались здесь, но заставить вас, безусловно, мы не имеем права. Если кто-то из вас захочет выйти, пожалуйста, скажите об этом мне или моему помощнику. Понимаю, что для вас это все непривычно, но мы находимся в необычной ситуации, подобных прецедентов здесь еще не было. Однако я надеюсь, что к пятнице мы сможем созвать Специальный суд.

— Что это такое? — спросил Брекстон, не отрывая глаз от альбома, который держал на коленях.

— Это суд из представителей местного магистрата и присяжных, перед которым окружной прокурор предъявляет определенному лицу или лицам обвинение в совершении преступления первой степени.

Казалось, юридический жаргон придал ему силы. У всех, видимо, мурашки забегали по коже.

Произведя нужный эффект, Гривз заявил, что в случае необходимости его можно отыскать здесь же, внизу, в бывшей комнате Брекстона, и откланялся.

Я подошел к Брекстону и сел рядом с ним. С одной стороны, мне было его очень жаль, а с другой, хотелось узнать, почему он так в себе уверен.

Брекстон отложил в сторону свой альбом:

— Спокойный уик-энд, не правда ли?

Он абсолютно точно высказал мои собственные мысли.

— Осталось только четверо,— сказал я , кивнув.— На войне бы мы сказали: “роковая четверка”.

— Да, это так. Но к счастью, в живых осталось шестеро, а не четверо, так что это не так уж плохо.

— Все зависит от того, как относиться к несчастным случаям. Раньше у миссис Вииринг были подобные сердечные приступы?

— Да, насколько мне известно, это третий. Во время приступа она вся синеет, но стоит ей только принять лекарство, как через несколько минут с ней сразу же все в порядке.

— Минут? Но сейчас, похоже, ее действительно сильно прихватило. Доктор говорит, что она должна полежать в постели день или два.

Брекстон улыбнулся.

— Это Гривз *сказал*, что доктор велел ей полежать в постели.

Постепенно до меня дошло.

— Так вы считаете, что с ней сейчас все в порядке?

— Не буду удивлен.

— Так зачем весь этот спектакль? Почему Гривз не разрешает никому навестить ее? Почему он сказал, что ей необходимо несколько дней полежать в постели?

— Какая-то тайна, да?

— Но я не вижу в этом смысла.

Брекстон вздохнул:

— Может быть, смысл есть. По какой-то неизвестной нам причине она прикидывается больной... ну что ж, пусть делает, как ей нравится.

— А может, все-таки у нее был более серьезный приступ, чем обычно, а?

— У Розы все может быть.

Если он намеренно пытался вызвать мой интерес, ему это, безусловно, удалось.

— Скажите, мистер Брекстон,— спросил я с обезоруживающей улыбкой,— кто убил вашу жену?

— Никто.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно.

— Тогда по той же самой логике Клейпул ударил себя по голове, оттащил свое тело под скамейку и отрезал себе голову вашим мастихином?

— Да,— усмехнулся Брекстон,— загадочные вещи происходят, вы не находите?

— Что вы имеете в виду?

— Ну хотя бы удар по голове, который на днях был нанесен вам в кухне.

— Кстати, что вы думаете по этому поводу? Ведь не мог же я нанести его себе сам.

Брекстон только улыбнулся.

— Значит, вы считаете, ваша жена покончила с собой?

— Да, случайно.

— А Клейпул...

— Был убит.

— И вы знаете, кто это сделал?

— Нет, не знаю.

— Но вы догадываетесь, кто это?

Брекстон пожал плечами:

— Кое-какие идеи у меня есть.

— Но вы еще не пришли к выводу?

— Да, не пришел.

У меня было такое ощущение, что мы играем в вопросы и ответы. С другого конца комнаты донесся возглас мисс Ланг, явно одобряющий какое-то замечание нашего молодого историка.

Я перешел в лобовую атаку:

— Вы понимаете, к какому выводу придет полиция, если Элли Клейпул подтвердит, что она действительно была, как вы утверждаете, с вами, когда был убит ее брат?

— Ну, и к какому? — бесстрастно бросил он.

— Что, видимо, вы вдвоем его и убили.

Он холодно посмотрел на меня:

— Почему они должны прийти именно к такому выводу? Она была предана ему, очень его любила. Только подумайте, как такие слова повлияют на нее. Бедняжка совсем потеряла рассудок, когда ей сообщили о его смерти.

— Ну, могут утверждать, что срыв у нее произошел именно из-за того, что она убила своего собственного брата.

— Могут, но почему?

— Да потому, что они до сих пор уверены, что вы убили свою жену. Считают, что Клейпулу было что-то известно, и поэтому вы разделались с ним. Если Элли подтвердит, что была с вами, то они обязательно решат, что она тоже замешана в убийстве.

— Логично, но маловероятно. Даже если представить, что все остальное действительно так, хотя на самом деле этого не было, с какой стати стала бы она оказывать мне помощь в убийстве своего собственного брата?

— Да потому что она любит вас,— выстрелил я наугад.

Брекстон смутился и потупил глаза.

— Вы заходите слишком далеко, мистер Сарджент.

— Я в этом деле тоже немало повязан,— сказал я, пораженный своей удачей: случайно я затронул тему, о которой, похоже, никому не было известно.— Я просто хочу знать, каково наше положение, вот и все.

— Это вас не касается,— вдруг, вспыхнув, резко выпалил он. Глаза его горели яростным огнем.— Элли не имеет к этому никакого отношения. Если кто-то попытается втянуть ее, ему это просто так не пройдет. Даже полицейскому, который также отвечает перед судом, как любой из нас.

— За диффамацию?

— Да. Это, кстати, касается и газетчиков, мистер Сарджент.

— Я совершенно не собираюсь писать на эту тему, но мне придется это сделать, если Гривз начнет действовать в соответствии с такими версиями. Он встревожен. Ему немало достается от прессы. Он попытается в ближайшие несколько дней найти козла отпущения, чтобы предъявить ему обвинение.

— У него такой человек есть.

— Вы имеете в виду себя?

— Да. Я ничего не имею против, правда, осуждения моего он не дождется. Это я вам обещаю,— заявил Брекстон жестко.

Чувствуя, что мне его никак не разговорить, я решил попробовать с другой стороны.

— Если не вы с Элли убили Клейпула, остается только три подозреваемых... мисс Ланг, миссис Виiринг и Рэндан, но зачем кому-то из них необходимо было убивать Клейпула?

Брекстон бросил на меня насмешливый взгляд.

— Я совершенно не собираюсь проигрывать и вряд ли это произойдет. Я почти в таких же потемках, как вы и полиция, хотя одну идею я вам подкину,— добавил он, понижая голос,— "преступление страсти".

— Что вы имеете в виду?

Быстрым жестом мощной правой руки он указал на мисс Ланг.

— Она была влюблена и, как говорят, с презрением отвергнута.

— В кого влюблена?

— Во Флетчера Клейпула, и в течение многих лет.

— А я-то думал, что она влюблена во всех мужчин.

— Это тоже есть. Много лет тому назад, когда я с ней познакомился, кстати, и Флетчер тоже, она была очень симпатичной девушкой. Сейчас в это трудно поверить, я знаю, но это так. Вся ее полнота появилась позднее, когда Флетчер отверг ее. Однажды я сделал ее портрет — она тогда еще была худенькой, а я еще писал портреты. Она была очаровательной блондинкой. Я написал ее обнаженной.

Я с трудом мог поверить.

— Если она была так прекрасна и влюблена в него, почему же он в нее не влюбился?

— Ну, почему, почему... просто не влюбился и все.— Эта пауза имела существенное значение. Кажется, я понял, о чем он не хотел говорить.— Но она с того времени была в него влюблена. Мне кажется, они здесь поругались чуть ли не в первый же день.

— Из-за чего?

— Ну... из-за чего-то.

— Как-то трудно представить, что женщина могла пойти на убийство через пятнадцать лет после того, как ее отвергли.

— Ваши представления — это ваши проблемы,— сказал Брекстон, поднимаясь.— Я пошел спать.— И, кивнув остальным двум гостям, сидевшим на диванчике, вышел из гостиной.

Это был намек для всех нас. Рэндан спросил меня, не хочу ли я прогуляться с ним в клуб. Я отказался, сославшись на усталость. Мисс Ланг, видимо, ожидала, что ее тоже пригласят в клуб, но когда приглашения не последовало, заявила, что возвращается к своим творческим обязанностям.

Я поднялся наверх вместе с ней. На втором этаже сидел человек в штатском, рассеянно уставившись в пустоту. Мисс Ланг весело пожелала нам доброй ночи и , бросив долгий томительный взгляд на слугу закона, медленно исчезла за дверью своей комнаты, явно разочарованная тем, что в его обязанности не входило любовное времяпрепровождение с Мэри Уэстерн Ланг.

Я прошел к себе в комнату и быстро передвинул комод, заблокировав дверь в соседнюю комнату. Затем я позвонил Лиз и узнал, что ее нет дома.

Подойдя к окну и уставившись в темноту, я подумал о Лиз, заколебался, может быть, стоит поехать с Рэнданом в клуб (он как раз в это время прогревал мотор), и решил не делать этого. Мне вдруг пришла в голову мысль, что в ближайшие несколько часов обязательно что-нибудь да произойдет. Упускать такую возможность не стоило.

Не раздеваясь, я лег на кровать и выключил свет. Я думал о том, что Брекстон рассказал мне, и о том, о чем он умолчал. Н-да, ловко он состряпал мотив для мисс Ланг. Однако и оплошность он тоже допустил, выболтав факты, которые могут сыграть важную роль для обвинения: что Элли Клейпул и он были влюблены друг в друга, что оба они по ряду причин, пока еще не установленных, могли убить ее брата.

3

Проснулся я неожиданно.

И первое, что сделал,— бросил взгляд на часы. Светящийся циферблат показывал ровно двенадцать.

Включив бра, я сел, чувствуя себя более уставшим, чем когда ложился спать.

Я был почти уверен, что Лиз позвонит мне, но поскольку звонка не было, я несколько встревожился. Все-таки я слишком много думал о ней.

Тут я почувствовал жажду, как умирающий путник в пустыне Гоби, и захотел выпить глоток бренди, чтобы снова заснуть.

Я открыл дверь и вышел в тускло освещенный коридор, в дальнем конце которого сидел человек в штатском. С сонным видом он уставился в пустоту. Увидев меня, он яростно затряс головой, как бы показывая, что не спит.

— Хочу чего-нибудь выпить,— весело бросил я.

Полицейский что-то невнятно проворчал, когда я проходил мимо него. Я спустился вниз. В гостиной еще горел свет. Помню, это удивило меня.

Я налил себе немного бренди, и тут же в дверях появилась мисс Ланг — бледная, взволнованная, в какой-то немыслимой розовой накидке.

— Где сиделка? Вы видели ее?

— Какая сиделка? — Я в недоумении уставился на нее.

— Сиделка, которая...

— Кто меня ищет? — раздался из холла звонкий женский голос.

Мисс Ланг повернулась, как только появилась внушительная, вся в белом сиделка с накрытым подносом в руках.

— Я. Несколько минут назад я зашла в комнату Розы, чтобы посмотреть, как она себя чувствует. Знаю, что это запрещено, но это меня не волнует. Как бы то ни было, в постели ее не оказалось. Я постучала в дверь Элли, но ответа не последовало. Я испугалась и...

— Я ночная сиделка,— заявила фигура в белом.— Мы сменяемся ровно в полночь. Я была в кухне. Мне необходимо было кое-что приготовить. Что же касается мисс Клейпул, то она сейчас находится под действием морфия и не могла вас услышать...

— Но Роза! Где, черт побери, она может быть?

— Это скоро выяснится,— рассудительно заметила сиделка.

Мы поднялись наверх, представляя собой довольно странную процессию — чопорный ангел милосердия, полная, со вздымающейся грудью, автор "Разговора о книгах" и я с бокалом бренди в руке.

При виде нас дежуривший полицейский вздрогнул.

— Я говорил ей, что нельзя входить, но...

Мисс Ланг быстро прервала его:

— Это дом миссис Вииринг, молодой человек, а не городская тюрьма!

Сперва мы вошли в комнату миссис Вииринг. Наша хозяйка, вся в черных кружевах, сидела в кровати и читала детективный роман. На вид она была совершенно трезвой, что для нее нехарактерно, и недовольной.

— Какого черта вы здесь делаете...— начала было она, но мисс Ланг не дала ей закончить.

— О, Роза, слава богу! Я опасалась, что с тобой что-то произошло. Я заходила сюда несколько минут назад и тебя не видела. Затем я постучала в дверь к Элли,— она показала на соседнюю дверь,— но никто не ответил, и я ужасно перепугалась.

— Я была в ванной,— недовольным тоном произнесла миссис Вииринг.— Со мной все в порядке, Мэри. А теперь иди спать, и мы завтра утром обо всем поговорим. Я еще не совсем хорошо себя чувствую.

— Конечно, конечно, Роза, но прежде чем я пойду, ты должна...

Пока обе женщины разговаривали, сиделка отперла дверь в соседнюю спальню и вошла в нее. Она оставила дверь приоткрытой, и я смог заглянуть в комнату. Мне захотелось узнать, как чувствует себя Элли.

Казалось, все в порядке.

Но сиделка уже звонила по телефону:

— Доктор, быстро приезжайте. Инъекция. Что именно, мне не известно. Думаю, ей понадобится скорая помощь.

Прежде чем вмешался представитель закона и выставил нас, я подбежал к кровати Элли.

Она лежала на спине и тяжело дышала. Лицо посерело, руки судорожно вцепились в одеяло.

Встревоженная сиделка внимательно осматривала шприц.

— Что произошло?

— Кто-то ей сделал укол.

Сиделке удалось выжать из шприца на кусочек ватки последнюю каплю жидкости.

— Это же... господи, это же стрихнин!

4

На этот раз всех допрашивали вместе. Никаких хождений по одиночке в альков больше не было.

Гривз присоединился к нам ровно через час после того, как "скорая" отвезла Элли в больницу.

Рядом со мной сидела миссис Вииринг — бледная, с воспаленными глазами. В суматохе как-то все позабыли о ее приступе. Мисс Ланг была близка к истерике, временами теряя контроль над собой и бессмысленно хихикая. Брекстон нервничал. Он судорожно ломал пальцы, натягивал на голову поблекший халат, как бы пытаясь спрятать лицо. Рэндан, появившийся во время этой сумятицы, был поставлен в тупик, когда Гривз рассказывал нам о том, что произошло.

— С ней будет все в порядке,— были первые слова инспектора. Он замолчал, наблюдая за реакцией. Что он высматривал? Облегчение на всех лицах, за исключением одного, но чьего?

— Кто-то ровно в полночь вошел в комнату мисс Клейпул и попытался сделать ей укол стрихнина. К счастью, проделал это крайне небрежно и в вену почти ничего не попало, что спасло ей жизнь.

Затем он вытащил блокнот.

— А теперь я попрошу каждого из вас рассказать мне, где вы были в полночь. Прежде чем я начну, должен сказать,— для тех, кто здесь впервые,— что на втором этаже расположены семь спальных комнат, каждая со своей ванной. По центру этажа проходит коридор, который с обеих сторон заканчивается окном. С одной стороны этажа расположена лестница и три комнаты. Самая дальняя из них — комната мистера Сарджента. Затем идет спальня мисс Ланг, потом пустая комната,— он сделал паузу, а затем продолжил:— Между смежными спальнями есть двери.

— Я не понимаю, какое это имеет отношение к тому, что произошло? — раздраженно бросила миссис Вииринг.

— Самое прямое. Я это постараюсь показать через несколько минут.— Гривз сделал несколько записей в блокноте.— Теперь далее. С противоположной стороны коридора, выходящей в сторону океана, расположено четыре комнаты. Самая дальняя из них — спальня мистера Рэндана. Затем идут комнаты миссис Вииринг, мисс Клейпул и, наконец, мистера Брекстона. Спальни Брекстона и миссис Вииринг соединяются дверьми с комнатой мисс Клейпул.

— Дверь в моей комнате заперта,— произнес Брекстон.

От неожиданности мы все вздрогнули.

— Все правильно,— спокойно согласился Гривз.— Я ее запер, как раз со стороны спальни мисс Клейпул. Правда, ключа в замке не было.

— Что вы хотите этим сказать? — натянутым голосом спросил Брекстон.

— Все в свое время. И не прерывайте меня, пожалуйста. А теперь, я надеюсь, вы будете абсолютно откровенны со мной. Это в ваших же интересах.

Повисла гробовая тишина. Гривз повернулся ко мне:

— Где вы были в полночь?

— В постели. Точнее, только что проснулся.

— Вы всегда спите одетым?

вошел в комнату ми
ей укол стрихнина. Ц
е небрежно и в вен
пасло ей жизнь.

дого из вас рассказать
Прежде чем я начну,
о здесь впервые,— что
семь спальных комнат,
ентру этажа проходит
он заканчивается ок-
сположена лестница и
з них — комната мис-
альня мисс Ланг, по-
паузу, а затем про-
ьнями есть двери.
имеет отношение к
енно бросила миссис

раюсь показать через
несколько записей в
воположной стороны
океана, расположено
из них — спальня
мнаты миссис Вии-
мистера Брекстона.
иринг соединяются

заперта,— произнес

гнули.
ласился Гривз.— Я
ьни мисс Клейпул.

— натянутым го-

ывайте меня, по-
будете абсолютно
е интересах.
з повернулся ко

проснулся.

— Нет, я просто задремал. Я совсем не собирался спать, но заснул — где-то около одиннадцати.

— Понятно. И говорите, проснулись в двенадцать?

— Да, я еще посмотрел на часы, удивился, что заснул, включил свет и решил выпить бренди, чтобы легче было заснуть снова.

— И вы спустились вниз?

— Вы же об этом знаете.

Насколько я помню, пока я говорил, Гривз не стенографировал.

Затем он повернулся к мисс Ланг.

— Так. Будем переходить от комнаты к комнате,— сказал он.— Теперь ваша очередь. Где вы были в полночь?

— Я... я была у Розы... В комнате миссис Вииринг... Я искала ее.

— Вы уверены, что уже была полночь?

— Нет, не совсем, хотя близко к этому, потому что буквально через несколько минут я увидела мистера Сарджента. Я была в ужасе, потому что не могла найти Розу. Затем я постучала в комнату Элли, но ответа не последовало. Я поняла, что что-то не так. Я выскочила и побежала за сиделкой. Дежурный полицейский видел меня.

— К несчастью, он не заметил, как вы вошли, но видел, как вы вышли. Похоже, когда была смена сиделок, он стоял на площадке лестницы и разговаривал с уходившей сестрой, повернувшись спиной к коридору.

— Ну да, я помню, полицейский с кем-то разговаривал, правда, я не видела с кем.

— Мисс Ланг, а вы пытались открыть дверь между двумя комнатами?

Наступило напряженное молчание. Мисс Ланг побледнела как полотно. Брекстон сел на самый краешек стула. Глаза миссис Вииринг были закрыты, как будто она старалась вычеркнуть из памяти какую-то ужасную картину.

— Я...

— Мисс Ланг, пытались вы или нет открыть ту дверь?

Дамбу прорвало. Тишина с треском взорвалась. Мисс Ланг разразилась слезами. Сквозь ее причитания мы узнали, что она пыталась открыть дверь, но та была заперта на ключ.

Потребовалось несколько минут, чтобы успокоить мисс Ланг. Когда же она наконец затихла, Гривз неумолимо продолжил допрос:

— Мистер Рэндан, а где вы были в полночь?

С большим нежеланием Рэндан оторвал взгляд от вздымающейся груди Мэри Уэстерн Ланг.

— Когда вы вернулись домой? — добавил инспектор.

— Не знаю. Примерно без четверти двенадцать. Ночная сиделка и я появились примерно в одно и то же время. Мы вместе вошли в дом, вместе поднялись наверх, где она встретилась с сестрой, которую сменяла, а я прошел в свою комнату. Я уже почти разделся, когда началась вся эта суматоха.

— И что вы стали делать?

— Вообще-то я понял, что что-то происходит еще до того, как услышал шум. Я слышал, как открылась и закрылась дверь у Сарджента. Его комната прямо напротив моей, поэтому могу утверждать, что он был на ногах. Затем я слышал какой-то шорох у соседней комнаты. Должно быть, это была мисс Ланг. Я не обратил на это особого внимания, пока не услышал беготню по лестнице.

— Что же вы сделали потом?

— Я вышел в коридор и поинтересовался у полицейского, что происходит. Он сказал, что не знает. Затем появились вы и...

— Хорошо.— Гривз повернулся к миссис Вииринг.— А где были вы?

— Сидела в туалете.

Грубый ответ произвел впечатление электрического разряда. Мисс Ланг истерически захихикала.

— В какое время вы там были?

— В туалет я по часам не хожу, мистер Гривз. Я была там, сколько было нужно, а потом вернулась к себе в постель. Затем я помню, как ко мне в комнату ворвались три маньяка.

Довольно подходящее описание нашего вторжения.

— В течение этого времени вы не слышали ничего необычного?

— Нет.

Гривз был явно не готов к таким кратким отрицательным ответам. Он хотел было задать ей еще вопрос, но передумал. Миссис Вииринг была чертовски взбешена. “Интересно,— подумал я,— почему”?

Гривз повернулся к Брекстону и задал те же самые вопросы, что и остальным.

— В двенадцать часов я видел десятый сон.

— В каком часу вы отправились спать?

— Не знаю, где-то около одиннадцати.

— Вы не слышали никаких странных звуков из соседней комнаты, спальни мисс Клейпул?

— Нет, не слышал ничего особенного.

— Ну, какие все-таки звуки вы слышали?

— Гм... хождение по комнате, вот и все, но это было перед тем, как я заснул.

— А когда вы проснулись?

— Около полуночи. Мне показалось, что я слышал какой-то шум.

— Бегущих людей? Или хлопанье дверей?

— Нет, это напоминало стон. Возможно, это была игра моего воображения, а может быть, просто шум прибоя. Я не знаю, но из-за этого я проснулся. Затем началась вся эта кутерьма, и я встал.

— А шум, который вы слышали, откуда он шел?

— Из комнаты Элли. Кажется, это даже был голос. Сейчас я уверен, что это вполне возможно.

— И когда вы его услышали?

— Я... значит, так. Я сел. Как раз это было буквально за несколько секунд до того, как все поднялись наверх.

Гривз кивнул. Лицо его ничего не выражало.

— Это очень интересно, мистер Брекстон. А сами вы случайно не пытались открыть дверь? Дверь, между вашей комнатой и спальней мисс Клейпул?

— Нет, я знал, что она заперта.

Гривз вытащил из кармана носовой платок, развернул его и показал ключ.

— Что это, мистер Брекстон?

— Ключ.

— Вы его раньше видели?

— Откуда я знаю? Все ключи выглядят одинаково.

— Это ключ от двери, ведущей из вашей комнаты в спальню мисс Клейпул.

— Ну и что?

— Двадцать минут назад его обнаружили в наволочке на вашей кровати, мистер Брекстон. Я вынужден арестовать вас по подозрению в попытке совершения убийства первой степени. Можете передать вашему адвокату, что Специальный суд состоится в эту пятницу в Истхэмптоне. Властью, возложенной на меня штатом Нью-Йорк...

Мисс Ланг упала в обморок.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Брекстона арестовали и в два часа во вторник отправили в тюрьму. Специальный суд был назначен на пятницу. Это давало мне возможность в течение двух оставшихся дней ради собственной славы и торжества слепой дамы с весами разыскать настоящего убийцу. Сорок восемь часов, чтобы доказать, что Брекстон действительно не убийца.

На следующее утро я встал в девять часов. Я еще одевался, когда раздался звонок от редактора "Глоуб".

— Послушай ты, недоразвитая ищейка, на что ты намекаешь в своих идиотских репортажах? Ты что, действительно полагаешь, что убийца не Брекстон?

— Вот именно.

Я отвел трубку от уха на расстояние вытянутой руки, пока мой бывший начальник продолжал бесноваться. Когда он поуспокоился, я ее опять приблизил и успел услышать:

— Ну вот что, я направляю к вам Элмера. Пускай разбирается. Он рвался еще раньше, но я ему отказал, заявив: у нас там Сарджент. Помнишь такого, сказал я,— остроумного, с ушами нараспашку. Я сказал, что ты все выяснишь и разберешься в этом чертовом деле; что если полиция обвиняет Брекстона в убийстве своей жены, то тебе виднее. Я сказал, что ты все поставишь на место. И вот тебе на! Ты вместо этого бьешь нас под коленки! Элмеру придется нас спасать.

— Лесть вам не поможет,— ответил я недовольно.— Да и Элмер тоже. А вот что вы скажете, если я не позднее пятницы назову вам имя настоящего убийцы?

— Да разве ты...

Я сказал ему, что все его гадания просто бессмысленны. Затем посоветовал, что делать с Элмером, если он еще не отказался посылать его, и первым повесил трубку.

Да, новости были неприятными. Элмер Буш, автор газетной рубрики "Американский Нью-Йорк", известный телекомментатор, был моим извечным соперником и противником. Он был уже признанным журналистом, когда я еще только начинал помощником редактора театрального отдела. Позднее наши пути не раз пересекались, и я даже дважды умудрился, как мы говорим, "обскакать его". "Да, это будет настоящий противник",— мрачно подумал я.

Я позвонил Лиз. Она заявила, что уже давно на ногах, хотя я был уверен, что она только что продрала глаза.

— Вчера вечером арестован Брекстон.

— Не может быть! — От ее голоса у меня даже зазвенело в ушах.— Значит, ты был неправ. Кстати, я тоже думала, что это он сделал. Конечно, это только женская интуиция, но даже она *что-то* значит, стоит взглянуть на медиумов.

— На кого?

— На людей, разговаривающих с душами мертвых. В основном, это женщины.

— Ну что ж. Пожалуй, тогда тебе стоит связаться с Милдред Брекстон и...

— Хватит дурачиться! Это совсем не смешно. Может, мне к вам приехать?

— Нет, не стоит. Встретимся днем, если не возражаешь.

— Прекрасно. После ленча я буду в клубе.

— А что ты делала вчера вечером?

— Была на вечеринке у Уилсона. Хотела тебе позвонить, но Дик сказал, что ты рано лег спать.

— Рэндан? А разве он там был?

— О да. Знаешь, а он душка. Не понимаю, почему он тебе не нравится. Он был на вечере совсем недолго, но мы прекрасно обо всем поговорили. Кстати, он предложил мне совершить ночную прогулку в его автомобиле аж до самого Монтока, но я посчитала, что это уж слишком...

— Рад, что ты не переходишь границ.

Бросив еще несколько шуток, я повесил трубку.

"Да, наверняка все решится в один из ближайших дней,— подумал я.— Приезжает Элмер Буш.

Рэндан ухлестывает за Лиз. Брекстон в тюрьме, а мои версии пока что не находят подтверждения”.

Насвистывая похоронный марш, я спустился к завтраку.

Вид Рэндана, с аппетитом поглощающего еду, не поднял моего настроения. Больше никого в столовой не было.

— Видели газеты? — Рэндан прямо-таки горел от возбуждения.— На всех первых полосах.

Он пододвинул мне целую кипу прессы. Заголовки всех последних выпусков гласили: “Арестован известный художник за убийство своей жены и своего друга”. Это было типичное перетряхивание грязного белья, кошмар, равный Содому и Гоморре.

Я едва глянул на заголовки. Из собственного журналистского опыта мне прекрасно было известно, что основным в газетных публикациях являются заголовок и первый абзац, все же остальное — более-менее удачный набор слов.

— Очень интересно,— сказал я, ограничившись лишь сухим тостом и кофе.

Настоящий мазохизм! Но почему-то я испытывал наслаждение от сознания того, что день мне предстоит нелегкий.

— Думаю, никто из нас так и не угадал преступника,— сказал Рэндан, не обращая внимания на мой хмурый вид.— Как правило, преступником является тот, на кого падает подозрение, но готов поклясться, что Брекстон тут ни при чем.

— Но ведь вы всегда утверждали, что убийца — он, разве не так?

Рэндан снисходительно улыбнулся мне:

— Это я делал специально, чтобы увести вас в сторону, пока собираю факты против настоящего убийцы, точнее против человека, которого считал виновным. Но это мне ничего не дало.

— Так же, как и мне.

— Дело с ключом окончательно все решило,— со вздохом произнес Рэндан, взяв “Дейли ньюс”.

“Знаменитый кубист обвиняется в убийстве своей жены и своего друга” — гласила надпись на первой странице.

Я только хмыкнул. У меня были свои собственные идеи о ключе. Не люблю, когда все слишком гладко, зато уважаю интеллект других, даже художников-абстракционистов. Брекстон не мог спрятать этот ключ в своей наволочке, так же как не мог оставить свой мастихин рядом с телом Клейпула. По разговору с ним я понял, что он не только умен, но и осторожен. Если бы он был убийцей, он бы не совершил таких ошибок.

Все это, однако, я держал при себе, молчаливо воспринимая предположения Рэндана (как, впрочем, и других), что справедливость наконец восторжествовала и с преступлением покончено.

Миссис Вииринг и мисс Ланг спустились к завтраку вместе. Обе, похоже, сохраняли самообладание и выглядели оживленными.

— А, наши джентльмены оказывается ранние пташки! — весело воскликнула писательница, явно оправившаяся после удара, испытанного всего лишь за несколько часов до этого.

— Наверное, нелегко пришлось, Питер?

Миссис Вииринг с улыбкой посмотрела на меня.

Она была бледна, но движения ее были уверенными. Удивительно, но, похоже, она еще не выпила ни глотка. Трезвой она была совершенно иным человеком.

Я пробормотал какую-то бессмыслицу. Да, дела обстояли хуже не придумаешь.

— И боюсь, нам не удастся довести до конца наш первоначальный план.

Я уже сам поставил на нем крест, но сделал вид, что ее слова меня несколько удивили и даже озадачили.

— Да, возможно, при данных обстоятельствах вы правы,— согласился я, печально кивая головой.— Неразумно делать...

— Я знала, что вы поймете. Мне очень жаль, что вы потеряли почти неделю.

— Ну, не совсем потерял.

Она улыбнулась:

— Вот именно. Сделали несколько публикаций, верно?

— Вызывающих просто трепет, мистер Сарджент,— вмешалась в разговор мисс Ланг.— Я жду не дождусь вашего сообщения об убийце, попавшем в безвыходное положение. Каким оно будет?

— Интригующим,— сказал я.— Очень интригующим.

— О, я сгораю от нетерпения! Хотя одному господу известно, через какие страсти мы прошли. Роза, мы все прошли через испытания, через огонь, воду и медные трубы.

— И восстали, как феникс из пепла,— сказала миссис Вииринг, швыряясь пословицами не хуже других.

Я извинился, сославшись на работу.

— Конечно, конечно,— любезно произнесла миссис Вииринг.— Кстати, сегодня утром звонил мистер Грейвз, или как его там, и попросил нас никуда не уезжать, точнее, не покидать Истхэмптона до Специального суда. Надеюсь, это не помешает вашим планам? Конечно, вы можете остаться здесь, у меня.

Я сказал, что это меня вполне устроит.

Я прошел к себе в комнату и позвонил мисс Флинн.

— Весь Нью-Йорк жужжит,— заявила она тоном человека, который следит за событиями на расстоянии.

— Не удивляюсь,— сказал я, не добавив больше ни слова. Любой мог подслушать меня по телефону и понять мои сомнения.— Я вернусь в пятницу днем. Есть какие-нибудь новости?

Она коротко изложила мне все, что произошло в мое отсутствие. Я дал ей указания по работе, а потом попросил кое-что для меня выяснить.

Мисс Флинн, как всегда, отреагировала сдержанно.

— Я все сделаю, хотя, знаете, на наведение этих справок уходят все силы,— канцелярским тоном произнесла она.— Кстати, каждый день вам звонит некий мистер Уил. По какому поводу хочет с вами встретиться, не говорит. Он с вами еще не связывался?

Я ответил, что нет, и повесил трубку. Затем я решил осуществить стратегический маневр.

Из соседней комнаты, спальни мисс Ланг, до меня донеслись тихие звуки пылесоса. На втором этаже не было ни души, за исключением одной-единственной служанки. Осторожно, чтобы не шуметь, я вышел из комнаты, перешел коридор и пробрался в комнату Дика Рэндана.

Она была точной копией моей. Он поленился даже развесить свою одежду. Его чемодан лежал открытым, забитый помятыми вещами. Я быстро их просмотрел. Ну, если не упоминать о дырявых носках, ничего особенного я не нашел. Правда, ничего особенного я и не искал, что, естественно, усложняло мою задачу.

Я обследовал ванную комнату и обнаружил обычные бритвенные приборы. Нашел женский платок с инициалами "Р.В." Он был весь в вате и засунут в стакан, стоявший на второй полке аптечки. Р.В.— скорее всего, Роза Вииринг, но почему тогда ее платок у Рэндана? Странно. На нем нет никаких следов, кровавых пятен... ничего интересного. Обыкновенный кружевной платок. Несколько сбитый с толку, я положил его обратно. Может быть, он клептоман? Или фетишист? Или, может быть, миссис Вииринг отдавалась ему здесь ночью, оставив платок как залог своей любви? А может быть, он случайно нашел его и сунул в первый попавшийся сосуд, которым оказался стакан? Я решил, что схожу с ума, приписывая большое значение всякой чепухе.

Я вернулся в его спальню и осмотрел там оба окна, которые были раскрыты. Комната была угловой и из нее открывался прекрасный вид на две стороны: с севера — на дюны и кусочек пляжа, а из другого окна — на террасу и зонтики у моря. Прямо под этим окном была крыша застекленной веранды на первом этаже.

Затем я открыл дверь между комнатой Рэндана и следующей спальней, где размещалась миссис Вииринг. Это была самая большая из комнат, окна которой выходили на море. Она была обставлена дорогой изысканной мебелью, украшена многочисленными безделушками. Везде была разбросана одежда. Да, бегом не успеешь все осмотреть.

И тем не менее в ее ванной комнате я нашел кое-что интересное. На металлическом столике лежал небольшой автоклав с несколькими шприцами. Рядом стояли пузырьки с лекарствами. На этикетках было написано ее имя и указан состав. В двух пузырьках находился стрихнин, входивший в состав лекарства, который принимали в случае сердечного приступа. Н-да, миссис Вииринг, похоже, была готова ко всему.

Дверь в спальню Элли Клейпул была не заперта. Запах в комнате напоминал больничный. Одежда все еще висела в стенном шкафу и лежала в комоде. Если здесь было хоть что-то, дававшее полиции след, то сейчас, естественно, ожидать новых находок не приходилось. Я бегло осмотрел комнату и прошел в спальню Брекстона, в которой царил беспорядок. Матрас, одеяло, подушки валялись на полу. Комнату, безусловно, уже тщательно обыскали. Искать в ней было нечего. Я заметил только, что окно, выходившее на восток в сторону океана, было прямо над металлическими качелями, под которыми я нашел тело Флетчера Клейпула. Поскольку в ту ночь светила полная луна, Брекстон, если он выглядывал из окна, *мог* видеть убийцу. Из других комнат качелей видно не было!

Это мало что давало, но все-таки... по крайней мере, могло объяснить кажущуюся самоуверенность Брекстона — он явно видел убийцу Клейпула. Но, если это так, почему он молчит? Н-да, загадка. Я даже не подозревал, что разгадка прямо под рукой.

2

До половины двенадцатого я безуспешно ждал появления Гривза, но оказалось, что он находится в администрации Риверхеда, где пытается выплыть из моря всяческих запретов. Окружной прокуратурой была пущена в ход машина правосудия, и мужественный Гривз мог почивать на лаврах.

Когда я понял, что ждать его бесполезно, я попросил Рэндана одолжить мне свою машину. Он не имел ничего против; только поинтересовался, есть ли у меня водительские права. Я сказал, что есть, и отправился в путь.

День был ясным и прохладным, скорее осенним, нежели летним. Вязы на главной магистрали Истхэмптона начали уже желтеть. Осень была не за горами.

Я подъехал к больнице св. Агаты, куда, насколько я знал, отправили Элли Клейпул. С самоуверенностью, которой я на самом деле не чувствовал, я вошел в мрачное, викторианского вида здание и заявил в приемном покое, что я Дик Рэндан, племянник мисс Клейпул, и очень хочу видеть свою тетю.

К моему удивлению, после нескольких минут телефонных переговоров, мне заявили, что я могу ее навестить на десять минут, но ни в коем случае не должен ее волновать. Оказалось, что она уже несколько часов в сознании и совершенно спокойна.

Элли лежала в постели. Лицо ее было бледным, как полотно, а глаза лихорадочно горели. Она была в полном сознании и при виде меня вздрогнула.

— Я думала, что Дик...— начала она.

Я быстро прервал ее:

— Он хотел прийти, но послал меня вместо себя. Я могу поговорить с вами наедине?

Говоря это, я бросил взгляд на сестру, стоявшую наготове у подноса с успокоительными лекарствами.

— Запрещено врачами. И полицией тоже,— заявила медсестра твердо.— Не беспокойтесь, я не буду подслушивать.

Элли натянуто улыбнулась:

— Боюсь, придется подчиниться приказам. Почему вы хотели видеть меня, мистер Сарджент?

Я присел рядом с ее кроватью и постарался говорить как можно тише.

— Во-первых, я хотел знать, как вы себя чувствуете?

— Почти полностью поправилась. Похоже, что стрихнин, вместо того чтобы убить меня, оказал прямо противоположное действие. Правда, говорят, что я была на грани потери рассудка.

Все это она произнесла как бы между прочим. Она полностью контролировала себя.

— Вы ничего не помните? Я имею в виду стрихнин...

Она покачала головой:

— Я пришла в себя только в "скорой".

— Когда был убит ваш брат, вы были с Брекстоном?

Она кивнула:

— Такой же точно вопрос задавал мне сегодня утром этот ужасный маленький человечек из полиции.

— Так он не поверил вам?

— Нет, не поверил, не могу понять почему.

— А вам известно, что полиция арестовала Брекстона?

Ее зрачки расширились. У нее даже перехватило дыхание, затем она закрыла глаза.

— Мне следовало догадаться,— прошептала она.— Полицейский мне ничего не сказал, но, по крайней мере, это объясняет его разочарование, когда я ответила на вопрос. Мне кажется, что он хотел допросить меня, но врач приказал ему выйти. Пол *не мог* этого сделать! У него не было оснований для убийства, и потом, он был со мной.

— У нас совсем мало времени,— быстро заговорил я.— Я тоже считаю, что Брекстон не убивал, но полиция полагает иначе, и у них достаточно, по их мнению, улик. Теперь послушайте, вы должны помочь мне. Я считаю, что всю эту историю можно распутать, только для этого я должен знать гораздо больше о людях, причастных к ней, и о их прошлом. Пожалуйста, расскажите мне все. Если вы это сделаете, я уверен, мне удастся снять обвинение против Брекстона.

— Что вы хотите знать?

— У кого были основания убить вашего брата?

Она посмотрела по сторонам:

— Трудно сказать. И что вообще понимать под словом “основания”? Немало людей, у которых есть поводы для недовольства, но ведь они не убивают.

— Как у мисс Ланг?

— Ну хотя бы как у нее. Между прочим, откуда вы знаете об этом?

— Не имеет значения. Кстати, что в действительности произошло между нею и вашим братом?

— Да ничего особенного, в этом-то все и дело. Она была влюблена в него, а он был равнодушен. Мы все тогда жили в Бостоне, довольно часто виделись. Наверное, вам известно, что в то время она была еще не толстой и достаточно симпатичной. Она была убита горем, когда он связался с Милдред. Примерно в то же самое время она стала толстеть. Я думаю, что это у нее не гормональное, а невротическое. Она никогда, насколько мне известно, не встречалась с другими мужчинами и продолжала любить Флетчера.

— А не могла ли она дать снотворное Милдред?

— Я... я давно задумывалась над этим. Она ненавидела Милдред. Мне кажется, она стала ненавидеть Милдред еще больше, когда та отказала Флетчеру. Произошла глупейшая из вещей — сначала она ненавидит соперницу, а потом еще больше возненавидела ее, когда та пренебрегла человеком, которого она любит. Да, я полагаю, она могла дать снотворное Милдред. Одно лишь странно — стоило ли для этого ждать пятнадцать лет?

— Вероятно, ей впервые представилась такая возможность.

— Может быть, не знаю. Но даже если это сделала она, зачем тогда убивать Флетчера?

— Месть? За то, что он ею пренебрег.

— Бог его знает. А насчет Милдред я сперва подумала, что это несчастный случай, что она случайно приняла снотворное и, забыв об этом, пошла купаться. Но потом, когда вмешалась полиция, мне пришло в голову, что Мэри Уэстерн Ланг вполне могла дать Милдред эти таблетки. Тем более, что среди гостей как будто бы не было людей, действительно ненавидевших бедную Милдред.

— Вы исключаете даже ее мужа?

— Он привык к ней. Кроме того, у него была масса более благоприятных возможностей. Он не стал бы использовать уик-энд, на котором собрались хорошие знакомые, чтобы убивать свою жену.

— А как вы относились к Милдред?

— Она не была моей подругой. Кроме того, мне не нравились ее отношения с Флетчером. Мы с нею, как правило, ссорились. Она обвиняла меня в том, что я специально удерживаю Флетчера в Кембридже, когда он должен быть, по ее мнению, в Нью-Йорке, где она могла вцепиться в него.

— А вы что, действительно удерживали его в Кембридже?

— В этом не было особой необходимости,— ответила Элли с печальной улыбкой.— Когда Милдред вышла замуж, Флетчер потерял к ней всякий интерес. В общем, она даже наводила на него скуку.

— И тем не менее... она продолжала заигрывать с ним?

— Вполне подходящее слово. Вообще, она по натуре была собственница.

— А не мог ли ваш брат желать ее смерти?

Элли удивленно вскинула на меня глаза:

— Что вы хотите этим сказать?

— Просто я пытаюсь выяснить все возможные мотивы. Вот и все. В связи с этим я и подумал, а не мог ли и у него быть какой-нибудь мотив.

— Вряд ли. Уверена, что нет. Вы же не убиваете своих старых подруг только потому, что они вам надоели?

— Ну ладно, перейдем к вашему племяннику. А у него не было оснований для убийства Милдред?

Элли покачала головой:

— Думаю, он и видел-то ее всего пару раз. Кроме того, он в это время был в Бостоне. Я помню, что вечером, накануне смерти Милдред, разговаривала с ним по междугороднему.

— По семейным делам?

— Отчасти. Я его также пригласила сюда, сказав, что приглашение исходит от Розы.

— Ну, тогда это исключает его, во всяком случае в вопросе о Милдред. У него были какие-нибудь основания желать смерти вашему брату?

Элли медленно покачала головой:

— Нет, не думаю. Хотя они не очень-то симпатизировали друг другу. Люди совершенно разного типа. Флетчер был его опекуном, как вам, наверное, известно. В открытую они никогда не ссорились. Правда, минувшей зимой у них возникли какие-то разногласия относительно денег. Флетчер управлял имуществом Дика, а Дик хотел перевести все на свое собственное имя, но Флетчер был непреклонен, этим все и закончилось. С тех пор они редко виделись.

— Тогда мне кажется, Рэндан вряд ли стал бы стремиться сюда.

Элли улыбнулась:

— Он отказался, когда я с ним говорила по телефону. Сказал, что идея в целом неплохая, но я поняла, что видеться с Флетчером он не желает, однако я настояла. Понимаете, я люблю выступать в качестве примиряющей стороны.

— А может быть, действительно любопытство по поводу Милдред привело его сюда?

Элли кивнула:

— Он просто бредит преступлениями.

Мне нужно было работать быстрее. Я видел, что сестра, сидевшая в другом углу комнаты, начинает испытывать нетерпение.

— Ну, а миссис Вииринг?

— Мы познакомились с ней примерно в то же самое время, что и с Милдред. У нас были общие друзья. Мы с Розой всегда были близки. И Роза, кажется, больше всех переживала, когда Милдред отказала Флетчеру.

— А у нее не могло быть мотива для убийства, как вы думаете?

Элли опять покачала головой:

— Ничего подобного. Милдред, конечно, была не подарок. Если бы Роза не хотела ее видеть, она вполне могла это устроить. Например, в прошлом году она с Милдред не встречалась, поэтому я была удивлена, когда Роза, приглашая нас, сказала, что у нее будут и Брекстоны. А мне казалось, что она давным-давно с ними не знается. Все это было странно. Мы с Флетчером не были уверены, что поедем. О боже, как было бы хорошо, если б мы не поехали!

Впервые за все время нашего разговора в ее голосе проявились эмоции. Сестра неодобрительно посмотрела в мою сторону. Элли прикусила нижнюю губу.

Но я был непреклонен. Оставалось мало времени.

— Миссис Вииринг хорошо относилась к вашему брату?

— Да, конечно. Нет, нет, здесь мотива нет. Даже не могу представить причины, почему бы Роза могла желать...

— Значит, вы категорически исключаете, что она может быть убийцей.

Элли смущенно покачала головой:

— Не знаю, что и думать. Это все так ужасно.

— Вам пора идти, сэр,— произнесла сиделка.

Я задал свой последний вопрос:

— Вы любите Брекстона?

При этих словах Элли вспыхнула:

— Нет, нет.

— А он вас?

— Я... вам лучше спросить его самого, мистер Сарджент.

3

Я нашел Лиз на террасе клуба. Она с удовольствием поглощала пищу в компании нескольких известных личностей международного сообщества, включая Альму, маркизу Эддердейльскую. Пьяное взбалмошное создание. Унаследовав капитал чикагского мясного короля, маркиза купила целую обойму мужей, наиболее эффектным среди которых был последний — маркиз. Она уныло болталась по всему миру, от столицы к столице, от общества к обществу, напоминая собою почтового голубя, вскормленного в неволе. Когда нас знакомили, она бросила на меня рассеянный взгляд. Я ее знал многие годы.

— Очаровашка,— произнесла она со вздохом.

Лицо ее под широкополой шляпой, защищавшей от солнца, было мертвенно-бледным. На руках были перчатки, доходившие до самых локтей и украшенные на запястьях изумрудами. Она привыкла так часто поднимать лицо кверху, что напоминала собой китайского божка времен сумской династии[1].

Лиз быстро отвела меня в сторону. Она прямо наслаждалась последними новостями.

— Видишь, все так, как я говорила.

Если бы она не была так удивительно хороша в своем красном костюме, я бы надавал ей по щекам.

— Да, как ты говоришь, дорогая.

— Ты что, не рад? Ты уедешь из этого ужасного дома, и с делом будет покончено.

— Я постараюсь задержаться там подольше.

— О, ты же профессионал! Я же совершенно забыла об этом. Люди совершают ошибки, все совершают ошибки. Я читала твои статьи в "Глоуб". Конечно, я понимаю, ты считал, что Брекстон тут совершенно ни при чем, но я была уверена, что "Глоуб" не пойдет на такую глупость. Я хочу сказать, что стоило вспомнить о Трумэне.

— О каком Трумэне?

— О президенте Трумэне. Когда он был избран, а ему говорили, что он не победит. Каждый может ошибаться.

Я не стал ее разочаровывать. Сколько голов полетело в тот самый темный год, год избрания Трумэна президентом. Возможно, полетит и в этом. Конечно, я могу прожить и без "Глоуб". Это давнее сотрудничество канет в Лету, если я не раскопаю чего-нибудь сенсационного.

В этот момент появилась моя Немезида[2] в лице Элмера Буша. Он был в спортивных брюках канареечного цвета, каштановой куртке и башмаках из крокодиловой кожи. На его губах красовалась улыбка, которую он привык выжимать из своего деревянного лица перед миллионами телезрителей.

---

[1] Китайская династия (960 — 1279), павшая в результате монгольского завоевания.

[2] Богиня возмездия в греческой мифологии.

Он решительно направился ко мне, протянул руку и громовым голосом воскликнул:

— Давно мы не виделись, братец Сарджент!

Едва сдерживая отвращение, я представил его всем сидевшим за столом. Никто, похоже, не испытывал особого удовольствия при виде этой нежданной знаменитости.

— Надо малость поразмяться в этих местах,— сказал он, похлопывая меня по спине, очевидно, в надежде, что я обгорел на солнце. Я, в свою очередь, дружески применил к его руке прием дзюдо, рассчитанный на то, чтобы на несколько секунд парализовать нерв. Но то ли Буш был резиновым, то ли я потерял свое прежнее мастерство, но он и глазом не моргнул.

— В "Глоуб" посчитали, что мне следует сюда съездить на разведку.

— Зачем?

Я продолжал улыбаться, надеясь нанести ему очередной удар по руке. Решил, что в первый раз не попал по нерву. Но Буш отодвинулся от меня.

— Так просто, осмотреться. Ты всегда был шутником, Пит. Ха-ха! Ну и статейки ты написал, только подумать! Для очевидца потрясающий охват, я бы сказал.

— Благодарю,— произнес я, давно ожидая подобного удара.

— Похоже, ты поставил не на ту лошадку. В городской администрации все прямо-таки раздражены. Ты же знаешь, какие они обидчивые. Конечно, я никогда бы не стал говорить, что твои публикации чем-то уж чертовски отличаются, тем более, что с каждым последующим выпуском газеты никто не помнит, что было раньше, но попробуй скажи это редактору.

Таково было кредо газетчиков, мне это было известно. Я частенько удивлялся, как Элмеру удается избежать линчевания. Его публикации во многих отношениях были самыми грязными в городе, на уровне компетенции департамента здравоохранения и управления канализации.

— Но ему пока не предъявляли обвинения.

— В пятницу предъявят.

Элмер облизал губы:

— Я тут немного поговорил с Гривзом. Старый мой знакомый. Я его знал еще в те времена, когда открывал для себя графство Саффолк.

Возможно, это ложь. Элмер, как все газетчики, любит заявлять о своем близком знакомстве буквально со всеми — от президентов до работников полиции.

— Хорошее дельце он раскопал,— продолжал Элмер.— А ключ! Нет, дружище, полиция сработала просто первоклассно!

Я с трудом сдерживал себя. Я заметил, что Лиз прямо восхищена знаменитым газетчиком и слушает его чуть ли не с раскрытым ртом.

— Ты прав, Элмер,— устало произнес я.— Надо обладать недюжинными умственными способностями, чтобы обыскать комнату и найти ключ. Да и полицейских сейчас так не готовят, как во времена учебы Гривза.

Элмер почувствовал иронию. Впрочем, что это такое, ему было неизвестно. Ведь он в основном собирал материал о разводах, тайных браках и прочих нарушениях общественной нравственности.

— Не надо недооценивать Гривза,— покровительственно, с серьезным выражением лица медленно произнес он.— Такой ум еще поискать надо. Вот за это он мне и понравился. Тебе не удалось ничего выудить у него, а мне повезло. Я смог это сделать и не стыжусь в этом признаться. Я учусь у каждого.

Наступило глубокомысленное молчание.

— А тебе не удалось узнать,— произнес я, как бы не придавая этому значения,— зачем Брекстон воспользовался ключом, чтобы попасть в комнату мисс Клейпул?

Буш посмотрел на меня, как на ненормального.

— Да, точно ты слишком долго занимался рекламой,— наконец высокомерно протянул он.— Брекстон украл ключ у миссис Вииринг, который хранился у нее в столе, между прочим в самом верхнем ящике, куда мог любой залезть. Затем, когда он услышал, как сиделка удалилась, чтобы смениться, он отпер дверь в спальню мисс Клейпул, на цыпочках вошел туда, взял шприц, наполнил его стрихнином и попытался сделать ей укол, но неудачно. Быстро вернулся в свою комнату, запер дверь и спрятал ключ в своей наволочке.

— О, потрясающе! — Предательница Лиз была буквально в экстазе.

— Стрихнин,— спокойно заметил я,— хранился в комнате миссис Вииринг, а не у мисс Клейпул. Так как он попал к нему?

— Да в любое время мог взять,— ответил Элмер с располагающей улыбкой.

— Возможно. Тогда остается только один вопрос. Уверен, что вы с Гривзом уже его проработали. Почему Брекстон хотел убить Элли?

— Чтобы она не могла быть свидетелем.

— И все же, она уже заявила, что во время убийства брата была с Брекстоном. Разве не так? Какой же смысл тогда ему уничтожать своего единственного свидетеля?

Элмер снисходительно улыбнулся:

— Я не имею права разглашать тайны следствия... пока.

Я был устрашен этими намеками. Ни Элмера, ни Гривза не назовешь полнейшими дураками. Не означает ли это, что представители штата попытаются доказать, что Элли и Брекстон *вместе* убили ее брата? Что Брекстон решил убрать ее, чтобы окончательно развеять подозрения. Нет, это не сработает. Полиция не настолько глупа. Значит, им что-то известно еще или они просто блефуют.

Альма Эддердейл пригласила нас в свою кавану. Мы с Лиз последовали за нею, а Элмер остался пообщаться с важными членами клуба.

Кавана леди Эддердейл выделялась среди остальных пляжных домиков своим ярким тентом и маленьким баром. Мы расселись в шезлонгах на открытом воздухе. День был прекрасный, наполненный тем серебристым светом, какой бывает только осенью у моря. Несколько минут мы беседовали с леди Эддердейл. Постепенно я расположил ее к себе. Похоже, она заинтересовалась, когда я сказал, что гощу у миссис Вииринг.

— Милая бедная Роза,— пробормотала она.— Боже, какой кошмар! Брекстон всегда был моим самым любимым современным художником. И кому понадобилось убивать его?

Я попытался объяснить ей, что убит не Брекстон, а его жена, но она только кивала, как близорукая лошадь перед овсом, до которого никак не может дотянуться.

— Его жена Пегги не подарок, не правда ли? Бедняжка, что она будет делать без него? Вы же знаете, она дочь Розы.

Я окончательно сдался. Мешанина в голове леди Эддердейл была просто неописуемой.

— Да, это должно быть у них на роду написано,— зачастила она на английский манер умирающим голосом.— Уверена, что человек, убивший его, сейчас в этом раскаивается. Я бы точно раскаивалась. А вы? Он такой чудесный художник, а вы как считаете? Кстати, а как Роза? Я до сих пор еще ее не видела.

Я сказал, что она старается держаться.

— О, я уверена в этом. Она человек мужественный. Со мной, значит, такое тоже произошло. Прямо средь ясного неба. Ко мне пришли и сказали: “Леди Эддердейл, нам нужны ваши финансовые документы”. Естественно, я понятия не имела, о чем они говорят. “Какие документы? — сказала я им.— Всеми моими бумагами занимается мой адвокат”. Ну они и пошли к нему, и прежде чем я уяснила, что происходит, мне пришлось заплатить сто тысяч долларов.

У меня было такое ощущение, что меня преследует кошмар. Либо она сбрендила, либо мы оба. Я в отчаянии поискал глазами Лиз. Она, забыв обо всем, жарилась на солнце рядом с толстым белобрысым шведом.

— Сто тысяч долларов? — повторил я слова, которые уловил из ее болтовни.

— Примерно. Точную сумму я не помню, но она была ужасна. И раздобыть ее надо было за короткое время. Они были непреклонны. Надеюсь, они дали Розе больше времени, нежели мне.

— Времени?

— Ну да, чтобы заплатить.

— Кому?

— Да этим кошмарным типам из налогового управления.

Теперь все стало ясно.

— И когда же Розе стало известно, что ей придется платить деньги?

— Ну, не очень давно. В то время я как раз ужасно себя чувствовала. Помню, мы еще сидели в ресторане "Колони" с Чико Паццетти... Вы знаете Чико? Кстати, жена бросила его.

— И она рассказала вам об этом в "Колони"? Давно это было?

— Примерно месяц назад. Да, точно. Я еще помню, она несколько дней была в Нью-Йорке и ходила там в налоговое управление поговорить о каком-то деле.

— А о каком?

Альма вздохнула и в бессилии воздела свои украшенные изумрудами руки.

— По правде говоря, не знаю. Знаю только, что она была ужасно расстроена и очень хотела поговорить со мной, потому что я прошла через то же самое. Боюсь, однако, с меня толку было мало. Кажется, она сказала, что должна заплатить сто тысяч; или я должна была заплатить? Ах да, каждая из нас должна была заплатить такую сумму, причем в очень короткое время. Помню, я еще сказала, что мы с нею в одной и той же лодке. Правда, у бедняжки Розы уже не было таких денег.

4

Я сказал Лиз, что позвоню позднее, если выдастся такая возможность. Затем, извинившись, отправился в "Норт-Дюнз".

Дом выглядел мирным и на удивление безлюдным, как будто в нем не было ни души. Пророчество? Когда я вошел, он действительно оказался почти пустым. Никого не было, за исключением мисс Ланг, которая сидела за столом миссис Вииринг с доказательством последних мучений автора "Разговора о книгах" перед собой.

— Вот так я и работаю,— заявила писательница, снимая очки.

Она улыбалась полуразвратной глупой улыбкой. "Но она не такая уж дура",— неожиданно подумалось мне.

— Я, кстати, недавно виделся с Элли,— сказал я, опускаясь в кресло рядом со столом, за которым я так много беседовал с Гривзом.

— Вот как? А мне казалось, к ней не пускают.

— Мне разрешили. Она чувствует себя намного лучше.

— Я очень рада. Меня тревожило ее состояние. Кстати, на этой неделе я рассказываю в своем эссе о Пёрл Бак. Мне кажется, ее вещи индийского периода просто бесподобны. В особенности если это сравнить с тем, что она написала после Китая, о котором и так уже известно много, а так хочется разнообразия!

И она прочитала мне целый отрывок из "Разговора о книгах". Из вежливости я выразил свое восхищение.

— Трудимся не разгибаясь? — заметила миссис Виринг, появляясь в алькове. Она выглядела трезвой и деловой.— Какой день! — Она сняла свою шляпу.— Наконец-то мне удалось поработать!

Мисс Ланг вскочила из-за стола:

— А мы тут с мистером Сарджентом очень мило побеседовали. Он был первым слушателем моей новой главы. Вы же знаете, как я отношусь к читательскому мнению. Если бы все писатели работали, пытаясь отозваться на запросы рядового человека, как делаю это я! Я считаю необходимым прямой контакт с читателем.

Я извинился и отправился на небольшую прогулку по пляжу перед домом. Солнце клонилось к закату. Как я понял, до сих пор еще не обнаружили место, где убили Клейпула, и, наверное, теперь это уже невозможно выяснить. Его тело тащили по пляжу, вполне возможно, у самой воды, так что волны уничтожили все следы. Интуитивно я чувствовал, что убийство произошло рядом с домом, наверное, среди ближайших дюн. Тогда возникает вопрос, почему убийца не оставил тело на месте преступления? Зачем его нужно было тащить к террасе? Дело рискованное, если учитывать, что в доме полно полиции.

Я чувствовал, как что-то ускользает от моего внимания. Как слово, которое вертится на языке, но никак не вспоминается.

Над морем кружили две чайки. На горизонте на фоне ясного неба появились темные облака. Неужели приближается шторм? Меня пробрал озноб, и я вернулся в дом. Осталось выполнить еще одно дело.

5

Брекстон с унылым лицом сидел на койке в довольно живописной тюрьме Истхэмптона. Он был в обычной одежде (я почему-то был уверен, что увижу его в тюремной робе) и кусочком угля делал какие-то наброски в блокноте.

— Терапия,— произнес он с улыбкой, когда я вошел.— А вы совсем не похожи на моего адвоката.

— Только таким способом я мог пробраться к вам. Я заявил, что являюсь младшим партнером адвокатской конторы “Оливер и Дейл”. А вы неплохо выглядите.

— Приятно слышать. Садитесь.

Я сел на стул у зарешеченного окна, в котором виднелась зеленая ветка, и сам почувствовал себя чуть ли не заключенным.

— Я уверен, что вы не совершали преступления.

— Значит, нас уже двое. Чем могу быть полезен?

— Не двое, а трое. Сегодня утром я разговаривал с Элли и не понимаю, как после ее показаний они осмелились арестовать вас.

— Вот так и осмелились.

Он положил блокнот на кровать и уголком одеяла стер с пальцев уголь.

— Я освещаю происшедшее в “Глоуб”. Насколько я понимаю, вы читали мои статьи?

Он молча кивнул.

— Так вот, я пытаюсь сам разобраться в этом деле и выяснить, кто убил Клейпула. Я даже думаю, что вы могли видеть убийцу, бросающего тело за качели. Ваше окно ведь выходит на террасу прямо над ними.

Он тихо засмеялся:

— Если таков пример ваших методов расследования, я просто теряюсь. Во-первых, я вернулся к себе в комнату значительно позднее, а во-вторых, тогда я еще жил в комнате на первом этаже.

— О! — Я тупо уставился на него. Я совершенно упустил это из виду. Теперь я далеко не был уверен в своих дедуктивных способностях.— Да, тогда это все объясняет,— произнес я, вновь беря себя в руки.— Где вы были во время смерти Клейпула?

— Сидел на веранде вместе с Элли, большей частью в темноте.

— Кто-нибудь из вас уходил с веранды в то время, когда свет погас?

— Да. Кстати, оба выходили. На короткое время. Я пошел разыскивать дежурного полицейского, чтобы узнать у него, когда будет восстановлено освещение, но не смог его найти. Наверное, он в это время искал распределительный щиток. Затем я вернулся назад, и мы с Элли продолжили разговор, а потом она выходила, чтобы принести мне альбом по искусству, который она привезла специально для меня, но забыла отдать.

— И все это происходило в темноте?

— Светила яркая луна. Наверное, вы это заметили. Элли сходила и принесла альбом, мы еще немного поговорили и разошлись по своим комнатам. Остальное вам известно.

— О чем вы говорили?

— Главным образом о Милдред.

— А не о заключении брака? Я имею в виду между вами и Элли?

— Это никого не касается,— отрезал Брекстон.

— Извините.— Я поднялся.— А вам что-нибудь известно о сложностях миссис Вииринг с налоговым управлением?

— Так вы знаете и об этом? — усмехнулся он.

— Немного. Только в общих чертах. Я полагаю, что она немало задолжала?

— Да, довольно значительную сумму.— Брекстон кивнул.— Более ста тысяч долларов.

— Она в состоянии выплатить ее?

— Думаю, да, но это вне всякого сомнения ударит по ее доходам.

— Ну и как она может выкрутиться?

— Ну... у Виирингов где-то на Западе есть литейное предприятие, которое приносит ей неплохой доход. Делом управляет брат ее покойного мужа. Но у Розы у самой неплохая деловая хватка. Она ведь начинала секретарем старого Виирингa, президента компании. Он женился на ней, умер и оставил ей свою долю. Похоже, недавно ее деверь поторопился в каких-то делах. То ли в результате объединения, то ли еще что-то. Я в этом не очень разбираюсь. Но точно знаю, что это было сделано с целью уменьшения налогов, однако что-то у них не получилось. Так или иначе налоговому управлению это стало известно, и Розе придется выплатить сразу сто тысяч наличными.

— А у миссис Вииринг их нет?

— Если не продаст свою долю акций компании.

— Значит, правильно говорят, что она в сложной ситуации?

— Да, я бы сказал, в чертовски сложной,— медленно произнес Брекстон, устремив взгляд на зеленую ветку в окне.

Я решил убедиться в своем подозрении.

— Ваша жена была богатой женщиной, мистер Брекстон?

Он прекрасно понял, на что я намекаю, но не подал виду.

— Да,— бесстрастно бросил он.

— Она была богата сама по себе? Это не имело никакого отношения к получению денег от миссис Вииринг, ее тетки?

— Нет, не имело. Вы правы. Милдред получила деньги от других родственников.

— А миссис Вииринг не пыталась занять денег у вашей жены?

Брекстон заерзал на койке, нервно ломая пальцы.

— Вам Элли сказала об этом?

—Нет, я просто пришел к этому выводу логически.

— Да. Роза просила Милдред помочь ей выкрутиться с налогами, но Милдред отказала.

Какое-то мгновение мы молчали, а затем я спросил:

— Почему ваша жена отказала?

— Не знаю. Думаю, что сумма была слишком велика, даже для нее. Была ужасная сцена вечером, как раз накануне того дня, когда Милдред утонула. Уверен, вы слышали крики. У них у обеих ужасные характеры. Милдред набросилась на Розу с моим мастихином. Между прочим, после этой ночи я его не видел, пока его не нашли у тела Флетчера. В общем, я вмешался в драку и успокоил Милдред.

— А я уверен, что все было наоборот. Взбесилась миссис Вииринг из-за того, что ей отказали.

— Они обе были хороши. Знаете, они ужасно похожи. Злобные, несдержанные. Милдред захотела чуть ли не сразу же уехать, но я ее отговорил. Правда, на следующее утро она вела себя как ни в чем не бывало.

— Как вы считаете, не по этой ли причине пригласили вашу жену, точнее, вас обоих, на уик-энд? Чтобы помочь выкрутиться миссис Вииринг?

Брекстон кивнул:

— Да. Думаю, именно поэтому Милдред и взбеленилась. Она прекрасно знала, что Роза терпеть ее не может и не приглашала нас чуть ли не целый год. Затем, когда мы получили приглашение, Милдред оживилась. Дело в том, что она всегда считала Розу как бы главой семьи и ей было неприятно, что та не хотела с нами знаться. Но когда в первый же день нашего пребывания здесь выяснилось, что нас пригласили только потому, что Розе понадобились деньги, Милдред взорвалась. Я не могу осуждать ее за это.

— А как вы считаете, при обычных обстоятельствах ваша жена могла бы дать ей в долг столько денег?

Брекстон пожал плечами:

— Может быть. Хотя сумма была ужасно большой. Впрочем, я никогда не знал, сколько денег у Милдред. Она всегда сама оплачивала свои счета, а я — свои. Это было одно из условий нашего соглашения.

— У вас был подписан брачный контракт?

— Нет. У нас была устная договоренность. Милдред для меня была очень хорошей женой. Это может показаться странным, в особенности тому, кто познакомился с ней только в последний год.

Теперь я решил перейти к юридическим аспектам сложившейся ситуации:

— Как вы считаете, какую позицию займет обвинение?

— Даже не знаю. Наверняка совершенно дикую. Мои адвокаты абсолютно уверены в этом. Ну что ж, учитывая суммы, которые я им плачу, так и должно быть.— Он криво усмехнулся.— С помощью денег они смогут раздобыть все необходимые факты, но, если говорить серьезно, они даже не представляют, что у Гривза на уме. Мы полагали, что показаний Элли будет вполне достаточно, чтобы убедить окружную прокуратуру, а вместо этого они назначают внеочередную сессию суда на пятницу. Меня же запихивают в камеру.

— Я думаю, они главным образом опираются на следующие соображения: вы убили свою жену, потому что не любили ее и хотели завладеть ее состоянием. Возможно, они попытаются доказать, что вы осуществили это из-за желания жениться на Элли. Именно поэтому они будут рассматривать ее показания как стремление дать вам алиби.

— Все хорошо. Только зачем мне было убивать Клейпула? Единственного человека, к которому Элли была привязана?

— Наверняка они найдут какой-нибудь мотив. Высосут прямо из пальца, лишь бы использовать против вас в качестве главной улики мастихин, найденный около тела убитого.

— Довольно шатко,— заметил Брекстон.

— К счастью, обвинению неизвестно о ссоре, которая произошла у вас с Клейпулом после того, как утонула ваша жена. Но наверняка им известно то, что известно всем — что он проклинал вас после ее смерти. Однако они не знают о стычке, которая произошла в вашей комнате. Я в это время сидел на веранде и все слышал.

Выдержка Брекстона была просто потрясающей. Он ничуть не удивился.

— Слышали?

— Да, большую часть вашего разговора. Клейпул обвинил вас в убийстве жены. Не впрямую... по крайней мере мне так показалось. У меня сложилось впечатление, что он считал вас виновным, в каком-то определенном, ему известном, смысле, и намеревался разоблачить вас.

— Да. Примерно так и было,— равнодушно-небрежным тоном бросил Брекстон.

— Я, естественно, не стал сообщать в окружную прокуратуру.

— Очень мило с вашей стороны.

— Но мне бы хотелось знать, что означал весь этот разговор. И потом, что вы имели в виду, когда заявили, что тоже все расскажете?

Брекстон в задумчивости молчал. Быстрыми цепкими глазами художника он изучал меня, как будто я модель, все линии которой надо очень точно перенести на холст. Наконец он произнес:

— Говорить особенно нечего. Последние несколько лет Милдред буквально гонялась за Флетчером, пытаясь вынудить его жениться на ней. Он не проявлял к ней никакого интереса, хотя раньше любил ее. Но вот в последний год он стал меняться, и, кажется, я понимаю почему. Он стал с ней видеться. Под вымышленным именем они совершили прогулку на Бермуды. Мне это стало известно. Такие вещи всегда всплывают. Я, конечно, устроил Милдред скандал. Она быстро изобразила нервный срыв, позднее предложила развод, а я сказал: "Нет еще". Думаю, это была ошибка с моей стороны. Я не любил Милдред, но она нравилась мне, и я к ней привык. Я был уверен, что Клейпул обхаживает ее только ради денег. Элли сказала мне, как сильно сократился их доход за последние несколько лет, и я подумал: "Флетчер решил найти себе богатую жену". Он был просто в ярости, что я стою у него на пути. Потом, когда Милдред утонула, он был уверен, что это моих рук дело, что я нацелился на ее деньги и поэтому не давал ей развода. Вот и все. Он взорвался и обещал обвинить меня в убийстве. У меня такое предчувствие, что он успел это сделать до своей смерти и, видимо, на это рассчитывает Гривз.

В этом был смысл.

— Другой вопрос: что вы имели в виду, когда сказали Флетчеру, что, если он выступит с обвинением против вас, вы втянете в это дело Элли?

Брекстон невольно покраснел:

— Неужели я сказал это? Видимо, я уже едва сдерживался. Я бы никогда на подобное не пошел. Просто угрожал, пытаясь образумить его.

— Каким путем ее все-таки можно было втянуть в это дело?

— Да никаким. То, что я сказал... это совсем другое. Касалось только нас троих — ее, меня и ее брата. Я только угрожал. Худшего способа я не мог придумать. Странно, но я даже забыл об этих словах, пока вы не напомнили.

Теперь я был абсолютно уверен в том, какой версии будет придерживаться окружной прокурор. Что ж, это уже кое-что.

Потом появился тюремщик. Толстый полицейский со связкой ключей. Он заявил мне, что время свидания кончилось.

— Желаю удачи,— бросил я при расставании.

— Да, мне она нужна,— улыбнулся Брекстон. Он вновь взял блокнот.— Надеюсь, вы идете в правильном направлении, мистер Сарджент.

Полицейский быстро вывел меня из камеры, и я так и не узнал, что Брекстон имел в виду.

Солнце уже зашло, когда я вернулся домой и припарковал машину Рэндана на шоссе. Приятно, когда за тобой не следят полицейские. В доме были только мисс Ланг, миссис Вииринг, Рэндан и я, не считая, конечно, прислуги. В гостиной сидел один Рэндан. Он лихорадочно что-то записывал в свою книжку. Рядом на столике стоял хайболл.

— О, привет.— Он бросил на меня быстрый взгляд, как бы убеждаясь, что я не попал в катастрофу.— Как машина.

— Прекрасно. Переехал одного мальчишку, но я думаю, вы найдете общий язык с его родителями. Вполне приличная современная парочка.

Я смешал себе мартини.

— Я делал записи о случившемся,— сказал Рэндан, поставив дату и закрыв книжку.— Собираюсь написать серьезное исследование.

Я сменил тему:

— А где наши прелестные дамы?

— Делают себя еще более прелестными. Обед сегодня рано — через полчаса. Кстати, звонила ваша знакомая Лиз и просила передать, что она будет ждать вас на приеме, который устраивается в Саутхэмптоне в честь Альмы Эддердейл. Я сказал, что подброшу вас.

— А вы тоже приглашены?

Рэндан, похоже, был недоволен моей бестактностью.

— Я просто хотел быть полезным.

— Я уверен в этом. Кстати, я сегодня виделся с Брекстоном.

— В тюрьме? А я не знал, что к нему пускают.

— У меня есть свои каналы влияния. А вы тоже пытались с ним увидеться?

Рэндан кивнул.

— Да, я хотел кое-что уточнить. Дело в том, что я начинаю испытывать определенные сомнения,— добавил он с важным видом.

— Сомнения? А мне казалось, что вы согласились с Гривзом в том, что Брекстон...

— Нет, сейчас я в этом так не уверен. Дело в том, что я сегодня случайно кое-что услышал здесь в доме. Я не хочу сказать, будто бы люблю подслушивать, но...

— Но вы подслушали разговор, не предназначенный для ваших ушей,— типичная человеческая черта. В конце концов, что было бы с историей, если бы не подслушивание?

К счастью, это был риторический вопрос, и Рэндан его проигнорировал.

— Я слышал, как миссис Вииринг разговаривала с адвокатом.

— С адвокатом Брекстона?

— Да... но они говорили не об убийствах. Они говорили о завещании. О завещании миссис Брекстон. Похоже, она оставила половину своего состояния тетке, миссис Вииринг, остальное —Клейпулу. Мужу не досталось ничего. Самое главное в другом: он об этом знал и с таким завещанием давным-давно согласился. Вот я и думаю...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Атмосфера во время обеда была натянутой. К счастью, мисс Ланг была в ударе и пыталась поднять наше настроение, читая новые пассажи “Разговора о книгах”. Я старался не смотреть на миссис Вииринг, которая вопреки совету врача решила выпить капельку дюбонне. Она так хорошо налакалась к тому времени, когда подали кофе, что мы с Рэнданом, практически никому ничего не объясняя, за исключением шаловливой мисс Ланг, смогли незаметно ускользнуть из дому.

Дорога от Истхэмптона до Саутхэмптона заняла около получаса. Луна скрылась, а ночное небо заволокли тучи, двигавшиеся с севера.

Мы почти не разговаривали, занятые своими собственными мыслями. Правда, Рэндан попытался расспросить меня относительно истории с налогами, но я отмолчался, оставив при себе взлелеянные мной версии.

Когда мы выходили из автомобиля перед особняком на Джин-лейн, где проводился прием, Рэндан заметил:

— Мы, кажется, оба знаем, кто убийца.

— Жаль, что это не произошло раньше,— согласился я, кивнув.— К сожалению, слишком много было неразгаданных вопросов.

— Мастерски это было проделано.— Он выключил зажигание.— Когда вы догадались?

— Вчера, во время разговора с Альмой Эддердейл. Она и выболтала секрет, рассказав о проблемах Розы.

Рэндан кивнул:

— Да, теперь все ясно. Собираетесь сообщить об этом Гривзу? Или Специальному суду?

Я покачал головой:

— Нет. Сперва я должен попытаться использовать полученную информацию для "Глоуб". Потом, если мне это удастся, я переговорю с Гривзом. Только так я смогу опубликовать свое сообщение раньше других.

Мы отправились на прием. Я был в прекрасном настроении, чувствуя себя на седьмом небе.

Танцевальный зал (а это действительно, черт побери, был танцевальный зал) представлял собой огромное помещение с паркетным полом, многочисленными вазами с цветами, тремя люстрами и галереей, где музыканты исполняли нежную музыку. Присутствовал, как принято говорить, весь свет.

Я почтительно склонился перед леди Эддердейл, которая несколько смущенно стояла рядом с хозяином — человеком, таинственно нажившим миллионы во время Второй мировой войны. Скорее всего, он воровал покрышки и продавал их на черном рынке.

— А, да, мистер...— со вздохом произнесла она, когда я ей пожимал руку. Она явно забыла мое имя.— У меня такая плохая память на имена, но я прекрасно запоминаю лица. Когда вы приехали из Лондона?

Я постарался побыстрее закончить церемониал с нею и, пройдя через многочисленную толпу, попал в гостиную, где находилась буфетная стойка, укомплектованная четырьмя шеф-поварами, и где я, как и ожидал, отыскал свой луч любви. Окруженная группой полных, лысых и рябых холостяков, она поглощала копченую индейку.

— Питер! Можешь попробовать!

— Из твоих рук с удовольствием! — произнес я залихватским тоном в духе Марлона Брандо.

Холостяки недовольно уставились на меня — племенной жеребец, пробирающийся через стадо лошадей к ближайшей кобыле.

Кобылка моя прямо-таки сияла. Она была в белозолотистом платье, вся увешанная фамильными драгоценностями. "Интересно,— подумал я,— может, стоит предложить ей руку и сердце?"

Я бросил вызывающий взгляд на холостяков, и они моментально ретировались. А нам осталась копченая индейка, шампанское и звуки Кола Портера, доносившиеся из танцевального зала. Никто не нарушал нашего блаженства.

— Почему это ты сегодня днем удрал? — с любопытством спросила Лиз.

Я молил бога, чтобы была сцена ревности, но ее не последовало. По правде говоря, она даже не ждала оправданий.

— Я слышала, что дело закончилось? Кто-то мне сказал, что у Брекстона не осталось ни шанса и они добились от него признания.

— Ты уверена в этом? — произнес я, хватаясь за эти слова, как за последнюю соломинку.

— Нет, не уверена. Просто все так говорят.

— А что ты делаешь после этого, душка? — сказал я с набитым ртом.

— Сегодня вечером? Поеду домой, как любая порядочная девушка.

— Пошли в кровать?

— В кровать? — воскликнула она удивленно, причем так громко, что один из поваров заметно побледнел. — В кровать? — повторила она тише.— А мне казалось, что тебе нравится возиться только на кактусах... или же у тебя где-нибудь приготовлена кровать с гвоздями?

— Молодые женщины никогда не понимают шуток,— ответил я холодно.— Это не моя вина, что ты не снабдила меня необходимым количеством средств для организации правильной любви, предпочтительнее в позолоченной клетке. У тебя ведь есть деньги?

— Да, и я хочу, чтобы меня любили только за мои деньги,— согласилась она, кивнув головой.— В конце концов, красота проходит. Характер портится.

А вот деньги, если они правильно вложены, всегда дают любовь.

— Надеюсь, твои правильно вложены? В надежные бумаги?

— Да, но я не знала, что это тебя волнует.

— Настолько, что я желаю пригласить тебя на ночь в мотель "Новая Аркадия", центр запрещенной сексуальности, всего в нескольких милях отсюда.

— А что я скажу своим?

— Скажешь, что ты распутница. Деньги — на твое имя, ведь так?

— О да. Моя мамуля потребовала от второго мужа, чтобы он создал попечительский фонд. Мило, правда?

— Все зависит от суммы.

Я уже приготовился ее обнять, как вдруг над нами раздался рев Элмера Буша.

— Привет, парень! Боже, это кажется та самая аппетитная крошка, которую я сегодня видел на пляже. Мисс Лиз Безземер, правильно?

— Да, та самая аппетитная крошка,— с ослепительной улыбкой произнесла Лиз.— А вы, если не ошибаюсь, тот пока еще знаменитый Элмер Буш, который, благодаря любезности "Уит-Машлетс", каждую неделю выступает по программе "Эн-Би-Си"?

Это несколько его охладило.

— Какая умная девочка! Правда, Питер? А ты удачливый стрелок, парень! Ну что ж, как говорится, не везет в преступлении, повезет в любви. Ха! Ха!

Пока мы весело ржали над этой остротой, Лиз тихо смылась.

— Клянусь, я не хотел мешать тебе с подружкой.— Элмер чуть ли не облизывал губы, следуя взглядом за Лиз, проходившей через танцевальный зал. Его глаза пожирали всю ее, обнаженные плечи и гладкое бело-золотистое платье.

— Я тебе верю, Элмер. Увидимся как-нибудь в другой раз.

— Хочешь сделать мне любезность,— небрежно бросил Элмер, видя, что вокруг никого нет и очаровывать ему, за исключением меня, некого, а я, как он прекрасно знал, не относился к числу его поклонников.

— Что за любезность?

— Я хочу взять интервью у миссис Вииринг, но никак не могу добраться до нее. Она все время ускользает... Одному богу известно почему, ведь она стремится к известности. Так вот, если ты...

— Но, Элмер, мы же противники.— Я попытался изобразить удивление.— И потом, мне самому еще надо как-то выкрутиться из ситуации, в которую я попал.

— Это для "Глоуб", а не для меня.

Он стоял с благородным видом, как бы принося себя в жертву. Мне даже показалось, что я слышу в отдалении звуки "Марсельезы".

— Я очень сожалею, Элмер, но этого тебе придется добиваться самому.

— Послушай, Сарджент. Меня сюда послал редактор "Глоуб", той самой газеты, которая платит тебе деньги за дурацкие статьи о том, что Брекстон якобы не совершал убийства. Запомни только одно: ты не очень в чести у руководства. Но стоит лишь мне сказать, что ты мне помог, что в тебе есть толк, они наверняка тебя не спишут.

Он посмотрел на меня сердито, с угрозой в глазах, как смотрел, когда набрасывался на врагов какого-нибудь сенатора, якобы пытающегося искоренить коррупцию и коммунистов.

— Элмер,— спокойно произнес я,— я тебя ненавижу. Я всегда ненавидел тебя. И я буду тебя ненавидеть. Ничто не в состоянии показать масштабы и краски моей к тебе ненависти. Я сброшу на тебя камень, если ты будешь тонуть. Я...

— Все дурачишься,— с улыбкой произнес Элмер, чтобы показать, что видит, как я шучу.— А вот я не шучу. Газета ждет от тебя помощи. Если ты отказываешься, не надейся больше на сотрудничество с нею.

— А предположим, я прав?

Я устал от него и в то же время понимал, что бессмысленно бороться, пока не раздобуду стоящие факты, причем как можно скорее. Он брал меня за горло, как говорят журналисты.

— Что Брекстон не убивал жену и Клейпула?

Элмер с жалостью взглянул на меня.

— Лично я не стал бы строить обвинение на показаниях Клейпула,— выстрелил я наугад и попал в точку.

— Ты знаешь и об этом? — вздрогнул Элмер.

— Конечно. Я знаю, что обвинение собирается строить свои утверждения на том, что Клейпул заявил, будто Брекстон убил свою жену...

— Он рассказал об этом в полиции в день своей смерти.

Элмер выглядел довольным, как будто сам все это проделал с помощью своего журналистского дара. Я был рад, что моя догадка подтвердилась. Элмер отрабатывал свое назначение.

2

— Уверена, они разнюхают, чем я занималась. Просто мне назло.

Лиз, совершенно обнаженная, сидела перед туалетным столиком и укладывала волосы. Она из того разряда женщин, которые сперва приводят в порядок свои волосы и лицо, а только затем начинают одеваться. Я в блаженстве нежился в кровати, наслаждаясь лучами утреннего солнца, падавшими мне на живот. Это была потрясающая ночь, да и утро тоже. Ничто не тревожило меня.

— А тебя это волнует? — спросил я, зевая.

— В общем-то, нет.— Я смотрел на ее лопатки, когда, повернувшись ко мне спиной, она расчесывала волосы.— Просто, когда я им сказала, что остановлюсь у друзей в Саутхэмптоне, мне не следовало упоминать Анну Триз. Они собираются к ней, и наверняка моя тетя поинтересуется, когда я заявилась ночью, и...

— Ты слишком тревожишься. Мне кажется, твоя тетка будет без ума от "Новой Аркадии". Чистые простыни. Отдельные ванны. Прекрасный вид на закусочную и американскую магистраль номер один, не говоря уж об американском мальчишке с красной кровью... Подойди сюда.

— Сейчас не до этого, Питер.— Она с достоинством поднялась и влезла в шелковые трусики.— Тебе это доставляет удовольствие... ты, как это говорят, чувствуешь себя важным, мужественным козлом...

— Я никогда не важничаю.

Мне вдруг вновь захотелось ее, но у нее были другие планы. Раздосадованный, я встал и прошел в ванную комнату, чтобы принять душ. Когда я вышел, Лиз уже была полностью одета и копалась в корзинке с бумагами, напоминая собою женщину, которая знает, что делает.

— Вот так-так,— ехидно, как шкодничающий мальчишка, сказал я.— Смотри, найдешь что-нибудь непристойное, не прикасайся?

— Чепуха.— Лиз вытряхнула газету и сигаретные окурки.— Так я и думала: марихуана. Вот откуда я почувствовала странный запах.

— Не прикасайся к ним. А я-то думал, женщины смертельно боятся эмбрионов.

— Кончай дурачиться.

Лиз кинула окурки обратно в корзину и с рассеянным видом развернула газету. Я начал одеваться.

От резкого возгласа Лиз я замер.

— *Это* Клейпул? — спросила она, протягивая мне газету.

Это был утренний выпуск "Джорнел Американ", в котором были опубликованы фотографии людей, связанных с убийством в "Норт-Дюнз". На одной из них был изображен Клейпул. Я кивнул, возвращая ей газету, и стал причесываться, глядя в пыльное зеркало.

— Ну и что из этого?

— Как что? Я его знаю!

— *Знала.* Ну и что? Многие его знали.

— Возможно, но я его совсем недавно видела. Не помню, как это произошло... то ли я виделась с ним, то ли случайно столкнулась или еще что-то...— Она смущенно замолчала и внимательно уставилась на фотографию.— Я вспомнила! — завопила она.

— Что?

— Это было в воскресенье вечером, в клубе, до того, как я поехала на вечеринку к Эвану Эвансу. Я заскочила в клуб с одним знакомым парнем. Просто посмотреть, кто там есть. Никого не было — ты же знаешь, что там бывает по воскресным вечерам, поэтому я попросила этого парня отвезти меня к Эвансу... Как бы то ни было, но до ухода я видела Клейпула. Точно это помню. Он выглядел таким душкой, правда на старомодный манер. Я заметила его, потому что он был один и, потом, в скромном костюме. Все остальные были разодеты. Он стоял в одиночестве у двери, выходящей на террасу...

— Ты разговаривала с ним?

— Нет. Только мимоходом его заметила.

— А сколько было времени?

— Времени? Чуть попозже половины первого.

Я был взволнован.

— Да ты понимаешь, что, возможно, последней видела его в живых?

— Ты так думаешь? — Она ужасно заинтересовалась.— Но это ведь ничего не доказывает, да? Он, наверное, пришел со стороны “Норт-Дюнз”. Питер, я ужасно голодна, давай завтракать.

Украдкой мы выскочили из мотеля “Новая Аркадия”. Так каждую неделю делают сотни парочек, которые, как только их союзы благословляют боги любви, моментально начинают отрицать и игнорировать суровые устои общества.

В южной части Истхэмптона мы отыскали очаровательную харчевню и наелись там до отвала.

Это было странное утро. Висел густой белый туман, сквозь который пробивались слабые лучи солнца.

— Я люблю такие авантюры экспромтом,— заявила Лиз, поглощая яйца в таком количестве, что я просто обалдел, не понимая,как они вмещаются в такое стройное тело.

— А тебе плохо не будет?

— Я могу их есть, сколько влезет,— спокойно произнесла она.

Мне оставалось лишь гадать — шутит она или нет.

— Надеюсь, когда в очередной раз мы будем в мотеле, ты не забудешь об этом.

— В тебе есть ужасно неприятные пуританские черты, Питер. Меня это очень беспокоит.

— Просто мне хотелось бы, чтобы ты принадлежала только мне. Такова жизнь.

— Да, такова жизнь.

Лиз лучезарно улыбнулась мне над чашкой кофе.

Она была просто сказочным созданием, творением природы, а не человеческим существом. Стихией. Ветром. Небом. Обычные законы морали не для нее.

Я сменил тему. Я не мог спокойно смотреть на нее.

— И сколько еще времени ты собираешься быть здесь?

Она вздохнула:

— Завтра я возвращаюсь. Я просила разрешить мне задержаться, но в редакции отказали. Никакой журнал не станет впустую тратить деньги и делать дополнительные выпуски в жаркую погоду. Покупать-то некому.

— Неужели кто-то читает журналы мод? Женщины ведь покупают их только из-за моделей одежды.

— Очень тяжело работать в Нью-Йорке душным летом. Я должна была вернуться вчера, но мне дали еще один день. А ты когда возвращаешься?

— В пятницу. Я пробуду здесь до Специального суда, на котором вынужден выступать в качестве свидетеля. Сразу же после суда я вернусь в Нью-Йорк.

— Потрясающий у нас уик-энд был! — сказала Лиз, перекладывая лед из своего бокала в кофейную чашку.— Не знаю, почему я никогда не прошу приготовить холодный кофе? Горячий-то я терпеть не могу. Питер, ты действительно считаешь, что Брекстон невиновен?

Я кивнул.

— Но если он не убийца, то кто?

— Кое-кто другой.

— О, не глупи! Кто другой мог сделать это?

— Человек, у которого был мотив.

— Наверняка у тебя есть факты, кто это, раз уж ты так уверен, что Брекстон тут ни при чем.

— Конечно, я прекрасно знаю, кто совершил убийство.

И я действительно знал. По крайней мере, уже не меньше получаса.

Глаза у Лиз округлились.

— Ты хочешь сказать, что вот так спокойно сидишь со мной и попиваешь кофе, прекрасно зная, кто убил миссис Брекстон и Клейпула?

— Не понимаю, почему я не могу пить с тобой кофе, хотя и знаю, кто убийца. Кстати, благодаря тебе.

— Мне? Что я такого сделала?

— Я скажу тебе об этом позднее.

Лиз в задумчивости посмотрела на меня, как бы решая, вызывать команду людей в белом или нет.

— И что ты теперь собираешься делать, после того как узнал, кто убийца?

— Пока не думать об этом. Мне сперва необходимо соединить кое-какие концы. Даже тогда я не смогу доказать то, что мне известно.

— О, Питер, ну скажи, кто это?

— Ни за что в жизни.— Я заплатил за завтрак и встал.— Пошли, дорогая. Мне необходимо доставить тебя домой.

— Какой же ты садист! Я лично никогда такой не была.

Лиз просто разъярилась, но я все равно ничего ей не сказал. Она едва разговаривала со мной, когда автомобиль остановился у "Норт-Дюнз" и я вышел. Она захлопнула дверцу и с надменным видом перебралась на место водителя.

— Было очень приятно, мистер Сарджент.

— Мне тоже.

— Чудовище!

И Лиз чуть ли не на задних колесах рванула вперед, бешено скрежеща коробкой передач. Улыбаясь про себя, я вошел в дом. Впереди еще предстоял тяжелый день.

3

При входе я столкнулся с дворецким. Он пожелал мне доброго утра и словом не обмолвился о моем ночном отсутствии. Я поднялся к себе в спальню и немедленно позвонил мисс Флинн.

— Я выполнила поставленные передо мною задачи,— произнесла она канцелярским тоном.— Результаты моих геркулесовых подвигов следующие.— И она изложила мне кое-какие сведения, причем некоторые из них были довольно важными. Я передал ей, что ожидать меня следует в пятницу днем. Мы еще немного поговорили о делах, и я положил трубку.

Я был на удивление спокоен. Личность убийцы стала мне ясна сегодня утром во время разговора с Лиз. Ее слова пронзили меня током. Все стало на свое место. Все разрозненные отрывки и куски информации, благодаря только одной фразе, слились в единое целое, и я сразу понял, что же произошло и почему.

Я упаковал чемодан, затем спустился вниз и оставил его в холле, не собираясь больше оставаться в этом доме.

На террасе, наблюдая за тем, как легкая дымка перерастает в густой туман, сидела мисс Ланг. Она была в яркой гватемальской накидке.

При моем появлении она вскочила:

— О, мистер Сарджент, как вы меня напугали! Кстати, сорока мне на хвосте принесла, что сегодня ночью вы здесь не ночевали.

— Сорока не ошиблась,— сказал я, усаживаясь рядом с нею.— Похоже, надвигается шторм.

Она кивнула. Мы оба посмотрели в сторону моря, точнее — линии серо-металлических буйков: со стороны исчезающего горизонта надвигались клубы молочного тумана.

Вдруг стало прохладно и непривычно сыро.

— Какая была прекрасная погода! — с ностальгическими нотками в голосе заметила мисс Ланг. — Все, похоже, лето кончилось. И как это неожиданно произошло!

Мисс Ланг была необычайно бледна. От привычного щебетанья о книгах не осталось и следа. И как ни странно, под этими слоями жира и разочарования я смог увидеть стройную фигурку довольно симпатичной женщины.

— Вы любили мистера Клейпула, да? — спросил я, наблюдая за нею краем глаза.

— Почему вы так думаете? — в удивлении спросила она.

— Я просто интересуюсь всем случившимся, вот и все. Я всегда полагал, что есть факты, неизвестные полиции.

— Думаю, таких фактов более чем достаточно,— резко сказала мисс Ланг.— Значит, я, по вашему мнению, намеренно держу их в неведении, да?

— В общем-то, да. А разве не к этому вы стремились? Вспомните, вы были против дальнейшего расследования. Однажды, во время нашего разговора...

— Да, да, помню. Мне нечего скрывать. И ни для кого не секрет наши отношения с Флетчером. Я думаю, что, если б не Элли (которую я, поверьте, просто обожаю), мы бы наверняка поженились. Она держала его. Милдред предприняла попытку и потерпела поражение. Вот и все.

— Тогда скажите, почему вас все это так тревожит? То есть я хочу сказать: какая была бы разница, если бы вдруг стало известно о ваших отношениях с Флетчером?

Мисс Ланг в задумчивости замолчала.

— Я вам объясню, мистер Сарджент, чего я опасаюсь,— наконец произнесла она со странным выражением лица,— но вы должны обещать мне никогда не упоминать об этом. Обещаете?

— Да, обещаю.

— Я опасалась, что, если полиция начнет совать нос в наше прошлое — Флетчера, Пола и мое,— они рано или поздно узнают, что Пол Брекстон пятнадцать лет тому назад писал с меня картину в... в общем, целиком. Вы должны понимать, что у меня немало почитателей во всех Соединенных Штатах и Канаде и, если вдруг о картине станет известно и об этом растрезвонит желтая пресса, со мной будет покончено как с автором “Разговора о книгах”. Теперь вы понимаете, почему я опасалась расследования?

Я едва сдержался, чтобы не рассмеяться.

— Теперь мне понятно. Между прочим, я слышал об этой картине.

— Вот видите? Уже пошли пересуды! Как только началось это ужасное дело, я все время была в смертельном ужасе, что кто-то до этого докопается. Во время своего последнего разговора с Полом, как раз перед самым его арестом, я взяла с него слово хранить молчание по этому вопросу, даже если он случайно всплывет.

— Уверен, он никому ничего не скажет. Кстати, я слышал, что это очень хорошая картина.

— Но я никогда больше такой хорошенькой не была,— с привычной игривостью бросила мисс Ланг.

Мы еще долго болтали. Затем я вошел в дом. Все складывалось просто прекрасно. Так прекрасно, что становилось страшно.

Поднявшись позднее на второй этаж, я проскользнул в комнату Брекстона. Никто меня не видел. Комнату уже убрали, и теперь она выглядела как обычно. Я проверил замок двери, ведущей в комнату Элли (ключ сменили, потому что первый полиция изъяла как вещественное доказательство). Замок работал нормально. Затем я прошел к окну и проверил раму. Как я и ожидал, на подоконнике с обеих сторон были царапины. Длинные прямые бороздки в истрепанном непогодой дереве. Я осторожно надавил на раму — она двигалась свободно. Я не успел проверить стекла в других окнах, ибо в тот момент, когда я уже собирался перейти в комнату Элли, в дверях появилась миссис Виирингг.

— Мистер Сарджент! — Она, вне всякого сомнения, была поражена.— Что вы здесь делаете?

— Я... просто кое-что искал,— запинаясь, глупо забормотал я.

— В *этой* комнате? Я даже не знаю, что и подумать,— решительно заявила она, как будто я спер у нее столовое серебро.— Мэри Уэстер сказала мне, что вы собираетесь уезжать. Я бы хотела переговорить с вами.

— Конечно, конечно.

Мы спустились вниз и прошли в альков гостиной. Роза была вся в делах. Стакан дюбонне стоял на столике перед нею.

— Я все-таки решила провести прием,— сказала она.

Я был удивлен.

— А я было подумал...

— Сперва я посчитала, что это будет рассматриваться как дурной тон. Но сейчас я думаю, что поздно давать отбой. Уже как-то все на него настроились.

Она основательно приложилась к дюбонне.

— Возможно, вы и правы,— согласился я.— К сожалению, боюсь, я не смогу быть вам полезен. Я должен быть в Нью-Йорке в пятницу...

— О, как жаль. Если это связано с вопросом оплаты...

Она, похоже, была смущена моим отказом.

— Нет, нет, дело не в этом. У меня просто накопилась масса работы и...— и я выдал целую серию, надеюсь, вполне объяснимых причин. Настоящую причину, естественно, сказать я ей не мог. Да она и сама скоро узнает.

— Очень жаль. Надеюсь, что вы по крайней мере сейчас посоветуете мне, что делать.

Я согласился, и мы быстро обо всем переговорили, причем я пытался убедить ее в том, в чем был абсолютно уверен — что она способна провести рекламную кампанию не хуже других. Она восприняла это довольно равнодушно.

— Спасибо. Постараюсь сделать все возможное. Вы, наверное, слышали, что у меня в последнее время были кое-какие затруднения.

Она уставилась прямо мне в глаза, чтобы посмотреть, какова будет моя реакция. Но я и глазом не моргнул. Смотрел невинно, как бы впервые слыша о каких-то проблемах.

Она продолжала, вполне удовлетворенная моим молчанием:

— Кто-то распустил слух, что у меня финансовые затруднения. Естественно, это не так, и поэтому я решила провести запланированный мною прием. Сегодня утром я разослала приглашения.

Вот так-то. Она стала тратить деньги Милдред, еще не получив их. При сложившихся обстоятельствах я не мог ее винить... Такова, видимо, воля божья.

4

К моему удивлению, на ленч в сопровождении инспектора Гривза появилась Элли Клейпул.

Она была очень бледна и двигалась как-то нерешительно, как инвалид, который только что встал на ноги. Гривз прямо-таки сиял, но сдержанно, на казенный манер.

— Как приятно всех видеть,— сказал он.— Причем не в качестве официального лица.

— Мы всегда очень рады видеть *вас*, мистер Гривз,— вкрадчивым тоном произнесла миссис Вииринг из-за стола.

Дворецкий разнес шампанское. Все напоминало официальный завтрак.

Рэндан и Элли сели рядом и почти весь обед шептались, в то время как остальные слушали очередные сентенции Мэри Уэстерн Ланг или в молчании поглощали шампанское.

Только когда подали десерт, я смог обратиться к Гривзу (он сидел слева от меня) и незаметно для других задать вопрос — именно в этот самый момент мисс Ланг рассказывала о скандале, который произошел на встрече в дамском клубе любителей живописи и литературы.

— Как выглядел нож? — чуть слышно спросил я его.

— Нож? — в удивлении переспросил Гривз.

— Ну да. Тот, который нашли рядом с телом Клейпула. Кажется, такой нож называют мастихином. К сожалению, я не имел возможности внимательно его рассмотреть.

— Обыкновенный нож, просто очень острый. Напоминает кухонный, но с костяной ручкой и инициалами Брекстона на ней.

— Инициалы? — "Так вот, в чем дело!" — Они были видны?

— Да, очень большие буквы. Что у вас на уме, мистер Сарджент?

Он посмотрел на меня с подозрением.

— У меня, вероятно, будет для вас сюрприз.

— Какой именно?

— Настоящий убийца.

Гривз фыркнул:

— Мы его уже взяли и нечего расшатывать лодку. У нас достаточно неприятностей и без вас. Элмер Буш рассказал мне о ваших методах. Я обещал ему, что, если вы попытаетесь...

— Элмер — мой лучший друг,— ответил я, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.— Один только вопрос и все. В воскресенье утром Клейпул сказал, что ездил в театр Джона Дроу на выставку картин. Я случайно узнал, что театр в то утро был закрыт. Следовательно, решил я, он ездил к вам.

— Ну и что, если ездил? — недовольно поморщился Гривз.

— Он приехал в Риверхед и заявил вам, что Брекстон убил свою жену. Я уверен, что введенный в заблуждение окружной прокурор строит свое обвинение и свое будущее политическое банкротство на этом визите.

— Мне не нравится ваш тон, Сарджент.— Лицо Гривза налилось кровью.— Но, поскольку вам уже так много известно, я признаюсь вам — да, действительно, Клейпул приезжал ко мне и сделал заявление с обвинением Брекстона. Я думаю, что Брекстон не знал об этом... и убил Клейпула, чтобы тот не проболтался, совершенно не догадываясь о том, что уже слишком поздно. Мне следовало действовать немедленно. Это я сейчас прекрасно понимаю, но тогда я считал, что в доме, где всегда под рукой двое полицейских, ничего плохого произойти не может. Как бы то ни было, все это позади. Никто уже не сможет спасти вашего Брекстона,— произнес Гривз, спокойно сложил салфетку и положил ее рядом со своей тарелкой.

— Он мне не друг, но и не ваша мишень, Гривз.

— Послушайте...

Но тут миссис Вииринг поднялась и пригласила всех нас в гостиную на кофе.

Мне удалось буквально на секунду оторвать Элли Клейпул от Рэндана.

— Вы еще держитесь?

— В отношении Пола? — Она вздохнула и дрожа опустилась на стул.— Даже не знаю, что и думать. Гривз был со мной все утро. Он настойчиво убеждал меня, что это Пол пытался покончить со мной, но я не могу... Я просто не верю в это.

— Прекрасно,— сказал я.— Доверяйте вашей интуиции. Большего от вас пока не требуется. Главное, знайте — вы правы!

Она сжала свои белые руки в кулаки:

— Но если Пол здесь ни при чем, то кто сделал это?

— Тот же человек, что убил вашего брата.

— И вам известно, кто это?

Я кивнул. Она посмотрела на меня. В ее глазах стоял немой ужас. Гривз, видимо, считая, что я запугиваю ценного свидетеля, подошел к нам. Я извинился и удалился.

Я уже собирался позвонить в гостиницу “1770 год”, чтобы заказать номер на ночь, как ко мне с деланной улыбкой подошел Рэндан.

— Послушайте,— сказал он,— куда это вы подевались с Лиз? Вы так неожиданно исчезли. Я вас очень долго искал. Мисс Ланг утверждает, что вы сегодня не ночевали здесь. Это так?

— Да. Мы с мисс Безземер провели ночь в мотеле “Новая Аркадия”, решая кроссворды,— сказал я и отправился прочь.

Затем я заказал по телефону номер в гостинице, вышел через парадный вход и, прежде чем окончательно закончить дело, решил еще раз обойти дом.

Я шагал между зонтиками на террасе, печально присматриваясь к серому туману, уже покрывавшему океан. Это был самый плотный и густой туман, который я когда-либо видел. Расплывчатые контуры зонтиков напоминали сказочных чудовищ.

Потом я взглянул на часы и широким шагом устремился по пляжу в сторону клуба.

Пять минут спустя я добрался до него.

Это была странная прогулка. Я видел только в нескольких футах от себя. Если бы не масса прогнивших черных построек, отмечавших начало территории клуба, я бы никогда не сообразил, где нахожусь. Самого здания клуба было не видно. С его стороны не доносилось ни звука.

У меня было такое ощущение, будто меня запаковали в вату и если я протяну руку, то наверняка коснусь тумана, тяжелой серой сырой субстанции.

Далеко в море я услышал одинокий жалобный гудок. “Ну что ж,— сказал я себе,— скоро это все закончится”. Неудивительно, что я пришел в подавленное состояние. Я разгадал тайну, но настроение не поднималось. Только чуть-чуть спало напряжение, однако страх остался.

Я медленно двинулся в обратный путь по самой кромке воды, которая чернела на фоне белого песка. Если бы не она, я давно бы потерялся, так как нигде не было никаких отметок — только белый песок и серый туман.

Я так рассчитал по времени обратный путь, что точно знал, когда буду рядом с “Норт-Дюнз”. В противном случае у меня оставалась только одна возможность — идти по берегу до самого Монтока, но при этом я не знал бы, где точно нахожусь.

Я был всего в трех минутах ходьбы от клуба, когда появилась темная высокая фигура. Мы оба остановились у кромки воды — каждый из нас шел по берегу. Это приближался Рэндан. В руке он держал мой чемодан.

— Я решил, что вы отправились на прогулку,— дружелюбно произнес он,— и последовал за вами.

— Вы поняли, что я пойду к клубу?

Он кивнул:

— Приятная прогулка, не правда ли? В особенности, в туманный день.

— Я люблю туман.— Я бросил взгляд на чемодан в его руке. Ну, наконец-то! Я знал, что меня ожидает.— Правда, прогулка не такая уж приятная, если приходится что-то нести.

— Что-то вроде вашего чемодана? — с усмешкой бросил он.

— Или вашего дяди.

Улыбка погасла на его лице. Мы были только в ярде друг от друга, но вдруг черты его стали расплываться в белом густом тумане. Мы стояли на самой границе видимости, которая была диаметром не более ярда. А где-то вверху, в ином мире, светило полуденное солнце. Мы походили на двух оставшихся в живых участников трагедии, одни со своими тайнами и секретами.

На берег накатила сильная волна и залила наши башмаки. Мы одновременно отошли от воды, находясь в радиусе видимости друг друга. Был ли он вооружен?

Этот вопрос постоянно крутился у меня в голове. Если он...

— Вы слишком много знаете,— протянул Рэндан, поставив чемодан на песок.

Я заметил, что он в теплой полушинели. "Очень разумно,— по-идиотски подумал я,— не впитывает влагу". Туман обволакивал нас, как влажная вата. Моя одежда была насквозь промокшей, кстати, не только от тумана.

— Я давно уже догадывался,— произнес я, стремясь, чтобы мой голос звучал как ни в чем не бывало.— Но толку от этого было мало, потому что у меня не было никаких доказательств.

Я был уверен, что он вооружен. Может, стоит нырнуть в туман и пробираться дальше по берегу? Один прыжок, и меня не будет видно. Но если он вооружен...

— Н-да, вы не глупы,— откровенно признался Рэндан.

— Благодарю. К несчастью, вы тоже. Нет никаких возможностей построить дело против вас. Я абсолютно уверен, что точно знаю, как все произошло, но доказательств у меня нет. Вы заранее все предусмотрели и тщательно все обдумали.

— Расскажите, что вам известно, Сарджент.

Вопрос был поставлен спокойно, без всяких эмоций.

— Мне не все известно.

— Все равно расскажите.

Он сунул руку в карман. Я почувствовал смертельный холод: неужели он вооружен? Вооружен ли?

Я решил продолжать разговор, одновременно приготовившись в любой момент прыгнуть в белизну, окружавшую нас, в защитный и убийственный туман. В горле у меня пересохло. Пот катился по лицу. С большим трудом мне удавалось сохранять спокойствие.

— Мне кажется, вы разработали свой план еще в Бостоне вечером, накануне вашего приезда сюда. Вы услышали по радио сообщение об убийстве или, скорее, о таинственной смерти Милдред Брекстон. Вы знали, что подозрение неизбежно падет на ее мужа. Вам также было хорошо известно о нелюбви Флетчера к Брекстону из-за Милдред. Вы поняли, что вам случайно представился шанс убрать вашего дядю с дороги и свалить все это на Брекстона.

— Да, это действительно так. Такая мысль зародилась у меня после того, как я услышал по радио о случайной смерти Милдред.

По голосу Рэндана чувствовалось, что это признание доставляет ему удовольствие.

Я кивнул:

— А также из телефонного разговора с Элли накануне вечером. Я думаю, она вам немало рассказала о ситуации, сложившейся здесь. Вы знали, чего ожидать.

Это было осторожное предположение.

— Не думал, что Элли проболтается про этот телефонный разговор,— сказал Рэндан.— Да, это дало мне... подоплеку уик-энда. Продолжайте.

— Еще в Бостоне на всякий случай вы приготовили записку о том, что Брекстон — убийца. Я попросил свою секретаршу выяснить, что было в бостонских газетах в последний день вашего пребывания там. Так вот — никаких сообщений о смерти Милдред! Слишком мало еще прошло времени. Поэтому для текста записки вы не смогли найти кое-каких букв и написали текст с ошибками. Сперва мне это показалось странным, потому что я считал, что любой мог сделать правильный текст, ведь все местные газеты тогда были полны сообщений о Милдред и Брекстоне.

— Хорошо, хорошо.— Рэндан выглядел довольным.— А я очень опасался, что полиция сообразит и выяснит, что текст записки составлен из букв различных бостонских газет. К счастью, они были так уверены, что Флетчер — ее автор, что даже не позаботились проверить, откуда вырезаны буквы. Ну, а затем что произошло, как вы считаете?

— Вы приехали сюда на автомобиле в воскресенье, рано утром. Прошли прямо к дому. Полицейские спали. Вы огляделись. В большой комнате нашли мастихин Брекстона с его инициалами на ручке. Его забыла Милдред после ссоры с миссис Вииринг вечером в пятницу. Вы прихватили его, так, на всякий случай. Вы были в кухне... вероятно, копались в распределительном щитке. А тут я вошел... Вот вы и ударили меня.

— Самой удобной домашней вещью — сковородкой.— Рэндан заржал.— Правда, не очень сильно.

Раздался крик чайки. Шептал прибой.

— Затем вы выбрались из дома, а открыто заявились туда в тот же день, но значительно позднее. Вы сразу же разобрались, что происходит. Ваш дядя, вне всякого сомнения, рассказал вам о своих подозрениях, о том, что Брекстон, по его мнению, убил свою жену. Он даже мог вам рассказать о том, что сообщил об этом в полицию. Если он сделал это, а я уверен, что сделал, момент для вас наступил. Ваш дядя обвинил Брекстона в убийстве. Дядя ваш убит. Кто виновен? Естественно, только Брекстон. Все остальное было предельно просто.

— Я весь внимание.

Пока я говорил, я все время следил за ним, считывая его ответы скорее по выражению лица, нежели по его словам. Я продолжил свое изложение:

— Милдред погибла совершенно случайно. Брекстон знал об этом. Все остальные тоже были уверены в этом, пока инспектор Гривз, подбадриваемый вашим дядей и почувствовавший, что дело само по себе яйца выеденного не стоит, решил выжать из него все возможное. А с вашим дядей он довел игру до совершенства... к их несчастью.

— Гривз еще извлечет выгоду. Он уже герой.

Рэндана так и распирало от самодовольства. Значит, я выбрал правильную тактику.

— Это верно. Боюсь, Гривз никогда не узнает, кто отправил на электрический стул невинного человека.

— Да, не узнает. Никогда,— весело согласился Рэндан.— Никто не сможет сказать ему, что он неправ.

Я сделал вид, что не понял его, но был готов к любой неожиданности, окончательно убедившись, что он вооружен. Под прикрытием тумана он может совершить свое последнее преступление — уничтожить единственного свидетеля дьявольского плана.

— Вы организовали себе два алиби на субботний вечер, — продолжал я,— когда убили своего дядю. Сперва в клубе. А вторым алиби должна была послужить вечеринка у Эвана Эванса, на которой мы столкнулись с вами. Я бы сказал, непредвиденная встреча. Вы договорились встретиться с дядей у клуба примерно в половине первого. И отправились на машине, а он пошел пешком — по берегу. Вы встретились на пляже, в темноте. Видимо, у домиков. Поговорили. Возможно, пошли в сторону клуба. На каком-то расстоянии от него сели на песок. И неожиданно для него вы ударили его каким-то предметом...

— Всего лишь камнем.

— Затем оттащили его к дому, прекрасно зная, что полицейские будут ковыряться с испорченным щитком, а другие рано отправятся спать. Потом вы перерезали мастихином Брекстона горло своему дяде и перекатили его тело под скамейку, оставив рядом с ним нож, который должен был уличить художника. Вы были спокойны, зная, что дружище Гривз с радостью воспримет то обстоятельство, что человек с брекстоновским интеллектом оставляет рядом с убитым нож со своими отпечатками пальцев и инициалами.

— Очень хорошо, Сарджент. Вы не уловили несколько нюансов, но в целом вы совершенно правы. Продолжайте.

— Затем вы направились к клубу, вторично появляясь там, делая вид, что все время болтались где-то поблизости. После этого вы пошли на прием к Эвансу. Вы не сделали ни единой ошибки.

Вот я все и сказал. Передо мной было только два выхода: либо быстро исчезнуть в тумане и броситься в сторону, чтобы избежать выстрела, либо попытаться перехватить оружие, явно бывшее у него в кармане, прежде чем он успеет нажать на курок.

Лихорадочно обдумывая все это, я продолжал говорить — льстить его самолюбию, намекать на то, что я давно знал о его роли, но был единственным его зрителем, совершенно неопасным для него. Он был слишком умен, чтобы на это попасться, но лесть ему была приятна.

— В конце концов,— сказал он,— вы единственный человек, с которым я могу говорить открыто. Расскажите, когда вы стали подозревать меня? Ведь никто даже не догадывался.

— Помогла удача. Я сказал вам то, что вам не было известно, помните? Я проболтался, что Элли в момент смерти Клейпула была вместе с Брекстоном. Мне было известно, что убийца, как, впрочем, и другие, об этом не знает. Вы стали действовать немедленно, не теряя времени, как я и думал. Элли ни за что не должна прийти в сознание, решили вы. Ее свидетельство спасет Брекстона. Ее же смерть сразу припишут ему. Вы должны были убить ее. В этом месте вы воспользовались дополнительной линией обороны, которую на всякий случай приготовили. Финансовыми затруднениями Розы. Я уверен, что об этом вы узнали от ваших дяди и тети. Вы знали, что миссис Вииринг — потенциальный кандидат на убийство Милдред. И у нее действительно был очень веский мотив. Вы похитили ее носовой платок, чтобы подбросить его в комнату Элли, если что-то пойдет не так. Это неизбежно должно было впутать Розу в убийство, но то ли вы забыли воспользоваться им, то ли были слишком в себе уверены, но... В общем, вы вернулись в дом во время смены сиделок, то есть в полночь. У вас было не более пяти минут. За это время вы должны были впрыснуть Элли стрихнин, который уже позаимствовали из ванной комнаты миссис Вииринг. Вы спокойно подняли раму своего окна, по крыше веранды прошли к комнате Элли, через окно влезли в нее. Повернули ключ в двери, ведущей в спальню миссис Вииринг. Это вы вовремя сделали, потому что в комнату уже рвалась мисс Ланг. Вы стали вводить Элли стрихнин, но времени сделать укол нормально у вас уже не было, поскольку мисс Ланг подняла тревогу. Тогда вы открыли ключом дверь в соседнюю комнату, проскочили туда, заперли дверь, а затем через окно вернулись к себе в комнату, чтобы затем появиться в коридоре.

— Прекрасно.— Рэндану ужасно приятно было слышать от меня рассказ о том, какой он умный.— Надо добавить только пару деталей. Одна заключается в том, что еще накануне я положил в наволочку Брекстона ключ от комнаты Элли — так, на всякий случай. Вторая деталь касается окон. Я ослаблял рамы с помощью ножа. Думал, что мне никогда не удастся с ними справиться. К счастью, из-за влажной погоды они все искривились и становились на место сразу же, как только их отпускали. И в отношении носового платка вы тоже правы. Я решил воспользоваться им, если Элли поможет Брекстону сорваться с крючка.

— Ваше упоминание о сэре Томасе Овербери помогло мне выйти на вас.— Я на миллиметр приблизился к нему.— Его дело было очень похоже на...

— Не совсем. А разве я о нем упоминал? Я это забыл. Просчет. Что еще натолкнуло вас на мысль обо мне?

— Замечание. Вы как-то сказали о действиях, совершенных *экспромтом, под влиянием минуты.* Это выражение засело у меня в голове. Не знаю почему. Откровенно говоря, я никогда не верил, что Милдред убита. Вот Клейпул — это другое дело. Здесь, как говорится, сомнений быть не может. Но это могло быть убийство "экспромтом", импровизированное прямо на месте, при наличии уже конкретного подозреваемого и обставленное как преступление первой степени. Вчера вечером Лиз предоставила мне недостающую информацию. Она видела Клейпула всего за несколько минут до его смерти. Никто не знал, что он отправился туда. Зато известно, что в то же самое время там были вы. И вот тогда все встало на свои места. А уж когда я узнал о бостонских газетах...

— Приятно разговаривать с вами.

Он сделал шаг назад.

Сейчас. Сейчас. Сию минуту. Я едва себя сдерживал. Продолжал быстро говорить. Постарался, по возможности, приблизиться к нему. Я уже знал, что мне делать.

— Правда, возникает вопрос: зачем вы его убили? Это единственное, чего я никак не могу понять. Я не знаю вашего мотива.

— Деньги. Он был руководителем моего попечительского фонда. Я мог получить состояние в свои собственные руки только по достижении сорока лет. А мне не хотелось ждать. Это был ужасный человек. Я всегда ненавидел его. Когда Милдред утонула, я сказал себе: “Вот твой шанс!” Больше такой возможности мне никогда бы не представилось. Я импровизировал, как вы правильно выразились. Но это было чертовски интересно. Я всегда интересовался преступлениями. Планировал их в уме, просто так — ради спортивного интереса. И я был буквально поражен, насколько легко совершить убийство... Удивительно легко.

Я еще ближе подошел к нему, но даже сам не заметил этого.

— Но, к сожалению, сейчас,— спокойно продолжал Рэндан,— мистеру Сардженту придется срочно покинуть Истхэмптон, оставив багаж и все остальное. К тому времени, когда станет ясно, что вас на Манхэттене нет, Брекстон будет на пути к...

Я ударил его изо всей силы. Раздался выстрел, прозвучавший как хлопок пробки из бутылки шампанского. Я почувствовал запах пороха. Мы сцепились в смертельной схватке. “А не ранил ли он меня? — лихорадочно думал я. Мне прекрасно известно еще по военному опыту, что бывают ранения, которые сразу же и не почувствуешь.

Пуля, к счастью, в меня не попала. Мы боролись на самой кромке воды. Рэндан ругался, отбивался и дрался, как слабое, но отчаявшееся животное. Минуту спустя он валялся на песке, хватая воздух ртом, почти без сознания. В кармане шинели, через которую он стрелял в меня, я нащупал дырку размером с серебряный доллар. Револьвер Рэндана валялся в ярде от него. Я взял его и положил к себе в карман. Затем я поднял Рэндана, как куклу, и отнес его в “Норт-Дюнз”. На волосах молодого человека была морская пена, пузырившаяся, как пиво. Я отнес его тем же самым путем, каким он за три дня до этого тащил бесчувственное тело своего дяди — Флетчера Клейпула.

5

— В приемной находится некая мисс Безземер.— Мисс Флинн посмотрела на меня гранитными глазами.— Она не договаривалась заранее о встрече.

— Тем не менее я ее приму. Бедняжка... Она была втянута в черные дела работорговой банды белых в Джорджии. А теперь я пытаюсь восстановить ее честное имя.

Немой ответ мисс Флинн можно было бы выделить курсивом. Секретарша исчезла. Затем в кабинет была введена Лиз. Лицо ее просто сияло.

— Герой! Душка Питер — герой! Когда я прочитала об этом, я не могла поверить, что это тот самый парень, которого я знаю... тот самый Питер Сарджент, который...

Поток слов иссяк, и я позволил ей поцеловать меня в щечку.

— Я даже не думала, что ты такой храбрый...

— А...

— И такой правильный!

Лиз уселась на стул у моего стола и уставилась на меня.

Я скромно помахал ручкой.

— Я просто выполнял свой долг, мадам. Мы здесь, в Южном Онтарио, считаем, что сознания долга вполне достаточно и без зова трубы...

Взгляд ее глаз затуманился.

— По правде говоря,— задумчиво произнесла Лиз,— я его тоже подозревала. Я, конечно, не говорила об этом, но у меня было предчувствие... Ты же знаешь, как это бывает. В особенности, в тот вечер у Эвансов, сразу же после убийства дяди... У него глаза слишком близко расположены друг к другу...

— Глаза?

— Ведь известно: если глаза и руки... слишком близко расположены друг другу, это значит, что человек — преступник.

— Его руки тоже были очень близки...

— Не сходи с ума! Он стрелял в тебя, да?

Я спокойно кивнул.

— Тогда ты бросил его на землю приемом дзюдо и заставил признаться?

— Несколько приукрашенная версия того, что произошло на самом деле,— сказал я.— Однако я действительно был очень храбрым. Ну, поскольку он такой же хилый, как богомол, я, конечно, имел по сравнению с ним преимущества.

— Даже если так, у него был пистолет. Я надеюсь, что его отправят на стул,— произнесла Лиз обыденным тоном.

— Кто его знает. Может быть, его признают сумасшедшим. Это вполне возможно, если прочитают все его дневники, куда он записывал свои мысли и различные преступные планы. Там, кстати, у него имеются также записи идеального преступления, которое напоминает то, что он совершил. Мне кажется, он просто маньяк.

— О, это можно было заключить при одном взгляде на него. Едва я с ним познакомилась, то сразу же обратила на него внимание. Не скажу, что я думала, будто это его рук дело... Нет, я этого не скажу, но...

— Но все же?

— Я бы сказала, что я сразу же заметила его необычность; поведение было крайне странным, а теперь, как видишь, оказывается, что я была права. Кстати, поздравляю тебя! Подумать только, сколько места отвела тебе “Глоуб”! Представляю, как бесится мистер Буш.

— Да-а, он очень сильно переживает.

Мысль о том, как искрошили статьи Элмера, согревала меня. Свой же очерк о том, что произошло, я сперва поместил в популярном издании “Америкас Нью-Йорк”, своим названием напоминающим рубрику Буша, причем в нем немало места было отведено роли Элмера в сборе доказательств и организации газетной кампании против Брекстона.

— А где сейчас Брекстон? — спросила Лиз.

— Не знаю. Наверное, где-нибудь скрывается. Возможно, собирается потом, когда все уляжется, жениться на Элли.— Я встал и подошел к углу комнаты, где лицом к стене стояла большая картина.— Брекстон, весь в слезах, предлагал мне взять, что ни запрошу: деньги, картины... все. Я попросил вот это.

Я повернул полотно. Там в победно обнаженном виде, упивающаяся красотой своей золотистой кожи, была изображена Мэри Уэстерн Ланг, еще не писательница, еще не бесподобный, неиссякаемый источник “Разговора о книгах”.

Лиз прямо завизжала от удовольствия.

— Это мисс Ланг! Не может быть! Ты знаешь, а она была недурна! Груди, правда, несколько великоваты,— критически добавила Лиз, окинув картину взглядом, каким одна ревнивая женщина рассматривает другую.

— А многим нравится,— сказал я, поворачивая полотно лицом к стене.

— Мне уйти?

— Нет. Между прочим, есть упражнение, которому меня научили в патентном бюро. Берешь, значит...

И я решительно направился к Лиз, как вдруг маленькая коробочка у меня на столе зашипела, как мисс Флинн.

Я включил селектор.

— На проводе мистер Уил. Он желает переговорить с вами...

Голос мисс Флинн затих. Стерва! Она прекрасно знала, что происходит в моем кабинете.

— Я поговорю с ним,— неохотно сказал я.

Подошла Лиз и села ко мне на колени. Ее ручки шаловливо забегали.

— Кончай!

Таковы были первые мои слова, которые услышал мистер Уил.

— Кончай? — в растерянности произнес он.— Но я еще не сказал ни слова, мистер Сарджент...

— О, это не вам, сэр,— любезно ответил я.— Насколько я понимаю, вы пытались связаться со мной...

— Да, это так. Мне кажется, у меня есть для вас дело. Оно касается Мюриэл Сандоу.

— Мюриэл Сандоу? По-моему, я не...

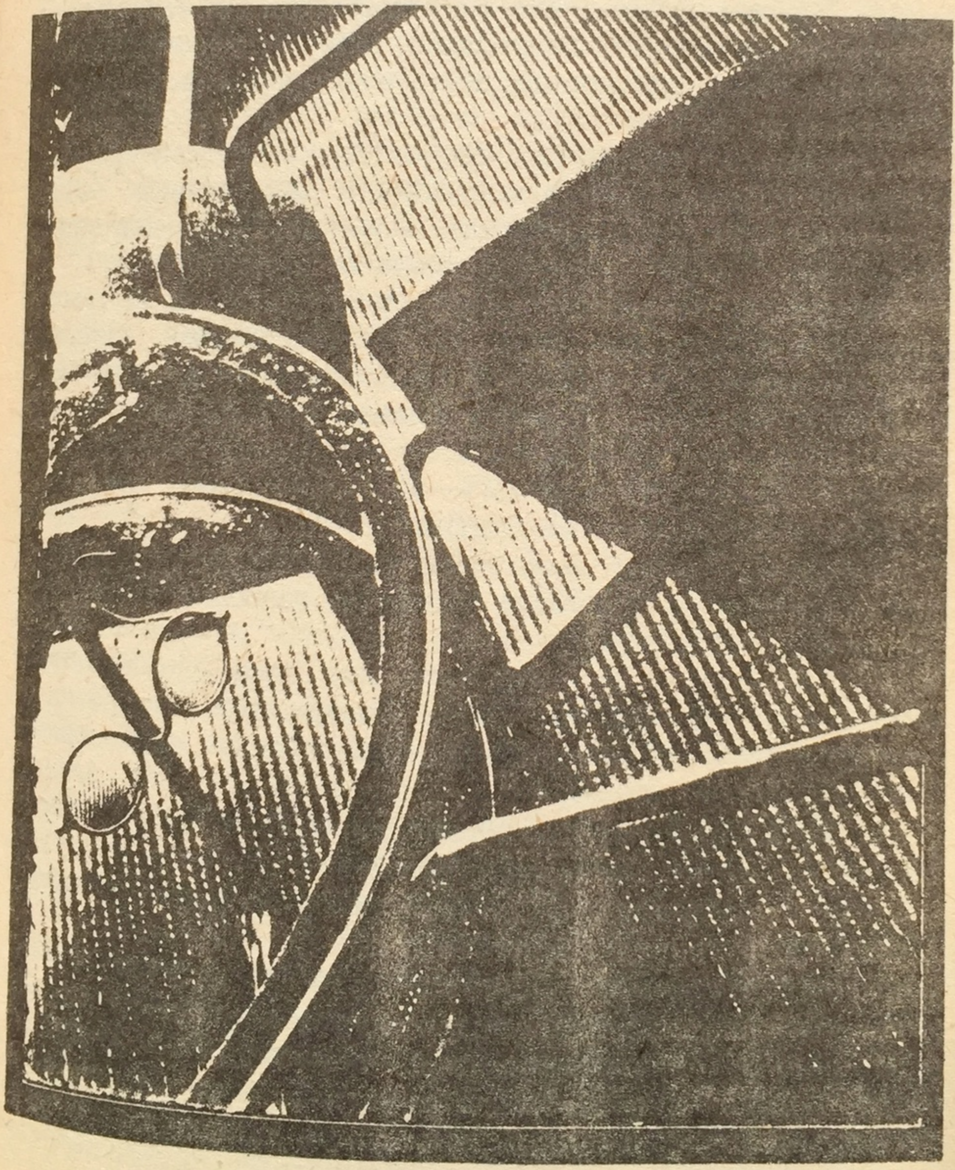
— Она моя помощница. Возможно, она вам известна под своим профессиональным псевдонимом. Она выступала в цирке под именем Пичис[1] Сандоу. Видите ли, этот слон...

---

[1] Персик.

Эллери КУИН
Джек РИТЧИ
Эдвард ХОХ

РАССКАЗЫ



ЭЛЛЕРИ КУИН

КТО УМЕР ПОСЛЕДНИМ

Однажды, совершенно потеряв счет времени, Эллери старался вдохнуть жизнь в своего "Дворецкого", вставшего на пути его дальнейшего творчества.

На исходе четырнадцатого часа своих тщетных исканий Эллери понял, что ему мешает — он так давно не видел настоящего дворецкого, что его писательские мучения были неудачной попыткой оживить бронтозавра.

Ситуация, очевидно, требовала соответствующих поисков, и, решив заняться этим в дальнейшем — наследственная самоуверенность Куинов была еще попрежнему жива,— Эллери повалился на кровать.

Казалось, он еще глаз не успел сомкнуть, как его заставил подскочить звонок. Затуманенным взором поглядев на часы — 8.07 — следовательно, будильник уже давно прозвенел,— он понял, что это звонок в дверь, и поплелся открывать, а затем, прищурясь, уставился на девушку 38—23—36[1] с голубыми глазами и рыжими волосами. О господи!

— Мистер Куин? — с сомнением глядя на растрепанного Эллери, спросила девушка голосом, похожим на звон колокольчика.

— Да, хотя я и спал всего два часа одиннадцать минут,— сказал мистер Куин, быстро знаком приглашая ее войти.— С кем имею удовольствие разговаривать?

— С Идой Берроуз,— зардевшись, произнесла красавица.— У меня возникла проблема.

— А у кого их нет? Меня, например, интересуют дворецкие.

— Господи, разве это не предзнаменование! — воскликнула она.— Меня тоже они волнуют. Вернее, двое из них. Вы знаете что-нибудь о Клубе дворецких?

---

[1] Принятые в Америке мерки женской фигуры (грудь—талия—бедра) в дюймах.

— Вы можете так не торопиться, мисс Берроуз? — взмолился Эллери, предлагая ей сесть.— *Двое дворецких? Клуб дворецких?* Где? Когда? Как? Короче, что?

Богиня милостиво объяснила. Клуб дворецких, как Афродита, возник из золотой пены двадцатых годов. Более недоступный, чем аристократические клубы, он ограничил число членов тридцатью самыми благородными из всех дворецких, которые объединили свои довольно значительные ресурсы и арендовали для клуба фешенебельный дом из коричневого камня сразу же за Пятой авеню.

К 1939 году экономический кризис и естественные причины свели число членов до дюжины. Но капиталы клуба продолжали жить своей собственной жизнью, скрытой от посторонних глаз. Члены клуба, посвященные в финансовые секреты своих нанимателей-мультимиллионеров, вносили средства в различные акции, в результате чего к 1963 году клуб владел не только зданием из коричневого камня, но и тремя миллионами долларов в ценных бумагах.

Теперь в живых оставалось только два члена этого клуба, давно прекративших служить дворецкими. Каждому из них было за восемьдесят. У Уильяма Джарвиса был отвратительный внук по имени Бенциль Джарвис. А второй — Питер Берроуз — был дедом Иды. Оба они проживали в здании клуба.

— Бен Джарвис и я — каждый из нас живет своей собственной жизнью. Где хотим и,— мрачно добавила мисс Берроуз,— слава богу, отдельно. Другое дело старики. По уставу, они обязаны жить в клубе, иначе лишаются членства и, соответственно, прав наследника.

— Прав *наследника*? — заинтересованно спросил мистер Куин, принюхиваясь, как гончая.— Вы хотите сказать, что эта ассоциация мажордомов создала тонтину? Чудесный образец древней глупости, когда все идет своим чередом до тех пор, пока не остается в живых последний совладелец?

— Совершенно верно, мистер Куин.

— Странно. Всегда считалось, что дворецкие — самые осторожные люди на свете.

— Похоже, вы совсем не знаете дворецких,— звонко произнесла мисс Берроуз.— Они все рождаются аферистами. Во всяком случае, эти два старых маразматика лелеют единственную мысль — пережить другого и, таким образом, передать по наследству капитал клуба. Это все достаточно глупо и казалось бы смешным, если б не одно обстоятельство...

Она нерешительно замолчала.

— Какое еще обстоятельство?

— Именно из-за этого я здесь, мистер Куин. Вчера вечером я отправилась навестить дедушку. Я встречаюсь с ним регулярно, раз в неделю...

Накануне вечером, 7.00. Ида застала обоих стариков в “комнате молчания”, отделанной кожей и дубом. Они занимались тем, что у кого угодно, кроме дворецких, конечно, было бы источником невообразимого шума.

— Ты, Джарвис,— услышала Ида, как ее дед кричал вполголоса,— совсем выжил из ума!

Питер Берроуз был длинным высохшим скелетом, скрюченным возрастом, дрожавшим, как на сильном ветру.

— Неужели, Берроуз? — захихикал Уильям Джарвис, маленький, лысый, мертвенно-бледный человечек, в смешке которого слышалась злость.— Ты, наверное, надеешься вывести меня из игры, чтобы все капиталы клуба передать своей внучке?

— Конечно, и я сделаю это!

— Мистер Джарвис,— встряла шокированная Ида.— Ну что вы! Никто не пытается вывести вас из игры.

— Слушай ты, трясущийся поваренок, ты выбрал дерево не по плечу,— завопил старый Берроуз, срываясь на визг.— Это не я, а ты хотел бы убить меня, чтобы передать наследство своему внуку-повесе!

И два старика заковыляли навстречу друг другу, готовые вцепиться в глотку.

К счастью, в этот момент появился Бенциль Джарвис, еженедельные визиты которого по какой-то случайности всегда совпадали с приездами Иды, и встал между рассвирепевшими стариками. Впервые Ида была рада его появлению. Молодой Джарвис, бывший образцовым доктором Джекилом в компании, мгновенно становился мистером Хайдом[1], когда ему удавалось застать Иду одну.

---

[1] Персонажи повести Р.Л.Стивенсона “Странная история доктора Джекила и мистера Хайда”.

— Послушай, Ида,— сказал Бен Джарвис, который был слегка лыс, как и его дед,— ты забери своего старого дурака, а я своего, и давай разведем их в разные концы дома. Хотел бы я, чтобы на дверях их спален были замки! А затем... мы с тобой?..

— Я чертовски встревожена, мистер Куин,— закончила свой рассказ Ида, не упоминая, правда, о приеме дзюдо, к которому ей пришлось прибегнуть, чтобы избавиться от приставаний младшего Джарвиса.— Каждый из них уверен, что другой собирается его убить. Боюсь, они могут пойти на крайности под предлогом самообороны. Конечно, нелепо идти в полицию, но что мне делать?

— А у них есть слуги?

— Только приходящая прислуга. Никто, кроме них, в доме не ночует. Так что, если у кого-то из стариков ночью случится приступ старческого маразма, поблизости никого не окажется.

— Единственное, что можно сделать в таком случае,— с серьезным видом заметил Эллери,— это установить за ними неофициальное наблюдение. Мисс Берроуз, мой отец — инспектор полиции, и это как раз случай работы по предотвращению преступления, которую он просто обожает. Извините, я только позвоню ему...

Немного позже. Для человека, помешанного на предотвращении преступлений, инспектор Куин, казалось, мало заинтересовался этой конкретной возможностью. Инспектор свирепо поглядывал на сына, пока они вместе с Идой Берроуз поджидали перед Клубом дворецких Бена Джарвиса. Инспектор настоял, чтобы позвонить и пригласить его присоединиться к ним. Он хмуро поглядел на молодого Джарвиса, когда тот, явно страдающий с похмелья, вылезал из такси.

— Черт тебя побери, ну и гениальная идея! — недовольно прошептал он сыну, когда они поднимались по ступенькам дома из коричневого камня.

Он нажал кнопку звонка. Затем еще раз, еще и еще.

— Они что, так же глухи, как и пустоголовы? — проворчал инспектор.

— Это очень громкий звонок,— нервничая, произнесла Ида Берроуз.— Неужели вы думаете?..

— Позвольте мне,— сказал Эллери, вытащив связку своих верных отмычек. Он отпер дверь, и они шагнули в ожившее прошлое — высоченные потолки, стены темного дерева, огромные канделябры цветного стекла, медные каминные решетки и повсюду — портреты дворецких.

И в добавление к этому откуда-то доносился вибрирующий звук.

— Это дедушкин будильник,— воскликнула Ида.— У него в спальне. Почему же он его не выключает?

Она стремительно, подобно Артемиде, бросилась в дальние комнаты, объясняя на лету, что ее дед не может больше карабкаться по лестницам. Ворвавшись в спальню старого дворецкого, она остолбенела и с криком отшатнулась. Как только Куины подскочили к большой медной кровати и склонились над Питером Берроузом, старомодный будильник на ночном столике издал последний брюзгливый звук и стал таким же мертвым, как его хозяин.

Старый Берроуз, одетый, лежал поперек кровати. На его морщинистых, как кора, щеках виднелось несколько безобразных царапин. Никаких других следов насилия не было видно.

— Судя по состоянию тела, он мертв со вчерашнего вечера,— сказал инспектор Куин через некоторое время.— У него уже были эти царапины, когда вы уходили отсюда?

— Нет,— сказал Бен Джарвис, как бы в рассеянности обнимая Иду.— Жестокая судьба, малышка. Прими мои соболезнования.

— Спасибо, Бен,— ответила Ида,— но, пожалуйста, без рук.

— Полагаю, Джарвис,— заметил Эллери, холодно оглядывая Бена,— нам следует взглянуть и на вашего деда тоже. Где его спальня? Наверху? Нет, мисс Берроуз, вы лучше останьтесь здесь.

Они обнаружили съежившееся тело Уильяма Джарвиса на полу его спальни. Он был тоже полностью одет, и щеки у него были тоже сильно поцарапаны. Он был мертв, как и его товарищ внизу.

— А когда же,— раздраженно воскликнул молодой Джарвис,— он умер?

— Тоже вчера вечером,— произнес после осмотра тела инспектор.

— В 7.46,— кивнул Эллери, указывая на электрические часы, стоящие у кровати.— Падая, тело старика выдернуло шнур часов из розетки.

— Джарвис, в какое время вы и мисс Берроуз уехали отсюда вчера?

— Что-то около 7.30.

Они застали Иду тихо рыдающей в большой гостиной внизу. Она взглянула на них и воскликнула:

— Боже милостивый, что случилось?

— Я бы сказал, что они дождались вашего отъезда,— ответил инспектор Куин,— и вновь набросились друг на друга. Единственное, что они могли сделать, это поцарапать друг другу лица. Но возбуждение их было слишком велико, и в полном изнеможении они разошлись по спальням, где и встретили свою смерть. Бьюсь об заклад, вскрытие в обоих случаях покажет остановку сердца.

— Ну не надо так переживать,— успокаивающе сказал Эллери молодой девушке, голубые глаза которой наполнились слезами.— Ида, они же были очень старыми.

— Вот и закончились прекрасные времена Клуба дворецких,— промолвил Бенциль Джарвис.— Но интересно, кто умер первым? Или, скорее, вторым?

— Никакое вскрытие не сможет точно ответить на этот вопрос,— заметил инспектор, всем своим видом напоминавший какого-то странного жука,— хотя я уверен, что они умерли примерно в одно и то же время. Кстати, Эллери, это ставит перед нами интересную проблему.

— Что, отец? — переспросил Эллери.— Ах да, действительно.

— Черт вас возьми, этого в конце концов требует справедливость! — огрызнулся Джарвис.— Если старый Берроуз умер первым, то тонтина по наследству переходит мне, и я срываю куш. А если наоборот, то все получает Ида. Должна же быть какая-нибудь возможность определить, кто кого пережил, хотя бы на несколько секунд!

— Да, Джарвис,— сказал Эллери,— такая возможность есть.

Вопрос читателю: В каком порядке умерли два экс-дворецких и как Эллери узнал это?

Эллери объясняет это так:

— Мы знаем время, когда вчера умер Уильям Джарвис. Это было в 7.46. Так показывают электрические часы, которые остановились при его падении.

Тогда возникает вопрос, как определить время смерти Питера Берроуза.

Его будильник тоже дает ответ на этот вопрос.

Если вы желаете, чтобы будильник зазвонил, скажем, в восемь часов утра, вы должны завести его накануне вечером, *после* восьми часов. Если вы это сделаете раньше, то тогда часы зазвонят тем же вечером, в 8.00, а не на следующее утро.

Когда Ида Берроуз сегодня утром обратилась ко мне за помощью, было уже несколько минут девятого. Затем, отец, я должен был позвонить тебе. Потом ты вызвал Бена Джарвиса. Мы все должны были встретиться на Шестидесятой улице. Получается, когда мы вошли в Клуб дворецких, было уже далеко за восемь часов, ближе к полудню. А что мы услышали, когда входили? Звонок будильника Питера Берроуза, который замолк, как только мы вошли в спальню старика.

Следовательно, Питер Берроуз должен был вчера вечером завести свой будильник значительно позже восьми часов, а чтобы сделать это, он должен был быть живым.

Ваш же дед, Джарвис, умер в 7.46 вечера.

Разрешите, мисс Берроуз, пожать руку самого прекрасного мультимиллионера, с которым я только встречался.

КУКЛА ДОФИНА

Под воздействием читательского спроса некогда установилось правило — среди действующих лиц рождественских рассказов обязательно должны быть дети. Этот рассказ не является исключением, и наверняка скептики обвинят нас в том, что мы даже перестарались, ведь в нашей истории действуют также куклы, Санта-Клаус и даже вор, который, правда, кем бы он ни был — а это еще вопрос из вопросов — совсем не похож на Варавву[1]. Мы признаём свою вину.

Другой характерной чертой рождественских рассказов является победа Добра и Света. Добра ждут сироты от ежегодного рождественского чуда. Что же касается Света, то он, как обычно, прольется в конце, благодаря ясному уму Эллери Куина. Недоверчивый читатель найдет немало таинственного в личности и деяниях человека, который, несомненно, был крылатым князем тьмы этого района. В этом,по крайней мере, был уверен сбитый с толку инспектор Куин. Между прочим, звали того человека не Сатана, а Комус. Довольно-таки странно, ведь, как известно, изначально Комус — бог радости и веселья, что никак не ассоциируется с преисподней. Поставленный в тупик Эллери безуспешно пытался понять, кто же его призрачный враг, пока Никки Портер, не презирающая очевидного, не предположила, что ответ он может найти там, куда бы сразу же обратился любой простой смертный. И действительно, к разочарованию великого человека, ответ обнаружился именно там — на 262б странице 6-го тома 175-го юбилейного издания Британской энциклопедии. Комус — выступавший под этим именем французский фокусник — в 1789 году, во время гастролей в Лондоне, показывал номер, в котором его жена, стоявшая на столе, исчезала. Поначалу казалось, что этот трюк, какое бы отношение Комуса к жене он ни выражал, осуществляется без помощи зеркал. Но эти поиски исторических корней nom de nuit[2] своего таинственного противника дали Эллери лишь краткое удовлетворение, пока не наступил благословенный момент, и свет, озарив все вокруг, не разогнал мрак, князя тьмы и все остальное.

Но пока был хаос.

Наша история, как принято, начинается не с невидимого незнакомца, а с мертвеца.

Мисс Ипсон вообще-то не всегда была мертвой.

Au contraire[3]. Она прожила семьдесят восемь лет, большую часть которых страдала одышкой. Ее отец, бывший профессором греческого языка в небольшом университете Среднего Запада, имел обыкновение называть ее “очень активным маленьким глаголом”. Спрягал он ее с помощью одной из своих студенток, недалекой мускулистой девицы, наследницы птицеводческой фермы в Айове.

---

[1] Известный преступник в Иерусалиме, освобожденный из темницы во время суда Пилата над Иисусом.

[2] Кличка (фр.).

[3] Напротив (фр.).

Профессор Ипсон был примечательным человеком. В отличие от большинства профессоров греческого он был греческим профессором греческого, урожденным Герасимосом Агамосом Ипсилономоном из Поликнитоса на острове Митилини, “где”, любил он говорить при случае, “божественная Сапфо[1] любила и пела”. Эту цитату профессор Ипсон находил весьма полезной в своей внеучебной деятельности. Вопреки, однако, эллинскому идеалу, он всем сердцем верил в неумеренность во всех вещах.

Направление мыслей профессора смущала также миссис Ипсон, которая никогда не могла понять, почему ее муж сократил свою фамилию до Ипсон, хотя было бы разумнее просто сменить ее, скажем, на Джонс. “Моя дорогая,— ответил однажды профессор,— ты — просто айовский сноб”. “Но никто,— в сердцах воскликнула миссис Ипсон,— не может не только написать, но и правильно произнести нашу фамилию!” “Таков крест,— пробормотал профессор Ипсон,— который мы должны нести со всеми Ипсиланти”. “О!” — только и смогла произнести миссис Ипсон.

В его речах всегда было что-то пророческое. Любимым его прилагательным в адрес жены было слово “ипсилиформ”, термин, по его словам, имевший отношение к месту зарождения жизни в созревшей яйцеклетке в процессе оплодотворения и бывший, следовательно, утонченной формой выражения a propos[2]. Миссис Ипсон так и продолжала жить сбитой с толку; умерла она в молодом возрасте.

Профессор сбежал с довольно талантливой танцовщицей варьете из Канзас-Сити, оставив своего крещеного птенца на воспитание у родственника ее матери, пресвитерианца по имени Джукс.

Если не считать очаровательных и мудреных записок профессора с просьбой выслать ему, как он их называл, lucrum[1], в первый раз мисс Ипсон услышала о своем отце лишь на четвертом десятке его одиссеи, когда он прислал ей красивое дополнение к ее коллекции — старинную (ей было более трех тысяч лет) терракотовую куклу греческой работы, которую, к сожалению, мисс Ипсон посчитала себя обязанной возвратить в Бруклинский музей, откуда та необъяснимым образом исчезла. Отцовский подарок сопровождала странная записка: "Timeo Danaos et dona ferentes"[2].

---

[1] Древнегреческая поэтесса VII в. до н.э. с острова Лесбос (Митилини). Цитата из “Дон-Жуана” Байрона.

[2] Кстати, к месту (фр.).

В увлечении мисс Ипсон куклами было что-то поэтически загадочное. При рождении дочери профессор, более чем когда-либо склонный к гармонии, свою преданность к плодовитости выразил в ее имени, назвав ее Китерией[3]. Судьба, однако, сыграла жестокую шутку, ибо, как оказалось,чадолюбие ее отца разбилось о холодность чрева ее матери, и мисс Ипсон, хотя и схоронила пятерых мужей вполне достаточной силы, осталась бесплодной до конца своих дней. С тех пор, когда, согласно классической трагедии, все страсти улеглись, она, сохранив фамилию своего отца, превратилась в приятную старушку с едва заметной улыбкой, семенящую по огромной, почти пустой нью-йоркской квартире и с энтузиазмом играющую в куклы.

Поначалу это были самые простые куклы — Билликена, Кэти, Круз, Пэтси, дядюшка Лис[4] и тому подобное. Но затем, по мере роста ее потребностей, мисс Ипсон начала яростное разграбление прошлого.

В края фараонов она отправилась за двумя частями тонкой высушенной доски с резьбой и росписью, изображающей поясные портреты с волосами, выложенными бисером. Любой знаток назовет их лучшими, из дошедших до нас, образцами древнеегипетских плоских кукол, превосходящих даже те, что хранятся в Британском музее, хотя, конечно, в определенных кругах этот факт будет отрицаться.

Мисс Ипсон откопала прародительницу Летиции Бенн, до ее находки считавшейся старейшей куклой в Америке, которую Уильям Пенн[1] в 1699 году привез из Англии в Филадельфию в качестве подарка для подружки своей маленькой дочери. Находка мисс Ипсон представляла собой небольшую деревянную куклу в парче и бархате, которую сэр Уолтер Ралей[2] послал первому английскому ребенку,родившемуся в Новом Свете. Поскольку Вирджиния Дар[3] родилась в 1587 году, даже смитсониаңец[4] не осмелился бы оспаривать триумф мисс Ипсон.

---

[1] Богатство (греч.). Здесь: денег.

[2] Боюсь данайцев, даже дары приносящих (Вергилий).

[3] От названия острова Китира в Эгейском море, где царил культ Афродиты.

[4] Герои сказок.

На полках старой леди, в ее витринах можно было увидеть богатства, некогда доставлявшие радость сотням детей, и сокровища — такова уж природа кукол,— принадлежавшие людям, давно вышедшим из детского возраста. Здесь можно было найти модные куколки из Франции четырнадцатого века, священные куклы племени Финго и Оранжевого свободного государства[5], бумажные куклы из Сацумы[6] и придворные куклы старой Японии, куклы "калифа" с глазами из бусинок из египетского Судана, шведские берестяные куклы, куклы "катсина" племени Хопис[7], эскимосские куклы из бивней мамонта, куклы из перьев племени Чиппева[8], древнекитайские куклы-перевертыши, костяные куклы коптов[9], римские куклы, посвященные Диане[10], pantin[11]-куклы — уличные куклы парижских щеголей, пока мадам гильотина не очистила бульвары, раннехристианские куклы, изображающие Святое семейство. Это только частичка того, что можно было увидеть в разнообразной коллекции мисс Ипсон. У нее были куклы из картона, из кожи животных, из клешни краба, из яичной скорлупы, из кукурузных листьев, из лоскутков, из сосновых шишек со мхом, из чулок, из неглазурованного фарфора, из пальмовых листьев, из папье-маше и даже из шелухи и семян. Здесь были куклы ростом в сорок дюймов, но были и такие маленькие,что мисс Ипсон могла их спрятать в своем золотом наперстке.

---

[1] Пенн У. (1644—1718) — англичанин, основатель в Америке колонии, получившей название Пенсильвания. Впоследствии — штат Пенсильвания.

[2] Ралей У. (1552—1618) — английский исследователь, поэт и историк.

[3] Первый ребенок, родившийся в Америке от английских родителей. Названа в честь района Вирджинии.

[4] Студент института в Вашингтоне, основанного в 1846 году на средства, завещанные Джеймсом Смитсоном, английским ученым.

[5] Ныне провинция ЮАР.

[6] Район в Японии.

[7] Племя индейцев в северо-восточной Аризоне.

[8] Племя индейцев в Северной Америке.

[9] Христианские потомки древних египтян.

[10] Богиня охоты.

[11] Картонные (фр.).

Коллекция Китерии Ипсон охватывала целые столетия и отдавала дань истории.

С ней не могли сравниться ни сказочные кукольные коллекции Монтесумы[1], Виктории[2] или Юджина Филда[3], ни коллекции Метрополитена[4], Южного Кенсингтона[5] или королевского дворца в старом Бухаресте, ни какие-либо другие.

Эта коллекция, которая собиралась на птицеферме в Айове и на берегах древнего мира, на кукурузных полях и в районах, насыщенных благоуханием мирта, в конце концов приводит нас к адвокату Джону Сомерсету Бондлингу и его визиту двадцать третьего декабря — не такому уж давнему визиту — в резиденцию Куина.

Двадцать третье декабря обычно совсем не подходящее время для розыска Куинов. Инспектор Ричард Куин любит отмечать Рождество по старинке. Фаршированная индейка, к примеру, требует тщательной двадцатидвухчасовой готовки, а некоторые из ее ингредиентов не так-то легко найти в ближайшей лавке зеленщика. Что же касается Эллери, то он полностью погружался в упаковку подарков. За месяц до Рождества он весь свой талант сыщика обращал на поиски необычной оберточной бумаги, красивых ленточек и изящных булавок. В оставшиеся два дня он творил красоту.

Вот почему, когда заявился адвокат Джон С. Бондлинг, инспектор Куин, облаченный в огромный фартук, был на кухне, по уши в fines herbes[6], в то время как Эллери, закрывшись в своем кабинете, на блестящих листочках фуксии с помощью серебристого дождя, муаровой темно-зеленой ленточки и еловых шишек создавал таинственную симфонию.

---

[1] Монтесума (1466—1520) — последний император Мексики и правитель ацтеков.

[2] Виктория (1819—1901) — королева Великобритании.

[3] Филд Ю. (1850—1895) — американский журналист и поэт.

[4] Музей искусств в Нью-Йорке, основанный в 1870 г.

[5] Музей в Лондоне.

[6] Специи (фр.).

— Вряд ли это что-то даст,— пожав плечами, произнесла Никки, глядя на карточку адвоката Бондлинга, такую же потертую, как и сам адвокат.— Так вы утверждаете, мистер Бондлинг, что знакомы с инспектором?

— Вы просто скажите ему: Бондлинг, адвокат,— нетерпеливо перебил ее тот.— Парк-роу. Он поймет.

— Только не вините меня,— сказала Никки,— если нарветесь на неприятности. Бог знает, на что он способен.

И она отправилась за инспектором Куином.

Когда она ушла, дверь в кабинет бесшумно приоткрылась, и в щели показался подозрительный глаз.

— Не тревожьтесь,— произнес владелец глаза, проскальзывая в щель и поспешно закрывая за собой дверь.—Вы же знаете, им нельзя доверять. Дети есть дети.

— Дети! — проворчал адвокат Бондлинг.— Так вы Эллери Куин, не так ли?

— Да. А что?

— Интересуетесь молодыми? Рождеством? Всякими там сиротами, куклами и тому подобным? — довольно злобно проговорил мистер Бондлинг.

— Пожалуй, да.

— Тем больший вы глупец. А вот и ваш папаша, инспектор Куин!

— Так это Бондлинг,— рассеянно произнес старый джентльмен, пожимая руку посетителю.— Мне позвонили из конторы и сказали, что кто-то должен прийти. Вы немного запачкались. Это кусочек печенки индейки. Вот, пожалуйста, возьмите мой платок. Вы знакомы с моим сыном? А с его секретаршей мисс Портер? Так что вас сюда привело, мистер Бондлинг?

— Дело в том, инспектор, что я — душеприказчик Китерии Ипсон и...

— Рад познакомиться с вами, мистер Бондлинг,— прервал его Эллери.— Никки, эта дверь закрыта, так что не делай вид, что забыла дорогу в ванную комнату...

— Китерия Ипсон,— хмуро пробормотал инспектор.— О, да. Это же та, которая совсем недавно умерла.

— Оставив мне головную боль,— резко бросил мистер Бондлинг,— по размещению ее куклекции.

— Чего? — удивленно спросил Эллери, оторвав взгляд от ключа, который только что вынул из кармана.

— Куклы — коллекция. Куклекция. Она сама придумала это слово.

Эллери снова положил ключ в карман и прошел к своему креслу.

— Мне это записывать? — вздохнув, произнесла Никки.

— Куклекция,— машинально повторил Эллери.

— Тридцать лет собирала куклы!

— Да, Никки, запиши.

— Ну, хорошо, мистер Бондлинг,— сказал инспектор Куин,— так в чем же дело? Вы же знаете, Рождество бывает только раз в году.

— Согласно завещанию,— раздраженно заговорил адвокат,— куклекция должна быть продана с аукциона, а полученные средства использованы для формирования фонда помощи сиротам. И я отвечаю за распродажу, которая должна состояться сразу же после нового года.

— Куклы и сироты, да? — растерянно пробормотал инспектор, думая совсем об ином — о яванском черном перце и соленой приправе.

— Чудесно! — просияла Никки.

— Вот как? — вкрадчиво произнес мистер Бондлинг.— Очевидно, вам, молодая девушка, никогда не приходилось сталкиваться с делами о наследстве. А я уже целых девять лет выполняю функции душеприказчика и ни разу не получил ни одного нарекания. Но стоило затронуть интересы только одного младенца, одной безотцовщины, как судья по делам о наследстве и опеке стал смотреть на меня, как на Билла Сайкса[1]!

— Моя индейка...— начал было инспектор.

— Вот каталог этой куклекции. Это просто кошмар! Знаете ли вы, что на эти чертовы предметы даже не установлены цены! За исключением кое-каких вещей личного обихода, куклекция была единственным достоянием старой леди, которая потратила на нее все свои средства, вплоть до последнего цента.

---

[1] Персонаж романа Ч.Диккенса “Приключения Оливера Твиста”, вор, известный своей жестокостью.

— Но эта коллекция, должно быть, оценивается в целое состояние,— запротестовал Эллери.

— Кем оценивается, мистер Куин? Музеи всегда стремятся получить такие предметы в качестве подарков, не облагаемых налогом. Уверяю вас, что от продажи этих кукол (если не говорить об единственном исключении) наши гипотетические сироты практически ничего не получат. Вырученных средств едва ли хватит на обеспечение их жевательной резинкой в течение двух дней.

— А что это за исключение, о котором вы упомянули, мистер Бондлинг?

— Кукла под номером восемьсот семьдесят четыре,— быстро проговорил адвокат.— Вот что.

— Номер восемьсот семьдесят четыре,— прочитал инспектор Куин в толстом каталоге, который Бондлинг выудил из огромного кармана своего пальто.— Кукла дофина. Уникальна. Фигурка принца высотой восемь дюймов выполнена из слоновой кости, одета в придворное платье из натурального горностая, парчи и бархата. На талии — шпага в золотых ножнах. На голове круглая золотая корона, увенчанная голубым бриллиантом чистейшей воды приблизительно 49 карат...

— Сколько карат? — с удивлением воскликнула Никки.

— Больше, чем у знаменитой “Надежды” или “Звезды Южной Африки”,— со вполне понятным волнением ответил Эллери.

— ...Оценивается,— продолжал читать его отец,— в сто десять тысяч долларов.

— Дорогая куколка!

— Как это нескромно! — сказала Никки.

— Эта нескромность — я имею в виду изысканную королевскую куклу,— заметил инспектор, продолжая читать каталог,— была подарком ко дню рождения, который французский король Людовик XVI сделал Луи Шарлю, своему второму сыну, объявленному наследником престола в 1789 году, после смерти его старшего брата. Во время французской революции, находясь в заключении у санкюлотов, маленький дофин был провозглашен роялистами Людовиком XVII.

Его судьба окутана тайной. Романтический исторический предмет.

— Я бы назвал его "le prince perdu"[1],— пробормотал Эллери.— Как вы считаете, мистер Бондлинг, это подходящее сравнение?

— Я адвокат, а не антиквар,— недовольно произнес посетитель.— Здесь приложены документы. Один из них — произнесенное под присягой заявление леди Шарлотты Аткинс, английской актрисы, близкой подруги семьи Капетингов[2], бывшей во время революции во Франции. Подразумевается, что заявление это написано также рукой леди Шарлотты. Так это или не так, не в этом дело, мистер Куин. Даже если история плоха, то бриллиант хорош!

— Как я понимаю, эта стодесятитысячедолларовая куколка является основой коллекции. В этом, видимо, и заключается камень преткновения?

— Наконец-то вы сказали это! — воскликнул мистер Бондлинг, удовлетворенно щелкая пальцами.— По-моему, кукла дофина — единственный предмет в этой коллекции, который можно купить или продать. И что же сделала старуха? Она оговорила в завещании, что в день, предшествующий Рождеству, куклекция Китерии Ипсон должна быть выставлена на всеобщее обозрение... на главном этаже универмага Нэша[3]! *В день, предшествующий Рождеству*, джентльмены! Подумайте об этом!

— Но ради чего? — спросила озадаченная Никки.

— Ради чего? Кто знает, ради чего? Думаю, ради развлечения нью-йоркской армии маленьких попрошаек. Имеете вы хоть какое-нибудь представление о том, сколько крестьян проходит через Нэш накануне Рождества? Моя кухарка, а она очень набожная женщина, утверждает, что это напоминает Армагеддон[4].

— День накануне Рождества,— нахмурившись, произнес Эллери.— Значит, завтра.

— Это звучит довольно определенно,— встревоженно сказала Никки. Потом ее лицо просветлело.—

---

[1] Потерянный принц (фр.).

[2] Династия французских королей (987—1328). Среди ее ветвей были Бурбоны, которые правили Францией с 1589 по 1848 г.

[3] Один из крупнейших универмагов Нью-Йорка.

[4] Символическое поле сражения, на котором должна произойти заключительная битва между силами добра и зла (библ.).

Кстати, мистер Бондлинг, а что если вдруг Нэш откажется?

— Вы так думаете? — едко заметил адвокат.— Как же, ждите! Старуха Ипсон давно задумала этот фокус и обо всем договорилась с целой бандой поставщиков, которые преследуют меня по пятам с того самого дня, как она отправилась в мир иной!

— Это событие привлечет всех мошенников Нью-Йорка,— сказал инспектор, бросая взгляд на кухонную дверь.

— Сироты,— встряла Никки.— Их интересы *должны* быть защищены.— Она укоризненно посмотрела на своего шефа.

— Отец, может, принять специальные меры? — спросил Эллери.

— Да, да, конечно,— сказал инспектор, поднимаясь.— Ни о чем не беспокойтесь, мистер Бондлинг. А теперь, если позволите, я...

— Инспектор Куин,— прошипел мистер Бондлинг, возбужденно наклоняясь вперед.— Это еще не все.

— Ах, вот как! — Эллери проворно закурил сигару.— В этой пьесе, по-видимому, действует какой-то негодяй, и он вам, мистер Бондлинг, известен.

— Да, это так,— глухо согласился адвокат,— и в то же время не так. В общем, я хочу сказать, это — Комус.

— Комус! — воскликнул инспектор.

— Комус? — с сомнением в голосе медленно произнес Эллери.

— Комус? — спросила Никки.— А кто это такой?

— Да, Комус,— кивнул мистер Бондлинг.— Это первое, что произошло у меня сегодня утром. Он сразу же пришел в мою контору. Держался очень высокомерно. Я не успел снять пальто, да и моей секретарши еще не было. Он вошел и бросил свою карточку мне на стол.

Эллери схватил визитку:

— Как обычно, отец.

— Его фирменный знак,— проворчал инспектор, едва шевеля губами.

— На карточке только имя — Комус,— недоуменно заметила Никки.— Кто...

— Продолжайте, мистер Бондлинг! — громогласно сказал инспектор.

— Затем он спокойно заявил мне,— произнес Бондлинг, вытирая лицо мятым носовым платком,— что собирается завтра в универмаге Нэша выкрасть куклу дофина.

— А, так это маньяк,— сказала Никки.

— Мистер Бондлинг,— произнес старый джентльмен голосом, внушающим страх,— как выглядел этот тип?

— Похож на иностранца. С черной бородой. Говорил с очень сильным акцентом. Сказать по правде, я был, как громом поражен, и не заметил деталей. Даже не погнался за ним, а потом было уже слишком поздно.

Куины пожали плечами и выразительно переглянулись.

— Обычная история,— сказал инспектор. Уголок его носа побелел.— Сперва он напускает туману, а когда действительно показывается на сцене, никто не помнит ничего, кроме бороды и иностранного акцента. Ну что ж, мистер Бондлинг, раз в игру вступает Комус, значит, это серьезное дело. Где сейчас находится коллекция?

— В банке "Лайф бэнк энд праст", на Сорок третьей улице.

— Когда вы ее должны перевезти к Нэшу?

— Они хотели, чтобы это было сделано сегодня вечером. Я отказался и договорился с банком о перевозе коллекции завтра утром, в семь тридцать.

— До открытия универмага останется не так уж много времени для размещения коллекции,— задумчиво произнес Эллери и посмотрел на отца.

— Осуществление операции "Куколка" предоставьте нам, мистер Бондлинг,— мрачно сказал инспектор.— Лучше позвоните мне сегодня днем.

— Вы даже не представляете, инспектор, какое облегчение я чувствую...

— Неужели? — с кислой улыбкой проговорил старый джентльмен.— А почему вы уверены, что он не выкрадет ее?

После того как адвокат Бондлинг удалился, Куины начали совещаться. В основном, как и обычно, говорил Эллери. Наконец инспектор прошел к себе в спальню и по прямому проводу переговорил с управлением.

— Можно подумать,— фыркнула Никки,— что вы планируете оборону Бастилии. Кстати, кто такой этот Комус?

— Мы не знаем, Никки,— медленно сказал Эллери.— Может быть кем угодно. Начал свою преступную деятельность пять лет назад. Действует в лучших традициях Люпена[1]. Дерзкий, необычайно умный мошенник, который воровство довел до уровня искусства. По всей видимости, похищение ценных вещей в практически невозможных ситуациях доставляет ему особое удовольствие. Мастер перевоплощения. Появлялся в облике дюжины различных лиц. Бесподобный подражатель. Ни разу не удалось его схватить, сфотографировать и дактилоскопировать. Одарен богатым воображением, не боится опасностей. Я бы сказал, что он — самый дерзкий вор, действующий в Соединенных Штатах.

— Если он ни разу не был схвачен,— скептически заметила Никки,— откуда вы знаете, что он совершил все эти преступления?

— Хочешь сказать, что их могли совершить другие? — едва улыбнувшись, произнес Эллери.— Для всех его краж характерен единый почерк, и, кроме того, он, подобно Арсену, на месте каждого своего преступления оставляет визитную карточку с именем Комус.

— Он что, как правило, предупреждает о своем намерении выкрасть знаменитые драгоценности?

— Нет.— Эллери нахмурился.— Насколько я знаю, это первый подобный случай. Поскольку он ничего не делает без причины, этот утренний визит в контору Бондлинга должен быть частью его основного плана. Интересно...

В гостиной резко и громко зазвонил телефон.

Никки посмотрела на Эллери, а тот перевел взгляд на телефон.

— Вы думаете?..— начала быстро Никки, а затем сказала: — О, это так глупо!

— Там, где замешан Комус,— раздраженно произнес Эллери,— не может быть глупости! — И он схватил телефонную трубку.— Алло!

---

[1] Герой произведений французского писателя Мориса Леблана (1864—1925).

— Весточка от старого друга,— проговорил низкий приглушенный мужской голос.— Комус.

— Ну что же,— сказал Эллери.— Еще раз здравствуйте.

— Надеюсь,— весело спросил голос,— мистер Бондлинг уже уговорил вас “помешать” мне завтра утром выкрасть в Нэше куклу дофина?

— Так вы знаете, что Бондлинг был здесь?

— В этом нет ничего особенного, Куин. Я следил за ним. Вы взялись за дело?

— Послушайте, Комус,— сказал Эллери.— При обычных обстоятельствах я с удовольствием рискнул бы поставить вас на место. Но в данном случае обстоятельства не являются обычными. Эта кукла представляет собой основную часть будущего фонда помощи детям-сиротам. Мне бы очень не хотелось разыгрывать этот шар. Что вы скажете, Комус, если мы отложим игру?

— Скажем,— вкрадчиво произнес голос,— универмаг Нэша. Завтра.

Итак, на рассвете двадцать четвертого декабря Куины, Бондлинг и Никки Портер столпились на Сорок третьей улице перед огромными, сверкающими окнами “Лайф бэнк энд праст компани”, за двойным кольцом вооруженной охраны, образовавшей между входом в банк и бронированным грузовиком коридор, по которому проносилась куклекция Китерии Ипсон. Все это происходило на затоптанной, запорошенной снегом улице, под немилосердным рождественским ветром, на виду у зевак Нью-Йорка.

Вот и наступила зима тревог! Мистер Куин в сердцах выругался.

— Не понимаю, на что вы жалуетесь,— простонала мисс Портер.— Вы с мистером Бондлингом так закутались, что напоминаете первопроходцев Юкона. Лучше посмотрите на меня.

— Вот она, трусливая шушера из Нэша! — убийственным тоном произнес мистер Куин.— Они все в душе проклинают себя. О какой чести тут говорить? Какой тут дух Рождества?

— Это все реклама,— пробормотал мистер Бондлинг.— По вчерашнему радио и в сегодняшних утренних газетах.

— Я заткну им глотку. Уэли, отгони-ка этих людей.

— Эй, сопляки, отойдите назад! — произнес из дверей банка добродушный сержант Уэли. Едва ли он мог предполагать, что его ожидает.

— Подумать только! — презрительно бросила Никки.— Броневики. Карабины.

— Послушай, Никки. Комус специально проинформировал нас о том, что собирается выкрасть куклу дофина из универмага Нэша. По всей видимости, сделал он это для того, чтобы осуществить свой план en route[1].

— Чего они медлят? — пролепетал мистер Бондлинг.— А?

В дверях внезапно показался инспектор Куин. В руках он сжимал сокровище.

— О! — воскликнула в восхищении Никки.

Толпа засвистела.

Подобное великолепие оскорбительно для демократии, но уличные толпы, подобно детям, монархисты в душе.

Нью-Йорк шумел, а сержант Уэли с угрожающим видом вышагивал перед инспектором Куином, который стремительно с куклой дофина в руках пересек тротуар между ощетинившимися рядами охранников.

Куин младший исчез, мгновение спустя материализовавшись перед дверью бронированного грузовика.

— Она божественна, мистер Бондлинг! — в восхищении глядя на куклу, едва слышно прошептала мисс Портер.

Мистер Бондлинг остановился, неприятно вытянув шею.

Подходит Санта-Клаус с колокольчиком.

Санта. Слушайте, слушайте. Мир вам и благополучие. Люди, а это что? Та самая куколка, о которой болтало радио?

М-р Б. Убирайся.

Мисс П. Но почему, Бондлинг?

М-р Б. Ему здесь делать нечего. Эй, Санта-Клаус, отойди в сторону. В сторону!

Санта. Что гложет тебя, мой рассерженный друг? Неужели тебя не волнует это время года?

М-р Б. О... осторожнее! (*Звон*). А теперь будь любезен...

---

[1] По дороге (фр.).

Санта. Какая милая куколка. Куда они ее увозят, моя крошка?

Мисс П. В Нэш, Санта.

М-р Б. Ты сам напросился на это. Офицер!

Санта (*торопливо*). А вот тебе маленький подарок, крошка. Наилучшие пожелания всем от Санты. Веселья всем, веселья!

Мисс П. Это мне? (*Санта торопливо исчезает, звеня колокольчиками*). Браво, мистер Бондлинг, неужели было необходимо?..

М-р Б. Опиум для народа! Что нам вручил этот напыщенный жулик, мисс Портер? Что в этом недостойном упоминания конверте?

Мисс П. Уверяю вас, я не знаю, но разве это не трогательно! О... да ведь он адресован Эллери! Эй! Эл-ле-ри!

М-р Б. (*уходит взволнованно*). Где он? Вы... Офицер! Куда исчез этот надуватель детей? Какой-то Санта-Клаус...

М-р К. (*вбегает*). Я здесь! Никки, что это? Что случилось?

Мисс П. Какой-то человек в одежде Санта-Клауса только что вручил мне этот конверт. Он адресован вам.

М-р К. Письмо? (*Вырывает конверт, вытаскивает из него клочок бумаги, на нем печатными буквами карандашом написано послание, которое он читает вслух с весьма заметным волнением*). “Дорогой Эллери, вы мне не верите? Я сказал, что сегодня днем в универмаге Нэша выкраду куклу дофина, и именно это я собираюсь сделать. Ваш...” Подпись...

Мисс П. (*вытянув шею*). “Комус”. Этот Санта?

М-р К. сжал губы. Дует ледяной ветер.

Даже сам хозяин универмага должен был признать, что их защита против Комуса была остроумной.

Из отдела дисплеев Нэша они реквизировали четыре прилавка одинаковой длины, смонтировали их вместе и в центре образовавшегося между ними пространства установили платформу высотой шесть футов. На прилавках живописными группами расположились куклы мисс Ипсон, а на возвышающейся платформе было установлено огромное дубовое кресло ручной работы, позаимствованное из секции современной шведской мебели, и на этом валгаллаподобном[1] троне, с мрачным удовлетворением от анонимности, которую ему обеспечивал алый костюм, веселая маска и усы предназначенной ему роли, напоминая огромный румяный шар, возвышался сержант Томас Уэли из полицейского управления.

Но это было не все. Вокруг прилавков на расстоянии шести футов поднимался мерцающий вал литого стекла в хромированных переплетах, составные части которого были позаимствованы из "Стеклянного дома будущего", расположенного в глубине седьмого этажа. Это ограждение представляло собой замкнутую стену высотой восемь футов.

Единственный проход в ней был перегорожен массивной стеклянной дверью, запертой на внушительный замок, ключ от которого покоился в правом кармане брюк мистера Куина.

Было 8.45 утра. Куины, Никки Портер и адвокат Бондлинг совместно с официальными представителями универмага и армией переодетых полицейских обозревали плоды своего труда.

— Надеюсь, это сработает,— наконец пробормотал инспектор Куин.— Господа! Займите свои места вокруг перегородки.

Двадцать четыре специально подобранных жандарма в штатском, подталкивая друг друга, распределились вдоль стены, лицом к ней, и с усмешкой уставились на сержанта Уэли, который со своего трона мрачно взирал на них.

— Хагстром и Пиготт — у двери!

Два детектива отделились от группы резерва и направились к стеклянной двери. Мистер Бондлинг дернул инспектора за рукав пальто.

— Инспектор Куин, а всем этим людям можно доверять? — зашептал он.— Я хочу сказать, что этот тип Комус...

— Мистер Бондлинг,— холодно ответил старый джентльмен,— занимайтесь своим делом и не вмешивайтесь в мое.

— Но...

— Мистер Бондлинг, этих людей я сам отбирал!

---

[1] Валгалла — в скандинавской мифологии дворец верховного бога Одина, куда попадают павшие в битве воины и где они продолжают прежнюю героическую жизнь.

— Понимаю, понимаю, инспектор. Я просто подумал, что я мог бы...

— Лейтенант Фарбер!

Невысокий мужчина с водянистыми глазами сделал шаг вперед.

— Мистер Бондлинг, это лейтенант Джеронимо Фарбер, эксперт по драгоценностям из управления. Эллери!

Эллери достал куклу дофина из кармана пальто.

— Отец,— сказал он,— если ты не возражаешь, я буду держать ее в руках.

— Вот это да! — восхищенно бросил кто-то.

А затем наступила тишина.

— Лейтенант, кукла, которую держит в руках мой сын,— знаменитая кукла дофина с короной, украшенной бриллиантом, который...

— Лейтенант, пожалуйста, не трогайте ее,— сказал Эллери.— Я хочу, чтобы никто к ней не притрагивался.

— Эта кукла,— продолжал инспектор,— только что доставлена из хранилища банка. Конечно, было бы лучше, если бы она вообще не покидала его стен. Присутствующий здесь мистер Бондлинг, душеприказчик мисс Ипсон, утверждает, что этот камень настоящий. Лейтенант, осмотрите бриллиант и дайте ваше заключение.

Лейтенант Фарбер достал лупу. Эллери надежно держал дофина.

Фарбер к нему не прикасался.

— Конечно, я не могу судить о самой кукле,— наконец произнес эксперт,— но бриллиант великолепен. Вполне может стоить сто тысяч долларов, а учитывая положение на нынешнем рынке, даже больше. Кстати, оправа выглядит очень прочной.

— Благодарю вас, лейтенант. Ну что ж, сынок,— сказал инспектор,— можешь заниматься своим делом.

Сжимая куклу в руках, Эллери широким шагом подошел к стеклянной двери и отпер ее.

— А этот Фарбер,— зашептал адвокат Бондлинг прямо в ухо инспектору,— вы абсолютно уверены, что он?..

— Что он действительно лейтенант Фарбер? — Инспектор едва сдерживался.— Мистер Бондлинг, я знаю Джерри Фарбера восемнадцать лет. Так что успокойтесь.

Эллери осторожно перелез через ближайший прилавок. А затем, высоко подняв куклу над головой, быстро пересек расстояние до платформы.

— Маэстро,— заскулил сержант Уэли,— какого черта я должен сидеть здесь весь день, не имея возможности даже помыть руки?

Но мистер Куин, никак не реагируя на его слова, молча наклонился и поднял с пола небольшую, видимо тяжелую, конструкцию, состоящую из двух плоскостей, обтянутых черным бархатом и расположенных под прямым углом друг к другу, с двумя хромированными подставками. Этот предмет он поместил на платформе прямо между массивными ступнями сержанта Уэли.

Осторожно поставив куклу дофина в бархатную нишу, он вернулся к прилавку, перелез через него, вышел через стеклянную дверь, запер ее на ключ и повернулся, чтобы оценить проделанную работу.

Игрушка принца гордо стояла во весь рост, освещенная дюжиной самых ярких прожекторов, нашедшихся в универмаге, в ее маленькой золотой короне холодно мерцал бриллиант.

— Уэли,— сказал инспектор Куин,— вы не должны прикасаться к кукле. Даже пальцем.

— Мм,— промычал сержант.

— Господа, вы все находитесь при исполнении служебных обязанностей. Ваша задача наблюдать за этой куклой и весь день не спускать с нее глаз. Мистер Бондлинг, вы удовлетворены?

Адвокат, казалось,что-то хотел сказать, но промолчал, быстро кивнув головой.

— А ты, Эллери?

Великий человек улыбнулся:

— Только с помощью меткого минометного огня или колдовства с заклинаниями он может добраться до этой крошки. Пускайте публику.

Затем начался бесконечный день, dias irae*, последний торговый день накануне Рождества. Обычно это день инертных, вялых, нерешительных и забывчивых людей, наконец-то втянутых в торговую машину вечным насосом времени. Если и будет мир на земле, то он наступит впоследствии, а от озверевшего

---

[1] День гнева (лат.).

от магазинной суеты человека нечего ждать доброжелательности к другим людям. Как говорит мисс Портер, кошка, гоняющаяся за птичкой в ее же клетке, ведет себя более по-христиански.

Но в это двадцать четвертое декабря привычный бедлам в Нэше усиливался пронзительными криками тысяч детей. Возможно, как настаивал Псалмопевец[1], счастлив тот, у кого их полный дом; но в этот день любимцев мисс Ипсон окружали не простые лучники, а вооруженные револьверами детективы, которые, только благодаря своей героической самодисциплине, едва сдерживались от их применения. В черных потоках толпы, переполнявшей главный этаж, маленькие человечки метались как заряженные электричеством рыбешки, преследуемые рассерженными материнскими выкриками и проклятиями тех, чьи пятки и ступни оказались во власти разгоряченных, счастливых конечностей малышей. Воистину ничто не считалось неприкосновенным. Адвокат Бондлинг, казалось, не выдержал и завернулся в пальто, защищаясь от жестокой невинности детства. Стражи порядка, вынужденные разыгрывать из себя служащих универмага, не имели такой брони, но многие из них заслуживали похвалы. По одной простой причине. Они стояли в самом потоке людского прилива, который вспенивался вокруг них с криками “Куклы! Куклы!”, пока само это слово не потеряло значение и не превратилось в нечленораздельный вопль сотен Лорелей[2], вызывая у полицейских желание крушить все вокруг.

Но они стояли непоколебимо.

И план Комуса был расстроен, хотя он и предпринимал попытки. В 11.18 утра трясущийся старик, крепко уцепившись за руку маленького мальчика, пытался уговорить детектива Хагстрома открыть стеклянную дверь, “чтобы мой внучек — он ужасно близорук — мог бы поближе взглянуть на очаровательных куколок”. Детектив Хагстром рявкнул:"Убирайся!" — и старик тут же, выпустив руку мальчика, с поразительной быстротой затерялся в толпе. Было проведено расследование и выяснилось, что, подойдя к мальчику, который с плачем звал свою маму, старик обещал ее найти. Маленький мальчик, которого звали — так он сказал — Ланс Морганштерн, был отведен в отдел находок, и все были довольны, что наконец-то знаменитый вор предпринял попытку. Все, но не Эллери Куин. Он казался озадаченным. Когда Никки спросила его почему, он просто сказал:

---

[1] Давид (ок. 1010—970 до н.э.), царь древней Иудеи.

[2] Лорелея (герм. фольклор) — девушка, пленявшая своим пением рыбаков Рейна. Очарованные ее голосом, они теряли осторожность и разбивались о камни.

— Слишком все глупо, Никки. Это не тот человек.

В 1.46 дня сержант Уэли послал сигнал бедствия. Оказалось, что ему необходимо помыть руки. Инспектор Куин послал ответный сигнал: "Хорошо. Пятнадцать минут".

Сержант Санта-Клаус—Уэли слез со своего насеста, проложил себе дорогу через прилавок и нетерпеливо застучал по внутренней стороне стеклянной двери. Эллери выпустил его, вновь закрыв за ним дверь;облаченная в красное фигура сержанта, оставив дофина единственным владельцем помоста, моментально исчезла в направлении мужской станции облегчения, расположенной на главном этаже.

Во время отсутствия сержанта инспектор Куин бродил среди своих людей, напоминая им о полученных приказаниях.

Эпизод, связанный с ответом Уэли на позыв природы, вызвал временный кризис, так как к концу установленных пятнадцати минут, сержант не вернулся. Не было его видно и через полчаса. Помощник, посланный на станцию облегчения, рапортовал, что сержанта там нет. На собранном тут же экстренном совещании личного состава высказывались опасения насчет нечестной игры и даже были запланированы контрмеры, когда вдруг, в 2.35 дня, хорошо знакомая в облачении Санта-Клауса масса сержанта, прикрывающегося маской, была замечена пробирающейся через линию ограждения.

— Уэли,— прорычал инспектор Куин.— Где же вы были?

— Обедал,— вызывающе проворчал голос сержанта.— Весь этот чертов день, инспектор, я терпел как хороший солдат, но я не хочу при исполнении своих служебных обязанностей умереть от голода.

— Уэли! — задохнулся от гнева инспектор. Затем вяло махнул рукой и сказал: — Эллери, впусти его. Пусть пройдет на свое место.

И это было почти все. Еще достойное внимания происшествие произошло в 4.22 дня. Прилично одетая женщина с красным лицом футах в пятидесяти от ипсоновской выставки закричала:

— Стойте! Вор! Он схватил мою сумочку! Полиция!

Эллери моментально отдал приказание:

— Это провокация, господа! *Не спускайте глаз с куклы.*

— Это Комус, переодетый женщиной! — воскликнул адвокат Бондлинг, когда инспектор Куин и детектив Хессе пробирались сквозь толпу к женщине, чье лицо приобрело ярко-красный оттенок.

— Что вы делаете? — кричала она.— Не надо *меня* арестовывать! Ловите мошенника, укравшего мою сумку!

— Все это бесполезно, Комус,— произнес инспектор.— Сотрите свой грим.

— Какой Комус? — громко сказала женщина.— Моя фамилия Рафферти. Все эти люди видели происшедшее. Это был полный мужчина с усами.

— Инспектор,— прошептала Никки Портер, незаметно проведя научный тест,— это женщина. Поверьте мне.

Так и оказалось. Все сошлись на том, что полный усатый мужчина и был как раз Комусом, который отвлекающим маневром безуспешно пытался вызвать смятение, чтобы благодаря ему иметь возможность выкрасть маленького дофина.

— Все это глупо, глупо,— бормотал Эллери, грызя ногти.

— Конечно,— ухмыльнулся инспектор.— Мы прищемили ему хвост, Эллери, и он пошел ва-банк. С ним покончено.

— Откровенно говоря,— фыркнула Никки,— я даже несколько разочарована.

— Боюсь,— сказал Эллери,— у меня такое же чувство.

Карая грешников, инспектор Куин настолько закалился, что не снижал бдительности даже в самые уязвимые моменты. Когда в 5.30 прозвенел звонок к закрытию универмага и толпа начала пробиваться к выходу, он рявкнул:

— Господа, всем оставаться на своих постах. Смотрите за куклой!

Поэтому все не сводили с нее глаз, пока магазин не опустел. Резервисты спешно выгоняли публику. С высоты справочной будки Эллери следил, чтобы не было никаких столкновений, и отдавал приказания.

В 6.00 главный этаж был объявлен вне зоны боевых действий. Почти все были выпровожены. Остались единицы, захваченные сигналом к закрытию на верхних этажах универмага. Они выскакивали из лифтов и, теснимые сплошной линией детективов и работников магазина, устремлялись к дверям. К 6.05 они текли ровной струйкой, которая иссякла уже к 6.10. Начали расходиться и полицейские.

— Нет, господа,— крикнул Эллери со своего наблюдательного пункта.— Оставайтесь все на своих местах, пока не выйдут все служащие!

Продавцы уже давным-давно исчезли.

Стенающий голос сержанта Уэли взывал с другой стороны стеклянной двери.

— Я должен идти домой и наряжать елку. Маэстро, отоприте меня.

Эллери спрыгнул вниз и поторопился освободить его.

— Уэли,— с язвительной усмешкой бросил детектив Пиготт,— небось готовишься завтра утром сыграть перед своими детьми Санта-Клауса?

На это сержант Уэли умудрился, невзирая на маску, прикрывающую лицо, испустить, забыв о присутствии мисс Портер, пятибуквенное слово и направился к мужской станции облегчения.

— Куда вы пошли, Уэли? — улыбнувшись, спросил инспектор.

— Должен же я где-то освободиться от этих непристойных одежд Санта-Клауса, разве не так? — глухо из-под маски прозвучал голос сержанта, вызвав взрыв хохота у его коллег-офицеров.

— Вы до сих пор встревожены, мистер Куин? — усмехнулся инспектор.

— Ничего не могу понять.— Эллери покачал головой.— Кстати, мистер Бондлинг, вот ваш дофин. К нему никто не прикасался.

— Да, да. Прекрасно! — Счастливый адвокат Бондлинг вытер пот со лба.— Я тоже не могу понять, мистер Куин. Видимо, это очередной случай раздутой репутации...— Внезапно он схватил инспектора за руку.— А это что за люди? — зашептал он.— *Кто они?*

— Успокойтесь, мистер Бондлинг,— добродушно ответил инспектор.— Это просто работники, которые перевезут куклы обратно в банк. Подождите минутку, господа! Может быть, мистер Бондлинг, будет спокойнее, если мы сами будем сопровождать дофина обратно в хранилище банка.

— Отведите всех назад,— спокойно сказал Эллери работникам управления и вслед за инспектором и мистером Бондлингом прошел за ограждение. Они отодвинули в сторону два прилавка и подошли к платформе. Дофин дружелюбно подмигивал им. Они уставились на него.

— Хитроумный дьяволёнок,— сказал инспектор.

— А сейчас кажется туповатым,— с сияющей улыбкой заметил адвокат Бондлинг.— Так волноваться весь день.

— У Комуса должен был быть *какой-то* план,— пробормотал Эллери.

— Безусловно,— согласился инспектор.— Здесь и эпизод со стариком и с похищением сумочки.

— Нет, нет, отец. Это не то. Должно было быть что-то более остроумное. Он всегда придумывал что-то эдакое.

— Ну что ж, на сей раз ему это не удалось,— удовлетворенно произнес адвокат.— Бриллиант-то здесь!

— Переодевание,— пробормотал Эллери.— Это всегда было переодевание. Костюм Санта-Клауса — он им уже раз воспользовался — сегодня утром перед банком... Сегодня здесь, в универмаге, вы не видели никакого Санта-Клауса?

— Только Уэли,— ухмыльнувшись, произнес инспектор,— но не думаю...

— Подождите, пожалуйста,— каким-то странным голосом прохрипел адвокат Бондлинг.

Он уставился на куклу дофина.

— Чего еще ждать, мистер Бондлинг?

— В чем дело? — спросил Эллери тоже очень странным голосом.

— Но... не может быть,— запинаясь, пробормотал Бондлинг. Он выхватил куклу из ее черного бархатного хранилища.— Н-нет! — простонал он.— Это не дофин. Это подделка — копия!

Что-то произошло в голове мистера Куина — какой-то щелчок, как будто повернули выключатель — и вспыхнул свет!

— Кто-нибудь из вас, господа! — взревел он.— За Санта-Клаусом!

— Кто, мистер Куин?

— О чем он говорит?

— За кем, Эллери? — в изумлении открыл рот инспектор.

— В чем дело?

— Не знаю.

— Да не стойте на месте! За ним! — орал Эллери, мечась в разные стороны.— За человеком, которого я только что выпустил отсюда! За Санта-Клаусом, который направился в мужскую комнату!

Детективы дикой ордой сорвались с места.

— Но, Эллери, — раздался жалостный голос, и Никки вдруг поняла, что это ее собственный голос,— это же сержант Уэли.

— Это был *не* Уэли, Никки! Когда около двух часов дня Уэли вышел облегчиться, *Комус устроил ему засаду!* Это Комус, надев костюм, маску Уэли и прицепив его усы, вернулся сюда в облике Санта-Клауса! *И это он просидел на этой платформе остаток дня!* — Он вырвал дофина из рук адвоката Бондлинга.— Копия!.. Все-таки он сделал это, сделал!

— Но, мистер Куин,— зашептал адвокат Бондлинг,— а его голос? Он же разговаривал с нами... голосом сержанта Уэли.

— Ведь это так, Эллери,— услышала свой голос Никки.

— Я вчера говорил тебе, Никки, что Комус — великий имитатор. Лейтенант Фарбер! Фарбер еще здесь?

Эксперт по драгоценностям, издали изумленно наблюдавший за происходящим, встряхнул головой, как бы желая прийти в себя, и протиснулся за ограждение.

— Лейтенант,— произнес Эллери сдавленным голосом,— осмотрите этот бриллиант... Я хочу сказать... если это бриллиант?

— Ну что, Джерри? — хрипло спросил инспектор Куин, отводя руки от лица.

Лейтенант Фарбер еще раз взглянул на камень через свою лупу:

— Та самая чертовщина, о которой вы говорите. Это страз, Дик,— свинцовое стекло. Прекрасная имитация. Самая хорошая из тех, что мне приходилось видеть.

— Ведите меня к этому Санта-Клаусу,— прошептал инспектор Куин.

Но Санта-Клауса, в распахнутом красном пальто и со спущенными красными шароварами, пока еще в маске, огромного кричащего человека, безуспешно пытающегося вырваться из тисков целой дюжины детективов, уже вели к нему.

— Я говорю вам,— вопил этот человек,— я — сержант Том Уэли! Достаточно только снять маску, вот и все!

— Это удовольствие,— зарычал детектив Хагстром, пытаясь заломить руку своего пленника,— мы оставим инспектору!

— Держите его, мальчики,— прошептал инспектор и, сделав резкий, змеиный выпад рукой, сорвал маску с лица Санта-Клауса.

Это действительно оказался сержант Уэли.

— Как, это Уэли! — удивленно воскликнул инспектор.

— Но я же тысячу раз говорил вам это,— сказал сержант, сложив волосатые руки на огромной волосатой груди.— Почему этот тип пытался выломать мне руку? — Затем раздался его очередной вопль: — Мои шаровары!

Мисс Портер деликатно отвернулась, а детектив Хагстром покорно нагнулся, чтобы подтянуть ему шаровары.

— Не берите в голову,— раздался холодный, едва слышный голос великого человека.

— Д-да? — враждебно бросил сержант Уэли.

— Уэли, на вас никто не нападал, когда около двух часов дня вы выходили в мужскую комнату?

— А я что, похож на человека, на которого можно напасть?

— Вы ходили обедать? Лично вы?

— И паршивый же это был обед.

— Это *вы* весь день просидели здесь, среди кукол?

— А кто же еще, маэстро? Ну, а теперь, друзья, я хотел бы получить объяснения. И побыстрее. Что все это значит? Побыстрее,— тихо добавил сержант Уэли,— пока я не вышел из себя.

В то время, когда различные ораторы из управления все еще произносили перед молчаливым сержантом импровизированные речи, инспектор Ричард Куин сказал, обращаясь к сыну:

— Эллери, сынок. Как, именем второго греха[1], он умудрился сделать это?

— Ба,— ответил великий человек,— своим вопросом ты поставил меня в тупик.

Украсьте холл ветвями падуба, правда, если вы не Куин в тот злополучный вечер двадцать четвертого декабря. А если вы Куин и это тот печальный вечер, вы молча сидите в нью-йоркской квартире, с грустью уставившись на тлеющий огонь. И вы не один; список приглашенных короток, но это избранные люди. Их двое — некая мисс Портер и некий сержант Уэли, и они не служат вам утешением.

Нет, никаких старинных рождественских песен не распевалось. Пела только тишина.

Причитайте в вашем склепе, Китерия Ипсон, все было напрасно. Сокровище вашего маленького дофина находится не в пустой казне сирот, а в возбужденных лапах того, кто черпал свое дьявольское вдохновение у давно уже успокоившегося специалиста по исчезновениям.

Все было сказано. Стоит ли умному человеку попросту сотрясать воздух и заниматься самообманом? Тот, кто слишком много говорит, совершает грех,— гласит Талмуд. Такой человек истощает себя. И вот присутствующие достигли в разговоре того момента, когда все темы были исчерпаны.

Имеем: Лейтенант Джеронимо Фарбер из полицейского управления осмотрел уникальный бриллиант в короне дофина буквально за несколько секунд до того, как кукла была переправлена на свое место за ограждением. Лейтенант Фарбер заявил, что камень настоящий и что это не просто бриллиант, а целое сокровище стоимостью примерно в сто тысяч долларов.

Вопрос: Солгал ли лейтенант Фарбер?

---

[1] Зависть, один из семи смертных грехов (библ.).

Ответ: Лейтенант Фарбер — а) человек чести, тысячекратно проверенный в различных сражениях; б) неподкупен. Пункты а) и б) инспектор Ричард Куин защищал горячо, поклявшись бородой своего личного пророка.

Вопрос: Ошибся ли лейтенант Фарбер?

Ответ: Лейтенант Фарбер — известный на всю страну полицейский эксперт по драгоценностям. Вряд ли можно предположить, что он не смог отличить подлинного бриллианта от превращенного в камень кусочка стекла.

Вопрос: *Был* ли это лейтенант Фарбер?

Ответ: Именем той же самой бороды того же самого пророка, это был лейтенант Фарбер, и никто другой.

Вывод: Бриллиант, который лейтенант Фарбер осмотрел тем утром, непосредственно перед открытием дверей Нэша, был подлинным бриллиантом дофина, а сама кукла была подлинной куклой дофина, тем подлинным произведением искусства, которое Эллери собственноручно перенес в огороженную стеклом крепость и установил между подлинными ступнями подлинного сержанта Уэли.

Имеем: Весь день — в особенности между моментом помещения дофина в нише и временем установления подмены,— то есть в продолжение всего того периода, когда кража и подмена были теоретически возможны, ни один человек, мужчина или женщина, взрослый или ребенок, не ступал ногой за ограждение, за исключением сержанта Уэли, *сиречь* Санта-Клауса.

Вопрос: Не подменил ли сержант Уэли куклу, спрятав подлинного дофина в костюме Санта-Клауса, чтобы позднее, во время одной из своих отлучек, передать его Комусу или его сообщнику.

Ответ: (*сержант Уэли*): ......[1]

Свидетельства: Несколько десятков человек со специальной полицейской выучкой, не говоря уж о самих Куинах, мисс Портер и адвокат Бондлинг решительно подтвердили, что сержант Уэли ни разу на протяжении всего дня не прикасался к кукле.

Вывод: Сержант Уэли не мог совершить кражу куклы дофина. Следовательно, он отпадает.

---

[1] Вычеркнуто издателем. (Прим. автора.)

Имеем: Все, задействованные в охране, клятвенно заверяли, что на протяжении всего дня не было никаких помех и никто — ни человек, ни механическое приспособление — ни разу не касался куклы.

Вопрос: Человеческая натура хрупка. Где гарантия, что никто из охраны не совершил ошибки, не ослабил внимания вследствие усталости, скуки и т.п.?

Ответ: Да, такое могло произойти, но, по закону вероятности, это не могло случиться со всеми одновременно. Кроме того, Эллери мог засвидетельствовать, что во время двух отвлекающих маневров он сам не сводил глаз с дофина, и тому ничего не угрожало. Никто к нему даже не приближался.

Имеем: Несмотря на все вышеуказанное, к концу дня выяснилось, что подлинный дофин пропал, а его место заняла ничего не стоящая копия.

— Бесподобная, немыслимая ловкость,— наконец подал голос Эллери.— Мастерский трюк. Да, конечно, это *был* трюк...

— Колдовство,— простонал инспектор.

— Массовый гипноз,— высказала предположение Никки Портер.

— Всеобщее помутнение рассудка,— проворчал сержант.

Двумя часами позже Эллери снова подал голос.

— Итак, у Комуса уже была наготове кукла-копия для подмены дофина,— пробормотал он.— Эта известная всему миру куколка неоднократно фотографировалась, публиковалась, была подробно описана... Сделать копию не представляло труда, но как была осуществлена подмена? Как? Как?

— Вы говорили это десяток раз,— буркнул сержант.

— Звонят колокола,— вздохнула Никки,— но для кого? Не для нас.— И действительно, пока они трагически переживали свою неудачу, время, которое Сенека[1] называл отцом истины, пересекло порог Рождества; и Никки выглядела встревоженной, поскольку, когда величественная песнь прошлого неслась в полуночной тишине, в глазах Эллери вспыхнул яркий свет, преобразивший все его лицо. Соответственно моменту, казалось, воцарились мир и спокойствие. Он откинул назад благородную голову и засмеялся счастливым смехом невинного ребенка.

---

[1] Римский политический деятель I в.н.э., философ, представитель стоицизма.

— Эй! — воскликнул сержант Уэли, удивленно уставившись на него.

— Сынок...— начал было инспектор Куин, приподнявшись с кресла, когда зазвонил телефон.

— Великолепно! — прорычал в восторге Эллери.— Какая ловкость! Как Комус осуществил подмену, а-а? Никки...

— Вас кто-то спрашивает,— сказала Никки,— передавая ему телефонную трубку.— Кажется, назвался Комусом. Так почему его самого не спросить об этом?

— Комус,— вздрогнув, прошептал инспектор.

— Комус,— эхом отозвался сержант, порядком сбитый с толку.

— Комус? — сердечным тоном произнес Эллери.— Как мило! Привет! Примите мои поздравления.

— Ну что же, благодарю,— раздался знакомый глубокий хрипловатый голос.— Я звоню, чтобы выразить вам свою признательность за великолепный спортивный день и пожелать веселых святок.

— Как я понимаю, вы сами надеетесь повеселиться на Рождество.

— Laeti triumphantes[1] — откровенно признался Комус.

— И сироты?

— Я шлю им самые лучшие пожелания. Ну все. Не буду вас больше отвлекать, Эллери. Если взглянете на половичок у дверей вашей квартиры — как раз это соответствует моменту,— то увидите небольшой подарочек с поздравлениями Комуса. Надеюсь, вы передадите от меня привет инспектору Куину и адвокату Бондлингу?

Эллери, улыбаясь, повесил трубку.

На половике он увидел подлинную куклу дофина, совершенно не поврежденную, за исключением одной незначительной детали — в маленькой золотой короне отсутствовал бриллиант.

— Это, в сущности, была простая задача,— пояснил позднее Эллери, с удовольствием поглощая сандвич с копченой говядиной.— Как, впрочем, и все великие мистификации. Ценный предмет помещается на виду у всех в самом центре неприступного, за ограждением, пространства; с него не сводят глаз десяток опытных и надежных лиц в штатском; он постоянно в их поле зрения, его не касается ни рука человека, ни механизм, и все же по истечении определенного времени он исчезает, замененный ничего не стоящей копией. Великолепно! Необъяснимо! Действительно, это, подобно всем магическим фокусам-покусам, производит неизгладимое впечатление, и, если человек не способен проигнорировать чудо и придерживаться только фактов, он не сможет сразу же найти решение. Так произошло и со мной. Но ведь чудо ради этой цели и осуществляется — встать на пути факта.

---

[1] Да возвеселятся победители (лат.).

В чем же заключался этот факт? — продолжал Эллери, выуживая из банки маринованный огурчик.— А в том, что между временем помещения куклы на экспозиционную платформу и моментом обнаружения ее похищения, никто к ней не прикасался. Выходит, в этот момент *дофина не могли украсть.* А из этого неизбежно следует: дофин был похищен *вне этого периода.*

Может быть, до того как этот период начался? Нет, как раз в это время я сам, своими собственными руками, установил подлинного дофина на предназначенное ему место за ограждением, и ни одна рука не прикасалась к кукле. Даже рука лейтенанта Фарбера, если вы помните.

Следовательно, дофина могли похитить только после того, как этот период закончился.

Эллери взмахнул половинкой огурца.

— Так кто же,— торжественно вопросил он,— был тем единственным человеком, кроме меня, кто держал эту куклу в своих руках после того, как указанный период закончился, и до того, как лейтенант Фарбер обнаружил, что бриллиант фальшивый? Кто этот человек?

Инспектор и сержант в замешательстве переглянулись. Никки была в полном недоумении.

— Ну, мистер Бондлинг,— сказала она.— Так он же не в счет.

— В счет, Никки, да еще как,— сказал Эллери, протягивая руку за горчицей,— так как факты говорят, что Бондлинг в это время выкрал дофина.

— Бондлинг! — побледнел инспектор.

— Я этого не понимаю,— откровенно признался сержант Уэли.

— Эллери, вы наверняка ошибаетесь,— сказала Никки.— К тому времени, когда мистер Бондлинг схватил куклу с платформы, кража уже произошла и в руках у него была ничего не стоящая копия.

— Вот это,— сказал Эллери, потянувшись за другим сандвичем,— и составляло центральную часть его мистификации. Откуда мы знаем, что он схватил копию? Как же! Он так сказал. Просто, а? Он так сказал, и мы, как тупицы, безоговорочно восприняли его ничем не подтвержденное слово.

— А ведь действительно,— пробормотал его отец.— Мы осмотрели куклу только через несколько секунд.

— Вот именно,— чавкая, выдавил из себя Эллери.— Был краткий период всеобщего смятения, как и рассчитывал Бондлинг. Я приказал мальчикам схватить Санта-Клауса, то есть присутствующего здесь сержанта. Детективы на короткое время были деморализованы. Ты, отец, был ошеломлен. Никки выглядела, как будто обвалилась крыша. В возбуждении я пытался дать какое-то объяснение. Несколько детективов отправились за Санта-Клаусом, другие кружили вокруг. И пока все это происходило, в течение всего нескольких мгновений, когда никто не обращал внимания на куклу в руках адвоката, считая, что это подделка, Бондлинг спокойно опустил ее в один из карманов пальто, вытащив из другого ничего не стоящую копию, которую таскал с собою весь день. Когда же я вновь повернулся к нему, в руках у него уже была копия. Именно ее я и схватил. Подмена произошла.

Я знаю,— сухо продолжал Эллери,— что вы разочарованы. Вот почему иллюзионисты всегда так тщательно охраняют свои профессиональные секреты. Знание — это освобождение от иллюзий. Не сомневайтесь, что трюк Комуса, вызвавший невероятное восхищение аристократической аудитории Лондона,— дематериализация французским магом своей жены с поверхности стола, постигла бы та же самая судьба, если б он показал люк, в который она провалилась. Хороший трюк, как и хорошая женщина, лучше всего смотрится в темноте. Сержант, возьмите еще копченой говядины.

— Смешно,— пробормотал сержант, беря предложенное угощение,— сидим ранним рождественским утром и едим, как ни в чем не бывало. Ну надо же,— добавил он, качая головой,— Бондлинг?

— Теперь, после того как мы знаем, кто такой Бондлинг,— сказал инспектор, немного придя в себя,— надо как-то вернуть бриллиант. У него еще не было времени распорядиться им. Я, пожалуй, позвоню в город...

— Подожди, па,— сказал Эллери.

— Чего ждать-то?

— На кого ты собираешься спустить собак?

— Что?

— Ты собираешься звонить в управление, получить ордер, ну и тому подобное. На чье имя?

— Как? — инспектор почесал затылок. — Бондлинг. Разве не так ты сказал?

— Было бы лучше,— произнес Эллери, задумчиво поискав языком застрявшее в зубах семечко огурца,— указать его кличку.

— Кличку? — спросила Никки.— А разве она у него есть?

— Какую кличку, сынок?

— Комус.

— Комус!

— Комус?

— Комус.

— Да перестаньте же вы,— сказала Никки, наливая себе немного кофе.— Как Бондлинг может быть Комусом, если он был с нами весь день, а переодетый Комус все время появлялся то там, то здесь... то в облике Санта-Клауса, вручившего мне конверт перед входом в банк, то в образе старика, похитившего Ланса Морганштерна, то в облике полного мужчины с усами, вырвавшего сумочку у миссис Рафферти.

— Д...да,— протянул сержант.— Так как?

— Иллюзии развеиваются с трудом,— заметил Эллери.— Разве не Комус звонил всего несколько минут назад, чтобы поздравить меня со своей удачей? Разве это не он сказал, что у моей двери на половичке оставил похищенного дофина, правда, без бриллианта? Так что Комус — это Бондлинг.

Я уже говорил вам,— продолжал Эллери,— что Комус ничего не делает без веской причины. Почему это вдруг "Комус" известил "Бондлинга", что *собира-*

ется выкрасть куклу дофина? Бондлинг сказал нам это, обращая внимание на свое alter ego*, потому что хотел, чтобы мы думали, что это разные люди. Он хотел, чтобы мы обратили все свое внимание на Комуса, а его самого принимали за своего. Для тактического осуществления своей стратегии Бондлинг трижды в течение всего дня обеспечил нам появление “Комуса”. Видимо, это были сообщники,

Да, отец,— заключил Эллери,— я уверен, что при проверке обнаружится, что знаменитый вор, которого ты в течение пяти лет пытался поймать, все это время был уважаемым поверенным с Парк-роу, сбрасывавшим свою маску только под покровом ночи, когда царят мягкая поступь и потайной фонарь. Ну что ж, скоро он сменит их на номер зарешеченной двери. Да, для совершения преступления был выбран самый подходящий момент, когда, как гласит старинная английская пословица, дьявол печет свой рождественский пирог из языка юристов. Никки, передай-ка мне еще кусочек мяса.

---

[1] Другое “я” (лат.).

ДЖЕК РИТЧИ

ЗЫБКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Это был мужчина с рыхлым лицом, в очках без оправы, уверенно державший в руках пистолет.

Как ни странно, я не удивился, узнав причину его появления.

— Жаль умирать в неведении,— сказал я.— Кто же нанял вас, чтобы убить меня?

— А вам не кажется, что у меня лично могут быть причины разделаться с вами,— произнес он негромко.

Когда он вошел в кабинет, я готовил коктейль.

— Враги, которых я умудрился нажить, мне известны,— заметил я, доливая в бокал виски из графина,— но с вами я незнаком. Это моя жена обратилась к вам?

— Совершенно верно.— Он улыбнулся.— Думаю, мотив ее понятен.

— Да, пожалуй. У меня есть немалые деньги, и она, видимо, желает все прикарманить. Все до последнего пенни.

Незнакомец окинул меня равнодушным взглядом:

— Сколько вам лет?

— Пятьдесят три.

— А вашей жене?

— Двадцать два.

— Мистер Уильямс,— он прищелкнул языком,— надо быть последним идиотом, чтобы надеяться на что-то постоянное.

Я спокойно потягивал виски.

— Вообще-то я знал, что года через два мы разведемся и будет много нервотрепки по поводу урегулирования всяких финансовых вопросов, но чтобы убийство...

— Ваша жена, мистер Уильямс, красавица, но женщина жадная. Я просто удивлен, что вы никогда не замечали этого.

Мой взгляд упал на пистолет незнакомца.

— Как я понимаю, вам и раньше приходилось убивать?

— Да.

— Очевидно, это доставляет вам определенное удовольствие?

Он кивнул:

— Согласен, что это нездоровое удовольствие, но тем не менее я наслаждаюсь.

Наблюдая за ним, я чего-то ждал. Наконец я спросил:

— Вы здесь уже более двух минут, а я все еще жив.

— Мне некуда торопиться, мистер Уильямс,— спокойно ответил он.

— Так. Кажется, я начинаю понимать. Вам доставляет наибольшее удовольствие не столько само убийство, сколько моменты, предшествующие ему. Вы просто смакуете их.

— А вы умеете проникать в суть вещей, мистер Уильямс.

— Значит, пока я вас в какой-то мере развлекаю, я останусь жив?

— В определенном смысле, да. Конечно.

— Все ясно. Вы не хотите, мистер?..

— Смит. Нетрудно запомнить. Да, не откажусь. Только попрошу вас, встаньте так, чтобы я мог видеть, что вы делаете.

— Надеюсь, вы не думаете, что у меня для такого случая приготовлен яд?

— Нет, не думаю, хотя все возможно.

Он внимательно наблюдал за мной, пока я готовил выпивку, а затем уселся в мягкое кресло.

Я опустился на диван.

— Интересно, где может быть моя жена в данный момент?

— На вечеринке, мистер Уильямс. Гости потом под присягой подтвердят, что во время убийства ваша жена все время была с ними.

— Короче, все будут считать, что я был убит грабителем?

Он осушил бокал и поставил его на столик, стоявший перед ним.

— Да. После того как я застрелю вас, я, конечно, вымою этот бокал и поставлю его на место, в ваш бар. Уходя, я сотру отпечатки пальцев на дверных ручках, к которым прикасался.

— И одновременно вы прихватите с собой какую-нибудь мелочь, чтобы версия о грабителе стала более достоверной?

— В этом нет необходимости, мистер Уильямс. Полиция может предположить, что взломщик, случайно столкнувшись с вами и выстрелив в вас, запаниковал и смылся, так ничего и не взяв.

— Кстати, картина, которая висит там, на восточной стене,— сказал я,— стоит не меньше тридцати тысяч.

Он бросил взгляд на нее и моментально вновь повернулся ко мне.

— Соблазнительное предложение, мистер Уильямс, но мне не хотелось бы иметь ничего, что могло бы хоть каким-нибудь путем связать меня с вами. Я ценю произведения искусства, в особенности их денежную стоимость, но не до такой степени, чтобы оказаться из-за них на электрическом стуле.

Затем он вновь улыбнулся:

— Или, может быть, вы предлагаете мне эту картину в обмен на вашу жизнь?

Да, это была мысль.

Он покачал головой:

— Извините, мистер Уильямс. Уж если я обещал что-то сделать, меня не переубедить. Это вопрос профессиональной гордости.

Я поставил свой бокал на столик:

— Вы ждете, мистер Смит, когда я оцепенею от страха?

— Вы еще оцепенеете.

— И только тогда вы меня убьете?

Его глаза залучились веселыми огоньками:

— Какого это требует напряжения! Вы согласны со мной, мистер Уильямс? Бояться и стараться не показать этого.

— Вы ждете, когда ваши жертвы будут с мольбой простирать к вам руки? — спросил я.

— И они это делают. В той или иной форме.

— Они взывают к вашему милосердию, но это бессмысленно?

— Да, бессмысленно.

— И они предлагают вам деньги?

— Да, и очень часто.

— Это тоже бесполезно?

— До сегодняшнего дня всегда было именно так, мистер Уильямс.

— Позади картины, которую я вам показал, мистер Смит, в стене находится сейф.

Он еще раз бросил на картину быстрый цепкий взгляд.

— Да?

— В нем находится пять тысяч долларов.

— Это большие деньги, мистер Уильямс.

Я взял свой бокал и подошел к картине, отодвинул ее немного в сторону, открыл сейф, взял коричневый конверт, затем допил виски, поставил пустой бокал в сейф и повернул ручку.

Смит, не отрываясь, следил за конвертом.

— Принесите его, пожалуйста, сюда.

Я положил конверт перед ним на столик.

Он пристально какое-то время смотрел на него, а затем вновь обратил взгляд на меня.

— Вы действительно думаете, что можете выкупить свою жизнь?

Я закурил сигарету:

— Нет. Боюсь, вы неподкупны.

Он слегка нахмурился:

— И все же вы принесли мне пять тысяч?

Я взял конверт и вытряхнул его содержимое на стол.

— Здесь только старые рецепты. Совершенно бесполезные и не представляющие для вас никакого интереса.

Он покраснел от раздражения:

— Вы думаете, это вам что-то даст?

— Я уже получил возможность подойти к сейфу и поставить туда ваш бокал.

Его глаза стрельнули вниз, на бокал, стоявший перед ним.

— Это был ваш бокал, а не мой.

Я снисходительно улыбнулся:

— Это был именно ваш бокал, мистер Смит. Я подумал, что полиция, вскрыв мой сейф и увидев там пустой бокал, невольно заинтересуется, почему он находится там. А после совершенного убийства, я думаю, у них хватит ума снять с него отпечатки пальцев.

Незнакомец прищурился:

— Я ни на мгновение не сводил с вас глаз. У вас просто не было времени для того, чтобы подменить бокалы.

— Не было? Помнится, если не ошибаюсь, вы посмотрели на картину.

Он машинально вновь посмотрел в том направлении:

— Только в течение какой-то пары секунд.

— Этого вполне достаточно.

У меня на лбу появились капельки пота.

— Все равно это было невозможно.

— Ну что ж. Тогда, пожалуй, вы будете крайне удивлены, когда к вам нагрянет полиция, а вскоре после этого у вас появится потрясающая возможность встретить смерть на электрическом стуле. Подобно вашим жертвам, вы испытаете удовольствие в предвкушении смерти. Правда, времени у вас будет значительно больше. Это даст возможность разыграться до предела вашему необычайному воображению. Я уверен, что вы читали отчеты о казнях на электрическом стуле?

Его пальцы, казалось, были готовы вот-вот нажать на спусковой крючок.

— Хотелось бы мне знать, как вы будете себя вести,— сказал я.— Вы, наверное, думаете, что встретите смерть спокойно, стоически. Это обычное самоуспокоение, мистер Смит. Скорее всего, вас будут тащить...

— Откройте сейф или я убью вас,— произнес он ровным, спокойным голосом.

Я рассмеялся:

— Мы же оба прекрасно понимаем, мистер Смит, что, как только я открою сейф, вы меня сразу же убьете.

Наступило молчание.

— Что вы собираетесь делать с этим бокалом? — наконец заговорил мнимый мистер Смит.

— Если вы не убьете меня, а я думаю, что теперь скорее всего нет, я отнесу его в частное детективное агентство и получу ваши отпечатки пальцев. Я положу их, вместе с запиской, содержащей соответствующую информацию, в запечатанный конверт и оставлю указание отправить его в полицию после моей неожиданной смерти, даже если обстоятельства будут свидетельствовать о несчастном случае.

Смит уставился на меня и затем вздохнул:

— В этом нет необходимости. Я сейчас уйду, и вы меня никогда больше не увидите.

Я покачал головой:

— Я предпочитаю свой план. По крайней мере, он обеспечит мне спокойствие на будущее.

Он задумался.

— А почему бы вам не обратиться в полицию?

— На то есть свои причины.

Его взгляд опустился на пистолет, который он затем медленно сунул в карман. В конце концов до него дошло.

— Ваша жена может нанять еще кого-нибудь, чтобы убить вас.

— Вот именно.

— Тогда я буду обвинен в вашей смерти и отправлюсь на электрический стул?

— Видимо, так и будет.

Смит был полон внимания.

— Если, конечно, она будет в состоянии это сделать...

— Но ведь там не меньше полудюжины свидетелей...

Он замолчал.

— Моя жена говорила вам,— с улыбкой спросил я,— где она будет находиться?

— Она не уточняла. Сказала, у каких-то Петерсонов. Собиралась уйти в одиннадцать.

— В одиннадцать. Очень хорошо. Сегодня рано стемнеет. Вам известен адрес Петерсонов?

Он удивленно уставился на меня:

— Конечно, нет.

— Это в Бриджхемптоне,— сказал я и назвал номер дома.— Вам следует кое-что сделать,— тихо добавил я,— ради вашей же жизни.

Он медленно застегнул пальто:

— А где будете вы, мистер Уильямс, в одиннадцать часов?

— В клубе. Наверное, буду играть в карты с друзьями, которые, без сомнения, выразят мне соболезнование, когда станет известно, что моя жена застрелена.

— Это зависит от того, как сложатся обстоятельства,— заметил он с легкой улыбкой.— Вы когда-нибудь любили ее?

Я ничего не ответил, только взял со столика нефритовую статуэтку и посмотрел на нее. Когда я ее купил, она мне чрезвычайно нравилась. Теперь она мне надоела, и я заменю ее другой.

Когда он ушел, у меня как раз хватило времени, чтобы отнести бокал в детективное агентство, а затем отправиться в клуб.

Правда, не тот бокал, который был в сейфе,— на нем не было ничего, кроме моих собственных отпечатков пальцев,— а тот, который после ухода мистера Смита остался на столике.

На нем прекрасно отпечатались пальчики наемного убийцы!

ПАМЯТКА ГРУБИЯНАМ

— Сколько вам лет? — спросил я.

Его глаза в страхе устремились на револьвер в моей руке.

— Послушайте, мистер. Деньги в кассе, забирайте все. Я буду нем как рыба.

— Меня не волнуют ваши презренные деньги. Еще раз спрашиваю, сколько вам лет?

— Сорок два.

— Жаль.— Я прищелкнул языком.— Вы могли бы прожить еще лет двадцать-тридцать, если б были хоть чуточку вежливее.

Он ничего не понимал.

— Я собираюсь убить вас,— продолжал я,— из-за вишневой карамели и четырехцентовой марки.

Вишневая карамель ему ни о чем не говорила, но при упоминании о марке на его лице отразился ужас.

— Вы, должно быть, сошли с ума. Не можете же вы убить меня только за то...

— Почему же, могу.

И я сделал это.

Когда доктор Бриллер сказал, что мне осталось жить не более четырех месяцев, меня охватило смятение.

— Вы точно уверены, что ничего не перепутали? Может быть, вы взяли не тот рентгеновский снимок? Я слышал, такое бывает.

— Как это ни жаль, мистер Тернер, но ничего подобного не произошло.

Я серьезно задумался.

— А может, вам из лаборатории прислали не то заключение? Может быть, результаты моих анализов попали в другую...

Он медленно покачал головой:

— Я дважды все проверил и перепроверил. При таком заключении иначе нельзя. Такова обычная медицинская практика.

Был поздний вечер, время, когда заходит солнце. Хорошо бы, когда наступит время умирать, было бы раннее утро. Все-таки намного веселее.

— В таких ситуациях,— продолжал доктор Бриллер,— врач оказывается перед дилеммой — говорить или не говорить своему пациенту о результатах анализов. Я своим говорю всегда. Это дает им возможность уладить все дела и погулять напоследок, если так можно выразиться.— Он пододвинул к себе стопку бумаги.— А еще я пишу книгу-исследование. Кстати, как вы собираетесь распорядиться оставшимся временем?

— Право, не знаю. Ведь еще пару минут назад я и не думал об этом.

— Конечно, конечно,— согласился Бриллер.— Спешить не стоит, но когда в конце концов вы придете к какому-нибудь решению, вы дадите мне знать об этом, да? В своей книге я рассказываю о том, как проводят последние дни люди, узнавшие, что им осталось жить недолго.

Он отодвинул бумаги в сторону:

— Заходите ко мне каждые две-три недели. Таким образом мы с вами сможем проследить течение вашей болезни.

Бриллер проводил меня до двери.

— Я уже описал двадцать два случая, подобных вашему.— Казалось, он задумался и смотрит в будущее.— Знаете, я почти уверен, что получится бестселлер.

Я всегда вел размеренную жизнь. Малоинтересную, но зато спокойную.

Я почти ничего не дал миру. В этом отношении я, наверное, похож на каждого, живущего на земле. Но в отличие от других я ничего и не взял. Иначе говоря, я хотел только одного — чтобы никто не касался меня, чтобы все оставили меня в покое, ведь жизнь и так достаточно тяжела, даже без общения с людьми.

И что можно придумать при такой жизни? Как провести четыре оставшиеся месяца?

Сколько времени я брел в забытьи, не помню, но в конце концов оказался на длинном изогнутом мостике. В голове зашумело. Я посмотрел вниз.

Несколько в стороне, на набережной, располагался цирк или что-то вроде этого.

Это был мир фальшивой магии, ложного блеска, где хозяин манежа настолько джентльмен, насколько подлинны медали на его груди, где прекрасные наездницы на самом деле суровы и безжалостны. Это был мир ложных иллюзий.

Я всегда считал, что закат больших цирков следует рассматривать как одно из культурных достижений двадцатого века, и все же почему-то я спустился по пешеходному мостику и через несколько секунд оказался на полпути к рядам трибун.

У главного входа на небольшом возвышении скучал билетер.

Вдруг перед ним появился мужчина, державший за руки двух маленьких девочек. Он протянул небольшие прямоугольные картонки, служившие, по всей видимости, контрамарками.

Билетер пробежал пальцами по листу с каким-то списком сбоку от себя. Его взгляд вдруг стал жестким, и он мрачно посмотрел на мужчину с детьми, затем не спеша, как в замедленном кадре, разорвал контрамарки и молча наблюдал, как кусочки их падают на землю.

— Они ни черта не стоят,— наконец резко произнес он.

Мужчина покраснел:

— Я вас не понимаю.

— Вы не оставили афиш на месте,— отрезал билетер.— Убирайтесь, побирушка.

Девочки смущенно и с надеждой смотрели на своего отца, надеясь, что он наверняка что-нибудь придумает.

А он стоял, побледнев от ярости. Казалось, он готов что-то сказать, но, посмотрев на детей, он закрыл глаза, как бы желая справиться с охватившим его волнением, а затем тихо произнес:

— Пойдемте, крошки, домой.

Он развернулся и повел их прочь. Сбитые с толку девочки молча оглядывались назад.

Я подошел к билетеру.

— Почему вы сделали это?

— А вам какое дело? — выпалил он, бросив на меня сверху вниз презрительный взгляд.

— Возможно, даже очень большое.

Едва сдерживаясь, он изучал меня.

— Потому что он не оставил на месте афиш.

— Я это уже слышал, а теперь поясните.

Он тяжело вздохнул, как будто это стоило ему большого труда:

— За две недели до нашего приезда в какой-нибудь город мы посылаем человека, который развозит афиши о предстоящих представлениях. Он оставляет их повсюду, где только возможно — в овощных лавках, мясных рядах, обувных магазинах,— в общем, в любом месте. Эти афиши хозяева помещений наклеивают на витрины и сохраняют, пока не закончатся гастроли. За это они получают по две-три контрамарки. Но некоторые из этих шутников не знают, что мы их проверяем, и если обнаруживается, что афиш на месте нет, то контрамарки объявляются недействительными.

— Понятно,— сухо произнес я.— И поэтому вы специально рвете контрамарки на глазах у их детей. Очевидно, тот мужчина слишком рано убрал ваши афиши из витрин своего небольшого магазинчика. Или, скорее всего, эти контрамарки он получил именно от такого человека.

— Какая разница? Контрамарки-то все равно недействительны!

— Возможно, в этом смысле разницы и нет. Но вы хоть поняли, что сделали?

Его глаза сузились. Казалось, он пытается понять, имею ли я какую-нибудь власть над ним.

— Вы совершили необычайно жестокий поступок,— гневно продолжал я.— Вы унизили человека перед его детьми. Создали трещину в их взаимоотношениях, трещину, которая останется на всю жизнь. Он повел своих детей домой. Для них это будет очень длинный, длинный путь. Что он может им сказать?

— Вы полицейский?

— Нет, не полицейский. Но вы должны понять, дети в этом возрасте относятся к своему отцу как к самому лучшему человеку на свете. Самому доброму, самому смелому.А теперь они всегда будут помнить, что кто-то плохо обошелся с их отцом, а он не смог на это ответить.

— Ну, разорвал я эти контрамарки. Почему же он не захотел купить билеты? Вы что, городской инспектор?

— Нет, не инспектор. Неужели вы серьезно думаете, что после такого унижения он мог купить билеты? Вы же не оставили ему никакого выхода. Он не мог купить билеты. У него не было возможности разыграть вполне убедительную сцену, ведь при вашем разговоре присутствовали его дети. Он ничего не мог сделать. Вообще ничего, кроме как удалиться со своими детьми, которые так хотели посмотреть ваш ничтожный цирк и теперь не могут сделать этого.

Я взглянул вниз, к основанию его тумбы. Там валялись обрывки множества контрамарок — осколки радужных мечтаний людей, совершивших тягчайшее преступление — убравших раньше времени афиши из витрин своих магазинчиков.

— Вы могли, по крайней мере, сказать: “Извините, сэр, но ваши контрамарки недействительны” — и затем вежливо и спокойно объяснить почему.

— Мне за вежливость не платят.— Билетер презрительно улыбнулся, показав свои желтые зубы.— И потом, мистер, мне нравится рвать контрамарки. Это доставляет мне удовольствие.

И это было действительно так. Он был маленьким человечком, обладавшим совсем ничтожной властью, но пользовался ею как Цезарь.

— А теперь, мистер,— с угрозой произнес билетер,— убирайтесь отсюда к черту, пока я не вышвырнул вас.

Н-да. Это был не просто жестокий человек, а животное без каких-либо чувств, которое будет издеваться всегда, пока живет. Это создание следовало бы стереть с лица земли.

Если бы я только имел возможность...

Я еще некоторое время пристально смотрел на искаженное от злобы лицо, затем развернулся и удалился. Я пересек мостик, сел в автобус и в семь тридцать подъехал к спортивному магазину.

Там я приобрел револьвер 32-го калибра и коробку патронов.

Почему мы *не* убиваем? Не потому ли, что не чувствуем от этого никакого морального удовлетворения? Или же просто потому, что опасаемся последствий — не столько для себя, сколько для своей семьи и детей.

Может быть, поэтому мы с такой кротостью переносим ложь и несправедливость, терпим их. Их уничтожение может стоить нам большего.

Но у меня нет ни семьи, ни близких друзей, да и жизни осталось всего лишь четыре месяца.

Солнце зашло. Огни цирка-шапито ярко горели. Выйдя из автобуса и поднявшись на мостик, я увидел, что билетер все еще на своем месте.

Как же это сделать, думал я. Может просто подойти к нему и застрелить, пока он восседает на своем троне?

Проблема решилась сама собой, Я увидел, как его сменил другой человек — по всей видимости, его напарник. Билетер закурил и по темному проходу двинулся в сторону озера.

Я перехватил его около скамейки, скрытой в тени листвы. Это было уединенное место, достаточно близко расположенное к цирку, откуда до меня доносились звуки представления.

Билетер услышал мои шаги и обернулся. На губах его появилась кривая улыбка, и он стал разминать пальцы правой руки.

— Похоже, вы хотите этого, мистер?

Его глаза расширились от ужаса, когда он увидел мой револьвер.

— Сколько вам лет? — спросил я.

— Мистер,— глотая слюну, быстро заговорил он,— у меня всего пара десяток.

— Сколько вам лет? — повторил я свой вопрос.

Его глаза лихорадочно забегали.

— Тридцать два.

Я печально покачал головой:

— Вы могли бы дожить до семидесяти. Еще целых сорок лет жизни, если бы вы вели себя как человек.

Его лицо побледнело.

— У вас не все дома?

— Возможно.

И я нажал на курок.

Выстрел прозвучал не так громко, как я ожидал. Видимо, звук его затерялся на фоне карнавально-цирковой музыки.

Билетер зашатался и упал на краю тропинки. Он был мертв.

Прошло пять минут. Десять. Слышал ли кто-нибудь выстрел?

Внезапно я почувствовал голод. Я не ел с самого полудня. Мысль о том, что меня заберут в полицейский участок и длительное время будут допрашивать, усилила спазмы желудка. Голова тоже разболелась.

Я вырвал из записной книжки листок и написал на нем:

“Можно простить неосторожное слово, но не жизнь, полную жестокости и грубости. Этот человек приговаривается к смерти”.

Я уже собрался было написать свое полное имя, как вдруг решил, что инициалов будет вполне достаточно. Мне хотелось до ареста успеть хорошо поесть и принять аспирин.

Я сложил листок и положил его в нагрудный карман мертвого билетера.

На обратном пути, когда я шел по тропинке и поднимался на мостик, я никого не встретил. Я решил перекусить в “Вешлерсе” — насколько мне было известно, самом лучшем ресторане города. При обычных обстоятельствах цены его были недоступны мне, но я подумал, что на этот раз могу позволить себе такое удовольствие.

Хорошо закусив, я решил, что неплохо бы совершить автобусную прогулку по вечернему городу. Я обожаю этот вид экскурсий, а кроме того, я понимал, что вскоре моя свобода передвижения будет ограничена.

Водителем автобуса оказался нетерпеливый человек, с ненавистью и враждебностью относившийся к пассажирам. Тем не менее, ночь была приятная. Народу в автобусе практически не было.

На Шестьдесят восьмой улице у остановки стояла седоволосая женщина с тонкими, как бы рисованными чертами лица. Водитель неохотно подрулил к тротуару и открыл дверь.

Женщина улыбнулась и, поставив ногу на первую ступеньку, мило кивнула пассажирам. Видимо, это кроткое нежное существо всегда испытывало счастье от редких поездок на автобусе.

— Эй,— рявкнул водитель.— Долго вы будете там торчать?

Женщина вспыхнула и, запинаясь от волнения, произнесла:

— Простите.

И она робко протянула ему пятидолларовую банкноту.

Шофер свирепо посмотрел на нее:

— У вас что, нет никакой мелочи?

Она еще больше покраснела:

— Кажется, нет. Но я посмотрю.

Водитель не торопился. Он ждал. Наверное, он ехал с опережением графика.

И еще одно было очевидным. Он наслаждался происходящим.

Женщина наконец нашла двадцатипятицентовик и робко протянула ему.

— В кассу,— рявкнул он.

Автобус резко рванул с места.

Женщина едва не упала, умудрившись в последний момент ухватиться за поручень.

Ее лицо с мольбой обернулось к пассажирам. Она как бы просила прощения за то, что такая медлительная, что у нее сразу не оказалось мелочи, что она чуть было не упала. Ее улыбающиеся губы дрожали. Наконец она опустилась на сиденье.

На Восемьдесят второй улице она встала и пошла вперед.

— Выходите через заднюю дверь. Когда же вы все это наконец запомните,— подъезжая к остановке, сердито бросил через плечо водитель.

Я целиком и полностью за то, чтобы выходить через заднюю дверь, в особенности, когда автобус переполнен, но сейчас в нем не было и полудюжины пассажиров. Они молчали, равнодушно уткнувшись в газеты.

Женщина побледнела, повернулась и вышла через заднюю дверь.

Вечер, который она провела или собиралась провести, был полностью испорчен. А может быть, еще много вечеров будут испорчены при воспоминании об этом.

Я доехал на автобусе до самого кольца и оказался единственным пассажиром, когда автобус развернулся и наконец остановился.

Это был пустынный, тускло освещенный уголок. На остановке, под навесом у обочины, никого не было видно.

Водитель бросил взгляд на часы, закурил и тут вдруг заметил меня.

— Если вы едете обратно, мистер, опустите в кассу еще четверть доллара. Бесплатных поездок не совершаем.

Я поднялся со своего места и медленно двинулся к кабине водителя.

— Сколько вам лет?

Его глаза сузились.

— Это не ваше дело.

— Думаю, вам около тридцати,— произнес я.— Вы могли бы прожить еще лет тридцать, а может быть, и больше...

Я достал револьвер.

От неожиданности он выронил сигарету.

— Берите деньги,— прохрипел он.

— Меня они не интересуют. Я просто не могу забыть кроткую тихую леди. Я думаю о ней и о других кротких леди, добрых мужчинах и улыбающихся детях. Вы — преступник. Нет прощения тому, что вы делаете с ними. Нет оправдания вашему существованию.

И я убил его.

Сел и стал ждать.

Прошло десять минут. Я все еще был наедине с трупом.

Я понял, что засыпаю, что невероятно хочу спать. Может быть, будет лучше, если я сдамся полиции, хорошо выспавшись ночью?

Я написал на листке бумаги свой приговор шоферу, поставил свои инициалы и положил этот листок в его карман.

Пройдя четыре квартала, я поймал такси и отправился домой.

Я хорошо поспал и даже, кажется, видел сон. Проснулся почти в девять часов утра.

После душа и неторопливого завтрака я надел свой лучший костюм. Я вспомнил, что еще не оплатил телефонные счета за последний месяц, выписал чек, вложил его в конверт, написал адрес, но тут увидел, что у меня нет марки. Я решил, что смогу купить ее по дороге в полицейский участок.

Я уже почти дошел до него, как вдруг вспомнил про марку. Я остановился на углу, у аптечного магазинчика, в котором раньше никогда не был.

Хозяин его в белом халате стоял позади стойки с содовой, а какой-то человек просматривал записи в большой бухгалтерской книге.

Когда я вошел, то хозяин даже не взглянул на меня.

— У них имеются его отпечатки пальцев,— говорил он мужчине, продолжая игнорировать мое присутствие.— Он оставил их на записке. У них есть и образец его почерка, даже его инициалы. И имея все это, полиция не в состоянии ничего сделать! Что же это такое происходит?

Мужчина пожал плечами:

— Что толку от отпечатков пальцев, если их нет в полицейской картотеке? То же самое можно сказать и о почерке. С чем его сравнивать? А что дают инициалы Л.Т.? Вы только себе представьте, сколько в нашем городе людей с такими инициалами.— Он закрыл книгу.— Ну ладно. До следующей недели.

Мужчина ушел. Хозяин продолжал читать газету.

Я кашлянул.

Он спокойно досмотрел страницу до конца и только потом поднял голову.

— Да? Я вас слушаю.

— Извините, я хотел бы приобрести марку за четыре цента.

Казалось, я нанес ему оскорбление. Он пристально, секунд пятнадцать, не отрывая взгляда, смотрел на меня, затем нехотя поднялся и, не торопясь, величественно прошел к прилавку в дальней части магазина.

Я хотел было последовать за ним, но тут мое внимание привлекла витрина с трубками.

Через некоторое время я почувствовал на себе взгляд и посмотрел в сторону хозяина, который стоял в дальнем углу, положив одну руку на бедро, а другой презрительно протягивая мне одну-единственную марку.

— Может, вам ее еще и поднести?

И тут мне припомнился маленький мальчик шести лет, у которого было пять центов. Не один, а целых пять! Как раз в дни, когда проходила распродажа дешевых конфет.

Мальчик подошел к прилавку. Увидев пятьдесят различных видов сластей, он остановился в нерешительности. Что взять? Кремовые? Лакричные? Или же "подушечки"? Только не вишневые! Он терпеть их не мог.

Он долго взирал на это великолепие, пока наконец не понял, что рядом стоит хозяин и нетерпеливо постукивает ногой. В глазах его медленно разгоралось пламя, готовое вот-вот перерасти в яростную злость.

— Ты так и будешь торчать здесь целый день со своей несчастной мелочью!

У мальчика была очень чувствительная натура. У него было такое ощущение, как будто ему дали подзатыльник. Его драгоценные пять центов превратились в ничто. Этот человек презирал их. Этот человек презирал и его. Глаза мальчика застилали слезы. Ничего не видя, онемев от обиды, он наугад ткнул пальцем.

— Вот этих на пять центов.

Выскочив из магазина, он развернул кулек и увидел, что там лежала ненавистная ему вишневая карамель.

Как бы то ни было, есть ее он не смог.

И вот теперь, глядя в глаза хозяина магазина, я понял, что передо мною человек, который испытывает патологическую ненависть ко всем, кто не может принести ему большой прибыли. Конечно, он стал бы передо мною заискивать, если бы я вдруг решил купить одну из его трубок.

Но я думал о марке за четыре цента и кульке вишневой карамели, который я выбросил много лет назад.

Я прошел в дальний конец магазина и достал из кармана револьвер.

— Сколько вам лет?

Когда он был мертв, я не стал ждать. Я просто написал записку.

В этот раз я отомстил за себя. Я почувствовал, что необходимо выпить.

Я прошел по улице немного вперед и вошел в небольшой бар. Там я заказал бренди с водой.

Через десять минут послышалась сирена полицейской патрульной машины.

Бармен подошел к окну.

— Я буду тут рядом, на улице.— Он снял халат.— Посмотрю, что случилось. Если кто-нибудь зайдет, скажите, что я скоро буду.— Он поставил на стойку бутылку бренди.— Наливайте сами, сколько вам нужно.

Я медленно потягивал бренди. В окно я видел, как появились еще несколько патрульных машин и карета скорой помощи.

Бармен вернулся минут через десять. Прямо за ним следовал, по всей видимости, завсегдатай.

— Налей-ка немного пива, Джо,— сказал он.

— Это второй бренди,— произнес я.

Бармен подсчитал сдачу.

— Убит хозяин магазина на углу. Наверное, тем человеком, который убивает людей за грубость.

Завсегдатай смотрел, как бармен вытаскивает из холодильника пиво.

— Почему ты так решил, Джо? Может быть, это просто налет?

— Нет.— Джо покачал головой.— Фред Мастерс, у которого как раз напротив находится телевизионный магазин, нашел тело убитого и прочитал записку.

Другой посетитель положил на стойку десятицентовик.

— Никто о нем жалеть не будет. Он всегда относился к покупателям так, как будто оказывает им одолжение.

Джо кивнул:

— Согласен. Никто в округе оплакивать его не будет. Он всегда причинял немало неприятностей.

Я уже собирался идти сдаваться в полицию, как вдруг передумал, заказал еще бренди, достал записную книжку и стал составлять список имен.

Я был поражен — имен было множество. С ними были связаны горькие воспоминания — большие или маленькие события, испытанные лично мной или свидетелем которых я был.

Имена. А как звали того работника склада? Имени его я не знал, но все равно считал, что его необходимо внести в список.

Это было связано с мисс Ньюмен, в классе которой я учился. Она руководила шестым классом начальной школы и любила организовывать различные экскурсии для своих учеников. В очередной раз она собиралась повести нас на речной склад, чтобы показать, говорила она, как “работает промышленность”.

Она заранее планировала такие прогулки и всегда испрашивала разрешения в тех местах, которые мы собирались посетить, но на сей раз то ли она опоздала, то ли о ней забыли, но, когда мы — учительница и тридцать обожающих ее детей — появились на складе, нас никто не ждал.

Работник склада распорядился выставить нас вон. Он говорил языком, непонятным для нас, но цель его была ясна — оскорбить нас и нашу учительницу.

Мисс Ньюмен — хрупкая и невысокая, как девочка,— была просто шокирована. Мы быстро ретировались. На следующий день мисс Ньюмен в школу не пришла. Не появилась она и позже. Вскоре нам стало известно, что она попросила о переводе.

И я ее прекрасно понимал: ведь она не могла после этого появиться перед своими горячо любимыми детьми.

Интересно, жива ли она? Тогда ей было немногим более двадцати.

Покинув бар полчаса спустя, я понял, что еще много работы.

Следующие дни я был очень и очень занят. Среди прочих, я нашел и того работника склада. Я ему объяснил, почему он должен умереть.

Когда дело было сделано, я заметил неподалеку ресторан.

При моем появлении официантка была вынуждена прервать свой разговор с кассиршей. С недовольным видом она подошла к моему столику.

— Что хотите?

Я заказал бифштекс с помидорами, который, как и следовало ожидать, оказался жестким, как подошва.

Случайно уронив на пол ложку, я поднял ее и, обращаясь к официантке, попросил:

— Девушка, будьте любезны, принесите мне, пожалуйста, другую ложку.

Официантка сердито продефилировала к моему столику и выхватила ложку у меня из рук.

— У вас что, лихорадка или еще что-нибудь?

Несколько секунд спустя она вернулась и уже собиралась швырнуть ложку на стол, как вдруг выражение ее лица изменилось, морщинки расправились, размах руки уменьшился, и ложка аккуратно опустилась на стол, как будто совершила мягкую посадку.

— Извините,— с деланной улыбкой произнесла она,— мистер, если была резка.

Это была просьба о прощении. Я ответил просто:

— Ничего страшного, все в порядке.

— Я хочу сказать, можете ронять ложку, когда вам этого захочется. В любое время. С удовольствием принесу другую.

— Благодарю вас.

Я вернулся к своему кофе.

— Вы действительно не обиделись, да? — с чувством спросила она.

— Нет, конечно нет.

Она схватила газету с пустующего соседнего столика.

— Вот, пожалуйста, сэр. Вы можете читать, пока обедаете. То есть я хочу сказать, это — за наш счет. Бесплатно.

Когда она наконец отошла от меня, кассирша с широко раскрытыми от удивления глазами уставилась на нее.

— Что с тобой, Мейбл?

Официантка бросила на меня взгляд, в котором чувствовалось какое-то смущение.

— Никогда не знаешь, кого обслуживаешь. В наши дни лучше быть вежливой.

Во время обеда мне на глаза попалась заметка о человеке, который, развлечения ради, накаливал на сковородке одноцентовые монетки и кидал их детям. Те, подбирая их, обжигали пальцы и с воплями носились по улице. За этот садизм мужчина, фамилия которого оказалась Халлоуэн, был оштрафован всего на какие-то двадцать долларов.

Я записал его имя и адрес.

Доктор Бриллер закончил осмотр.

— Можете одеваться, мистер Тёрнер.

Я натянул рубашку.

— Может быть, с того времени, как я был у вас в последний раз, изобрели какие-нибудь чудодейственные лекарства?

Он засмеялся, показывая свое благодушие.

— Ну что вы, нет.— Он смотрел, как я застегиваю рубашку.— Кстати, вы решили, как распорядиться оставшимся временем?

Конечно, я уже решил, но, сделав недоуменный вид, ответил:

— Нет еще.

Видно было, что он не доволен.

— Уже пора, знаете ли. Осталось только три месяца. И, пожалуйста, дайте мне знать, когда наконец что-нибудь придумаете.

Когда я закончил одеваться, он опустился за свой стол и взглянул на лежащую там газету.

— Убийца, пожалуй, чертовски занят. Как вы считаете?

Он перевернул страницу:

— Но, пожалуй, самое удивительное во всех этих убийствах — реакция публики. Вы читали письма в редакцию, опубликованные на последней странице?

— Нет.

— Так вот, оказалось, что почти повсеместно эти убийства встречаются с одобрением. Авторы же некоторых писем вообще намекают, что готовы предоставить этому убийце имена, которые его могут заинтересовать.

Мне очень захотелось взглянуть на эту газету.

— И не только это,— продолжал доктор Бриллер.— Город вообще охватила эпидемия вежливости.

Я надел пальто:

— Так я зайду через две недели?

Он отложил газету в сторону:

— Да. И старайтесь смотреть на все как можно проще. Все мы когда-нибудь отправимся в мир иной.

Он был прав, но его-то день не был определен и, по всей видимости, находился в достаточно отдаленном будущем.

Встреча с доктором Бриллером произошла вечером. Когда я вышел из автобуса и направился к своему дому, было уже почти десять.

Заворачивая за угол, я вдруг услышал выстрел. Я свернул на Милдинг-лейн и увидел маленького человечка с револьвером в руке. Он стоял над телом только что убитого мужчины. Убитого на таком тихом, пустынном тротуаре.

Я посмотрел на труп:

— О боже! Полицейский!

Коротышка кивнул:

— Да. Знаете, я допустил небольшое нарушение, но этот тип разговаривал со мной таким языком, говорил такие вещи...

— Понимаю,— произнес я.

Коротышка снова кивнул:

— Я припарковал машину вот у этого пожарного крана. Уверяю вас, сделал я это совершенно случайно. Этот полицейский специально дождался, пока я вернусь к машине. Ему удалось также узнать, что я забыл дома водительские права. Я виноват, сознаю. Так и выписывал бы штраф. Н-нет, ему этого было мало. Он соответствующим образом отозвался о моем образовании, моих политических взглядах, чуть ли не обвинил меня в краже этой несчастной машины, а под конец еще намекнул о законности моего рождения.— Коротышка закрыл глаза, предавшись воспоминаниям.— А моя мать, сэр, была ангелом. Ангелом!

Слушая этого человечка, я вспомнил, как однажды, задумавшись, перешел улицу в неположенном месте. Я бы спокойно, покаянно воспринял бы предупреждение, даже штраф, но полицейский заставил меня выслушать лекцию о правилах движения, которая была прочитана перед целым сборищем ухмыляющихся рыл. Это было так унизительно!

Коротышка посмотрел на револьвер в своей руке:

— Я купил его только сегодня. Хотел рассчитаться с суперинтендантом, живущим в нашем доме. Он занимается сутенерством.

— Да что вы!

Он вздохнул:

— А теперь, наверное, мне придется сдаться полиции?

Я задумался. Он в ожидании смотрел на меня.

— Или, может быть,— добавил он, откашлявшись,— просто оставить записку. Знаете, я тут прочитал в газете...

Я одолжил ему свою записную книжку.

Он написал несколько строчек, поставил свои инициалы и положил листок бумаги на грудь мертвого полицейского, как раз между двумя пуговицами форменного мундира.

Затем он вернул мне записную книжку:

— Нужно не забыть купить точно такую же.

Он открыл дверь своей машины:

— Может, вас подбросить куда-нибудь?

— Нет, благодарю вас,— сказал я.— Сейчас такой чудесный вечер. Я, пожалуй, лучше прогуляюсь.

Приятный парень, подумал я, когда автомобиль исчез в темноте.

Жаль, что больше нет таких, как он.

ЭДВАРД ХОХ

ВСТРЕЧА

Кабинет капитана Леопольда затерялся в дальнем конце третьего этажа грязно-серого мрачного здания полицейского управления, в котором, по-видимому в силу его предназначения, редко бывали какие-либо просители. Зато детективы, работавшие под началом его помощника Флетчера и в значительной степени подражавшие ему, имели возможность там передохнуть, поболтать, а иной раз и получить взыскание. В дни, предшествовавшие выборам, здесь могли появиться и местные политики, но в основном просителями были совсем другие люди. Старый стул с потертой прямой спинкой, как правило, занимали подозреваемые в убийстве.

Гарри Толливер, насколько было известно Леопольду, не был ни политиком, ни полицейским. Он был обыкновенным коммерсантом, который делал деньги на продаже паровозов. Почти двадцать пять лет прошло после их последней встречи.

— А ты нисколько не изменился,— произнес Гарри.— Я тебя сразу же узнал.

— Правда, волосы мои поредели.— Леопольд улыбнулся и предложил собеседнику сигарету.— В школе мне вряд ли пришло бы в голову, что у меня будет такое пузо.

— Я бросил курить,— сказал Гарри Толливер, отказавшись от сигареты.— Три года назад, когда мне стукнуло сорок. Какую бы чепуху ни мололи газеты, но со временем невольно начинаешь опасаться за свое здоровье.

— При моей работе гораздо большее опасение вызывают ночные прогулки по темным улицам.

— А-а, ты намекаешь на деятельность отряда по борьбе с преступностью, да? Как же, как же, знаю.

Леопольд улыбнулся, услышав популярную, но весьма далекую от реальности характеристику своей работы.

— На самом деле все обстоит не так. Во-первых, в городе такого отряда нет, а во-вторых, мы ведаем не просто преступностью как таковой, а особенно опасными деяниями, в основном убийствами. Впрочем, давай не будем об этом. Все это весьма сложно да и неинтересно. Лучше расскажи-ка о себе. Чем занимаешься? Что привело тебя ко мне?

Интерес Леопольда нетрудно было понять, ведь Толливер никогда не был его другом, даже когда они вместе учились в средней школе.

— Что привело? Круглая дата. Двадцать пять лет.

— Чего? — озадаченно спросил Леопольд.

— Со дня окончания школы. Недавно я встретился с несколькими бывшими одноклассниками, и мы решили, что стоит организовать встречу всего класса.

— Ах, вот как.

— Ну конечно. Бесподобная идея, как ты считаешь?

Леопольд попытался вспомнить события минувших двадцати пяти лет, восстановить в памяти некогда известные лица и имена. За эти годы он много путешествовал, учился в колледже вдали от дома, служил в армии, работал полицейским на Крайнем Западе, а затем десять лет на Востоке, все время собираясь сыграть свадьбу, которая так и не состоялась, и наконец, будучи уже человеком среднего возраста, капитаном полиции вернулся в родной город, где ему всегда нравилось. Нравился свежий бриз с залива летом и даже сильные снегопады зимой. Возвращение домой делало его не таким уж одиноким. По крайней мере, в какой-то степени.

— Даже не знаю,— откровенно признался он.

— Мы решили, что неплохо бы организовать большой пикник в Венецианском парке. Как в старые добрые времена. С женами, детьми и прочим.

— Видишь ли, я не женат. Так что мне не с кем прийти.

— Жаль, конечно, но все равно приходи. Ведь так интересно встретиться со старыми друзьями. Потом моих, наверное, тоже не будет. Детям сейчас слишком много задают в школе.

— И когда вы собираетесь все это организовать?

— В первую же пятницу июня, как это было в наш выпускной год.

— Ну что ж, Гарри, я подумаю.

— Черт побери, я хочу, чтобы ты не просто подумал, а помог нам найти бывших одноклассников.

— Все это хорошо, но у меня сейчас очень мало времени.

— Понимаю, понимаю, но... Кстати, я тут кое-что принес.

Гарри наклонился и достал из портфеля толстый альбом со школьными фотографиями.

— Помнишь?

— Да, конечно.

Гарри Толливер с любовью погладил твердую обложку из искусственной кожи с золотым тиснением, несколько потускневшим от времени.

— Д-да... вот это были денечки! Ты только посмотри... Возьми на себя несколько человек и попробуй разыскать их. Черт побери, если другие могут найти, то ты просто обязан! Ты же детектив!

— Н-да... все это так... но...

— Кончай! Берись за дело!

Леопольд посмотрел в его уже немолодые глаза и понял, что отказываться просто бессмысленно.

— Ну, хорошо. Может быть, мне действительно удастся кого-нибудь разыскать.

— Вот и договорились. Почему бы тебе не взять тех, чьи фамилии начинаются с буквы Ф и Г[1]? Всего тринадцать человек.

— Хорошо. Ты не мог бы оставить мне альбом? Я не знаю, куда подевал свой.

Толливер неохотно протянул ему альбом:

— Только береги его, ладно? Мне бы не хотелось, чтобы с ним что-нибудь случилось.

Леопольд кивнул:

— Я перепишу все нужные имена и потом верну его тебе.

— Прекрасно. А ты успеешь найти их? Не забывай, у нас только пять недель.

— Я это помню, Гарри. Не беспокойся.

Толливер встал и пожал ему руку.

— Очень рад был с тобой вновь увидеться после стольких лет, Леопольд.

— Я буду держать тебя в курсе.

Невысокий человек кивнул:

— Слушай, а они не собираются переместить вас в какое-нибудь другое здание? Это же уже почти разваливается.

---

[1] "F" и "G" — шестая и седьмая буквы английского алфавита.

— С этим вопросом, Гарри, обращайся к городскому совету. Они, наверное, думают, что у нас и так слишком шикарные условия для работы.

После ухода Толливера Леопольд, сидя за столом, какое-то время просматривал школьный альбом. Он вглядывался в некогда знакомые лица, читал приветственные надписи, адресованные Гарри Толливеру. Таким был выпускной класс средней школы имени Джорджа Вашингтона в прекрасный день, как раз накануне войны.

Он стал вспоминать свои школьные годы. Эти воспоминания привели его в уныние.

В течение последующих двух дней Леопольд быстро навел справки об одиннадцати лицах из своего списка. У восьми из них были телефоны, и их номера он занес в свою записную книжку. Адрес девятого, у которого отсутствовал телефон, был в городском справочнике. С помощью Толливера он вышел на координаты двух своих одноклассниц. Одной из них он позвонил в Нью-Йорк и передал приглашение. Каждый телефонный звонок вызывал огромные переживания. Леопольд чувствовал себя стариком, хотя никогда не закрывал глаза на действительность.

Человека, у которого не было телефона, звали Джим Гровс. Проживал он на западной окраине города. Однажды на закате дня по дороге домой Леопольд заехал к нему, как раз в тот момент, когда Джим, работавший на ближайшей фабрике, уходил в ночную смену. В свое время Джим Гровс был звездой, полузащитником футбольной команды школы имени Джорджа Вашингтона. Даже Леопольд хорошо это помнил. За прошедшие двадцать пять лет Джим не очень-то изменился.

— Леопольд! Боже, сколько лет, сколько зим!

Они пожали друг другу руки, и Леопольд рассказал о предстоящей встрече одноклассников.

— Она состоится в первую пятницу июня в Венецианском парке. Если ты женат, приходи вместе с женой и детьми.

Джим Гровс внезапно помрачнел:

— Они у ее родителей в Бостоне. Мы уже давно не живем вместе.

— Жаль. Я не знал. Извини.

— После многих лет супружеской жизни она вдруг решила, что вышла замуж за неудачника.

— Но все равно приходи. Придешь? — настаивал Леопольд. По каким-то еле заметным признакам он почувствовал, что Джим опасается этой встречи.

— Конечно. Все-таки интересно со всеми вновь увидеться. С ребятами из команды, да и с остальными. Ты всех предупредишь, да?

Леопольд взглянул в список:

— С большинством поддерживает связь Гарри Толливер. Я же разыскал всех из своего списка, кроме двоих. Может быть, тебе что-нибудь о них известно? Это бы в значительной степени ускорило дело.

— Кое-кого я видел. А кто тебе нужен?

— Ширли Фазен.

— Ах, вот как. Она вышла замуж за Квейна, нашего старосту. Помнишь его? Чак Квейн. Он, насколько мне известно, закончил колледж и работает инженером. Живут они в своем доме в пригороде.

Леопольд сделал пометки в записной книжке.

— Прекрасно. Еще мне необходимо найти Джорджа Фишера.

Гровс некоторое время молчал, встревоженно уставившись на Леопольда.

— Ты что, разве не помнишь? Не помнишь, что с ним случилось? Он же утонул на выпускном вечере, как раз в Венецианском парке.

— А ведь действительно,— протянул Леопольд, удивляясь, как он вообще мог забыть ту страшную ночь.— Ты же знаешь, мы не были близкими друзьями. Я как-то совершенно забыл о том, что произошло. А тут еще его фотография в альбоме.

— Да-да, конечно,— согласился Гровс.— У многих альбомы уже утеряны. А помнишь, как мы на вечере их подписывали? Бедный Джордж! Знаешь, мне всегда казалось, что в его смерти что-то не так. У меня всегда было такое ощущение, что его кто-то специально вытолкнул из лодки.

— Сейчас трудно об этом судить. Это было так давно,— осторожно заметил Леопольд.

— Н-да. Ну ладно, мне пора на работу. Держи меня в курсе. Я обязательно приду.

— Вот и хорошо,— ответил Леопольд.

— Бедный Джордж,— еще раз задумчиво произнес Гровс.— А чем ты занимаешься, Леопольд? Ты всегда был башковит.

— Я служу городу, Джим,— ответил Леопольд, спускаясь по лестнице.— Я детектив.

Огромный дом Чака и Ширли Квейн раскинулся на вершине небольшого холма, возвышаясь над невысокими пригородными постройками. Леопольд оценил его не менее чем в пятьдесят тысяч. “Нужно было получше одеться”,— подумал он, вылезая из машины.

Квейны с радостью встретили его, сделав вид, что он “совсем не изменился”. Он тоже хорошо их помнил. Ширли Фазен была самой красивой девчонкой в выпускном классе. Глядя на нее, стоящую в дверях, Леопольд вспомнил, что отличительной ее чертой была жизнерадостность. Она оживляла футбольные матчи бурными овациями. Мальчишки устремлялись даже на тоскливые занятия по плаванию, лишь бы взглянуть на Ширли Фазен в купальном костюме.

Леопольд был несколько удивлен, узнав, что она вышла замуж за Чака Квейна, которого в выпускном классе избрали старостой, как бы уже тогда поставив на нем печать крупного политика. И ему, видимо, удалось добиться немалого, но Леопольд чувствовал, что не сможет удовлетворить своего любопытства, не переходя рамок приличия.

— Ну, входи,входи,— настаивал Квейн.— Ты, конечно, помнишь Ширли. Ха-ха! — Видимо, он так шутил.— Выпьем? Что будешь? Скотч, ром, водка. Что скажешь? Мы здесь неплохо устроились.— Лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь окно, осветили его седые волосы, придавая им розоватый оттенок.

Леопольд прошел за ним в гостиную, забитую вещами,— своеобразное свидетельство преуспевания.

— А у вас тут мило,— не упустил он случая сказать.

— Да, нам тут тоже нравится.— Квейн зажег сигару, но Леопольду не предложил.— Как насчет выпить? Или ты на службе?

— Я вижу, вы неплохо осведомлены обо мне.

— Иного и быть не может. Каждый раз, когда происходит убийство, в газетах появляется имя капитана Леопольда. Правда, Ширли?

Ширли согласно кивнула и устроилась на подлокотнике кресла, в котором сидел Леопольд. На ней было облегающее оранжевое трикотажное платье, которое придавало ее фигуре еще большую свежесть.

— Вряд ли капитан здесь по делу,— промурлыкала она.— Правда, капитан? Готова поспорить, что он здесь из-за предстоящего большого сборища, о котором тебе рассказывал Гарри Толливер.

— Ну, вот видите,— улыбнулся Леопольд.— Значит, я зря приехал.

— Почему же зря? Н-нет. Выпей чего-нибудь.

— Ну,хорошо,— со вздохом произнес он.— Виски с содовой.

Из маленького бара в углу гостиной Чак Квейн достал бутылку виски.

— Хорошая жизнь имеет и свои неудобства,— заметил он.— Когда дети подрастают и вас поблизости нет, они всегда стремятся тайком приложиться к спиртному. Впрочем, я сам выкидывал подобные штучки.

— Ты, кажется, работаешь инженером? — спросил Леопольд.

— В наше время это довольно прибыльное дело...

— Послушай,— перебила мужа Ширли,— давай не будем говорить о деньгах. Ведь мы не видели Леопольда двадцать пять лет. Лично я хочу поговорить с ним о предстоящем пикнике.

— Думаю,— ответил Леопольд,— мне о нем известно не больше того, что вы слышали от Толливера. Это он меня втянул в эту авантюру. Предполагается провести встречу там же, где у нас был выпускной вечер,— в Венецианском парке.

— Д-да...— проворчал Чак.— Я помню это...

— Странно, а я совсем позабыл о том, что в тот вечер утонул Джордж. Сегодня днем я встретился с Джимом Гровсом, и он напомнил мне об этом.

— Такие вещи неприятно вспоминать,— сказала Ширли.

— А помните, мы ведь все втроем были там, когда это произошло,— произнес Леопольд.— Сейчас это предстает передо мной, как будто это было только вчера. Ты помнишь, как он падал, Чак? Да?

Квейн кивнул:

— Я оказался на месте происшествия чуть ли не через минуту. Возвращался на каноэ назад к станции. Видимо, он делал то же самое и плыл несколько впереди меня. Как только он завернул за поворот, я услышал резкий крик и всплеск. Он свалился с этой проклятой лодки и барахтался в воде. Боже, это было так ужасно!

— Так зачем вспоминать об этом? — раздраженно заметила Ширли.— Это всех потрясло. И меня тоже. Я ведь была помолвлена с Джорджем.

— Ты, кажется, помогала его вытаскивать, да? — спросил Леопольд.

Она кивнула:

— Как раз перед этим случаем несколько человек купались. Я была еще в купальнике. Мы услышали, как Чак позвал на помощь, и бросились к реке. Уже сильно стемнело. Чак крикнул, что лодка Джорджа перевернулась и накрыла его. Мы всей толпой кинулись в реку и стали нырять, пока в конце концов не вытащили тело Джорджа. Но было уже слишком поздно.

Пока она рассказывала, в памяти Леопольда все ярче и ярче всплывали различные детали. Сам он никогда не был хорошим пловцом, а чернота воды в тот вечер была просто пугающей. Но он вспомнил, как вбежал на пешеходный мостик, прямо над местом трагедии, вспомнил, как внизу, когда Ширли и кто-то еще вытаскивали Джорджа на травянистый берег протоки, играли отблески света от фонариков на воде. Именно за эти протоки и пешеходные мостики парк получил название Венецианского. Это было прекрасное место для отдыха и катания на каноэ — своеобразный кусочек Венеции в штате Нью-Йорк. Глубина проток была не более шести-семи футов. Совсем ничего, но в тот вечер она оказалась роковой для Джорджа Фишера. Целый час его пытались привести в чувство, пока не поняли, что все напрасно. Он был мертв. Эта внезапная трагедия прервала выпускной вечер.

— Кто тебе помогал его вытаскивать? — спросил Леопольд.

— Кажется, Джим Гровс.

Леопольд кивнул:

— Видимо, это так. Правда, при нашей сегодняшней встрече он не говорил об этом.

— А о чем он говорил? — поинтересовался Чак Квейн.

— Да ни о чем особенно. Правда, он сказал, что ему всегда казалось, будто в смерти Джорджа что-то не так.

— Ты что,— рассмеялась Ширли Квейн,— собираешься завести дело об убийстве? После стольких лет? Да, капитан?

— Вряд ли,— с уклончивой улыбкой ответил Леопольд.

Чак уставился на кончик своей сигары.

— Ведь сейчас уже поздно это делать, правда? — спросил он.— Спустя четверть века?

— По делам об убийствах срока давности нет, если ты это имеешь в виду.

— Слушайте, давайте найдем более веселую тему для разговора,— вмешалась Ширли.— Как насчет того, чтобы еще выпить, капитан?

— Нет-нет, хватит. Мне действительно уже пора идти. Я совсем не собирался вести разговоры на профессиональные темы. Просто хотел сообщить вам о встрече.

— Тебе не кажется, что при сложившихся обстоятельствах Венецианский парк не совсем удобное место для ее проведения? — заметил Чак.

Леопольд поднялся с места:

— Я поговорю об этом с Гарри Толливером. Он ведь тоже мог забыть о Фишере.

— Кажется, все забыли о нем.

Леопольд кивнул:

— Все, кроме Джима Гровса. Он все еще помнит.

Тем же вечером, чуть позже, Леопольд позвонил Гарри Толливеру домой. Тот был жизнерадостным и, похоже, выпившим.

— Привет, дружище! Как дела? Ты всех нашел?

— Всех, кроме Джорджа Фишера. Он мертв.

— Джордж... Ах да, конечно. Я совсем не подумал, что его имя в твоем списке.

— Гарри!

— Да?

— А тебе не кажется, что нам следовало бы провести встречу где-нибудь в другом месте? Венецианский парк может навеять неприятные воспоминания.

— Почему? Что ты имеешь в виду?

— Фишера.

— Все давно забыли об этом.

— Некоторые не забыли. Более того, кое-кто думает, что его смерть была совсем не несчастным случаем.

— Что? О боже, Леопольд, перестань! Выбрось ты все это из головы! Я просил тебя обзвонить одноклассников и сообщить им о встрече, вот и все!

— Извини,— Леопольд повесил трубку и зажег сигарету. Он очень долго сидел, уставившись на узорчатое стекло в двери своего кабинета. “Так что же это все-таки было? Может, не стоило разыгрывать перед одноклассниками детектива? Ты ведь уже не маленький! Тебе сорок три года! Пора обо всем этом забыть!”

Но на следующий день он вновь пошел к Джиму Гровсу.

— Привет! — Гровс мигал сонными глазами, открывая дверь.— Мы не виделись с тобой целых двадцать пять лет, а тут вдруг — на тебе — два дня подряд!

— Извини, что я вновь беспокою тебя,— сказал Леопольд.

— Давай заходи. У меня в холодильнике есть пара бутылок пива.

— Нет, спасибо. Вот что я хотел спросить, Джим. Вчера ты что-то говорил о смерти Джорджа Фишера. Ты сказал, что его, возможно, кто-то вытолкнул из лодки. Почему ты так решил?

— Ты что, задумал взяться за это дело через четверть века? Разгадать его?

— Если, конечно, есть что разгадывать. Ведь все произошло так давно.

— Разгадывать-то есть что, это уж точно. Фишер никогда не был хорошим пловцом, но проклятая протока была всего лишь в десять футов шириной!

— А глубиной?

— Футов шесть. Ведь он мог просто выйти из нее!

— Но не вышел.

— Вот именно, черт побери! Потому что кто-то вытолкнул его из этого каноэ.

— Кто-то из купавшихся?

— Или человек, который был в другом каноэ,— заметил Гровс.

Леопольд зажег сигарету:

— У тебя хорошая память. Что ты еще помнишь? Кто еще катался на каноэ в тот вечер?

— Квейн. Чак следовал прямо за Фишером, когда это произошло.

— Они были друзьями?

— Вряд ли.— Джим на секунду исчез на кухне и вернулся с запотевшей бутылкой пива.— Они оба пылали страстью к Ширли Фазен, к этой поклоннице футбольных матчей. Сложена она была что надо.

— Если не ошибаюсь, все были неравнодушны к ней. Разве не так?

— Да, возможно. Даже я какое-то время.

— В тот день Джордж был с Ширли?

— Недолго, насколько я помню. У него тогда была и другая подружка. Мардж Алгуард. Может, помнишь?

— Очень смутно. Невысокая девчонка с темными волосами?

— Да, это она.

— И чем она занимается сейчас?

— Недавно я видел ее в городе. Она работает в одном универсаме. Похоже, она не замужем. Наверное, никогда и не была.

— Огромное спасибо, Джим. У тебя великолепная память.

— Послушай, а помнишь тот матч с техколледжем?

— Помню, Джим, конечно, помню. Но об этом поговорим как-нибудь в другой раз. Ты не опоздаешь на работу?

— Что? Ах да, уже темнеет.— Он допил пиво.— Скоро увидимся. В июне, если не раньше.

— Конечно.

Уходя, Леопольд с сожалением подумал о том, какой груз нес на себе Джим Гровс, не забывающий о некогда прекрасных днях своей молодости.

Имени Мардж Алгуард не было в списке Леопольда, но он все-таки решил с ней встретиться. Он разыскал ее в самом большом универсаме города, в кондитерском отделе. Она стояла за прилавком и насыпала разноцветные леденцы в маленькие пластиковые пакетики. Прошло уже несколько недель после Пасхи, и Леопольд решил, что это остатки непроданного товара. “Интересно,— подумал он,— а есть ли у них шоколадные зайцы?”

— Извините. Мисс Алгуард?

— Да? — Улыбка ее была по-прежнему милой, хотя выглядела она на сорок с лишним.

— Знаете, столько лет прошло, что вы меня, возможно, не помните. Меня зовут Леопольд. Мы с вами вместе учились в средней школе.

Чувствовалось, что она в нерешительности.

— Конечно, я вас помню,— наконец произнесла она с просветлевшим лицом.— Как ваши дела?

— Прекрасно. Я хотел бы поговорить с вами, если это возможно. Во время вашего перерыва. Скажем, на обед. А может быть, вы позволите себе чашку кофе?

— Я заведующая этим отделом,— ответила она с улыбкой и махнула рукой одной из девушек.— Буду рада выпить с вами кофе. Я так редко вижу старых знакомых.

Сидя за кофе в ярком, но безвкусном ресторане магазина, они вспоминали старые времена, общих знакомых. Наконец, после изрядного количества случайных вопросов, Леопольд спросил:

— Вы помните Джорджа Фишера? Того парня, который утонул в выпускной вечер?

— О да, Джордж Фишер.— Ее глаза, казалось, внезапно затуманились.

— Я часто вспоминаю тот день, пытаясь понять, что же произошло на самом деле. Вы ведь были с Джорджем, да?

— Но не в тот момент, когда он утонул.

— Нет-нет, я имел в виду раньше.

— Да, это так. Трудно все вспомнить. В следующем месяце исполняется ровно двадцать пять лет с того дня. Знаете, Гарри Толливер недавно приглашал меня на встречу класса.

— Знаю.

— Так вот, в тот день я почти все время была с Джорджем. Я помню, как он взял напрокат каноэ, как мы катались по всему парку, по многочисленным речкам и протокам, под мостиками, в тени ветвистых деревьев.

— А что было потом?

— О, точно не помню. Некоторое время мы отдыхали на берегу. Помню, какая восхитительная была трава. Такая мягкая. Затем стемнело, и он сказал, что каноэ нужно вернуть на станцию. Больше я его живым не видела. Чуть позже раздался крик, я подбежала к протоке и увидела, как его пытаются откачать. Это было просто ужасно.

Леопольд решил уже было оставить ее в покое, но его волновал еще один вопрос.

— Когда... когда вы были на берегу, вы целовались?

— Что?! — Ее затуманенные глаза вдруг зажглись яростным огнем.— Почему вы задаете мне все эти вопросы?

— Просто хочу разобраться в смерти Фишера.

— Вы что, полицейский? Или что-нибудь в этом роде?

— Это не официальное расследование,— быстро произнес капитан, но понял, что, увлекшись вопросами, совершил ошибку. Мардж Алгуард замкнулась, молча допила кофе и, едва попрощавшись, заторопилась к себе в отдел.

Леопольд вздохнул и заказал себе еще чашку. Нужно обо всем забыть. Ничего хорошего из его попыток не получится. Своими разговорами он бередил душу, вызывал тяжелые воспоминания, которые лучше предать окончательному забвению. Он детектив, и мог видеть зло там, где его и в помине не было. Видимо, это один из таких случаев.

Тем же вечером Леопольду позвонил встревоженный Гарри Толливер.

— Леопольд, черт побери, что ты делаешь?

— Ты о чем?

— Ты прекрасно знаешь. Я говорю о Джордже Фишере. Ты уже всем испортил настроение.

— Вот как? Кому именно?

— Например, Мардж Алгуард. Узнав, что ты из полиции, она до смерти перепугалась. О чем ты ее хотя бы спрашивал?

— Да, собственно, ни о чем.

— Ее имени не было в твоем списке. Какого же черта ты пытаешься все испортить? Что ты хочешь узнать?

— Только правду.

— Через двадцать пять лет не осталось никакой правды, остались одни только воспоминания. Перестань беспокоить людей. Перестань беспокоить *меня.*

— Тебя?

— Я хочу, чтобы мне эта встреча удалась. Неужели ты думаешь, что люди придут, если узнают, что ты проводишь расследование убийства?

— Об убийстве до сих пор даже никто и не заикался...

— Слушай, забудь все, что я просил сделать в связи с этой встречей. Забудь все, ладно?

— Я не могу согласиться с тобой. Воспоминания все равно останутся.

Толливер в ярости бросил трубку. Леопольд чувствовал себя виноватым как перед ним, так и перед другими. Но события вышли из-под его контроля. Он чувствовал, что колеса закрутились. Остается только ждать, пока они сами не остановятся.

Ночью Леопольду спалось плохо. При первых же лучах солнца он проснулся в холодном поту. Ему снилось, что он вновь находится в Венецианском парке, стоит на каменном мостике над протокой, вцепившись во влажный парапет, и наблюдает за происходящим внизу. Ширли Квейн, тогда еще Ширли Фазен, в узком купальнике, выгодно подчеркивавшем ее фигуру, пытается вытащить из воды безвольное, обмякшее тело. Ей помогает Джим Гровс. Его одежда промокла насквозь, а ботинки, видимо, остались где-то в воде.

Внезапно Леопольд вздрогнул. А ведь Джим Гровс, несмотря на всю свою замечательную память, в разговоре с ним даже не заикнулся о том, что помогал вытаскивать из воды тело Фишера. Почему? Может, он молчал потому, что его об этом не спрашивали?

Леопольд вскочил с кровати и быстро оделся. Он спешил к себе в управление. Ему хотелось убежать от своих мыслей, от своих воспоминаний. Придя на работу и усевшись за стол, он сразу же вызвал к себе Флетчера и попросил его представить сводку о происшедшем за ночь.

— Она пока не готова,— ответил Флетчер.— А что за спешка? Что-нибудь случилось?

Леопольд потер глаза рукой:

— Даже не знаю. Слушайте, не молчите. Есть что-нибудь новенькое о вчерашнем ограблении ювелирного магазина?

— О, с этим нам просто повезло,— ответил Флетчер, улыбаясь во весь рот.— Птенчик, которого мы взяли, в конце концов раскололся и во всем признался.

— Ну и что же он сделал с бриллиантовыми кольцами?

— Мы бы до этого никогда не додумались! Оказывается, в том же здании, в одной из контор, работает его подружка, которая в день совершения преступления ровно в три часа пошла пить кофе. Во время ее отсутствия он ограбил магазин, и, когда она возвращалась обратно, держа в руке стаканчик кофе, он, пробегая мимо нее, бросил кольца в этот стаканчик и был таков. Все это было проделано просто безукоризненно.

— Не совсем,— возразил Леопольд.

— Что не совсем?

— Не совсем безукоризненно,— повторил капитан.— Вы же все-таки схватили его.

— Да, это так, но если б он не заговорил, мы бы никогда сами не додумались, как он совершил преступление.

Капитан Леопольд нахмурился. Казалось, он всем недоволен.

— Знаете, Флетчер, у криминалистов безукоризненные преступления иногда становятся навязчивой идеей. Похоже, со мной произошло то же самое.

— Что вы хотите этим сказать, капитан?

— Четверть века назад во время выпускного вечера утонул восемнадцатилетний школьник. Все произошло у меня на глазах. Теперь, вспомнив, я думаю, а не был ли тот парень убит?

— Послушайте, капитан, забудьте об этом. Стоит ли тратить время на события такой давности, когда каждый день совершается масса новых преступлений?

Леопольд вздохнул и, повернувшись на стуле, посмотрел в окно. Были первые дни мая — его любимое время года, когда оживающая вновь земля стремится как можно быстрее одеться в зеленый наряд. Но, похоже, сегодня погода действовала на него угнетающе.

— Флетчер, я с уважением отношусь к вашему мнению, но последовать вашему совету не могу. Сходите в архив и постарайтесь откопать все, что имеется по этому делу. Хорошо?

— Когда это произошло?

— В следующем месяце исполняется ровно двадцать пять лет. В архиве наверняка найдутся какие-нибудь материалы. Мальчишку звали Джордж Фишер.

Он был выпускником средней школы имени Джорджа Вашингтона.

— Скорее всего эти материалы свалены в подвале.

— Постарайтесь все-таки их найти,— сказал Леопольд.— Может быть, что-нибудь и подвернется.

Флетчер отсутствовал добрых полчаса. Когда он вернулся, брови его были запорошены пылью. Он рухнул на стул с прямой спинкой, стоявший перед столом Леопольда, и сдул большое облако пыли с тонкой папки стандартного размера.— Надеюсь, теперь вы довольны, капитан.

Леопольд едва улыбнулся:

— Вряд ли я сегодня могу быть чем-нибудь довольным. Ладно, что же у нас есть?

— Кто его знает? Надеюсь, бумага не рассыпалась в прах. Сколько было разговоров о том, что необходимо микрофильмировать все старые материалы.

— Ну, это сделают лишь тогда, когда нам выделят новое здание. Никак не раньше,— заметил Леопольд. Увидев старые отчеты, он внезапно почувствовал волнение, как будто вернулось его прошлое. “Наверное,— подумал он,— на этих страницах и мое имя”.

— Ну и много вы раскопали, Флетчер?

— Да нет. Вот заключение о вскрытии, показания некоторых школьников, выводы следователя.

— Следователя? — Леопольд выпрямился на стуле.— А при чем тут следователь?

— Не знаю. Видимо, вначале что-то показалось подозрительным.

— Н-да. Каково заключение патологоанатома?

— Смерть в результате асфиксии. Ничего необычного.

— На теле были какие-нибудь следы?

— Никаких. Несколько волос было вырвано, видимо, когда вытаскивали утопленника из воды.

Леопольд уставился в пространство:

— Там есть показания Чака Квейна?

Флетчер полистал бумаги:

— Да, есть... Он был в каноэ, футах в ста позади лодки Фишера. Было очень темно. Луна почти все время была скрыта облаками. Квейн заявил, что еще раньше видел в его лодке девочку по имени Мардж Алгуард.

Леопольд кивнул:

— Как Фишер оказался в воде?

— Квейн утверждал, что не видел, как это произошло. Когда лодка Фишера скрылась за поворотом, раздался его крик и послышался всплеск. Добравшись до места происшествия, Квейн увидел, как Фишер барахтается в воде. Квейн не умел плавать и в растерянности не знал, что делать. Он позвал на помощь, прибежало несколько человек. К этому времени Фишер, по всей видимости, порядочно наглотался и скрылся под водой. Несколько минут спустя Ширли Фазен и Джим Гровс нашли его и вытащили на берег, стали делать ему искусственное дыхание, но было уже слишком поздно.

— Так, а что говорится в показаниях других свидетелей?

— Сейчас посмотрим... Ширли Фазен утверждала, что, будучи единственной из всех в купальнике, она быстро добежала до протоки и бросилась в воду, но никак не могла найти Фишера. Почти мгновенно к ней присоединился Гровс, который нырнул прямо в одежде и помог вытащить Фишера.

— А что говорил Гровс?

— Почти то же самое. Он заявил, что ранее, в тот же вечер, купался вместе с Ширли Фазен в соседнем пруду, примерно в ста ярдах от протоки. Затем он вылез из воды, обсох и оделся, а Ширли продолжала плавать. Потом он услышал, как Квейн зовет на помощь, и побежал к протоке. Ширли была уже там. С ее помощью он нашел тело Фишера и вытащил его на берег.

— Где-нибудь упоминается имя Мардж Алгуард?

— Да. В показаниях Квейна.

— Э... Может быть, еще где-нибудь?

— Есть еще очень короткое ее личное заявление. Она показала, что чуть раньше каталась вместе с Фишером.

— Хорошо. А как насчет Гарри Толливера?

Флетчер просмотрел оставшиеся бумаги:

— Больше ничего нет. Только заключение следователя.

— Наверное, там немало интересного?

— Как сказать. Он лишь установил, что Фишер стоял в каноэ, потерял равновесие и упал в воду. Вот и все.

— А почему он стоял?

Флетчер пожал плечами.

— Понятия не имею.— Он вытащил из пачки сигарету и закурил.

— Я никак не могу понять, капитан, почему вы так уверены, что это убийство?

— Я не уверен, но у меня могут возникать сомнения. Разве не так?

— Но прошло столько времени!

— Убийство, когда бы оно ни произошло, всегда остается убийством!

Флетчер ничего не сказал. Нахмурившись, он молча смотрел на голубоватые клубы дыма, уносящиеся в грязное окно.

Леопольд нахмурился. Сейчас он думал совершенно об ином.

Накануне вечером он еще раз побывал в универсаме, в котором работала Мардж Алгуард. Дождавшись, пока она закончит обслуживать троих ребятишек, он сделал шаг вперед и оказался прямо у нее перед глазами.

— Опять вы,— процедила она сквозь плотно сжатые губы.— Сегодня я не хочу кофе. Благодарю.

— У меня к вам один-единственный вопрос.

— Разве вы мало задавали мне вопросов?

— Может быть, и немало, но кое-что спросить еще нужно. В тот трагический день в парке вы не ссорились с Фишером?

— Послушай,— прошипела она, вплотную приблизившись к нему,— убирайся отсюда! Убирайся вместе со своими грязными вопросами! Удовольствия тебе я не доставлю! Видимо, ты так и не научился обращаться с женщинами.

— Мардж...

— Нет, в тот день я с Джорджем не ссорилась. Это был самый счастливый день в моей жизни. Как бы ты ни старался, тебе не облить его грязью. Я уже немолода и, может быть, не все помню, но Джорджа Фишера я никогда не забуду.

— Извини,— произнес Леопольд.— Я больше не буду тревожить тебя.

Капитан удалился, думая о том, сколько беспокойства и неприятностей приносят людям его вопросы. Возможно, после стольких лет они уже не имеют никакого значения.

Была ясная ночь. Светила яркая луна. Когда Леопольд входил в свой дом, в него едва не угодил кирпич, упавший с крыши. Возможно, его сдуло ветром, но ветра не было. Выхватив пистолет, Леопольд поспешил на крышу, но там никого не оказалось. Далеко внизу, за пределами достигаемости выстрела, он увидел бегущего по дорожке мужчину, который вскоре скрылся за углом. Остаток ночи Леопольд проспал с пистолетом под подушкой, чего с ним никогда раньше не случалось.

На рассвете Флетчер и Леопольд в машине без номера[1] подъехали к Венецианскому парку, едва не столкнувшись с группой подростков на велосипедах.

— Уберите их всех прочь,— недовольным голосом приказал Флетчер постовому полицейскому.— Нашли место гулять.

Леопольд задумчиво, покуривая старую трубку, которую утром откопал в комоде, наблюдал за велосипедистами, пока они не исчезли из виду.

— Зря вы так,— заметил он.— Парки для этого и существуют.

— Может быть, но не этот. Здесь либо любовью занимаются, либо пришивают кого-нибудь.

Детективы проехали через каменный мостик над одним из каналов, и Леопольд попросил Флетчера остановиться.

— Это произошло где-то здесь, я уверен. Пруд еще существует.

— Если мне не изменяет память, вы говорили о пешеходном мостике.

— Все верно. Тогда был пешеходный, но времена меняются.

Он открыл дверцу и вылез из машины.

— Флетчер, давайте-ка немножко пройдемся. Сегодня такой чудесный день!

Детектив нехотя вылез из машины и зашагал рядом с Леопольдом.

— Капитан, вы действительно думаете, что вчера кто-то из них пытался убить вас?

— Трудно сказать. За всю свою жизнь я приобрел немало врагов. Но тут нужно учитывать, что последнюю неделю я занимался только этим делом.

---

[1] В США полицейские машины не имеют номерных знаков.

Это обстоятельство тоже его очень беспокоило. Стоит ли столько времени тратить на смерть Джорджа. Ведь только за минувшую неделю произошло два убийства. Не был ли он, в конце концов, просто жертвой времени и обстоятельств?

Флетчер закурил сигарету:

— Сегодня мои ребята осмотрели крышу, но ничего не нашли, даже старого окурка.

Когда полицейские пересекли посыпанную гравием дорожку, которая шла от пруда к горбатому каменному мостику через протоку, Леопольд почувствовал неожиданное волнение.

— Это было здесь, Флетчер. Я в этом уверен.

Давние события предстали перед ним, как будто произошли только накануне. Это действительно был тот самый мостик, с которого он когда-то следил за происходившей трагедией. За четверть века покрытие его от ног пешеходов и колес велосипедов значительно износилось.

Леопольд остановился в центре мостика, а Флетчер, вытащив из кармана двенадцатифутовую рулетку, один конец ее протянул капитану и по заросшему травой берегу устремился вниз, к краю воды.

— Так, все ясно. От воды до перил девять футов.

— А сколько до арки? Можете посмотреть?

Флетчер вытянулся над водой, ухватившись одной рукой за выступающий камень мостика.

— Думаю, чуть меньше шести футов. Да, пять футов десять дюймов.

Леопольд кивнул:

— Выходит, если он стоял в лодке, он мог запросто удариться головой и опрокинуться назад.

— А кто стоял в лодке?

— Утопленник. Кстати, вы разыскали следователя, который сделал столь оригинальное заключение?

Флетчер кивнул:

— Семь лет назад он вышел в отставку и уехал во Флориду. Пару лет назад умер.

— Наверное, он ничего бы не вспомнил,— решил Леопольд.— Для него он просто утопленник. Флетчер, посмотрите, какая здесь глубина.

Детектив полностью размотал всю рулетку. Вытянувшись в струну, с большим трудом он смог коснуться ею дна.

— Что-то около шести футов,— произнес он наконец, производя быстрые расчеты.— Что ж, достаточно глубоко. Можно и утонуть.

— Фишер был очень высоким. Примерно такого же роста. Возникает вопрос: почему он просто не вышел на берег? Достаточно было сделать всего несколько шагов.

— В темноте он запаниковал. Такое бывает, вы же знаете. А может быть, тогда было значительно глубже?

Леопольд покачал головой:

— Нет, вряд ли. Весной вода в протоках действительно поднимается, но к лету уровень падает. В июне мельче, чем сейчас.

— А может быть, как вы сказали, он просто ударился головой и упал, потеряв сознание?

— Вскрытие не обнаружило никаких следов на его голове. Потом, Чак Квейн утверждал, что он барахтался в воде. Следовательно, сознание он не терял.

— Хорошо. Что же тогда произошло?

Леопольд провел рукой по каменным перилам моста, пытаясь вспомнить события далекого прошлого.

— Флетчер, послушайте, у вас в машине есть что-нибудь большое?

— А?

— Ну, что-нибудь большое и тяжелое? Слушайте, тащите сюда запасное колесо. Быстро!

Недоумевающий Флетчер мгновенно вернулся, катя колесо перед собой.

— Капитан, вы точно уверены, что это именно то, что вам нужно?

— Да, да. Думаю, подойдет,— с улыбкой произнес Леопольд, поднимая колесо на каменные перила.— Или, может быть, вы сами хотите нырнуть туда?

— Нет уж, благодарю вас, капитан. Скажите лучше, что вы собираетесь делать?

— Хочу кое-что выяснить, Флетчер,— ответил Леопольд, бросив колесо вниз и наблюдая за тем, как расходятся круги по воде.— Попробуйте выудить его оттуда, и мы еще раз попробуем.

Флетчер сломал толстую ветку дерева и с ее помощью притянул колесо к берегу.

— Надеюсь, вы знаете, что делаете.

Леопольд выбил трубку о камень, пока Флетчер возился внизу.

— Интересно посмотреть на их лица после стольких лет,— задумчиво произнес капитан.— Забавно, как развела нас судьба. В те далекие дни я даже не подозревал, что мы такие разные. Я стал детективом, Гарри Толливер — коммерсантом, Гровс — рабочим, Мардж Алгуард — служащей, Ширли вышла замуж за Чака Квейна, а тот — преуспевающий инженер.

— А Фишер мертв.

— Да, а Фишер мертв. Такова, к сожалению, жизнь. Одни добиваются успеха, другим вообще не везет.— Капитан еще раз сбросил колесо в воду. Всплеск был не больше, чем раньше.

— Вы удовлетворены, капитан?

— Да. Я просто хотел посмотреть, может ли при сильном всплеске вода попасть на перила. Теперь вижу — нет, не может.

— Ну и что это доказывает?

Леопольд молча пожал плечами. Слишком рано давать ответ, хотя и прошло почти четверть века.

Вечером того же дня ему вновь позвонил Гарри Толливер, который был взвинчен еще больше, чем в прошлый раз.

— Слушай, Леопольд,— начал он, даже не поздоровавшись,— некоторые из нас хотели бы с тобой сегодня встретиться и поговорить.

— Где?

— У Чака Квейна. Мы желаем знать, что у тебя на уме.

Леопольд улыбнулся в трубку:

— Хорошо. Я приду. Во сколько?

— После восьми.

В восемь тридцать вечера Леопольд въехал в ворота дома Квейна и был поражен, увидев, что во дворе стоит только один автомобиль. Как выяснилось, многие уже успели разойтись, остались только Квейны, Толливер и Мардж Алгуард. Все они сидели с мрачным выражением лица. Ширли Квейн, все в том же оранжевом платье, принесла ему мартини, который, честно говоря, Леопольду был совершенно не нужен. Он уселся напротив Мардж на неудобный, обитый пурпуровой тканью стул. “Наверное, ныне считается крайне модным,— подумал он,— пить по вечерам мартини”.

— И это все, кто пришел? — спросил он.

— Я просил также зайти Джима Гровса,— пробормотал Толливер,— но он сегодня работает.

Вспомнив о том, что Гровс работает по ночам, Леопольд поинтересовался, что тот делал накануне вечером, хотя, по правде говоря, особой нужды в этом вопросе у него не было. Он был уверен, что знает, кто пытался убить его.

— Ну так что у нас за проблема? — спокойно спросил он.

— Я думаю, ты прекрасно знаешь, что проблема у нас только одна — ты,— ответил Чак Квейн, чувствуя, что не вполне удачно пошутил.— Мардж заявила, что не придет на встречу, поскольку ты задаешь ей дурацкие вопросы.

— Вот как?

— Я же говорил тебе: оставь ее в покое,— вмешался Толливер.

— Я и хотел это сделать, но потом изменил решение.

— Ты действительно думаешь, что Джордж Фишер был убит? — спросила Ширли Квейн, которая только что вернулась из кухни с очередным подносом с коктейлями.

— Да, думаю. И я знаю, что полиция тогда уже что-то подозревала, но оказалась не в состоянии этого доказать.

— А ты сможешь это сделать? — спросил Толливер.

— Не знаю.

— Но намерен продолжать это дурацкое расследование.— Квейн встал со стула и начал расхаживать по комнате, напоминая тигра в клетке, нетерпеливо ожидающего пищи.

— Да, намерен продолжать,— согласился Леопольд.— После этого разговора я поеду в Венецианский парк, чтобы попытаться восстановить события того вечера.

— Ночью? — с удивлением спросила Ширли Квейн.

— Но тогда ведь тоже все произошло ночью,— сказал Леопольд, импровизируя. Слова его вылетали прежде, чем он успевал их осмыслить. Но все шло так, как нужно. Он достаточно прозрачно намекал одному из них: приходи и ты получишь меня.

Если он ошибся, если это все-таки был Джим Гровс, хуже от этих слов не будет. Капитан спокойно допил бокал и двинулся к выходу.

— Подожди минуту! — попросил Гарри Толливер.— Мы так ничего и не решили. Что же будем делать со встречей?

— Меня можете вычеркнуть,— заявила Мардж.— С меня достаточно. Надоели все эти расспросы о прошлом.

— Теперь ты видишь? — взмолился Толливер, обращаясь к Леопольду.— Если ты будешь продолжать, никто не придет.

— Мне очень жаль,— ответил капитан. И ему действительно было очень жаль, но не самой встречи, а Гарри Толливера.

Около часа Леопольд стоял на мосту, опираясь на прохладные каменные перила. Он курил и ждал, когда смерть подойдет к нему и попытается взять с собой.

Он был абсолютно уверен, что его противник сделает еще одну попытку. Но время шло, и уверенность его стала иссякать. Может, этому человеку не удается незаметно уйти от Квейнов? А может быть, произошла ошибка, и убийца все-таки Джим Гровс? Или вообще незнакомый человек?

Второй час ожидания приближался к концу. Леопольд выбил из трубки пепел и собрался уходить. И в этот момент у него по коже пробежали мурашки: футах в двадцати от себя, под деревом, он заметил темную фигуру.

— Эй ты, там, привет,— воскликнул капитан.— Я жду тебя.

Из тени появился Чак Квейн. Бледный лунный свет упал на его лицо.

— Ты знал, что я приду?

— Конечно.

— На этот раз я взял пистолет,— заявил Квейн.

Капитан увидел блеск оружия в лунном свете.

— Это, конечно, лучше, чем кирпич, но вряд ли он тебе понадобится.

— Почему ты так думаешь?

— Да потому, что не ты — убийца. Потому что, убив меня, легче тебе не станет, и тебе так же трудно будет скрывать тайну своей жены. Это ведь Ширли убила Джорджа Фишера, разве не так?

Чак Квейн даже не заметил, как Леопольд дал сигнал Флетчеру выйти из засады. Он как-то внезапно обмяк, как будто душа его отлетела от тела, и спокойно, без всякого сопротивления, отдал пистолет.

— Пошли в машину,— сказал Леопольд.— Там и поговорим.

— Как вы узнали о Ширли? Как?

Когда они подошли к машине, Леопольд дал знак Флетчеру включить магнитофон. Позднее они смогут запротоколировать эти показания Квейна и получить его подпись.

— Я думаю, здесь помогли воспоминания. Воспоминания и размышления. Фишер не смог бы так быстро утонуть в такой мелкой протоке, даже если б был без сознания. Удариться он тоже не мог. На голове у него не было никаких следов. Кроме того, он был в сознании. Ты же сам говорил, что он барахтался в воде. Возникает вопрос: что же еще могло произойти? Ответ может быть только один: кто-то держал его под водой.

Чак Квейн задрожал.

— И это после стольких лет! — пролепетал он.

— Далее: были ли какие-нибудь факты, подтверждающие эту версию,— продолжал Леопольд, не слушая его.— Да, были. У Фишера было вырвано несколько волос. Весь вечер он провел с Мардж Алгуард, но они не ссорились. Конечно, волосы могли вырвать, когда вытаскивали его из воды, но лично я в этом сомневаюсь. Скорее всего убийца держал Фишера за волосы под водой, пока тот не утонул. Кто мог это сделать? Тут я вспомнил, что Ширли Фазен была девчонкой Фишера, хотя тот почти весь выпускной вечер провел с Мардж. Это могло послужить мотивом.

Флетчер заерзал на заднем сиденье машины и закурил сигарету. Ночь была совершенно тихой.

— Когда я попытался мысленно восстановить действия Ширли в тот вечер, то столкнулся со странными вещами. Она плавала вместе с Джимом Гровсом в пруду. Затем он вылез из воды и оделся. Совершенно очевидно, что никто не видел, как Ширли вышла из пруда и как она оказалась в протоке, рядом с Фишером. Кстати, Чак, ты мог это видеть, ведь ты плыл в каноэ следом за Фишером. И потом. Если кто-то держал голову Фишера под водой, пока он не утонул, им мог быть только один из спасателей. Или Ширли Фазен, или Джим Гровс.

— Почему? — только и смог выдавить из себя Чак.

— Потому что убийца должен был промокнуть насквозь, а промокли только они. Ширли единственная была в купальнике. Затем я еще кое-что припомнил из событий того вечера. Когда я стоял на мостике и наблюдал, как вытаскивают Фишера, я обратил внимание на то, что перила моста мокрые. Не влажные, а именно мокрые. Дождя в тот день не было. Светила луна, на небе почти не было облаков. А возня с Фишером не могла вызвать всплесков такой высоты. Перила были мокрыми, потому что убийца забрался на них перед тем, как спрыгнуть на голову ничего не подозревающего Джорджа Фишера, когда тот проплывал под мостом. Но Джим Гровс только что оделся в сухую одежду. Все остальные тоже были в сухой одежде, за исключением Ширли, которая все еще была в купальнике и, видимо, только что пришла с пруда. Только она могла оставить мокрые следы на перилах моста, перед тем как прыгнуть на голову Фишеру.

— На самом деле все было не так,— со стоном произнес Чак Квейн.— Она не собиралась делать ничего плохого. Она увидела, что он на каноэ направляется к лодочной станции, и в темноте бросилась к мостику, села на его перила и болтала ногами, ожидая, когда он подплывет. Когда он появился, они обменялись парой фраз, она спросила о Мардж Алгуард, он что-то ответил, и эти слова привели Ширли в ярость. Кажется, он сказал, что Мардж лучше обнимается. Что-то вроде этого. Ширли только... только спрыгнула на него. Не думаю, что она действительно хотела убить его.

Леопольд печально вздохнул. Этот разговор с Чаком мог состояться еще четверть века назад.

— И ты, Чак, подплывая, видел все это. И хранил ее тайну все эти годы! Только поэтому она вышла за тебя замуж, да? Ты шантажировал ее, вынуждая к замужеству?

Но этот вопрос навсегда остался без ответа. Мысли Чака унеслись в далекое прошлое, к событиям двадцатипятилетней давности.

— Она не рассчитала сил,— произнес он тихо, скорее просто для себя.— Она чувствовала себя в воде, как рыба. Она даже входила в сборную по плаванию. Она не понимала, что в воде Фишер просто беспомощен. Она была очень сильной девчонкой. Да и сейчас сильная.

— Мы должны поговорить с ней,— спокойно сказал Леопольд.

— Что вы намереваетесь делать?

— Не знаю. Пока не знаю.

Капитан прекрасно понимал, что доказать практически ничего нельзя. Кто сможет вспомнить, что делала Ширли в воде в тот вечер? Кто сможет утверждать, учитывая неразбериху действий в темноте, кем она была на самом деле: убийцей или спасателем? У Леопольда имелись только показания Чака Квейна, который так долго хранил ее тайну, что чуть сам не стал убийцей.

Если бы эту историю придумал писатель, он скорее всего завершил бы ее самоубийством Ширли. Но когда Леопольд и Чак поднялись в дом Квейнов, к ним по лестнице спустилась сорокатрехлетняя женщина, измученная, внезапно постаревшая, как будто один взгляд на капитана полиции сказал ей все, что следует знать.

— Кто-то из малышей плакал,— спокойно произнесла она.— Видимо, ему приснился кошмар.

ПОХИЩЕНИЕ ПЯТНИСТОГО ТИГРА

Вечерами,выходя на крыльцо подышать свежим воздухом и наблюдая, как рабочие электронного завода, расположенного на окраине поселка, медленно разбредаются по домам, он мысленно благодарил судьбу за то, что не принадлежит к их числу. После ужина к нему нередко подсаживалась Глория, чтобы посмотреть, как главы семейств играют в мяч со своими отпрысками или прогуливаются в ближайшую лавку на углу за буханкой хлеба или пачкой дешевых сигарет. Это было мирное, вполне устоявшееся соседство, когда никто не проявляет излишнего любопытства и не сует нос куда не следует.

— Никки!

— Да?

Он с улыбкой взглянул на Глорию, присевшую на перила крыльца и болтавшую своими красивыми длинными ногами. Это была бесподобная девчонка, которая, правда, слишком любила поговорить.

— Никки, а что ты делаешь во время своих исчезновений?

— Я ведь тебе уже об этом рассказывал. Я просто разъезжаю в поисках свободных земельных участков для строительства новых заводов. Именно с этой целью меня и нанимают различные компании, вкладывая в это мероприятие уйму денег.

Он медленно потягивал пиво из банки, в душе желая, чтобы она хоть раз дала ему возможность спокойно отдохнуть.

— И когда у тебя намечается очередная поездка, Никки?

— Пока не знаю.

— Как ты думаешь, сможем ли мы когда-нибудь пожениться и всегда жить здесь?

Он сам частенько подумывал о том, чтобы жениться на Глории. Ему даже порой представлялось, как он проводит остаток своей жизни на этой улочке и по вечерам ходит на угол за пивом. Но долго размышлять об этом ему не хотелось.

— Когда-нибудь сможем,— сказал он, и это был ответ на все вопросы.

Чуть позднее, около десяти часов, раздался телефонный звонок. Глория нехотя поднялась и исчезла в доме.

— Это тебя,— раздался ее голос.

Он прошел в дом и взял трубку.

— Это Ник Вельвит? — спросил его незнакомый голос.

— Да.

— Я хотел бы поговорить с вами о деле.

— Когда? Сегодня вечером?

— Да. Если можете, приходите в отель “Форстер”, номер 229.

Ник улыбнулся в трубку:

— Я не веду деловых разговоров в гостиничных номерах, где можно только спать или заниматься любовью.

— Хорошо. Тогда где?

— В сквере напротив гостиницы. Около фонтана.

— В темноте? — неуверенно пробормотал голос.

— Лучше всего я работаю в темноте. В одиннадцать часов. Приходите один.

— Как я вас узнаю?

Ник вновь улыбнулся.

— Я вас сам узнаю,— проговорил он и повесил трубку.

Он всегда их узнавал. Они были на одно лицо.

Глория вернулась с крыльца.

— Кто это, Никки?

— По поводу работы. Вернусь около полуночи.

Направляясь к дверям, он натянул свитер. Ночи здесь порой бывали прохладными.

Ник Вельвит родился в нью-йоркском Грин-вилидже как раз в то время, когда местное итало-американское население успешно отражало нашествие цыган. Ник укоротил свое первоначальное имя, звучавшее как английское растянутое слово “сыр”, и вместе с другими парнями, за плохое поведение исключенными из средней школы, отправился “воевать”.

С годами его работа начала приобретать конкретную форму, и сейчас, приближаясь к сорока, он стал признанным специалистом. Ему звонили, к нему приезжали издалека, потому что в определенных делах он не имел себе равных в мире.

Ник Вельвит был вором. Причем особого сорта.

Он никогда не крал денег, никогда не крал для себя. Вернее сказать, он крал по заказу, забирая вещи, которые для других воров были слишком большими, необычными и порой даже очень опасными. Он крал из музеев, из правительственных учреждений и у промышленных корпораций. Он умудрился похитить статую римского бога Меркурия прямо с фронтона здания почты и витражное стекло из музея средневекового искусства. Однажды он даже выкрал целую бейсбольную команду, включая менеджера, тренеров и весь их спортивный инвентарь.

Нельзя сказать, что он любил свою работу или заранее стремился сделать ее постоянным своим занятием. Но когда это произошло, он не особенно печалился.

Гонорары были солидными. Работал от только раза четыре-пять в году, не более недели каждый раз. Он повидал мир и познакомился с некоторыми исключительно интересными людьми.

Однако Гарри Смит, который стоял в тени около фонтана, как гангстер времен сухого закона, ожидающий лодку с контрабандным грузом из Канады, не принадлежал к их числу.

Нику не понравился не только его внешний вид, но и то, как он представился Смитом. Имя Нику тоже не понравилось.

— Вельвит, мне порекомендовал вас один человек из Чикаго,— произнес Смит, отбарабанивая слова, как электрическая пишущая машинка.

— Что ж, может быть.

— Мы будем разговаривать здесь? Может, поговорим у меня в номере?

Ник Вельвит улыбнулся:

— Там слишком легко установить подслушивающие устройства. Мне бы не хотелось, чтобы мои деловые разговоры были записаны на пленку.

Гарри Смит пожал плечами:

— В наши дни, черт побери, вас могут подслушать где угодно. Может быть, это делают уже сейчас.

— Вот почему мы будем стоять у фонтана. Шум воды хорошо заглушает разговор. Переходите к делу.

Гарри Смит вышел из тени деревьев в круг света, отбрасываемый фонарем над их головами. Это был грузный мужчина с рябым лицом, напоминающий небольшую гориллу.

— Мы хотим, чтобы вы выкрали одну вещь,— произнес он.

— Я так и предполагал. Мои услуги стоят дорого.

— Сколько?

— Не менее двадцати тысяч. Конкретно зависит от характера дела.

Гарри Смит шагнул опять в тень:

— Мы хотим, чтобы вы для нас выкрали тигра из зоопарка.

Ник уже давно научился не выказывать удивления. Он просто кивнул и сказал:

— Расскажите о деле подробнее.

— Зоопарк расположен в городе, в Глен-парке. Нас интересует так называемый “пятнистый тигр” из Юго-Восточной Азии. Считается, что это очень редкое животное.

— Так уж и редкое?

Человек пожал плечами, и Нику почему-то вновь на ум пришла горилла.

— Один принц со Среднего Востока готов хорошо заплатить за этого тигра. Мы со своей стороны согласны уплатить вам двадцать тысяч.

— За животных — тридцать,— сказал ему Ник.— Это более опасное предприятие.

— Мне необходимо посоветоваться.

— Ради бога. Вы знаете, где меня найти.

— Подождите! — Гарри Смит схватил Ника за плечо.— Мы должны провернуть это дело в понедельник утром. Прямо сейчас необходимо все решить.

— Сперва я должен побывать в зоопарке.

— У вас будет почти три дня: суббота, воскресенье, понедельник.

— Тридцать тысяч!

Смит еще какое-то мгновение был в нерешительности.

— Хорошо. Пять плачу вперед.

Они ударили по рукам, и Ник отправился назад к Глории, чтобы упаковать вещи в дорогу. Облака на ночном небе постепенно разошлись, и над головой появились звезды.

Их было трое — Гарри Смит, Кормик, высокий стройный англичанин, и высокая стройная блондинка, отзывавшаяся на имя Джинни. Чувствовалось, что девушка — подруга Кормика, который (и это не вызывало сомнений) был мозговым центром операции. Ровным монотонным голосом, которым обычно говорят со слугами, он отдавал приказания Гарри Смиту.

— Мне необходимо осмотреть место,— сказал Ник.

Кормик пожал плечами:

— Осматривайте, что хотите.

— Почему это должно произойти в понедельник утром?

— Вам платят не за то, чтобы вы задавали вопросы, мистер Вельвит.

Они сидели в фургончике-прицепе позади нового черного автомобиля с откидным верхом. Автомобиль и прицеп, так же как и девушка, принадлежали Кормику.

— Расскажите мне что-нибудь об этом тигре,— попросил Ник, потягивая из стакана шотландское виски.

Кормик, похоже, смог бы даже в колледже читать лекции по зоологии.

— Обыкновенные тигры довольно часто содержатся в зоопарках, но есть очень редкие виды, к числу которых относятся уссурийские тигры с тяжелым толстым мехом, тигры-альбиносы и китайские серо-голубые тигры. Но самым редким, долго считавшимся легендарным, является так называемый "пятнистый тигр" — необычный пестрый зверь. Известный нам экземпляр был пойман несколько лет назад у китайско-индийской границы и подарен зоопарку, расположенному в Глен-парке. Возможно, это единственный экземпляр, который содержится в неволе, и поэтому наш принц готов за него хорошо заплатить.

— Мне потребуется некоторое снаряжение.

Англичанин кивнул:

— У нас есть маленький крытый грузовичок. Джинни будет за рулем. Она неплохо водит машину. Необходимо выкрасть тигра из клетки и на этом грузовичке вывезти его из зоопарка.

Ник закурил сигарету:

— Зоопарк охраняется?

Кормик кивнул:

— У них целый штат охранников, которые главным образом следят за тем, чтобы подростки не подходили слишком близко к клеткам. Известно, что в прошлые годы дети часто беспокоили животных.

— Дожили! Защита животных от людей! — хмыкнул Ник и расслабился. Его охватило чувство приближающегося успеха, хотя он никогда не поддавался своим ощущениям, даже тогда, когда предстоявшие дела казались слишком легкими.

— Будет лучше,— сказал он вдруг, как будто только что подумал об этом,— если утром со мной пойдет Джинни. В такое время одинокий мужчина в зоопарке может показаться подозрительным.

После секундного колебания Кормик одобрительно махнул рукой:

— Как хотите. Возможно, это хорошая мысль, ведь в понедельник она будет с вами.

— А где будете вы вдвоем? — спросил Ник.

— Будем ожидать вас здесь, в фургончике. У нас заказан самолет, который сперва перевезет тигра в Канаду, а затем на Средний Восток.

— У вас могут возникнуть трудности при перевозке тигра через границу,— сказал Ник.— Как вы думаете их преодолевать?

Кормик улыбнулся:

— Разве я спрашиваю у вас, как вы будете красть тигра из клетки.

Ник прикурил вторую сигарету:

— Очень рад, что не спрашиваете. В данный момент я даже представить себе этого не могу.

Субботнее утро было прохладным. Высокие белые облака скользили по небу, то и дело закрывая солнце. Ник помог Джинни выйти из машины, и они обошли лужу, оставшуюся после утренней поливки. Был прекрасный день для прогулки в зоопарке. Автостоянка начинала постепенно заполняться машинами, хотя было еще довольно рано.

Ник опустил два пятидесятицентовика в щель турникета, и они вошли в зоопарк.

— Я еще помню то время, когда вход в городские зоопарки был бесплатным,— прокомментировал он.

— В маленьких городках и сейчас не платят. Правда, там они не платят и за охрану.— Она двинулась по направлению к одетому в униформу мужчине, который стоял у вольера с белыми медведями. Сбоку у него болталась кобура с револьвером, а на груди красовалась квадратная серебристая бляха местной службы безопасности.

— Им что, разрешается носить оружие?

— Не знаю. Скорее всего, он незаряженный.— Джинни пожала плечами.

— Будем считать, что он все-таки заряженный. Ну и где этот пятнистый тигр?

— По дорожке прямо. Давай на всякий случай зайдем в обезьянник. Вдруг охранники за нами наблюдают.

Она оказалась проворной и сообразительной девчонкой. Нику нравилось быть с ней. Даже в зоопарке. Даже в обезьяннике.

Они медленно приближались к клеткам с кошачьими. Ник внимательно присматривался к жизни зоопарка. Грузовик с мусором. Выезжает через служебные ворота. Служитель. Поливает из шланга бетонную дорожку около тюленей. Старый торговец. Наполняет шарики из баллона с газом. Что-то сзади, около главных ворот, привлекло внимание Ника, и он спросил:

— А откуда здесь бронированная машина?

Джинни через плечо бросила на него взгляд.

— Это машина из банка. Забирает вчерашний улов полтинников.

— Полтинники — это деньги.

— Забудь о них. Самое лучшее, и они тогда бывают ужасно довольны, если за выходные набирается две-три тысячи долларов. Мы же находимся здесь ради более выгодного дела.

Наконец они оказались перед клеткой, которую искали.

— Да, он большой. Все правильно.

Пятнистый тигр оказался массивным зверем с забавной мордой. Такого пестрого меха Ник никогда еще не видел. Животное пружинистыми шагами кружило по клетке. Казалось, оно подчеркивало свое превосходство и надо львом и над обычным тигром, находящимися в соседних клетках. Н-да. Не хотелось бы повстречать такого зверя темной ночью где-нибудь у китайско-индийской границы. От встречи с ним становилось не по себе даже в солнечный день в зоопарке.

— А он мне нравится.— Джинни пожала плечами.— Такое ощущение, что он готов вот-вот на тебя броситься, даже несмотря на эти прутья.

— Может быть, он еще и бросится. Моя задача — как-то извлечь его оттуда.

— Кормик просто сумасшедший! Кто-нибудь слышал о краже тигра из зоопарка!

Ник улыбнулся.

— Я выкрадывал и более странные вещи. Однажды, например, я украл десять тонн разменных аппаратов.— Говоря это, Ник продолжал внимательно присматриваться к обстановке. Во всех клетках с обеих сторон имелись соединяющиеся дверцы, которые у пятнистого тигра были наглухо закрыты. Дверь в задней стене вела в логово зверя. Единственным выходом была небольшая дверца спереди, предназначавшаяся для подачи тигру корма и чистки клетки. Ник изучил цепь висящего на дверце замка и решил, что она для него не будет представлять проблемы.

— Достаточно насмотрелся, Ник?

— Пожалуй, да.

Они побрели дальше — мимо верблюдов, какое-то время постояли у лохматого длинношерстного старого бизона, который, казалось, понимал, что он один из немногих своих уцелевших сородичей. Ник пришел в уныние и был рад вновь оказаться в машине.

Когда они вернулись в фургончик, Кормик разливал выпивку. Он улыбнулся и протянул стакан Нику.

— А я уж было думал, что вы привезете тигра с собой.

— Насколько я помню, вы хотели получить его в понедельник.

Гарри Смит поудобнее устроился на стуле:

— Правильно. В понедельник утром. Без четверти девять.

— Почему такая точность?

Англичанин медленно потягивал виски.

— В это время нас будет ждать самолет. Так вы сможете выкрасть тигра?

— Ночью это было бы проще,— заметил Ник.

— Только не при такой охране. Вы не смогли бы выехать через главные ворота. Днем, по крайней мере, можно подойти к клетке, не привлекая внимания.

Ник прислонился к стене, не отводя взгляда от длинных ног Джинни, когда она устраивалась на сиденье.

— Иногда даже неплохо привлечь внимание. А теперь расскажите мне, что вы собираетесь делать после того, как я выкраду этого тигра.

— Джинни поведет грузовичок-пикап,— сказал Кормик.— Она будет следовать вашим указаниям до тех пор, пока вы не выберетесь из зоопарка. Затем она привезет вас сюда. Мы выплатим вам остальную сумму и заберем грузовик. Доставить животное на самолете в Канаду — это уже наша забота.

— А грузовичок выдержит тигра?

— У него толстые стены с отверстиями. Выдержит.

Ник Вельвит кивнул и сказал:

— Мне нужно кое-что приготовить.

Он позаимствовал машину Джинни и направился в город, в магазин различных мелочей, который в субботу вечером, к счастью, был еще открыт. Здесь он купил пистолет, стрелявший усыпляющими пулями. Так, на всякий случай. Вдруг тигру не понравится, что его похищают.

Вечером в воскресенье Ник вместе с Джинни вновь отправился в зоопарк, чтобы изучить униформу служителей. Между прочим, ему хотелось также присмотреться и к Джинни.

— Как ты познакомилась с Кормиком? — спросил он, когда они проходили мимо террариума.

— Ну, как это всегда происходит? Я была танцовщицей в небольшой шоу-оперетте, неподалеку от Бродвея. Мечтала когда-нибудь создать собственную труппу. Он сказал, что мог бы мне помочь и вложить немного денег.

— И он выполнил свое обещание?

— Он сказал, что сделает это только после завершения данного дела. А потом, конечно, будет еще какое-нибудь дело. Потом еще... Но вообще-то он парень неплохой. Он держит Гарри на своем месте.

— И давно вы втроем?

— Около года. Одно время с нами была еще девчонка Гарри, но она быстро вышла из игры. Гарри частенько лупил ее, а ей это не нравилось.

— А как Кормик узнал обо мне?

Она повернулась к нему, улыбаясь.

— В определенных кругах, Ник Вельвит, ты знаменит. Но я никогда не думала, что ты такой красавчик.

Ник красотой не отличался и знал об этом. Он перестал смотреть на ее ноги и насторожился.

— Давай пойдем назад,— предложил он.

По пути к выходу он остановился перед стойкой продавца воздушных шаров и купил два шара — синий и красный. Синий он отдал Джинни, а красный выпустил и, наблюдая за его полетом, смотрел, как он поднимается и летит на слабом ветерке. Он довольно долго следил за шаром. Наконец они ушли.

В понедельник на рассвете шел дождь. И Ник проклял все на свете, считая, что удачи не видать. Он уже хотел было предложить перенести дело на другое время, как к восьми небо начало светлеть, и дождь превратился в вялую изморось.

Все собрались в фургончике на заключительное совещание. Кормик пожал ему руку:

— Удачи тебе, Ник. Остальные деньги будут ждать тебя.

— Не могли бы вы сказать, где будете?

— Джинни знает. Мы увидимся сегодня вечером.

Ник быстро оделся в костюм, похожий на форму служителя зоопарка. Затем проследовал за Джинни в машину и сидел там, пока она парковалась около торгового центра на окраине городка. После этого они направились к грузовичку.

— Все в порядке, босс,— сказала Джинни, появляясь из-за грузовичка.— Какие будут приказания?

— Служебные ворота будут открыты. Мы въедем через них, а затем я оставлю тебя одну. Оттуда тебе будет видна клетка с тигром. Как только я подойду к ней, ты немедленно подъедешь, развернешься и задом подгонишь грузовичок к загородке вокруг клетки.

— А что в это время будут делать охранники?

Он ей объяснил.

— Ты — отличный парень, Ник Вельвит. Ты уверен, это сработает?

— Если нет, значит, я окажусь в брюхе у пятнистого тигра.

— А может, нам стоит купить еще один шарик, чтобы быть уверенными наверняка?

Он поднял глаза на небо и присмотрелся к движению пушистых белых облаков.

— Пожалуй, в этом нет необходимости. Направление ветра примерно такое же, что и вчера.

Проверив содержимое своих карманов, он убедился, что все на месте. Он был готов.

Когда Джинни на грузовичке медленно въехала через служебные ворота, охранник зоопарка с удивлением повернулся и двинулся в их сторону. Ник выскочил из машины и поспешил вперед.

— Вы что, работаете здесь? — окликнул охранник.

— Да. Чищу клетку тигра.

— А? — Охранник с озадаченным видом продолжал идти к нему.

— Кто-то ночью бросил туда бутылку, а она разбилась.

Ник надеялся, что настоящий служитель еще не обнаружил стекла и не убрал его. Ему пришлось метнуть бутылку из-за ограды с расстояния пятидесяти футов, но его бросок, как всегда, был точен. Бутылка упала там, где нужно, как раз в углу клетки пятнистого тигра, и разбилась вдребезги.

Охранник повернулся, уставился на разбитое стекло и на расхаживающего по клетке тигра.

— Кто этот проклятый идиот? Я должен написать рапорт.

— Ночной дежурный уже сообщил об этом.

— Да? Хорошо.— Охранник уже поворачивался, собираясь уйти, и Ник перепрыгнул через внешнюю загородку перед клеткой. Вдруг, видимо, эта мысль только что пришла ему в голову, охранник спросил:

— А где ваше удостоверение? Я что-то вас не пом...

— Подождите, пока я закончу с этим,— ответил ему Ник.— Видите, руки у меня сейчас заняты.— Он прикрыл корпусом висящий замок и одним движением мощных кусачек перекусил цепь.

— Что?..

Дверца клетки начала открываться.

— Не двигайтесь. Не нужно лишних неприятностей.

— Эй, умник! Ты собираешься чистить клетку этими кусачками? Какого черта тебе здесь нужно?

Ник быстро поднял тяжелые кусачки и стукнул охранника по голове. Тот закатил глаза и стал медленно оседать на землю. В это время другой рукой Ник что-то вытащил из кармана.

Подоспел грузовичок, и Джинни поставила его в нужное положение. Кто-то закричал, и Ник увидел бегущего к ним служителя. Охранник, стоявший вдали, у ворот, тоже повернулся и пошел в их направлении.

Ник на мгновение застыл, чтобы уточнить направление ветра, а затем метнул в приближающиеся фигуры две дымовые шашки.

— Ник!

— Поторопись! У нас только одна минута.— Он вытащил из грузовичка доску и положил ее поперек перил к дверце клетки. Затем он просунул дымовую шашку в клетку и открыл дверцу машины как можно шире.

Испугавшийся тигр сперва повернул к своему логову, затем передумал и бросился прочь из клетки по доске в ожидающий его грузовичок.

— Готово! — крикнул Ник, резко выдернул доску и с шумом захлопнул заднюю дверь машины.— Давай выбираться!

Один из охранников прорвался через дымовую завесу и не успел еще схватиться за кобуру, как раздался выстрел.

— Это бегут от главных ворот,— сказал Ник, вскакивая на сиденье рядом с девушкой.— Что там происходит?

Джинни не произнесла ни слова. Она со всей силы нажала на акселератор, и грузовичок рванул вперед, к служебным воротам, которые все еще были открыты. Охранник не целясь выстрелил им вслед, но они уже были далеко.

— В этой машине долго оставаться нельзя. Это небезопасно.

Ник бросил взгляд в боковое окошко, когда они пролетали мимо главного входа в зоопарк. Там стояла бронированная машина с открытыми дверцами. Около нее на мостовой лежали два тела в униформе.

— Что ты скажешь об этом? — зарычал Ник.

— О чем?

— Черт побери, ты прекрасно знаешь о чем! Твои друзья обвели меня вокруг пальца!

Джинни мастерски крутила баранку. Она свернула в сторону на пыльную ухабистую дорогу. Тигр сразу же начал рычать.

— Перестань ныть,— бросила она Нику.— Свои деньги ты получишь.

— Кормику вовсе не нужен был тигр! Вам было безразлично, выкраду я его или нет. Все это задумано для отвлечения внимания охранников на то время, пока Кормик и Смит разбивают банковский броневичок.

— Я даже не думала, что будет какая-нибудь стрельба,— сказала Джинни, не сводя глаз с дороги.

— Если бы я попался, ты бы меня просто бросила. И все это сделано ради каких-то нескольких тысяч в полтинниках?

Джинни презрительно фыркнула:

— Пошевели мозгами, Ник. По утрам в понедельник эта банковская машина объезжает всех клиентов и собирает выручку за выходные. Если повезет, можно заграбастать до миллиона долларов.

— Кормик и Смит ждали в зоопарке, набросились на инкассаторов и забрали у них ключи. В зоопарк вошли оба инкассатора?

— Они всегда так делают,— ответила девушка.— Они были уверены, что эта стоянка такая же безопасная, как и у церкви. Все, что следовало нам сделать, это сбить с толку охранников зоопарка. Вот почему ты здесь.

— А также сделать из меня хорошего козла отпущения.

— Мне очень жаль, Ник.

Тигр позади них вновь зарычал.

— Бьюсь об заклад, что нет! Ты ведь пошла со мной только для того, чтобы я не нарушил вашего графика.

— Конечно. Потом я брошу этот грузовичок и этого проклятого тигра, а сама пересяду в свою машину. Извини, Ник, ты не на экскурсии.

Ник быстрым движением выключил зажигание. Грузовичок фыркнул и, останавливаясь, по инерции покатил по пыльной дороге.

— Говори,— приказал он.

Джинни рывком открыла боковую дверь и побежала, едва касаясь земли. Он выпрыгнул вслед за ней. Она быстро повернулась к нему, вынимая руку из сумочки.

— Я в состоянии позаботиться сама о себе, Ник,— сказала она, наставляя прямо ему в живот маленький пистолет.

— Идиотка! — Его рука так же быстро выхватила из бокового кармана пистолет. Он упал на колено и нажал на курок, выпустив усыпляющий заряд в запястье ее руки за секунду до того, как она выстрелила.

Ник бросил ее спящей посреди поля и повел грузовичок к торговому центру, где Джинни оставила свою машину. Весть об ограблении уже передавалась по радио, и он слушал это сообщение с выражением полного безразличия.

— Сегодня утром при налете у зоопарка были убиты два инкассатора. Двое вооруженных мужчин в масках захватили банковскую машину и похитили около семисот тысяч долларов. Охрана зоопарка была сбита с толку похищением тигра прямо из клетки. Кражу осуществили неизвестные мужчина и девушка. Утраченный зверь редкой породы крайне опасен.

Въезжая в торговый центр, Ник выключил радио, затем передумал и включил громкую музыку. Тигр снова начал рычать. Нику вдруг захотелось узнать, мог ли действительно существовать принц, готовый выложить за этого тигра большие деньги.

Он нашел в бардачке машины Джинни дорожную карту и стал внимательно изучать ее. На ней карандашом были нарисованы четыре круга. Он нахмурился и погрузился в раздумье. Кормик и Смит не могли быть около зоопарка, в аэропорту или на том месте, где он в последний раз их видел. Таким образом, их можно было разыскать только в одном месте. Ник решил проверить это.

— Эй, мистер, скажите,— окликнул его кто-то, когда он возвращался обратно к грузовичку,— у вас там какое-то животное?

Ник улыбнулся:

— Да. Моя собака. Здоровенная псина.

— Судя по рычанию, похоже на то.

Ник продолжал улыбаться, пока выруливал на шоссе. Он надеялся, что ему больше не придется пускать в ход свои усыпляющие пули.

Он поехал на прежнюю стоянку грузовичка, но Кормика и Смита там не было. Ник припарковал грузовичок среди деревьев неподалеку и стал ждать. Уже почти стемнело, когда Кормик и Смит появились на окраине лагеря. Ник улыбнулся.

Когда совсем стемнело, он медленно подъехал на грузовичке, встал задом к фургончику и вышел из машины.

— Черт возьми, что там за шум? — раздался из фургончика голос Гарри Смита.

Дверь фургончика распахнулась. Появился Кормик с пистолетом в руке.

— Кто здесь? Это ты, Джинни?

— Только тигр. Как договорились, Кормик.

— Вельвит!

— Да, Вельвит. Голодный и уставший, но совершенно в нормальном расположении духа.

Ник открыл заднюю дверь грузовичка.

Тигр прыгнул в сторону освещенного фургончика и сбил Кормика с ног. Гарри Смит, стоявший позади своего напарника, завопил от ужаса. Чуть позже Ник всадил в тигра усыпляющую пулю и выгреб всю добычу налетчиков. Спокойно протиснулся через начинающую собираться толпу потрясенных зевак и смылся до того, как на дороге показалась первая полицейская машина.

Ник Вельвит задержался в лавочке на углу, чтобы купить упаковку из шести банок холодного пива. Он медленно шел, наслаждаясь теплым вечером, пока не показался его дом и он не увидел Глорию, сидевшую на крыльце.

Ник улыбнулся и ускорил шаг.

— Привет, Никки,— проговорила она.— Останешься дома?

— Да, на некоторое время,— ответил он и открыл банку пива.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭДГАР УОЛЛЕС

Когда "вдовушка" в руках маньяка
4

ЭДГАР БОКС

Смерть идет по пятам
158

ЭЛЛЕРИ КУИН

Кто умер последним
342

Кукла дофина
348

ДЖЕК РИТЧИ

Зыбкое доказательство
382

Памятка грубиянам
388

ЭДВАРД ХОХ

Встреча
405

Похищение пятнистого тигра
431

Литературно-художественное издание

КОГДА "ВДОВУШКА" В РУКАХ МАНЬЯКА

Зарубежные детективы

Художник и художественный редактор *В. А. Губарев*
Технический редактор *С. Л. Сармант*
Корректор *В. А. Скоробогатая*

Подп. в печ. с оригинала-макета 14.10.92. Формат 84x108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура тип Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,73. Уч.-изд. л. 23,52. Тираж 200 000 экз. Зак. 1476.
Ордена Дружбы народов издательство "Беларусь" Министерства информации Республики Беларусь. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.

Отпечатано в типографии издательства «Белорусский Дом печати». 220041, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

КОГДА „ВДОВУШКА" В РУКАХ МАНЬЯКА

СЕРИЯ
«ВЕРСИЯ»
ДЕТЕКТИВОВ

ТАБАК
ТАБАК

pastvu.com/87481 uploaded by kukuruza

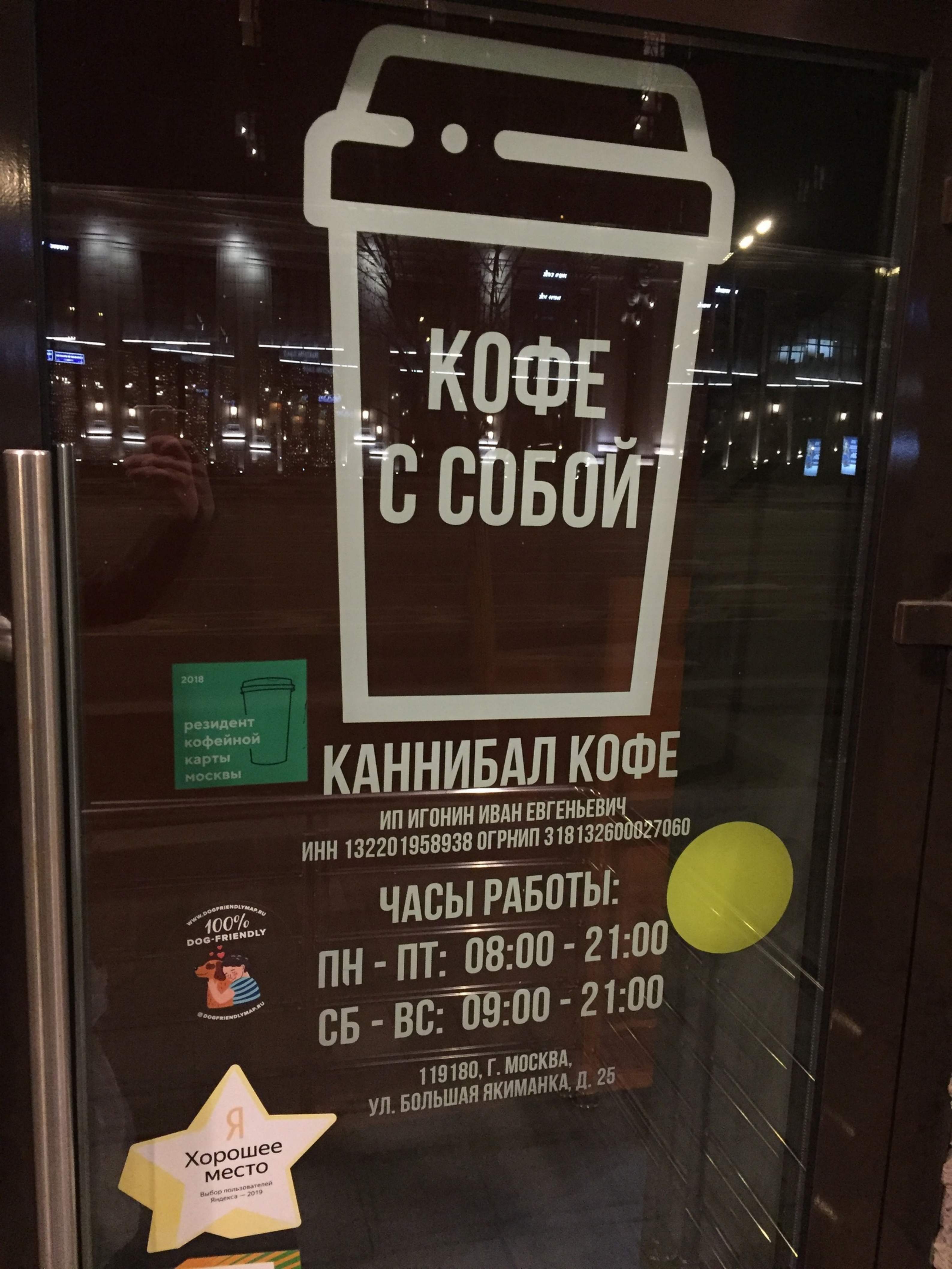
В НЕТРЕЗВОМ СОСТОЯНИИ

THE BLACK TAPE PROJECT 4K / 2020 Swimwear Collections / Miami Swim Week / Art Hearts…

0:02 / 0:21

THE BLACK
TAPE PROJECT

THE BLACK TAPE PROJECT



КОФЕ
С СОБОЙ

2018
резидент
кофейной
карты
москвы

КАННИБАЛ КОФЕ

ИП ИГОНИН ИВАН ЕВГЕНЬЕВИЧ
ИНН 132201958938 ОГРНИП 318132600027060

ЧАСЫ РАБОТЫ:

ПН - ПТ: 08:00 - 21:00
СБ - ВС: 09:00 - 21:00

119180, Г. МОСКВА,
УЛ. БОЛЬШАЯ ЯКИМАНКА, Д. 25

WWW.DOGFRIENDLYMAP.RU
100%
DOG-FRIENDLY
@DOGFRIENDLYMAP.RU

Я
Хорошее
место
Выбор пользователей
Яндекса — 2019

HUNGRY GIRL
ВИНО И МЯСО
ЧЕСТНЫЕ ЦЕНЫ
ВИНА от 340₽
СТЕЙК на двоих 1 кг 999₽

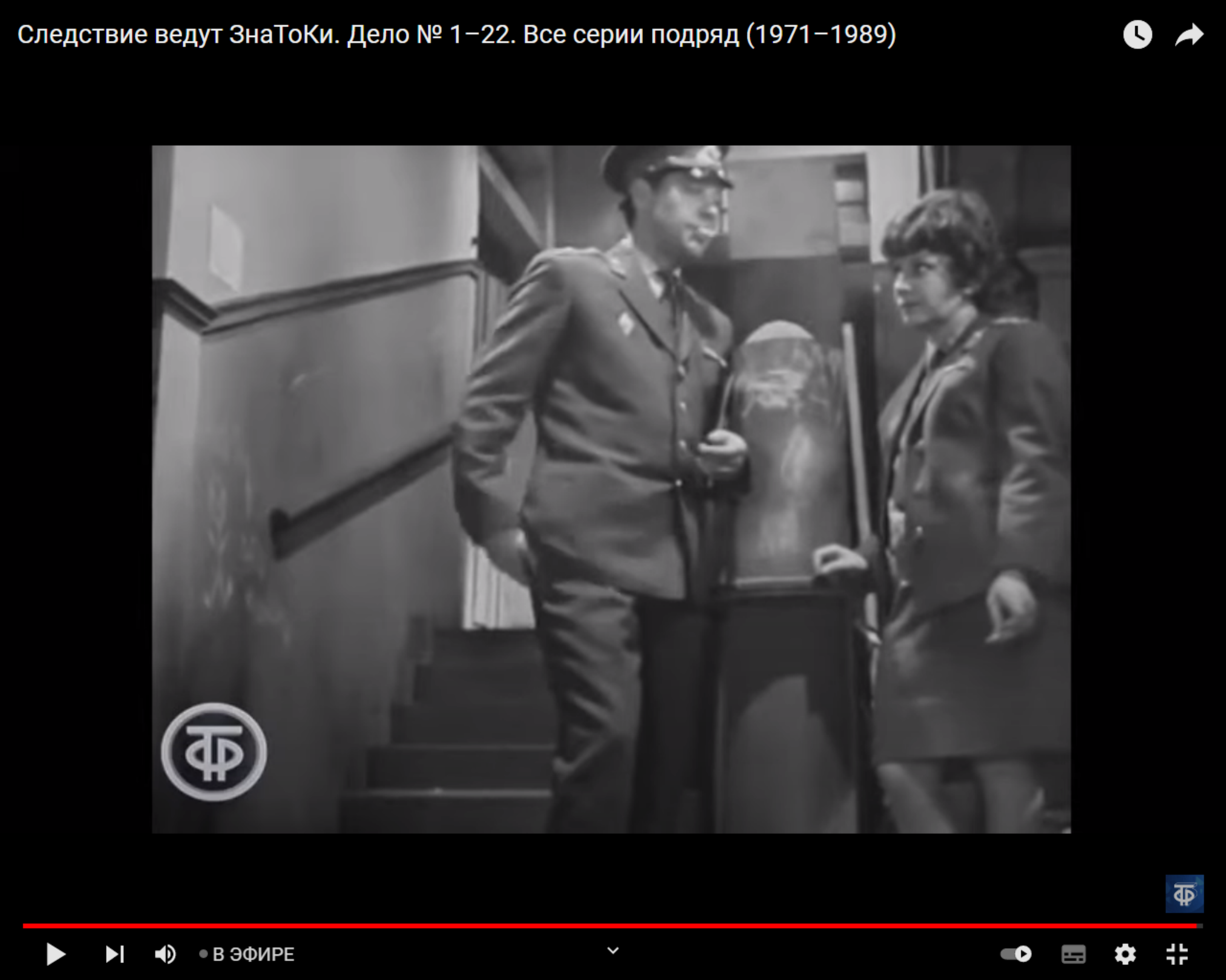
Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

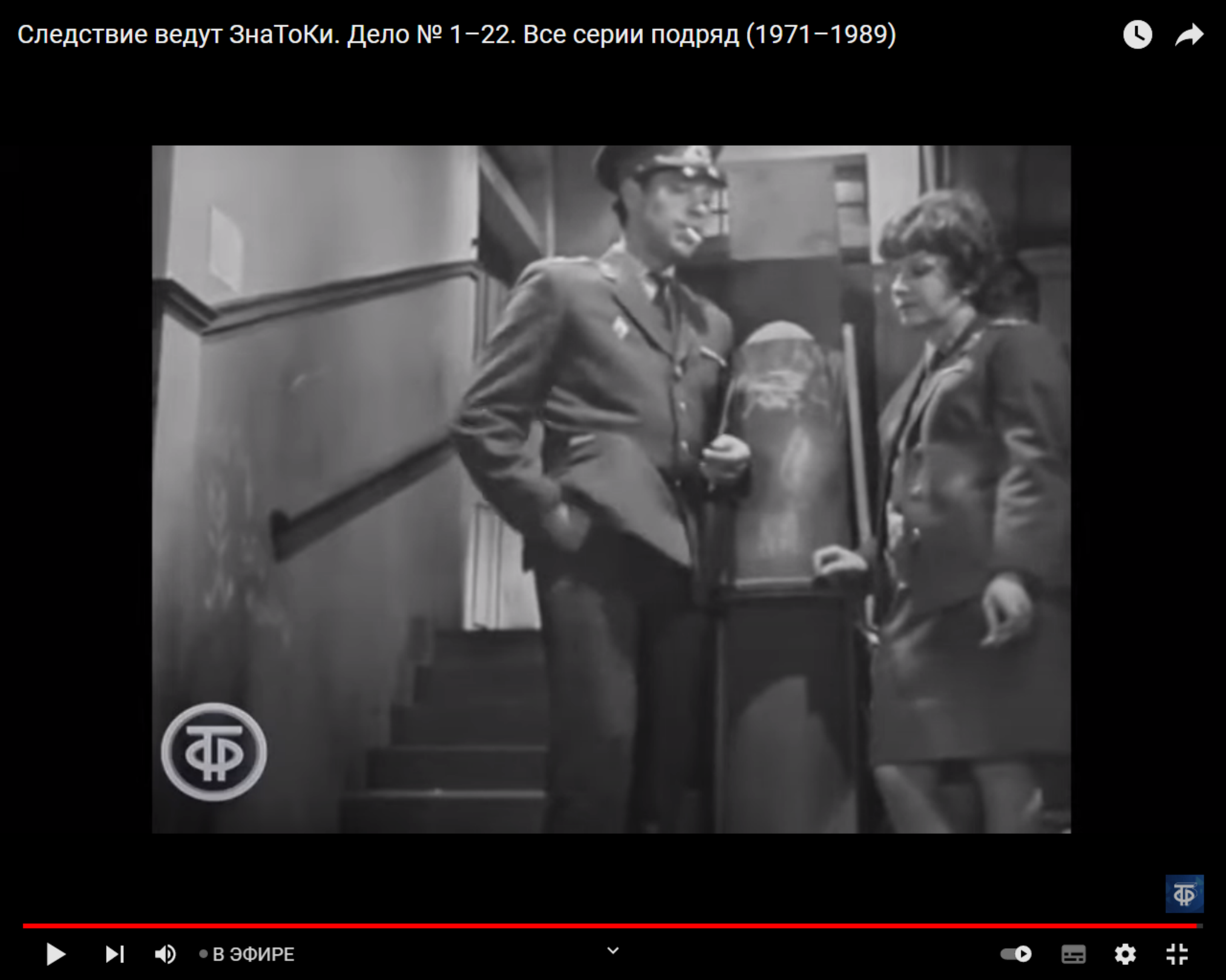
Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

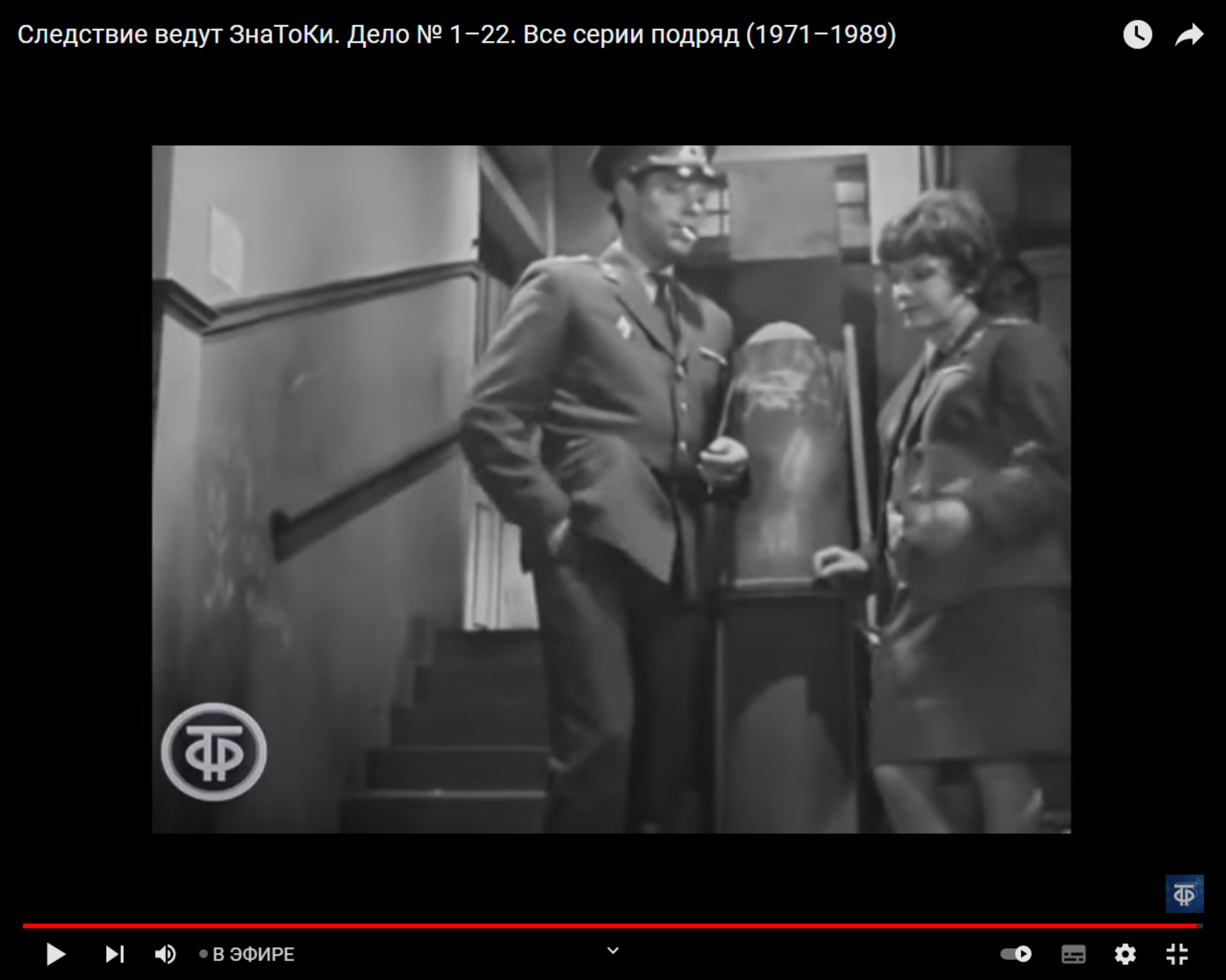


Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)



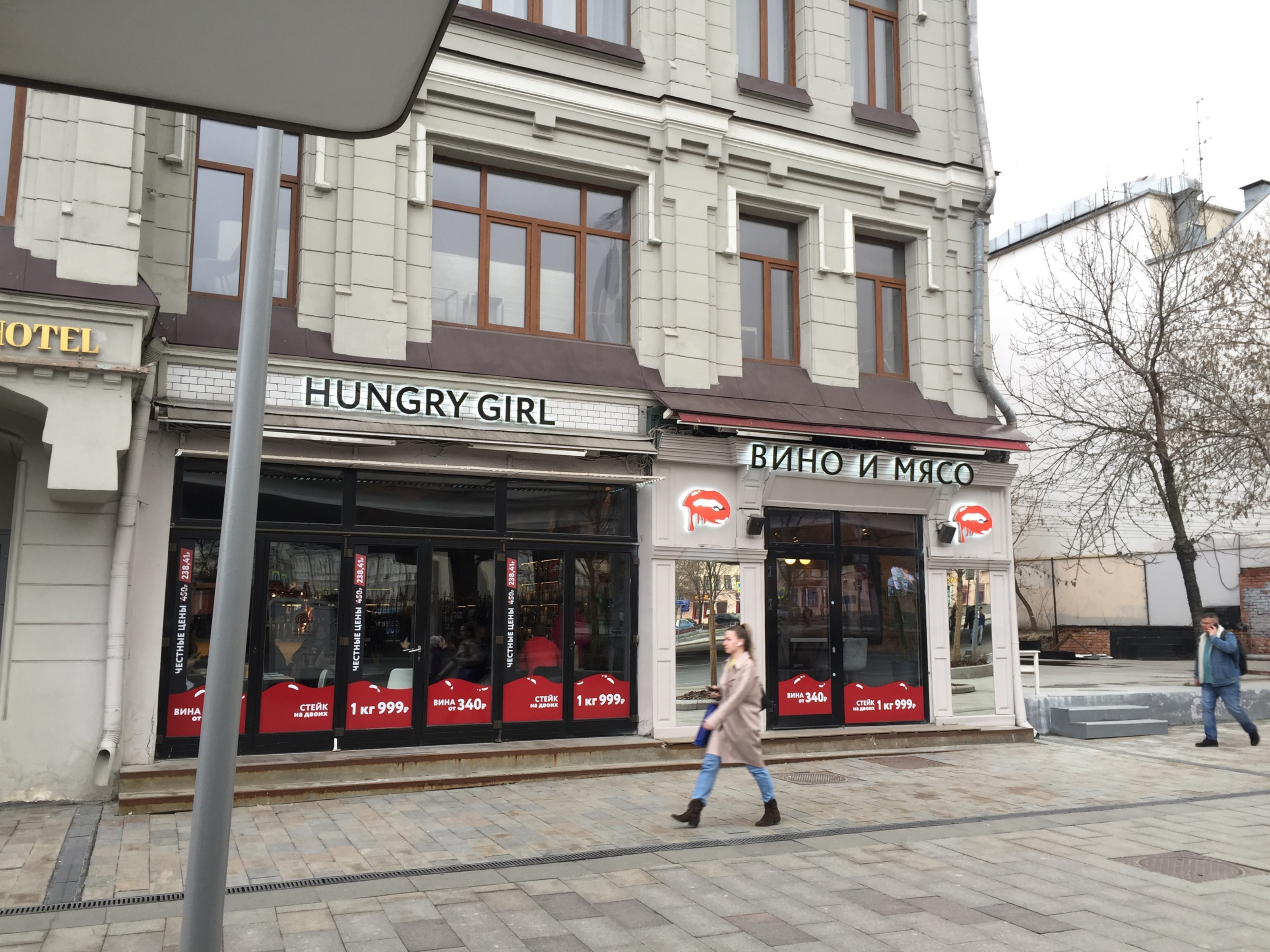
Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)



Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)

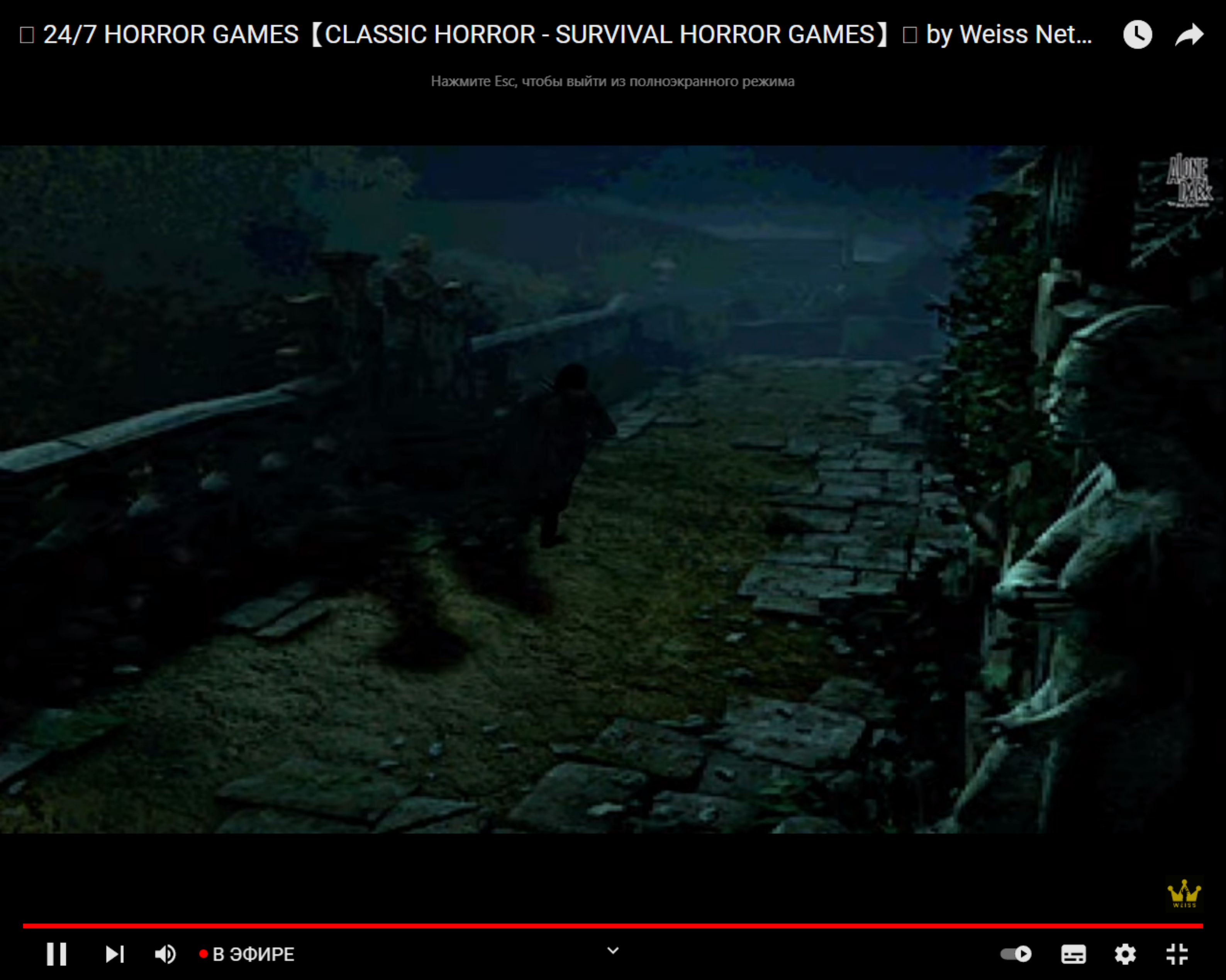
Следствие ведут ЗнаТоКи. Дело № 1–22. Все серии подряд (1971–1989)


OTEL
HUNGRY GIRL
ВИНО И МЯСО
ЧЕСТНЫЕ ЦЕНЫ 450₽ 238,41₽
ВИНА ОТ
СТЕЙК на двоих
1 кг 999₽
ЧЕСТНЫЕ ЦЕНЫ 450₽ 238,41₽
ВИНА от 340₽
ЧЕСТНЫЕ ЦЕНЫ 450₽ 238,41₽
СТЕЙК на двоих
1 кг 999₽
ВИНА от 340₽
СТЕЙК на двоих 1 кг 999₽

КАННИБАЛ КОФЕ
КЛАССИКА
АВТОРСКИЕ
@CANNIBAL.COFFEE

WEISS

WEISS



□ 24/7 HORROR GAMES【CLASSIC HORROR - SURVIVAL HORROR GAMES】□ by Weiss Net…

Нажмите Esc, чтобы выйти из полноэкранного режима

ALONE IN THE DARK
WEISS
В ЭФИРЕ

pastvu.com/94828 uploaded by savalenok

Мосфильм cinema.mosfilm.ru

Мосфильм

Мосфильм cinema.mosfilm.ru

Переходный возраст (1968)
8:06 / 1:29:03

Переходный возраст (1968)

PIC•COLLAGE

ökko
ОНЛАЙН-КИНОТЕАТР
МОСКОВСКИЙ ДОМ КНИГИ
ЧИКАТИЛО
ökko
ОНЛАЙН-КИНОТЕАТР
ЧИКАТИЛО
НЕ БОЙСЯ,
ФИНАЛЬНЫЙ СЕЗОН
С 17 МАРТА
ökko
ОНЛАЙН-КИНОТЕАТР

ВСЕГДА
не верьте
тому что
кажется,
верьте
ТОЛЬКО
доказательствам.

PIC•COLLAGE

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.